ИНСТИТУТ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА

IX–X

1929

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

P.1512

«ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА»

ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

Ответственный редактор *Д. Рязанов.*

В журнале принимают участие следующие товарищи:

Бакалов Г., Байч М., Баммель Г. К., Бергер А. К., Бобровников Н. Н., Ваганян В., Веллер П. Л., Виноградская П. С., Владимиров В. А., Воден А. М., Волгин В., Выгодский С., Глезерман Г., Голосовкер М. Э., Гупперт Г. А., Гуревич Э. Л., Дворин А. А., Деборин А. М., Завитневич И. П., Звавич И., Иоаннисян А. Г., Кабакчиев Х., Каганович Е. А., Карев Н. А., Ковнатор Р. А., Косвен М., Куницкий С. Д., Лифшиц М., Луппол И. К., Лурье Э., Максимовский В. Н., Маркова О. П., Морозова В. М., Нечкин Д. И., Николаевский Б. И., Никсдорф К., Овандер Н. Э., Паскаль П. К., Пелузо Э. П., Познер В., Позняков В. Н., Попов А. И., Попова В. А., Потемкин Ф. М., Рабинович А. Г., Реуэль А. Л., Рор В. Г., Рубин И. И., Рубинштейн Л. В., Румер О. Б., Рязанов Д. Б., Семенов В. Ф., Сенилова С. Л., Слепцова Н. Н., Стеклов Ю. М., Страхова Н. П., Стэн Я. С., Топпер С. М., Топорков А., Удальцов А. Д., Фокс Р., Фридлянд Ц., Цобель, Э. И., Чернышев Б., Шиллер Ф. П., Шмюкле К. К. и др.

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА

(ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА)

IX—X

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1929 * ЛЕНИНГРАД

П, 19. Гиз № 32680/м.
Ленинградский Облполиграфиздат № 44570
15⁸/₄ п. Тираж 3000

Г. БАКАЛОВ

ХРИСТО БОТЕВ и СЕРГЕЙ НЕЧАЕВ

Одна из самых интересных глав истории русского революционного движения — глава о влиянии его на другие народы — еще не написана. Болгарский народ испытал это влияние в огромной степени, — не только теперь, когда оно перед глазами, но и в самом начале освободительного движения на Балканах.

Еще революция третьего сословия в Болгарии питалась идеями русского революционного движения. Эти идеи воспринимались болгарскими революционерами из передовой русской литературы и заграничных изданий. Но идейное сочувствие не раз превращалось в дружеские личные отношения между болгарскими и русскими революционерами.

При изучении истории болгарских революционных движений мне посчастливилось напасть на след Сергея Геннадиевича Нечаева в Румынии, где он встречался с болгарскими эмигрантами и жил в теснейшей дружбе с молодым болгарским революционером Христо Ботевым, сделавшимся крупнейшим поэтом своей страны и предвозвестником коммунизма на Балканах.

Настоящая статья посвящена вопросу о пребывании Нечаева в Румынии, его дружбе с Ботевым и влиянию на подследнего.

I. Христо Ботев в болгарском революционном движении

То было более полустолетия назад, у колыбели болгарского революционного движения. Болгария в то время не представляла самостоятельного государства, а составляла часть Турецкой империи.

Революционное движение в Болгарии было движением «третьего сословия», в которое входил весь болгарский народ, за исключением так называемых «чорбаджиев», т. е. богатеев, состоявших на службе у турецкой власти, поставщиков турецкой армии и султанского двора, крупных купцов, скотоводов, ростовщиков и заправил церквей. Эти предки современной болгарской «патриотической» буржуазии и знать не хотели о каком-то отделении Болгарии от Турецкой империи: им хорошо жилось под сенью султаната. Разбогатевшие купцы из болгар, эти новосформировавшиеся «нотабли», также не очень желали отделения Болгарии от Турции. Что представляла для их торговли маленькая Болгария в сравнении с обширной Турецкой империей, с ее громадными непочатыми рынками? Правда, торговля требовала известного «легального порядка», развития путей сообщения и очищения дорог от бродячих разбойничьих банд. Но этого можно было требовать в рамках всей империи, а для Болгарии считалось достаточным добиться в пределах империи известной внутренней автономии,

при которой вся власть перешла бы в руки «нотаблей», а во главе полуавтономного государства стоял бы турецкий султан в качестве царя болгарского. Таким образом, получился бы своеобразный дуализм, при котором, имея в своих руках власть в маленькой Болгарии, торговая буржуазия не выпускала бы и рынков большой Турецкой империи. Далее требования политического дуализма эта зародышевая болгарская буржуазия не шла.

Иначе обстояло дело в среде низших слоев третьего сословия. Крестьянам, из которых часть работала на земле турецких спахиев (крупных землевладельцев), а другая часть — на своем маленьком клочке земли, обремененном податями и ростовщическими процентами, невмоготу было выносить как нищету свою, так и произвол властей и безнаказанность разбойничьих банд. Положение болгарских крестьян ко времени Крымской войны хорошо изображено в записке Николая Палаузова, представленной князю Горчакову в 1854 году, «О нынешнем положении болгар в Европейской Турции»: «Там, кроме так называемой подати в е р г ы и другой, х а р а ч ь, все отрасли внутренней промышленности обложены тяжкими налогами, которые отдаются с откупа. Можно представить себе, что терпит несчастная райя, которая платит пошлину за овец и коз, за всех домашних животных, за шелковичных червей, за шелк-сырец, десятину с имений, пошлину с винограда, табаку, подать, взимаемую при продаже коня, вола, овец, их шкур, шерсти, с хлеба и всякого рода съестных припасов, с топлива, разных изделий, продуктов и т. п. Все эти подати собираются посредством откупщиков с такою несправедливостью, что это часто заставляет многих хозяев продать своих овец, изрубить тутовые деревья, отказаться от обработки винограда и прекратить всякую производительность».[1] Невыносимая жизнь заставляла крестьян выселяться из своих деревень в города, благодаря чему там усиливались численность и влияние болгар. Многие города превратились из турецких в болгарские и, притом, в центры болгарского просвещения, возрождения и революционного движения. Наиболее активная часть этих крестьян бежала в леса и горы, образуя гайдучьи четы для борьбы с произволом власти, для мщения угнетателям и для защиты обедневшего болгарского населения. Многие, кому это удавалось, бежали за границу и там, мыкая горе, занимаясь чем попало, были всегда настороже, готовые перейти Дунай или сербскую границу, чтобы драться за свободу своего народа.

Но если деревня давала контингент недовольных и бунтовавших, то город вырабатывал идеологию начинавшейся революционной борьбы. Основу городского болгарского населения составляли ремесленники. Старые ремесленники («еснафлии») были разорены или разорялись конкуренцией западно-европейских фабрикатов, ввоз которых в Болгарию был особенно силен после Крымской войны и проведения канала у Железных ворот, сделавшего Дунай доступным для плавания крупных грузовых пароходов.

Ремесленники новой формации («занаятчии»), те, которые приспособляли свое производство к новым потребностям приобщавшегося к европей-

[1] Н. Б а р с о в, Тридцатилетие деятельности Одесского болгарского настоятельства (с 1854 до 1884 г.) и материалы для освобождения Болгарии. Одесса, 1895, стр. 33—34.

ской «культуре и цивилизации» населения, представляли уже самым своим появлением протест против разлагающегося феодального строя Турции.

Ремесленники составляли самую культурную часть болгарского населения. Они находились в непрерывной борьбе против собственных болгарских «чорбаджиев», против турецких властей и против греческого духовенства, являвшегося третьим фактором угнетения болгарского народа. Эта борьба закалила ремесленников и выдвинула из их среды сознательных вождей. Ограничиваясь вначале местными рамками, эта борьба постепенно принимала национальный характер и велась двумя методами: легально, путем создания и развития национальной болгарской церкви, школы, литературы, и нелегально, посредством заговоров и через образование революционной партии.

В легальной борьбе помогало и торговое сословие, и даже старые «чорбаджии» не отказывались от поддержки болгарской церкви, поскольку религия являлась сдерживающей силой. А в революционной борьбе к ремесленному населению городов (к нему надо причислить и мелких купцов, посредников в деле распространения продуктов промышленности) примыкало и разорившееся крестьянство.

Руководящую роль в пробуждении и борьбе как легальной, так и революционной, играла вновь возникшая интеллигенция, преимущественно из учителей. К революционной борьбе примыкали и рабочие. Их еще было мало, за отсутствием крупной промышленности. Оторвавшись от мелкой буржуазии после разорения своего хозяйства, не находя постоянного заработка и переходя с места на место, эти, часто принужденные эмигрировать и заграницей, у «свободных соседей», учиться ценить свободу, рабочие элементы составляли небольшой, но решительный авангард революционного движения, по крайней мере в эмиграции и особенно в Румынии. Из их среды вербовались четы повстанцев, переходившие Дунай и боровшиеся с оружием в руках за свободу.

Этот зародыш «четвертого сословия» в третьем был более восприимчив к самым крайним революционным учениям. Голодные, бездомные, «не милые, не дорогие», как называл их болгарский поэт Иван Вазов, рабочие кричали в дымных корчмах Румынии: «Да здравствует Коммуна!» Отражением дум и чувств этого зародышевого пролетариата явились идеи социализма, бакунизма и коммунизма в рядах болгарских революционеров.

Самым блестящим выразителем этих идей является крупнейший болгарский поэт и один из величайших болгарских революционеров, Христо Ботев. Ботев представляет собою посредствующее звено между революционным движением третьего сословия и современной борьбой болгарского пролетариата. Предтечей коммунизма — вот кем болгарский пролетариат считает Ботева.

Ботев — популярнейшая личность в Болгарии. Положительно можно сказать, что в Болгарии нет человека, который не знал бы, кто такой Ботев. Его стихи известны всем и каждому, — они сделались в полном

смысле слова народными. Даже буржуазия, хотя и со скрежетом зубовным, не смеет от него отказаться, — настолько популярен Ботев как борец за свободу своего народа. Не отказываясь от Ботева, буржуазия пробует, однако, извратить смысл его идей и деятельности, сводя их к чистому национализму. Она прибегает ко всевозможным подделкам, чтобы извратить подлинную фигуру революционера-коммунара, который был на голову выше национального движения и раскрывал перспективы дальнейшей революционной борьбы за освобождение трудящихся масс от экономических пут и тирании буржуазии («чорбаджиев»).

Вокруг Ботева велась и до сих пор ведется ожесточенная борьба: кому принадлежит он, — буржуазии или пролетариату?

Христо Ботев родился 25 декабря (ст. ст.) 1848 г. в г. Калофере, в семье народного учителя Ботя Петкова. Отец учился в России. Он был одним из виднейших просветителей своего времени. Сам городок Калофер был похож на все многочисленные промышленные уголки в Старой Планине (Балканы), с их обостренной классовой борьбой между «чорбаджиями» и беднотой. А на высоких горах вокруг Калофера рыскали народные борцы, «гайдуки», о которых народ слагал свои песни.

Неудивительно, что чуткий Ботев с малолетства стал на сторону тех плебеев, из среды которых он сам происходил. А когда отец послал его мальчиком в 1863 г. в Одессу учиться в гимназии на стипендию одесского болгарского настоятельства, Ботев вскоре нашел дорогу к передовой литературе. В течение трех лет, которые он провел в гимназии, пока его не исключили, он сделался учеником и горячим приверженцем Чернышевского. Позднее, будучи уже взрослым человеком, он много раз рассказывал своим товарищам содержание романа «Что делать?», рекомендуя его как для чтения, так и для перевода.

С тех пор до конца жизни Ботева не прекращалось влияние на него русской революционной мысли. На ней он вырос, страстным борцом за нее он сделался на всю жизнь. Насколько мог из-за границы, живя в качестве эмигранта в Румынии, он помогал русским революционерам, переправляя их литературу, а также их самих через границу, снабжая их паспортами и деля с ними свой черствый кусок хлеба.

Те русские революционеры, которые его знали, были о нем самого лестного мнения. Ботева очень ценили и любили как друга Николай Константинович Судзиловский (он же д-р Н. Руссель), и поныне здравствующий и живущий в Китае; Николай Петрович Зубку-Кодреану, сделавшийся после высылки его из России пионером социализма в Румынии, и Константин Кац, переселившийся в Румынию и под именем Костика Добруджано-Геря ставший известным как основатель румынской социал-демократической партии и виднейший румынский критик. Биографы Ботева рассказывают и о других русских революционерах (иногда они называют их также поляками и малороссами), живших душа в душу с Ботевым, имена которых, однако, не сохранились.

Двое из русских революционеров, находившихся в ближайших отношениях с Ботевым, являются для биографов последнего туманными фи-

гурами. Их настоящие фамилии неизвестны; один из биографов прямо говорит, что Ботев унес эту тайну в могилу. Речь идет, во-первых, о некоем Иване Ивановиче, во-вторых, о некоем Флореско.

Нам кажется, что мы можем раскрыть тайну этих друзей Ботева: она касается одной из крупнейших фигур русского революционного движения, Сергея Геннадиевича Нечаева.

Но прежде всего еще несколько слов о судьбе и значении Ботева.

Христо Ботев жил эмигрантом в Румынии с августа 1867 г. по 16 (28) мая 1876 г. после короткого своего пребывания в Калофере, куда он возвратился из России, пробыв перед тем несколько месяцев учителем в бессарабской деревне Задунаевке. В Румынии он работал среди болгарской эмиграции, сотрудничал в сатирической газете «Тъпан» («Барабан»), в газетах «Свобода» и «Независимость», выходивших под редакцией Любена Каравелова в качестве органов революционной партии, сам редактировал в 1871 г. свою газету «Дума на българските емигранти» («Слово болгарских эмигрантов»), в 1873 г. сатирическую газету «Будилник», а потом, в 1875 г., редактировал газету «Знаме» («Знамя»), орган революционной партии, сменивший каравеловскую «Независимость», после того как Каравелов отошел от революции.

Программа Ботева та же, что и программа других тогдашних социалистов на Балканах — партии Светозара Марковича в Сербии, а именно: 1) восстание народа, т. е. рабочих, ремесленников и крестьян, для освобождения от турецкого абсолютизма; 2) устройство новой жизни на основании общинных народных традиций, своего рода прыжок из царства первобытной «задруги» (мира) и артели в общество развитого коммунизма; 3) федерация всех балканских народов.

То, что характеризовало Ботева, отличая его от других видных болгарских революционеров (за исключением, до некоторой степени, Василия Левского), это — народническая вера в прыжок через капиталистическую стадию общественного развития.

Интеллигенции — конечно, передовой — Ботев уделял роль инициатора. Народ сам все сделает, надо только к нему подойти, бросить огонь в эту бочку пороха, поднять бунт, а дальше он уже справится сам благодаря своим врожденным коммунистическим инстинктам. Народ введет повсюду «свободные общины без централизации» и начнет развиваться в коммунистическом направлении.

Из последователя русской передовой мысли 60-х годов Ботев, развиваясь вместе с русской революционной молодежью, делается революционным народником, бакунистом.

Есть данные, показывающие, что в своем дальнейшем развитии Ботев вступил на путь марксизма, признав значение политической борьбы и революционную роль пролетариата. Однако его краткая жизнь и, главным образом, социальная отсталость окружающей среды помешали ему развиться в подлинного марксиста, и свою кипучую деятельность как вождь болгарского революционного движения он провел под знаком бакунизма.

Ботева справедливо считают крупнейшим болгарским поэтом, хотя

его поэтическое наследие измеряется всего двумя десятками стихотворений. Но по глубине чувства, по силе выражения, по внутренней энергии эти стихи стоят на одной высоте с самыми лучшими революционными произведениями всемирной литературы. Свое общественное значение стихотворения Ботева сохраняют и до сих пор. Они продолжают вызывать восторг и толкать на борьбу трудящиеся массы Болгарии.

Парижскую Коммуну Ботев встретил с энтузиазмом. Он написал пламенную апологию ее в своей статье «Смешен плач» («Смешной плач»), в то время как все болгарские журналисты, за исключением Любена Каравелова, который одновременно и оправдывал Коммуну и не одобрял ее, вторили возмущению буржуазной прессы капиталистической Европы мнимыми «зверствами и ужасами» Коммуны. Под влиянием Ботева болгарская рабочая эмиграция в Румынии восторгалась Парижской Коммуной и кричала ей: «Да здравствует!»

Горячую статью написал Ботев и об Интернационале. Развившись в убежденного интернационалиста, Ботев уже в 1875 г. отказывается от предрассудка, разделявшегося им в 1871 г., будто турецкое племя «подло» по природе; он призывает турецких бедняков организоваться и вместе с болгарскими работать для свержения их общего врага, управления бегов, пашей и султана.

Всего за год до своей смерти он предсказывает, что Балканы (Сербия) сделаются очагом всемирной «битвы», которая кончится социальной революцией. И эта идея так его волнует, что он вторично возвращается к ней в той же газете «Знаме».

Под влиянием утопического социализма Ботев видел в пролетариате «язву» на теле народа. Но роль пролетариата в Парижской Коммуне, борьба I Интернационала, развитие немецкой социал-демократии и ознакомление с некоторыми произведениями Маркса («Коммунистический манифест», «Гражданская война во Франции» и «Капитал», т. I) заставили его обратить внимание на революционную роль пролетариата. Он интересуется уже стачечным движением и ищет его не только в Западной Европе, но и в Болгарии; его занимают и съезды германской социал-демократии, и смерть «пролетарского поэта» Георга Гервега, и Интернационал, и будущая социальная революция, которую он себе представляет как революцию пролетариата, так как он уже понял, что «пролетариат везде является двигателем социальной революции».

16 (28) мая следующего года он вступил на болгарский берег во главе повстанческого отряда из 200 человек эмигрантов-рабочих, завладев предварительно австрийским пароходом «Радецкий». Через четыре дня, 20 мая (2 июня) 1876 г., сраженный турецкой пулей, он умер не как обычный патриот за свою родину, а как революционер с убеждениями интернационалиста, которому время поставило конкретную задачу: политическое освобождение своего народа как этап к его коммунистическому развитию.

«Все мы трое наиболее близких людей, проживавших в Бухаресте в 1875 — 1876 гг., — писал мне Судзиловский (д-р Руссель), — (а именно

Ботев, Зубку-Кодреану и сам Судзиловский) были практическими революционерами, ломавшими голову, какую бы свинью повкуснее поднести врагу, все равно в России или в Болгарии».

После смерти Ботева создалась легенда, что он не умер. Даже спустя двадцать лет после его смерти, в 1896 г., в Болгарии был распространен слух о том, что армянские беженцы из Турции видели его живым, сосланным в г. Диарбекир, откуда он якобы собирался скоро приехать в Болгарию. И этому слуху поверили многие, даже его в то время еще живая жена. Он сделался народным героем, доказывая справедливость своих собственных слов:

Всю жизнь отдавший тебе, свобода,
Не умирает... [1]

И вот этот-то крупный болгарский революционер, поэт и публицист находился все время под идейным влиянием русского революционного движения и в непосредственных личных дружеских связях со многими русскими революционерами, [2] в том числе и с Сергеем Геннадиевичем Нечаевым.

II. Первая встреча Нечаева с Ботевым

Когда, где и каким образом встретились в первый раз Христо Ботев и Сергей Нечаев?

По рассказам Стояна Заимова в болгарском журнале «Мисъл» («Мысль») [3] и Теофана Райнова — Максу Неттлау, [4] министр внутренних дел Турции Али-Паша, через директора турецкой тайной полиции Шнейдера, поручил болгарскому купцу в Константинополе Манолу Иванову организовать шпионаж среди болгарских революционеров. Для этой цели Манолу-эфенди предложили большую сумму денег. Посоветовавшись с друзьями, он принял предложение, однако с целью не предательствовать, а употребить эту сумму на «крамолу».

Благодаря этим деньгам болгарская комиссия поехала в Западную Европу искать совета у крупных революционеров: Мадзини, Гарибальди, Кошута, Герцена, Бакунина. В июле 1869 г. эта комиссия, в составе Теофана Райнова (сына известного болгарского просветителя, учителя в г. Карлово, Райна Поповича) и болгарского купца из Румынии Райча Грблева, заехала к А. И. Герцену, проживавшему в Женеве. Герцен отослал ее к М. А. Бакунину.

Эта поездка болгарской делегации подтверждается секретным донесением русского генерального консула в Бухаресте директору Азиатского департамента от 29 июля 1869 г. за № 56, которое мне удалось найти в

---

[1] В балладе «Хаджи Димитрий».

[2] См. нашу статью «Русские друзья Христо Ботева» в «Летописях марксизма», книга II.

[3] «Мисъл», под редакцията на д-р К. Кръстев. София 1895 г., кн. шеста, юлий.

[4] Изложено в его ненапечатанной биографии Бакунина.

Центрархиве. В донесении рассказывается, что «некоторые из числа проживающих в Бухаресте молодых болгар, подчиняясь влиянию крайне радикальных идей и учений европейской демократии, отделились от большинства своих соотечественников, вступили в сношения с разными подозрительными личностями, как-то с приверженцами Мадзини, французскими агентами и турецкими шпионами, в том убеждении, что независимость болгарского народа может быть достигнута лишь путем всемирной революции».

По доставленным генеральным консулом «секретным, но достоверным сведениям», «один из членов так называемого Секретного комитета, некто Рейнов [1] из Карлова, которого подозревают также в связи с турецкими властями в Рущуке, недавно посетил Мадзини в Цюрихе, куда отправился в сопровождении двух других молодых людей — одного из Журжева, [2] а другого из Парижа (ученика), [3] под видом представителя болгарского народа. Он был принят весьма ласково итальянским агитатором, который в общих выражениях советовал ему подготовить болгарский народ к будущим событиям. В Женеве Рейнов сошелся с Герценом и с другими русскими выходцами, с которыми имел продолжительные и секретные совещания (подчеркнуто нами — *Г. Б.*), и по возвращении в Придунайский край у него оказалось значительное число разных воззваний на русском языке и тому подобных сочинений возмутительного содержания».

Доставленные ему экземпляры этих листков консул посылает директору Азиатского департамента и обещает «иметь строжайшее наблюдение за происками Рейнова», а «при малейшей попытке направить» из Румынии «революционную пропаганду в Россию» потребовать от румынского правительства «изгнания подозреваемых в том лиц».

Когда болгарская делегация явилась к Бакунину, он встретил ее «с распростертыми объятиями». «Извините, братья, — воскликнул он, — что до сих пор я не думал о вас, но я вас люблю, потому что я интернационалист». Он начинает проповедывать им социализм, против чего болгары возражают ему, указывая, что экономическое положение болгарских крестьян хорошо и народ не нуждается в социализме, что болгарам необходимо избавиться от злоупотреблений турецкого правительства и добыть себе политическую свободу. [4] Они просили у него практических советов, как нужно бороться против турецкого ига, и он делился с ними своим революционным опытом.

В архиве одного из современных ему болгарских деятелей, Ивана Кршовского, нашлось свидетельство самого Райнова о его встречах с Герценом, Бакуниным и Мадзини. Райнов пишет Ивану Касабову 16 (наверное, июля) 1869 г. из Женевы, что «вчера» прибыли в Женеву и успели уже

---

[1] Не Рейнов, а Теофан Райнов.

[2] Райчо Грблев.

[3] Марко Балабанов.

[4] Когда в 1872 году Теофан Райнов рассказывал Ботеву о своем посещении Бакунина, Ботев принялся защищать социализм.

свидеться с Герценом и Бакуниным (Герцену их рекомендовал Любен Каравелов). Последние приняли их «с большой радостью» и рекомендовали мадзинисту Булевскому, который взялся устроить их встречу с Мадзини в Цюрихе. «Бакунин особенно доволен, что мы пришли, и обещает во всем нас наставить и помочь. Он только что пригласил нас прийти к нему на чай».

У Бакунина болгары и познакомились с Нечаевым, причем произошел небольшой комический случай. Обрадовавшись болгарам, Бакунин кликнул Нечаева из соседней комнаты. Услышав: «Нечаев, Нечаев!» и подумав, что Бакунин заказывает для них чай, скромные болгары начали отнекиваться, говоря, что не нужно чая.

Как сообщает Макс Неттлау, «с помощью Грблева Нечаев сейчас же вернулся в Россию через Измаил». [1]

Бакунин рассказывал Земфиру Арборе-Ралли, что Нечаев написал ему из Москвы о своем благополучном переходе через румынскую границу, в чем ему очень помог Любен Каравелов, адрес которого Бакунин дал ему. [2] Арборе-Ралли слыхал от Петра Ткачева, когда в 1870 г. оба они сидели в Петропавловской крепости, что Нечаев доставил в Москву для студентов-болгар какие-то прокламации, полученные им от Каравелова. [3] Письмо Нечаева к Бакунину, в котором Нечаев рассказывал ему, как живет и работает Каравелов [4], извлечение из одной румынской рукописи Арборе-Ралли, [5] а тем более факт переписки между Нечаевым и Каравеловым [6] делают взаимную связь между ними очевидной. О знакомстве Каравелова с Нечаевым М. П. Сажин писал В. Богучарскому: «Любен Каравелов был знаком с Нечаевым... В архиве Нечаева было несколько писем Любена». [7]

У нас нет прямого указания на то, что Нечаев встречался с Ботевым в первый приезд свой в Румынию. Однако встреча их в это время несомненна.

Ботев был назначен учителем в Измаил, и Каравелов не мог переслать

---

[1] Цитируем Макса Неттлау по рукописному извлечению из его неизданной биографии Бакунина, которое он любезно послал своему другу в Софии, профессору д-ру Парашкеву Стоянову, запросившему его по нашей просьбе.

[2] Нечаева могли направить к Любену Каравелову сами болгары Райнов и Грблев.

[3] Приведено у Евгения Волкова, Христо Ботев. София, Сборник на Българската Академия на Науките, книга XV, 1921 г., стр. 119. Существует второе издание этой книги, выпущенное Истпартом в 1923 году: Е. З. Волков. Христо Ботев (На заре балканского революционного коммунизма). Второе издание значительно переработано. Но по вопросу о Нечаеве и Ботеве автор продолжает придерживаться тех же взглядов, как в первом. Наши цитаты везде взяты из первого издания книги.

[4] Евгений Волков, там же, стр. 118.

[5] Иван Миховский, Сергей Нечаев и Любен Каравелов (в болгарском журнале «Борба», под редакцией Г. Бакалова. София, год II, кн. 20 (22 июня 1920 г.).

[6] Евгений Волков, там же, стр. 120.

[7] В. Богучарский, Активное народничество семидесятых годов. Москва 1912 г., стр. 293.

через Измаил такого видного революционера, как Нечаев, не отрекомендовав его своему «брату» Ботеву.

Что Ботев в августе состоял учителем в Измаиле, видно из письма Найдена Герова к Христо Георгиеву [1] 19 сентября 1869 г.: «Притварям Ви писмото за Христо Ботев от домашните му, които ми пишят, че той им писал какво Правителството го преместило в Измаил за учител и скоро ще го тури на по-голяма чест. Дали е истина, или той не хваща място ниде?» [2]

Предположение т. Е. Волкова, что в августе 1869 г. Ботев не был еще учителем в Измаиле и что он сообщил отцу об этом учительстве будто только для того, чтобы успокоить отца насчет своего положения, [3] опровергается помещенным на этой же самой странице архива Найдена Герова ответом Христо Георгиева от 8 октября: «Христо Ботев наистина отишал на Измаил, и таман сега учител, писмата негови пратих г-ну Шопову (болгарский купец в Измаиле. — *Г. Б.*) за да му ги даде». [4]

Оказал ли Нечаев при этой вероятной встрече настолько сильное влияние на Ботева, чтобы наложить отпечаток на всю дальнейшую деятельность последнего, как утверждает это тов. Волков? Ответ на этот вопрос должен быть скорее отрицательным. Вероятно, встреча была слишком кратковременной, чтобы повлиять на Ботева глубоко и неизгладимо. Может быть, она содействовала выяснению его революционного credo, но влияние Нечаева не могло еще оказаться настолько сильным, чтобы оторвать Ботева от всего и бросить его исключительно на поприще революции. Еще два учебных года после этой вероятной встречи Ботев оставался учителем в Измаиле, где его участие в революции выражалось только в облегчении перехода границы русским революционерам и в переправе революционной литературы.

Но уже через год Ботев был достаточно подготовлен идеологически, его увлек вихрь революции, явившейся ему в лице «Ивана Ивановича», т. е., как будет в дальнейшем показано, того же Нечаева.

---

[1] Найден Геров, по происхождению болгарин, состоял русским агентом в Филиппополе, болгарском городе, в то время принадлежавшем Турции. Христо Георгиев — разбогатевший в Румынии болгарский купец, вождь консервативной партии «нотаблей». Оба — приятели отца Ботева.

[2] «Приложено к этому письмо для Христо Ботева его домашних, которые мне писали, что он им написал, будто правительство (румынское. — *Г. Б.*) переслало его в Измаил учителем и скоро окажет ему честь еще бо́льшую. Правда ли это, или нигде ему не пристроиться?» «Из архивата на Найден Геров», книга I. София, Българска Академия на Науките, 1911 г., стр. 300.

[3] Е. Волков, там же, стр. 120.

[4] «Правда, что Христо Ботев поехал в Измаил и как раз теперь он там состоит учителем. Письма для него отослал я г. Шопову, чтоб он их передал ему». Доказательство пребывания Ботева в качестве учителя в Измаиле во время проезда Нечаева нам надо было привести ввиду того, что русский биограф Ботева, т. Волков, предполагает, что встреча Ботева и Нечаева произошла в Браиле.

III. Нечаев под именем Ивана Ивановича

3 сентября 1869 г. С. Г. Нечаев прибыл в Москву. В марте 1870 г. он снова в Женеве.

Любопытно следующее обстоятельство, сообщенное нам т. А. И. Гамбаровым, работающим над изучением жизни Нечаева: Нечаев порывался пробраться за границу через Румынию. Для этой цели он поехал в Одессу, и только уверившись, что ему через Одессу не удастся пробраться в Румынию, он повернул снова на север.

Нечаеву удалось уехать за границу, но этим он не спасся, так как царское правительство искало его по всей Европе, требуя выдачи революционера как уголовного преступника. Убийство студента Иванова было представлено русским правительством не как политический акт, каким оно в сущности было, а как уголовное злодеяние. Этот обман нужен был царскому правительству, чтобы добиться выдачи опасного революционера. Около двух лет продолжается скитальчество Нечаева, пока, наконец, царизму не удалось захватить его в свои лапы, чтобы больше уже не выпустить. Проживал он за это время в Швейцарии, в Париже, в Лондоне, как было до сих пор известно, а также в Румынии с Христо Ботевым, как мы увидим в дальнейшем.

Сначала, прежде чем были раскрыты подробности убийства студента Иванова, Нечаева хорошо встречают в Женеве. Ему передают вторую половину бахметьевского фонда, первую половину которого Герцен сдал ему еще раньше, до отъезда Нечаева в Россию. Вместе с Бакуниным и Огаревым он редактирует в 1870 г. шесть номеров «Колокола», возобновленного ими после смерти Герцена (в январе того же года). Он убеждает Бакунина отказаться от перевода «Капитала» Маркса, чтобы предаться более непосредственной революционной работе.

В разгар этой деятельности Нечаева царская полиция нагрянула на румынский тогда еще город Болград в надежде захватить Сергея Геннадиевича.

В «Письме из Романии», помещенном в редактируемом Нечаевым и Огаревым «Колоколе» за 1870 г., рассказывается о том, что в Болград наехало с согласия румынского правительства много русских жандармов, которые две недели подряд делали обыски в квартирах, разыскивая «какого-то Нечаева, болгарина-учителя Шишкова, бывшего его товарища по учению, и многих других русских и польских людей. Все другие спаслись бегством в Турцию, а Нечаев, говорят, скрывается здесь». [1]

Царское правительство, зная из следствия по процессу нечаевцев, что Нечаев прибыл в Москву из Румынии, думало, вероятно, что он снова скрывается там же. Можно предполагать, что Нечаев в то время, живя в За-

[1] «Колокол», 1870 г., № 1, стр. 4.

падной Европе, наводил полицию на ложный след, распуская слухи, будто он «скрывается» в Румынии. [1]

Но, с другой стороны, очень возможно, что как раз в этом году (1870) Нечаев снова посетил Румынию с целью установления связей с Россией через границу и, по Дунаю и Черному морю, с Одессой. В таком случае это второе путешествие Нечаева в Румынию нужно отнести ко времени, предшествующему помещению в «Колоколе» «Письма из Романии», которое отводило глаза царской полиции, заставляя искать Нечаева там, где он больше не находился.

Болгарин Киро Тулешков, в то время молодой друг Ботева, рассказывал потом своей жене, болградской уроженке, что он имел случай раньше посетить ее город, переправляя Нечаева в Россию.[2] Зная, что в первый раз (в конце августа 1869 г.) Нечаев пробрался в Россию через Измаил, можно предположить, что переезд в Россию через Болград относится к более позднему времени. Во всяком случае, вопрос о вторичном переезде Нечаева в Россию требует дальнейшего исследования.

О том, что Нечаев действительно бывал в Румынии после 1869 г., можно заключить из нескольких сообщений.

В его переписке с Любеном Каравеловым рассматривался вопрос об устройстве в пограничном (на турецком берегу Дуная) городе Тульча нелегальной типографии, которая обслуживала бы одновременно русскую и болгарскую революцию. Было бы неудивительно, если бы энергичный Нечаев, не удовлетворившись простым проектом, сам поехал на место с целью выяснить дело и сделать все возможное для осуществления задачи. В дальнейшем изложении мы увидим, что нечаевец Меледин, вероятно по соглашению с самим Нечаевым, собирался купить в Браиле, на румынском берегу Дуная, типографию болгарина Димитра Паничкова.

Вопрос о вторичном приезде Нечаева в Румынию и о новых его встречах с Ботевым и Каравеловым русский биограф Ботева, т. Волков, оставляет открытым, хотя на эти встречи и навели его мемуары Арбор-Ралли, в которых передавалось содержание письма Нечаева к Бакунину о том, как живет и работает в Бухаресте, издавая свою газету и набирая ее вместе со своей женой Натальей, Любен Каравелов, с каким философским спокойствием переносят они все лишения. [3]

Из письма Нечаева видно, что он лично наблюдал жизнь Каравелова

---

[1] Нечаева, по сообщению Дж. Гильома, разыскивала и швейцарская полиция в начале 1870 года. По этому поводу М. А. Бакунин поместил 19 февраля статью в газете «Прогресс» (издававшейся в Локле), в которой он говорит, что «особенно упорно и энергично» швейцарская полиция «ищет, — и все для того, чтобы угодить петербургскому властелину, — некоего Нечаева...» (Михаил Бакунин, Избранные сочинения, т. III, предисловие Дж. Гильома). Вместо Нечаева, который успел ускользнуть, полиция арестовала Семена Серебреникова, освобожденного только после того, как ошибка была обнаружена (там же, стр. 6).

[2] Со слов г-жи Тулешковой болгарскому исследователю той эпохи, Михаилу Димитрову.

[3] Евгений Волков, там же, стр. 118.

в Бухаресте и верно ее описывает. Образ неутомимого публициста очерчен совершенно таким же, каким он сохранился в памяти болгар. До сих пор в Болгарии не забыта косматая фигура Каравелова, этого воплощения труда. Запершись в своей типографии, служившей ему и жилым помещением, Каравелов работал непрерывно, никуда не выходя, не отвлекаясь ничем, набрасывая вперемежку рассказы, повести, стихи, политические статьи, литературную критику, редактируя, ведя корректуру, организуя и выполняя всю работу по газете «Свобода», бывшей органом революционной партии.

Это наблюдение над личной жизнью Каравелова не могло относиться к 1869 г. (времени первого приезда Нечаева в Румынию). Он передал бы его Бакунину лично после возвращения за границу. Это наблюдение относится к другому приезду Нечаева в Румынию и сообщено в письме из Румынии. [1]

Первый биограф Ботева, Захарий Стоянов, рассказывает, что летом 1870 г., когда Ботев был учителем в Измаиле, к нему приехал его «давнишний приятель» под именем Ивана Ивановича. Чтобы не обращать на себя внимание жителей городишка, оба друга поселились на необитаемом рыбацком островке на Дунае, между Измаилом и Тульчею, называемом Балта.

Не имеет значения сообщение биографов Ботева, будто Иван Иванович, «старый приятель» Ботева из Задунаевки — по Захарию Стоянову или из Знаменки — по Стояну Заимову. Писал же Ботев своему другу Ивану Драсову о Судзиловском (д-ре Н. Русселе), как о своем «старом соученике», хотя это неправильно, так как Судзиловский не учился в Одессе и, следовательно, не мог быть «учеником» Ботева.

Никакого Ивана Ивановича не было в бессарабской деревне Задунаевке, где Ботев занимался когда-то учительством (а не в русской деревне Знаменке). По крайней мере, нельзя доказать, что такой Иван Иванович бывал у Ботева, в то время как у нас есть доказательство обратного. Учитель из деревни, недалекой от Задунаевки, Василий Лучков, умерший недавно, в 1923 г., писал в 1920 г. Михаилу Димитрову: «Ни о каком Иване Ивановиче в Задунаевке я не слыхал». Однако Василий Лучков был близким другом Ботева в то время и часто встречался с ним, заходя в Задунаевку.

Мы не знаем даты пребывания Ивана Ивановича у Ботева. Стоян Заимов, лично знавший Ботева, рассказывает, что «Иван Иванович», под именем Флореско, приехал к Ботеву прямо из Парижа после Коммуны, т. е. в 1871 г. Но под именем Ивана Ивановича скрывался не кто иной, как Сергей Нечаев, как показывает следующее обстоятельство.

В 1924 г. Михаилу Димитрову удалось найти на чердаке в доме сына

[1] О том, что Нечаев прибыл в Румынию к Каравелову (с которым потом разорвал сношения), видно и из «Востока» (сербско-болгарская газета), Бухарест, 6 февраля 1874 г., № 4: «Из Руссіе потрчали Нихилци (Нечаев), а из Швейцерске Интернаціонала (Дѣло)...» [«Из России наехали нигилисты (Нечаев), а из Швейцарии — Интернационал (журнал «Дело»)...»].

Паничкова в г. Свиштове, в заваленном книгами ящике, рукопись воспоминаний Паничкова о Ботеве и пометки Паничкова на полях биографии Ботева, написанной Захарием Стояновым. И то и другое Михаил Димитров напечатал в приложении к книге «Неизвестные произведения Христо Ботева». [1]

В своих пометках на полях стояновской биографии, на стр. 62, против слов: «не знаю, как попал к нему какой-то малоросс Иванович», Паничков написал: «он и есть Нечаев... Искали этого Нечаева и давали 2 тысячи рублей тому, кто бы выдал его». [2]

А на стр. 147, против слов «Иван Иванович», Паничков написал два слова, из которых первое нельзя разобрать, а второе — «Нечаев». [3]

Значит, в своих пометках Димитр Паничков окончательно устанавливает, что Иван Иванович есть не кто иной, как Сергей Нечаев.

Зная, как Нечаев очаровывал всякого, кто с ним встречался, мы можем себе представить его воздействие на истомившуюся душу молодого поэта. Разве мог Ботев удовлетвориться скромным прозябанием в роли учителя детей, когда жизнь властно звала его к борьбе? Заря революции только что ярко вспыхнула на Западе.

«Дело идет быстро, — писал Нечаев Томиловой, — заварится каша не только в России, но и во всей Европе». [4]

Именно теперь, во время общения с Нечаевым на острове Балта, Ботеву раскрылся смысл жизни: быть передовым вождем болгарской секции мировой революции. «В своих воспоминаниях о былом, — говорит Захарий Стоянов, — Ботев думал и говорил больше всего об этом острове». [5] Это должно было быть так. Но не столько о вольной жизни среди природы должен был вспоминать Ботев, сколько о том, что на этом островке он получил свое посвящение в рыцари социальной революции.

IV. Совместная жизнь Нечаева с Ботевым

Связи Нечаева с болгарскими революционерами бывали длительными и крепкими. С Ботевым его связывала тесная дружба.

Один из участников ботевской четы, теперь уже умерший Димитр Ночев, рассказывал т. Е. З. Волкову, [6] что Ботев «говорил о Нечаеве, как о своем друге, сожалел об его печальном конце».

Другой из этих четников, до сих пор здравствующий Никола Обретенов, рассказывал Михаилу Димитрову, что Ботев отзывался с горячей симпатией о своем трагически погибшем друге Нечаеве.

---

[1] Христо Ботев, Неизвестни произведения. Уводна статия и бележки от Мих. Димитров. София 1924.

[2] Христо Ботев, Неизвестни произведения, стр. 138 — 139.

[3] Христо Ботев, Неизвестни произведения, стр. 141.

[4] В. Ф. Цеховский, Сергей Геннадиевич Нечаев, Петербург, 1907, стр. 66.

[5] Захарий Стоянов, Христо Ботев. Опит за биография. Стр. 145.

[6] Ibid., изд. 2, стр. 189.

Димитр хаджи Паничков, в типографии которого в Браиле Ботев печатал свою газету «Дума на българските емигранти», в письме к болгарскому академику Николе Начеву, приведенном Е. З. Волковым,[1] рассказывает:

«Легко я устраивал для них [болгарских эмигрантов в Румынии. — *Г. Б.*] турецкие паспорта. Легко (через секретаря турецкого консульства [в Браиле. — *Г. Б.*], Николаки) устраивал я паспорта и для русских социалистов-нигилистов — Нечаева, Петровского, Шапченко и других (выправлял им турецкие, сербские паспорта, как для отправлявшихся в Россию, якобы для учения), которые в Англии имели своим центром г. Довер [город Дувр. — *Г. Б.*] и оттуда отправляли через меня к социалистам газету «Колокол», а также разные книги для липован. А я в Валахии считался липованом, ходил в липованскую церковь. Одно время русские [шпионы. — *Г. Б.*] пронюхали, что Нечаев и Петровский находятся в Браиле, и давали мне 4 000 рублей за то, чтобы я их обнаружил. Некий браильский священник Тодораки очень меня соблазнял принять эти деньги и их выдать, но я их не принял. Я выправил им паспорта, как для сербских учеников. Они уехали в Россию с сербскими паспортами, а немного позже выслали мне пять золотых наполеондоров, с надписью: «вещи, 5 наполеондоров». После писали Л. Каравелову запросить меня [насчет получения денег. — *Г. Б.*]. Получил я эти деньги в коробочке из Швейцарии, прошедшей через много правительств до Браила, и на таможне вскрыли ее и долго меня допрашивали. Отправлял их [деньги. — *Г. Б.*] одному ученику в Цюрихе, его там не нашли и поэтому возвращают их. И о них я заботился, был я их орудием. Переносил их тайные письма в Одессу, по адресу... Шатунова (штабс-капитана), с которым я разговаривал. Это — длинная история, некому меня о ней спрашивать и слушать. Об этом знает Киро Тулешков, который, когда я отправлялся в Одессу, управлял моей типографией. Они — Киро и Ботев — большую роль избрали, а я делал вид, что будто ничего не понимаю, так как иначе опасно было для меня» [разрядка в этом письме везде моя. — *Г. Б.*].

Это письмо, трогательное по своей наивности, вызывает полнейшее доверие. А оно устанавливает самым бесспорным образом, что «совместная жизнь Христо Ботева с Нечаевым в Браиле, у покойного деда «хаджи Панички», не была «кратковременной», как утверждает т. Е. З. Волков [2] на основании того же письма; что встреча обоих революционеров не ограничивалась временем от «двена-

[1] В первом издании книги Волкова письмо это помещено на стр. 117 в болгарском подлиннике. Во втором издании оно помещено на стр. 99—100 в не совсем точном русском переводе.

[2] Волков, там же, стр. 116.

дцати до четырнадцати дней». [1] Паничков прямо говорит о Браиле (а не об Измаиле), и это заставило Волкова отрицать, что Ботев был учителем в Измаиле в августе 1869 г. Но дело обстоит очень просто: в 1869 г. состоялась первая встреча и знакомство их в Измаиле, затем в 1870 г. — а вернее и в 1871 г. — Нечаев снова прибыл в Измаил, сначала под именем Ивана Ивановича, а потом, уже по всей вероятности в Браиле, появился под именем Флореско.

Паничков был их «орудием». Нечаев посылал его в Одессу с письмами и литературой. Паничков уезжал, оставляя своим заместителем в типографии Киро Тулешкова, возвращался, а Нечаев жил все там же, в Браиле, вместе с Ботевым. Вся эта революционная компания находится в связи с Англией через г. Дувр («Довер»), откуда получает «Колокол» и другие заграничные издания, чтобы переправлять их в Россию через славного старика Димитра Паничкова. [2] Деятельность, этой компании не была, видно, столь «кратковременной», раз «русские» «пронюхали» ее и обещали 4 000 рублей (сумма в то время не малая) тому, кто сделается Иудой.

На Паничкова возлагали «важные дела»; он служил Ботеву и Нечаеву «орудием», как он сам наивно признается, был притом и их гостеприимным хозяином. [3] Трудно было бы скрыть от него настоящую фамилию Нечаева.

Сын Паничкова рассказывает, что экземпляр журнала «Община», сохранившийся в библиотеке деда Паничкова, достался последнему от Сергея Нечаева.

Киро Тулешков тоже знал настоящее имя Нечаева, если, как и Ботев, он играл «большую роль». Паничков прямо утверждает это. Но Киро, как и Паничков, умел молчать. К сожалению, Киро Тулешков, о котором в «Книжных известиях» газеты «Български глас» (Болград, 1 г., № 30, 20 ноября 1876 г.) сообщается, что он опубликовал «объявление» о выходе книги «Жизнеописание на Христо Ботева», не издал этой биографии, которая могла бы, между прочим, бросить свет и на наш вопрос.

Когда Нечаеву понадобилось уехать из Румынии, Паничков доставляет паспорта ему и Петровскому [4] как студентам-сербам («сербские ученики») и отправляет их в дорогу. Куда? Паничков говорит: в Россию. Оставляя открытым вопрос о новых переездах Нечаева в Россию, мы прежде всего

---

[1] Волков, там же, стр. 120.

[2] Паничков — уроженец Калофера, земляк Ботева. Прожил 99 лет (1810—1909). За ним полувековая деятельность типографщика — в Константинополе, Плоеште, Свиштове, Никополе. Издал около 150 книг и газет. Около 1 000 рабочих изучили типографское искусство у него, и между ними сам Ботев.

[3] «Заимов разве не помнит, — пишет Паничков Н. Начеву, — сколько человек садилось за столом у меня в доме обедать... Жена моя (бог ее прости) стирала на них и им готовила». Что позже было со Стояном Заимовым, то раньше было с Ботевым и Нечаевым.

[4] Одновременный отъезд Петровского с Нечаевым в Швейцарию делает вероятным предположение Арборе-Ралли о том, что под фамилией Петровского скрывался друг Нечаева — Владимир Серебреников.

должны отметить, что в приведенном письме Паничков сам себе противоречит.

Что Нечаев уехал не в Россию, а в Швейцарию, совершенно ясно из письма самого Паничкова: «Немного позднее («подир малко») выслали мне 5 золотых наполеондоров» (возмещение расхода на паспорта, а вероятно, и части дорожных расходов или того, что потратил Паничков, когда жена его стирала и готовила им). «Потом писали Каравелову, чтоб он меня запросил» (получил ли Паничков посланную ему Нечаевым сумму). Из царской России, при ее черном кабинете для вскрытия писем (который захватил, например, письмо Нечаева Томиловой о европейской «каше»), решиться писать к тогдашнему идейному вождю болгарской революции Любену Каравелову и так скоро («подир малко») выслать деньги (да и то не в рублях, а в наполеондорах) Паничкову — абсолютно немыслимо. Да и не говорит ли Паничков в письме, что деньги были высланы из Швейцарии? Он даже упоминает и город Цюрих. Таким образом, нет никакого сомнения, что из Румынии Нечаев уехал в Цюрих. К сожалению, Паничков не говорит, когда это было.

V. Царская полиция ищет Нечаева на Балканах

Царская полиция искала Нечаева везде, где можно было предположить его пребывание. Несомненно, она его искала и в соседней Румынии, через границу которой, — это было полиции известно, — он перешел в Россию в конце августа 1869 г.

Отыскать следы Нечаева Третье отделение пробовало (безуспешно) при помощи предательского письма, продиктованного арестованному по делу Нечаева Прыжову, к Каравелову в декабре 1869 г. с запросом о возвращении Нечаева. Адрес Каравелова Третье отделение получило у Прыжова.

Как мы уже знаем из помещенного в «Колоколе» «Письма из Романии», много русских жандармов наехало в румынский Болград в поисках за Нечаевым.

Искать Нечаева на Балканском полуострове был командирован полковник Николич.[1]

В Центрархиве нам удалось найти несколько документов, упоминающих об этих поисках.

Русский консул в Измаиле, статский советник Романенко, в секретном донесении № 19 от 12 января 1872 г. сообщает, что вызвал в консульство аптекаря Вагнера, «одного из тех зачинщиков», у которых «бывают собрания революционеров и которые будто бы принимают деятельное участие во враждебных замыслах против России, а равно и в заговоре против государя императора». Подвергнув Вагнера «строжайшему допросу», консул убедился, что «сам Вагнер, как личность, не внушающая по образу жизни

[1] Р. М. Кантор, В погоне за Нечаевым, Гиз, 1925, стр. 14. Этот «полковник Николич» — несомненно тот же самый «майор Николич-Сербоградский», которому, в конце концов, удалось с помощью швейцарской полиции арестовать Нечаева в Цюрихе.

своему никакого доверия, едва ли может считаться опасным заговорщиком, но что у него проживал в 1870 г. некто Аарон Розенблюм, лицо весьма подозрительное, которое, пробыв около 2 месяцев в Измаиле, переехало потом в Тульчу. В заключение Вагнер показал, что Огарева и Нечаева никогда не видал, об Огареве ничего не знает, а о Нечаеве читал только в газетах».

Чтобы заинтересоваться связями измаильских «подозрительных» русских с Огаревым и Нечаевым, консул имел достаточные основания. «По распоряжению новороссийского и бессарабского генерал-губернатора произведен был обыск у бывшего эмигранта Пилецкого (он же Лазарев), причем найдены были две записки на немецком языке, одна в общество молдованских масонов, другая к Огареву». «Сообщенные Пилецким сведения об измаильских революционерах переданы были генерал-адъютантом Коцебу на проверку консулу нашему в Измаиле». Так как секретное донесение, цитируемое нами, имело место спустя полгода после того, как Христо Ботев покинул вместе с Нечаевым («Иваном Ивановичем») Измаил,— необходимо предположить, что Пилецкий знал этих двух «измаильских революционеров» (конечно, настоящая фамилия «Ивана Ивановича» ему оставалась неизвестной). Царская власть интересовалась Измаилом, как пограничным городом, из которого можно было переправлять людей и литературу. Ботев занимался переправой и того и другого.

Каким образом переправлялась литература через Измаил, видно из «Сведений об эмигрантах, находящихся в Румынии»; совершенно секретное приложение к № 146 от 1880 г. тульчанского консула Александра Сорокина к министру иностранных дел Н. К. Гирсу гласит: «Запрещенные книги провозятся в Россию через Измаил. Выше Измаила Дунай разветвляется на два рукава: один течет под Тульчей, другой под Измаилом, и образуют остров, принадлежащий Румынии, с которого окрестные поселяне зимою вывозят камыш, а вместе с тем перевозят иногда книги, которые заблаговременно доставляются туда тульчанскими эмигрантами».

Измаильскому консулу не удалось, как мы видим, напасть на след Нечаева.

Более счастливым оказался рущукский консул Мошнин, которому улыбнулась надежда поймать самого Нечаева... в то время, когда Нечаев давно уже находился в лапах царского правительства. В своем донесении № 177 от 18 июля 1873 г. Мошнин рассказывает, что встретил на улицах г. Рущука прохожего, которого он принял за русского. Собрав о нем сведения, консул выяснил, что это — «князь Борис Абамелек, замешанный, как кажется, в деле Нечаева, сосланный в Сибирь и оттуда ушедший в Турцию. Князь Абамелек принят на турецкую службу, состоит в чине полковника при штабе главнокомандующего в Шумле и носит название Селимбея. Он показывает сильное раскаяние, но боится турок, чтобы его не приняли за русского шпиона, нами подосланного. С ним вместе принят еще один русский, коего настоящего имени не успел еще узнать и даже его не видел, в турецкой службе последний носит название Ибрагим-паши». «Приняв в соображение, что Ибрагим-паша получил вдруг титул паши, надо полагать, что лицо это пользуется особенным покровительством у

турок. Так как Ибрагим-паша очень дружен с Селим-беем, то не есть ли это уже сам Нечаев (разрядка наша. — *Г. Б.*), о котором был слух, что и он бежал из Сибири? Поэтому я прошу ваше превосходительство прислать мне фотографическую карточку Нечаева, дабы я мог при случае узнать его».

Неизвестно, успел ли консул установить, кто этот Ибрагим-паша, которого он принял за «самого Нечаева». Но зато Абамелек, который преобразуется в Бориса Ивановича Абамелика, сам пожелал увидеться с консулом и рассказал ему, что, прибыв в конце октября 1869 г. в Москву, он, «при посредстве капитана Солтана, умершего недавно в бухарестском госпитале, сблизился с комитетом Народной расправы, который посетил будто бы только однажды». Бежав за границу, он прожил до июля 1870 г. в кругах русской эмиграции в Швейцарии, после чего переехал в Турцию, где поступил на военную службу, с которой его недавно уволили по «проискам поляков, которые заподозрили будто бы в нем тайного русского комиссара». «Мучимый раскаянием в минувших заблуждениях», Абамелик «не может продолжать далее своей скитальческой жизни», и, «какова бы ни была ожидающая его в России доля, он с полным доверием предает свою участь на милосердное усмотрение императорского правительства». [1]

О связи Каравелова с Нечаевым знал царский посланник в Бухаресте Зиновьев. Когда по случаю давления, оказанного турецким правительством на румынское, с тем чтобы последнее выслало из пределов Румынии Каравелова, болгары в Бухаресте обратились к Зиновьеву с просьбой о защите Каравелова, царский посол им ответил, что Каравелов записан в черных списках посольства из-за его сношений с Нечаевым и за него он не может заступиться. Надо полагать, что послу были известны наверняка сношения Нечаева только за время его первого проезда через Румынию. Он мог предполагать, но не знал, что Нечаев и после того проживал известное время в Румынии. Если бы он был уверен в этом, нажим царского правительства заставил бы Румынию выдать Нечаева.

Письмо Паничкова Н. Начеву, которое мы привели выше, доказывает, что царские чиновники искали Нечаева в Румынии, раз они при посредстве попа Тодораки предлагали Паничкову деньги за выдачу им Нечаева.

Несомненно, что царские чиновники интересовались теми русскими, которые вращались среди болгарской революционной эмиграции в Румынии. Биограф Ботева, Захарий Стоянов, рассказывает, что русский посол «давно знал о Ботеве, Флореско и других их товарищах малороссах, которых он подозревал, что все они русские, русские подданные и нигилисты». Однажды в типографию Паничкова в Браиле проник какой-то «русский князь-нигилист», который провел с болгарами и их русскими друзьями недельку, хорошо «пронюхал» все и исчез. После его исчезновения был арестован Флореско, а за ним и Ботев.

Кто этот Флореско?

[1] См. копию секретного отношения дипломатического агента и генерального консула в Румынии — исправляющему должность новороссийского и бессарабского генерал-губернатора от 4 июля 1873 г. за № 312.

VI. Флореско

Это — тот таинственный друг Ботева, чья тайна, по словам Захария Стоянова, «была известна только Ботеву», и «он унес ее в могилу». [1]

Самые фантастические вещи рассказывают биографы Ботева о Флореско. Был он, по их мнению, коммунаром, которому Домбровский предоставил «командовать одной из главных парижских баррикад». [2] Флореско, по свидетельству болгарского поэта Ивана Вазова, имел «решительное влияние на душу Ботева». [3] Под влиянием Флореско, «который читал нам своего рода лекции», — рассказывал мне Велико Попов, — они, т. е. сам Ботев и его друг Попов, «определились окончательно как коммунисты». Флореско был гоним везде, куда бы он ни направлялся, «во всяком городе и государстве». [4]

Флореско старался повлиять на Ботева и на его ближайших болгарских друзей, чтоб они составили «социалистически-хъшовское [5] общество из болгарских эмигрантов, которое должно иметь свою типографию, свой орган, библиотеку, программу, статуты и пр. Оно должно было сноситься с другими социалистами и конспираторами в Европе, в программу которых могло войти и освобождение Болгарии». [6]

По рассказам Велико Попова Мих. Димитрову, Ботев и сам Попов в самом деле принялись, объезжая румынские города, образовывать тайные социалистические группы среди болгарской эмиграции. Это было после Парижской Коммуны и под ее влиянием, когда «бедняки», болгарские эмигранты в Румынии, оглашали дымные кабачки изгнания восторженными возгласами: «Да здравствует Коммуна!» Ботев и Попов послали приветственную телеграмму «председателю» Парижской Коммуны. Их группы принимали выработанный Ботевым символ веры, все восемь пунктов которого начинались словами: «Я в е р у ю в к о м м у н и з м». Эту деятельность вспоминал Ботев потом, когда 1 мая 1875 г. написал на своей карточке, подаренной им Попову: «В память наших коммунистических подвигов брату Вел. Попову».

Для позднейших биографов Ботева остался неизвестным этот зародыш коммунистического движения среди болгарских рабочих в эмиграции, а первый биограф, Захарий Стоянов, которому Велико Попов передал подлинники коммунистического «Символа веры» и приветственной телеграммы Парижской Коммуне, умышленно скрыл их, чтобы принизить Ботева до уровня обыкновенного деятеля национального освобождения.

---

[1] З а х а р и й С т о я н о в, там же, стр. 147.

[2] С т о я н З а и м о в. См. его разбор стояновской биографии Ботева в «Сборник на народни умотворения», т. I, стр. 223.

[3] И в а н В а з о в, Неотдавна (в сочинениях Вазова в издании Ал. Паскалева, София, т. VII, стр. 173).

[4] З а х а р и й С т о я н о в, там же, стр. 170.

[5] Составленное из «хъшов». «Хъшами» назывались бедняки — болгарские эмигранты в Румынии, в среде которых набирались повстанцы.

[6] З а х а р и й С т о я н о в (там же, стр. 171), по рассказам Велико Попова.

Зато в биографиях Христо Ботева даются подробнейшие описания тех экспроприаций, к которым Ботев прибегал вместе с Флореско для снабжения революционного движения средствами.

Болгарским биографам Ботева не удалось установить, кто проживал под псевдонимом Флореско.

Это не был тот Бонифачиу Флореско, о котором Арборе-Ралли рассказывал Мих. Димитрову, как о румыне, участвовавшем в Парижской Коммуне, устроившемся потом в Бухаресте учителем в Лицее и скрывавшем свое участие в Коммуне. Арборе-Ралли, который знал Ботева в последний год его жизни и написал его биографию немного позже, пользовался сведениями Бонифачиу Флореско.[1] Этот Флореско знал Ботева, но не о нем рассказывают биографы. Другой Флореско был настоящим русским, не знавшим ни слова по-румынски. Возможно, что паспортом как раз этого Флореско пользовался Нечаев.

Сообщение Франца Меринга о том, что Нечаев провел время осады Коммуны в Париже[2], наводило на мысль, что после Коммуны Нечаев пробыл несколько месяцев в Румынии, скрываясь под вымышленным именем Флореско. Теперь, после открытия новых данных, вскрывающих, что под фамилией Флореско в среде болгарской революционной эмиграции жило и другое лицо кроме Нечаева, нам нет надобности рассказывать подробно, почему можно было вполне отождествлять Флореско с Нечаевым, несмотря на некоторые неувязки.

После категорического утверждения М. П. Сажина,[3] что Нечаев выехал из Парижа с первой партией, выпущенной пруссаками в конце января 1871 г., т. е. до объявления Коммуны, придется доказывать утверждение Меринга о том, что Нечаев провел время Коммуны в Париже. А пока это не доказано, нельзя строить предположение о тождественности Нечаева с коммунаром Флореско. Или, правильнее сказать, предположение о тождественности можно строить только в том случае, если допустить, что Флореско не участвовал в Парижской Коммуне и что это участие было почему-либо выдумано.

Стоян Заимов утверждает, что, по рассказам самого Ботева (конечно, поскольку верно Заимов их припоминает и передает), «э т о т Ф л о р е с к о есть т о т ж е И в а н о в и ч под новой фамилией, которую он принял после ранений на парижских баррикадах, где он сражался под командой Домбровского».[4] А мы уже знаем, что Иванович — не кто иной, как сам Нечаев. По утверждению Заимова выходит, что Флореско и есть Нечаев.

Утверждения Паничкова насчет Флореско несколько запутаны.

На полях стр. 147 стояновской биографии Ботева, где автор говорит об Иване Ивановиче и о Флореско, непосредственно за словом «Флореско»

---

[1] Об этой первой биографии Ботева Е. З. Волков рассказывает, что она затерялась в 1881 г. при одном обыске у Арборе-Ралли.

[2] «Wo er die Zeit der Belagerung und der Kommune verlebte» (F r a n z M e h r i n g, Karl Marx, Geschichte seines Lebens, Leipzig, 1920, dritte Auflage, S. 471).

[3] М. П. С а ж и н, Воспоминания, Москва, 1925 г.

[4] С т о я н З а и м о в, там же, стр. 223.

Паничков прибавил: «поляк, по имени Гримарди» (т. е. Гримарди Флореско).[1] Выходит, как будто, что Флореско не одно и то же лицо с Иваном Ивановичем. Несколько иначе Паничков представляет дело в своих воспоминаниях, где он, рассказывая о «Гримарди», прямо называет его Ивановичем и говорит, что он переменил фамилию на Флореско: «Гримарди Иванович, который переименовался во Флореско»...[2] Дальше, рассказывая о преследованиях румынской полиции, Паничков говорит: «...когда полицейские поймали Гримарди Ивановича Флореско...»[3]

Правда, тот Иванович, который у Паничкова переименовался во Флореско, назывался Гримарди Иванович, а не Иван Иванович, и как-будто это — не Нечаев. Но тот же Паничков делает дальше путаное сообщение о работе Гримарди (т. е. Флореско) среди липован, которые называли его Ивановичем: «...был поляк один, красавец, по имени Гримарди, в возрасте Ботева,[4] в Измаиле липованы называли его Ивановичем, он работал среди липован. Иванович и Ботев играли большую роль, невозможно ее выразить...»[5]

Липованами назывались старообрядцы, бежавшие за пределы России от преследований раскола в XVIII и XIX веках и жившие, между прочим, также в Румынии. Сообщение Паничкова о связи Гримарди Ивановича Флореско с липованами надо сопоставить с тем фактом, что в отобранных у Нечаева в Алексеевском равелине бумагах находился и «объемистый, но весьма бесцветный отрывок романа «У липован».[6] Не быв у липован, Нечаев не стал бы писать романа из их жизни. Несмотря на то, что Паничков путает народности и имена, тут, очевидно, за Гримарди Ивановичем Флореско скрывается Сергей Нечаев. Нечаев завязал свои связи с липованами, по ей вероятности, через Паничкова, который сам считал себя липованом и ходил в липованскую церковь. Сектантов считали в то время,—и это перешло к народникам, — наиболее податливыми для революционной пропаганды. Неудивительно, что Нечаев обрадовался возможности работать среди липован.

На основании категорического утверждения Заимова, сделанного им будто бы со слов самого Ботева, о тождественности Ивана Ивановича (т. е. Нечаева) с Флореско, на основании свидетельства Паничкова о том, что Иванович (т. е. Нечаев) переименовал себя во Флореско, а также на основании рукописи начатого Нечаевым в крепости романа «У липован» (которые знали Флореско под именем Ивановича) придется признать, что Нечаев прожил некоторое время в Румынии под фамилией Флореско.

Однако не все, что биографы Ботева и Паничков рассказывают о Флореско, согласуется с личностью Нечаева. Особенно не согласуются много-

---

[1] Христо Ботев, Неизвестни произведения, стр. 141.

[2] Христо Ботев, Неизвестни произведения, стр. 144.

[3] Христо Ботев, Неизвестни произведения, стр. 145—146.

[4] Нечаев был немного старше Ботева.

[5] Христо Ботев, Неизвестни произведения, стр. 143.

[6] Приведено по анонимной записке III отделения П. Щеголевым в статье «С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине». («Красный архив», т. IV, 1923, стр. 260.)

численные эксы, по части которых Флореско сделался специалистом. Не мог же Нечаев из-за какого-нибудь экса рисковать раскрытием своего инкогнито. А это легко могло случиться. Этот Флореско — не Нечаев. Но тот Флореско, который работал среди липован, — несомненно Нечаев. Под именем Флореско и, наверное, по одному и тому же паспорту жили последовательно два различных лица. Одного — Нечаева — мы знаем. Другой Флореско, это — тоже русский, нечаевец Николай Филиппович Меледин.

VII. Н. Ф. Меледин

Николай Филиппович Меледин был нечаевцем в то время, когда он проживал в Румынии (в Галаце, Браиле, Болграде, наверное и в Измаиле и в других городах). У него были разные имена. Болгарину Ивану Атанасову он известен не как Меледин, а как Александр Главка или же Оболенский.

Царский консул в Галаце, который, как мы увидим в дальнейшем изложении, рылся в бумагах арестованного Флореско, останавливается на фамилии Меледина, так как у арестованного оказалась визитная карточка Николая Филипповича Меледина. Эту фамилию принимаем и мы, оговариваясь, однако, что тут очень возможна ошибка.

На основании официальных документов, находящихся в Центрархиве, об аресте Флореско-Меледина мы можем утверждать следующее.

Дипломатическое агентство и генеральное консульство в Бухаресте, за подписью И. Зиновьева, секретным донесением начальнику III отделения П. Н. Стремоухову от 6 мая 1872 г., № 45, и в дополнении к секретной телеграмме подробно рассказывает об аресте 25 апреля (ст. ст.) в Галаце «двух подозрительных лиц русского происхождения, называющих себя Алексеем Андреевым Шапченко и Леонардом Главкою. Сей последний также носит имя Александра Флореско, но есть основание предполагать, что оба имени, под которыми он себя выдает, вымышлены».

«Из кратких сведений, доставленных мне нашим консулом в Галаце относительно двух этих лиц, — продолжает свое донесение царский посол, — явствует, что при них оказалось значительное количество брошюр на русском языке возмутительного содержания, каковые местная полиция держит пока в тайне. Статский советник Романенко имел случай видеть одного из помянутых лиц, называющего себя Леонардом Главкою, который объявил ему, что принадлежит к революционному обществу, идеи коего он и старается распространять, что настоящую свою фамилию он не может объявить и просит не вынуждать его к этому».

Царский посол доносит, что галацкий прокурор не находит так называемого Главку «ни в чем ином виновным; как только в приобретении фальшивого паспорта», и потому предполагает его освободить или же выслать в Турцию, на что посол не мог согласиться и потому обратился к правительству «с требованием», чтобы помянутые лица были оставлены под арестом «для дальнейших розысканий» и чтоб ему были доставлены «как пока-

зания их, так и бумаги, при них оказавшиеся». Министр внутренних дел Румынии обещал исполнить желание царского посла.

Тут посол просит сообщить ему срочно, «не имеются ли в III отделении собственной его величества канцелярии какие-нибудь сведения относительно упомянутых двух русских эмигрантов», причем на полях донесения посла написано: «Сведений не имеется».

Этот запрос и отрицательный ответ, зафиксированный на полях донесения, как и все поведение представителей царской власти по поводу ареста Меледина, доказывают, что в то время Меледин никаких связей с царским правительством не имел. Какими путями он вернулся потом в Россию и каким образом успел настолько упрочить свое положение, что весною 1886 г., да и раньше, по сведениям Ивана Атанасова, он состоял чиновником особых поручений у одесского генерал-губернатора, [1] мы не знаем. В революционном движении бывало много ренегатов; неудивительно, если и Меледин-Флореско оказался таковым. Но что в Румынии, во время своей дружбы с Ботевым, он был революционером, в этом не может быть сомнений.

7(19) мая русский консул в Галаце А. Романенко посылает (за № 499) секретное донесение начальнику III отделения, «его превосходительству» П. Н. Стремоухову, где даются очень интересные сведения о Меледине как об активном нечаевце. Приводим это донесение полностью.

«25 прошлого апреля здешняя префектура задержала русского эмигранта, проживающего в Галаце по румынскому паспорту, полученному из Ясс, под именем Александра Флореско. В минуту его арестования он выбежал на двор и поджег ледник, крытый камышом, рассчитывая, вероятно, скрыться в этой суматохе или сжечь имевшиеся при нем бумаги. Но полицейские власти схватили как его самого, так и принадлежавшие ему вещи. Кроме чемодана с вещами при нем нашли кованый сундучок с инструментами для взлома.

«При осмотре бумаг оказалось несколько возмутительных сочинений, издание «Колокола», процесс Нечаева, вольные песенники, множество писем и несколько фотографических карточек.

«Префект, рассмотрев бумаги и выбрав из них несколько писем, выехал в Бухарест, а эмигранта передал в руки судебной власти. Я тотчас обратился к прокурору с просьбою сообщить мне хотя на несколько часов всю корреспонденцию, найденную при нем. Он обещал передать, но не прежде как по окончании расследования, опасаясь скомпрометировать себя перед властями. Между тем он передал мне печатный катехизис, или регламент секретного общества, к которому он [Флореско, а не прокурор. — *Г. Б.*] принадлежит, и два экземпляра вольных песенников, каковые при сем честь имею представить на благосклонное воззрение вашего превосходительства.

«Независимо от сего, прокурор вкратце передал мне содержание снятого допроса, в котором, между прочим, Флореско показал себя шведским

[1] В 1885 г., по рассказам Ивана Атанасова, Флореско-Главка (он же Меледин) приезжал в Софию с медикаментами от Красного креста.

уроженцем, выросшим в России и воспитывавшимся вначале в с.-петербургском университете, а после в казанском. Из России он выехал в 1870 г. с целью завести в одном из пограничных городов княжества типографию и издавать журнал, в котором проводились бы социалистические идеи. На покупку типографии он получил из Одесского банка два аккредитива: один на 1 200 фр., а другой на 3 400 фр. Первый аккредитив на имя ясского банкира-еврея Найшаца, а другой — на имя негоцианта Zica. Были ли то векселя или аккредитивы и притом именные, или сам Флореско для дисконто обратился к указанным банкирам, прокурор не мог определить. Деньги же, как показал Флореско, высланы ему его соотечественниками. В августе месяце прошлого года Флореско по румынскому паспорту, визированному вверенным мне консульством, посетил Одессу, оттуда отправился даже в Москву и С.-Петербург и затем возвратился обратно в Галац.

«На выраженное мною желание видеть арестованного эмигранта прокурор назначил мне день и час в камере, где я встретился с ним и объяснялся. Я обратился к нему со следующими словами: «Узнав, что мой соотечественник арестован, пришел помочь ему, если возводимые против него обвинения неосновательны». Он отвечал, что едва ли я могу быть ему полезен и своим содействием могу только скомпрометировать себя. Я сказал, что, если его действия таковы, что могут компрометировать меня, в таком случае я отступаюсь. Зная впрочем из первых его показаний, что имя Флореско принято им по переходе нашей границы и что в России он будто бы назывался Леонардом Главкою, поэтому я спросил его, какая его настоящая фамилия. Он отказывался говорить и просил не вызывать его на откровенность. Вначале он был сдержан в речах, а потом сделался более общительным и объявил мне, что он принадлежит к высшему кругу общества, что отец его за либеральные свои идеи был преследуем правительством и даже изгнан, что отец его известен в России под именем монаха Варлаама и что он скитался по Волге нищим для того только, чтобы всюду проповедывать идеи вольности и порицать ненавистное ему рабство и барство. Что касается его самого, то он объявил себя верным последователем идей Петрашевского, пришел в княжество, чтобы устроить общество рабочих и распространять эти доктрины путем печати.

«Общество, к которому он принадлежит, вначале составляло одно целое, впоследствии оно разделилось на две отдельные части: одно—поддерживающее идею конституционализма, а другое — идею рабочего общества, к которому он принадлежит, и что еще последнее увенчалось бы вожделенным успехом, если бы два или три года тому назад правительство не набрело на его след, но при всем том ничего не могло открыть, так как главные деятели скрылись, бумаги отчасти были сожжены, а отчасти зарыты. Вследствие такой неудачи правительство, как он и говорит, отомстило на некоторых служащих, в том числе и он пострадал конфискациею имущества.

«По выходе из камеры я тотчас дал знать дипломатическому нашему агенту в Бухаресте обо всем, относящемся до арестования Главки, и объяснил при том, что здешние местные власти, по их мнению, не находят его ни в чем ином виновным относительно княжеского правительства, как только в при-

обретении незаконного паспорта, и намерены выпустить его из-под ареста или выслать его в Турцию. Вследствие этого я просил генерального консула объясниться по этому предмету с министром Катаржи, и если сей последний не согласится выдать нам Главку ради конституционных своих принципов, то он не может отказать нам в сообщении бумаг, найденных при нем.

«2 мая г. префект возвратился из Бухареста, к которому я немедленно обратился с настоятельною просьбою сообщить мне корреспонденцию русского эмигранта. В этот день г. Катаржи, будучи занят выборами, просил отложить это дело до следующего дня. Третьего мая он доставил мне лично семь писем, из коих четыре с русскими марками и штемпелями были адресованы из Одессы в Яссы на имя M-r Ivanovitsz (médecin d'arrondissement) pour le doct. Plohn; другие три, также с русскими марками, адресованы в Галац на имя Velico Popoff (professeur à l'école Bulgare). Кроме сих писем, г. префект вручил мне 10 фотографических карточек с надписью фамилий на обороте каждой, в числе коих его собственная фотография и одна визитная карточка с именем Николая Филипповича Меледина. Визитная карточка позволяет думать, что фамилия Меледина есть его собственная, которую он скрывает.

«Сверх этого доставил памятную книжку, найденную при Главке, в коей вписано было несколько адресов, вероятно лиц, находящихся с ним в сношениях как в России, так и за границею. Все эти бумаги оставались у меня для пересмотра до следующего дня. На другой же день г. Катаржи просил возвращения их на основании полученной депеши от министерства, которое предлагает ему все бумаги, найденные у Главки, переслать в Бухарест, вероятно по требованию дипломатического нашего агента. Несмотря на краткость времени, я снял с четырех более интересных писем копии, сделал выписку из помянутой книжки, удержал два письма и фотографию Главки, на случай если потребуются фотографические копии.

«В течение 9-месячного пребывания Главки в Галаце он преимущественно находился в сношениях с болгарскою молодежью; из них двое только сочувствовали его идеям — здешний учитель Попов [1] и учитель болгарской школы в Измаиле — Петков. [2] Все прочие не только избегали его сообщества, но объявили содержателям трактира и кофейни, куда они сходились, что если Главка будет посещать их заведения, то все болгаре перестанут к ним ходить, и таким образом хозяева заведений вынуждены были воспретить Главке посещать их заведения, чтобы удержать их клиентов.

«Товарищ Главки, некто Шапченко, с которым он находился в постоянных сношениях, также был привлечен к суду, но прокурор, не находя его ни в чем виновным, освободил. Шапченко 19 лет, далеко не так развит, как Главка, но сильный волею и твердый характером.

«При сем имею честь представить на благосклонное воззрение вашего

[1] Велико Попов, друг и соратник Ботева, у которого мы видели карточку Ботева с упомянутой надписью: «в память наших коммунистических подвигов». Попов умер в 1927 г.

[2] Христо Ботев-Петков.

превосходительства два подлинных письма, полученных Главкою из России,[1] три копии с таковых же писем, одну тетрадку с адресными заметками и выписку из его портфеля... Если же окажутся в министерстве какие-нибудь сведения о сей личности, то благоволите сообщить мне таковые, дабы на основании тех данных я мог произвести дальнейшее расследование.

«Копию с сего донесения вместе с сим предоставляю г. новороссийскому и одесскому генерал-губернатору, чтобы он немедля, сообразно заключающимся сведениям, принял надлежащие меры».

Через месяц, 8 (20) июля 1872 г., консул Романенко секретным донесением в III отделение тому же П. Н. Стремоухову напомнил данные им сведения по делу Флореско. После настоятельных требований консул получил у префекта для просмотра и остальную переписку арестованного Меледина. «В ней он не нашел ничего серьезного, могущего указать на его сношения и корреспонденции с проживающими в России, так и за границею». «Оказались только торговые счета на болгарском языке, множество черновых бумаг на лоскутках и полу-листах без всякой связи и определенной мысли, а некоторые написаны иносказательно. Вообще из всего хлама сих бумаг можно вывести то заключение, что писавший пропитан социалистическими и коммунистическими идеями».

Консул уверен, что «секретная корреспонденция», компрометирующая Меледина и его «сообщников», скрыта, что ему подтвердил один из служащих молдавской администрации. Кроме «удержанных», т. е. украденных им семи штук черновых бумаг и двух писем, консул препровождает III отделению по одному экземпляру печатных листов, найденных между бумагами Меледина, а именно: 1) «Колокол», 2) «Община», № 1, 3) «Воззвание к русскому купечеству», 4) «К русскому мещанству», 5) «Мужичкам и всем простым людям работникам», 6) «Постановка революционного вопроса», 7) «Начала революции», 8) «Студентам университета в С. Петербурге, академии и технологам», 9) «Наша повесть» и 10) «Несколько слов к молодым братьям в России».

Все это — «нечаевская литература».[2]

Романенко обращался к префекту с предложением выдать консульству Меледина, но встретил решительный отказ: ни префект, ни румынское правительство не могли бы это сделать, не нарушив конституции, и прежде всего потому, что между двумя правительствами не было по этому предмету «никакой картели». Румынский префект успокаивал царского консула тем, что такая личность, как Меледин, не может быть терпима в Румынии и что правительство скоро его вышлет в Турцию, «где будет удобнее схватить его и выслать в Россию».

Одно из тех трех писем к Меледину, с которых консул Романенко успел снять копию, хотя и законспирированное, дает понять план Меледина

[1] Подлинники писем находятся в Центрархиве. — *Г. Б.*

[2] Нас не интересует здесь вопрос об авторстве всех этих произведений. См. главу о Нечаеве в книге Ю. М. Стеклова, М. А. Бакунин.

устроить революционную типографию (купив для этой цели у деда Паничкова его типографию), а также бросает свет на его связи с Чавдаром и «друзьями Чавдара», т. е. Ботева. [1]

«Выписка из памятной книжки» Меледина вскрывает, во-первых, его личность: в бумагах арестованного нашлась его фотография, снятая в Одессе, и визитная карточка с надписью: Николай Филиппович Меледин; во-вторых, обнаруживает некоторые из его русских связей, меж которыми мы находим связь с Н. В. Чайковским и Сергеем Федоровичем Чубаровым, а также со многими из болгар: Чавдаром, т. е. Христо Ботевым, Гораном (друг Ботева Иван Горанов), Атанасовым из Болграда (т. е. с тем самым, живущим еще до сих пор в Софии стариком Иваном Атанасовым, который знал Меледина под именами Главки и Флореско), Иордановым (Петр Иорданов погиб в качестье повстанца четы Ботева) и еще каким-то «болгарином».

Донесения об аресте Флореско обнаруживают с достаточной ясностью, кто скрывался под этим таинственным псевдонимом в т о в р е м я. Несомненно, это — нечаевец Меледин, а не сам Нечаев. Сундучок с инструментами для взлома ясно показывает, кто занимался эксами: Меледин, а не Нечаев, — конечно, с помощью «друзей Чавдара», т. е. Ботева. Литература, найденная у Меледина при его аресте, — вся нечаевская. Там был даже так называемый «Революционный катехизис». За арестом Флореско-Меледина последовал арест и самого Ботева. «Мой брат был арестован из-за одного катехизиса», рассказывал Кирилл Ботев Михаилу Димитрову. Ботева продержали несколько месяцев в тюрьмах Фокшана, Галаца и Браила. Его выпустили, вероятно, около того времени, когда выслали Меледина за пределы Румынии.

Для чиновников не осталась тайной близость к Флореско болгарских коммунаров: учителей Христо Ботева (Петкова) и Велико Попова.

Царские представители хозяйничали и распоряжались в «свободном» княжестве Румынии. Они не постеснялись требовать выдачи Флореско, встретив, однако, сопротивление в «каких-то конституционных убеждениях» румынского правительства. Зато они успели пробраться в участок к задержанному, добиться различных сведений о нем, украсть часть его корреспонденции, снять копии с другой части, возмущаясь тем, что румыны все-таки ухитрились скрыть самые компрометирующие бумаги.

До открытия в Центрархиве документов об аресте Флореско-Меледина можно было думать, что под именем Флореско в с е г д а скрывался Нечаев. Тем более, что, по уже высказанным соображениям и по свидетельству Паничкова, и Нечаев когда-то тоже проживал под именем Флореско. Теперь дело меняется: по паспорту на имя Флореско проживали, вероятно, один за другим несколько русских эмигрантов-революционеров. Один из них — Нечаев, который переменил имя Ивана Ивановича на имя Флореско. После своего выезда из Румынии, получив при содействии Панич-

[1] Чавдар — литературный псевдоним Ботева.

кова болгарский или сербский паспорт,[1] он оставил паспорт Флореско Ботеву, от которого этот документ перешел к Меледину.

Был ли Меледин коммунаром, нам неизвестно. Вероятно, история об его участии в Парижской Коммуне выдумана, чтобы отвлечь внимание от его участия в русском революционном движении.

После того как нам стало документально известно, что арестованный Флореско оказался Мелединым, нельзя больше отождествлять безоговорочно, как это мы раньше делали, Нечаева с Флореско. Но так как все-таки остается свидетельство деда Паничкова, что Иванович, о котором положительно известно, что он был не кем иным, как самим Нечаевым, переименовался во Флореско, то ясно, что с паспортом и под именем Флореско жил первое время Нечаев и лишь впоследствии Меледин. Но Нечаев жил строго конспиративно, он не бросался в глаза кричащими выступлениями вроде эксов, под именем Флореско он проживал вероятно недолго и, раньше чем об этом узнали, покинул Румынию с болгарским или сербским паспортом, а румынский паспорт на имя Флореско достался Меледину.

Но во всяком случае, под именем Ивана Ивановича, Флореско или каким-либо иным, Нечаев бесспорно жил некоторое время в Румынии, среди болгарской революционной эмиграции.

Как долго длилось это время? Пока нет достаточных данных, чтобы ответить на этот вопрос. Кроме своего проезда в 1869 г., Нечаев приезжал из Женевы в Румынию, по всей вероятности, в 1870 г., около того времени, когда был арестован в Женеве Владимир Серебреников, в лице которого, как полагали, попался сам Нечаев. После этого он приезжал еще раз в мае 1871 г.

Знал ли Нечаев Меледина? Вероятно, да. Мы полагаем, что Меледин был членом его организации «Народная расправа», Меледин унаследовал от Нечаева паспорт Флореско вместе с миссией устроить типографию и поддерживать связи с Россией; литература, которую он имел у себя и рас-

---

[1] Кроме письма Паничкова Н. Начеву, о проживании Нечаева под болгарским или сербским именем упоминается и в статье Д-а «Арест С. Г. Нечаева в Цюрихе»: «В то же время в Цюрихе временно проживал и С. Г. Нечаев под вымышленным, теперь не помню каким, болгарским или сербским именем...» В парижском царском посольстве было известно, что Нечаев жил под болгарским или сербским именем Стефана Грозданова, как я установил, обнаружив в архиве посольства описание отличительных примет Нечаева. В этом описании, между прочим, сказано: «В то время как он покидал Россию в январе (н. ст.) 1870 г., у него был сербский паспорт, выданный в Бухаресте, за № 338, на имя Стефана Грозданова». Грозданов — одинаково сербская, как и болгарская фамилия. В то время сербские консульства в Румынии выдавали паспорта и болгарам. Неудивительно, что своими связями с болгарскими революционерами в Румынии Нечаев обязан был своему паспорту. По понятным причинам он не раскрывал эти связи и проживал как серб, с несколько исковерканной фамилией Гражданова вместо Грозданова. В протесте русских эмигрантов по поводу ареста Нечаева (10 августа 1872 г.) и в докладе майора Николича-Сербоградского указано, что он проживал под видом серба, в первом случае Гражданова, во втором — Grasdanow'a, что уже ближе к Грозданову, чем к Гражданову (см. Р. М. Кантор, В погоне за Нечаевым. Гиз, 1925 г., стр. 137 и 134).

пространял, была сплошь нечаевской. Если бы они друг друга не знали раньше, их общий друг Ботев сообщил бы Нечаеву о Меледине.

Несмотря на самые тщательные изыскания нам не удалось установить участие Н. Ф. Меледина в революционном движении России. Имя это нигде не упоминается. Тем не менее на след Меледина мы напали, установив, что спустя два слишком десятилетия он занимался экономическими вопросами, обнаруживая хорошее знакомство с Румынией. Вот названия двух его книжек, вышедших в 1895 году: «Наш хлеб и румынский на международном рынке» и «Значение нижнего Дуная для торговли и судоходства за последние тридцать лет (доклад, читанный Н. Ф. Мелединым в заседании Санкт-Петербургского отделения императорского общества для содействия русскому торговому мореходству)».

Возвращение Меледина к мирной экономической деятельности «на благо отечества» заставляет нас вспомнить то, что Стоян Заимов рассказывает о судьбе Флореско после того, как его выслали из Румынии.

По словам Заимова, Флореско (а мы знаем, что этот Флореско, вероятно, не кто иной, как Меледин) поселился на противоположном берегу Дуная, в Тульче, в качестве инженера-конструктора, приняв новое имя Запольского. В письмах к своим друзьям в Румынию Флореско высказывает сожаление, что полиция еще раньше не выслала его накоплять в Тульче «парички» (деньжата), ибо «турки глупы и легковерны, как мексиканские индюки». Рассказы Заимова не всегда правдивы, но данное сообщение его похоже на истину.

VIII. Влияние Нечаева на Ботева

В письмах к Огареву Бакунин характеризовал Нечаева следующим образом: «Нечаев — один из деятельнейших и энергичнейших людей, каких я когда-либо встречал. Когда нужно служить тому, что он называет делом, он не колеблется и не останавливается ни перед чем и бывает так же беспощаден к себе, как и ко всем другим. Вот главное качество, которое привлекало меня и долго побуждало меня искать сообщества с ним. Есть люди, утверждающие, что это — просто авантюрист; это — неправда. Это — фанатик, преданный, но в то же время очень опасный, сообщество с которым только может быть гибельно для всех... Он — страшный честолюбец, сам того не зная, потому что отождествил революционное дело с самим собой, но это не эгоист в банальном смысле этого слова, потому что он страшно рискует и ведет мученическую жизнь лишений и неслыханного труда. Он очень опасен, так как ежедневно нарушает доверие и совершает измены, от которых тем труднее уберечься, что едва можно подозревать их возможность. Вместе с тем Нечаев — сила, потому что это огромная энергия; я с большим сожалением разошелся с ним, так как служение нашему делу требует много энергии и редко встречаешь ее так развитую, как у него».[1]

[1] См. у Волкова, там же, стр. 121—122.

Правильна ли эта характеристика, сделанная Бакуниным после разрыва с Нечаевым? В своей положительной части она безусловно правильна. Именно энергичным, фанатичным революционером, все подчинившим исключительно революционному делу, и явился Нечаев Ботеву. Не разрешая здесь вопроса о точности и правильности отрицательной части бакунинской характеристики Нечаева и даже допуская совершенную ее правильность, все же мы можем утверждать, что Ботев не мог почувствовать того, что Бакунин называет склонностью к измене, так как при своем исключительном положении в Румынии Нечаев не мог иметь случая и повода «изменять» Ботеву, а других друзей у него там не было, кроме Каравелова, да и то лишь временно.

Ботев мог заметить в Нечаеве только его энергичную, беззаветную и самоотверженную преданность революции, прекрасно выраженную в воззвании «К русским студентам», отправленном Нечаевым из Лондона в 1870 г.: «Будем же глухи и немы ко всему, что не дело, ко всему, что не мы, не народ». [1]

С этой непреодолимой энергией, привлекавшей старого революционера Бакунина и многих других, Нечаев попадает к Ботеву в Измаил. В лице Ботева он встретил убежденного последователя русских революционных писателей и человека горячего темперамента.

Каково было настроение Ботева до появления Нечаева, видно из стихотворений, которые он опубликовал в этот период,—«Матери», «Брату» и «Элегия». Все эти стихотворения мрачны, безнадежны, исполнены муки и отчаяния.

Ты ли так жалобно пела, родная,
Целых три года меня проклиная,
Что я по свету, несчастный, шатаюсь,
С тем, что душе ненавистно, встречаясь?
(«Матери»).

Распят мыслями своими
В буре мрачного мечтанья!
Кто, какой рукою снимет
С молодой души страданье?
(«Брату»).

Бедный народ мой, скажи мне, поведай,
Кто тебя в рабской качал колыбели?
(«Элегия»). [2]

В «Элегии» выражена мука бездействия: вместо активной реакции ожидание:

Ждем, что оттуда [3] придет к нам свобода!

---

[1] Г. А. Куклин. Итоги революционного движения в России за сорок лет. Женева, 1903 г., стр. 174. Также у Б. Богучарского, Активное народничество и пр., стр. 136.

[2] Эти, как и все приведенные в настоящей статье стихи Ботева, переведены С. М. Городецким.

[3] Т. е. от самих турок.

Только в «Дележе» есть обет активности, однако с печальным концом:

Заветная дума свершится:
Пусть встретим мы смерть на дороге![1]

В этом настроении душевных терзаний, ищущем выхода в активности борца и мученика, застает его гипнотизирующая личность Нечаева, личность с большим именем настоящего, преследуемого по всему миру, опасного революционера. Можно ли допустить, что Нечаев, который потом, в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, успел даже стражу распропагандировать и привлечь на свою сторону, не окажет влияния на Ботева? В каком направлении действовало это влияние, мы сейчас увидим.

Во-первых, оно способствовало развязыванию, освобождению кипевшей в Ботеве революционной энергии. После продолжительного общения с Нечаевым Ботев отдается всецело, безраздельно и навсегда общественной деятельности, революции.

Во-вторых, влияние русского революционера содействовало прояснению и конкретизации общественных взглядов Ботева. Нечаев, являющийся как бы мостом от нигилизма 60-х годов к революционному народничеству 70-х, помог и Ботеву проделать скорее эту неизбежную эволюцию. Правильно понял это влияние Нечаева на Ботева (хотя и предполагая продолжительность их общения только в несколько дней — в августе 1869 г.) Михаил Димитров, который видит результат этого влияния в идейной эволюции Ботева от идеологии передовой русской интеллигенции 60-х годов к идеологии Бакунина и Нечаева, в приобщении Ботева к поколению 70-х годов.[2]

Конкретно это влияние проявляется в ряде прямых поступков Ботева.

Оно подымает его настроение, что видно из вслед за тем напечатанных двух стихотворений: «До моето първо либе» («Моей первой любимой») и «На прощаване» («На прощанье»). Новые ноты прозвучали в них. Не мрачные ноты безнадежности, а раскаты революционного напряжения. От своей возлюбленной поэт не хочет больше песен любви, они ему опротивели, пусть поет она о жгучих страданиях народа или лучше молчит. Сердце поэта трепещет, оно полетит туда, где земля гремит и грохочет от страшных и злобных криков и предсмертных могильных песен.

Там ветки с дубов буря косит,
И сабля венком их свивает,
Там ужас в долинах голосит,
И пуля в полях завывает.

В стихотворении «На прощанье», написанном по поводу неудавшейся

[1] «Дележ» посвящен Любену Каравелову.

[2] Михаил Димитров, Христо Ботев. (Идеи — личность — творчество), стр. 162.

попытки Ботева отправиться в качестве повстанца в Болгарию, поэт прощается с матерью и с любимой девушкой. Он идет сражаться за свободу и может умереть. Но когда две слезы упадут на старую и молодую груди, его братья, увидев это, научатся сильно любить и ненавидеть... Но если поэт возвратится живым и здоровым к матери, со знаменем в руках и с отборной дружиной, — тогда

В саду вы цветов нарвите,
Веток плюща и здравца, [1]
Свяжите венки и букеты,
Украсьте иглянки [2] и головы!
И тогда ты, с венком и букетом,
Прийди ко мне, мать родная,
Прийди ко мне и прильни ко мне,
Поцелуй мой горящий лоб,
Горящий двумя словами:
Юнацкая смерть иль свобода!
А я обойму любимую
Рукою с кровавой раной,
Чтоб она услыхала, как бьется,
Как трепещет юнацкое сердце.
И слезы у ней заструятся
На грудь под моим поцелуем...
А потом... Прощай, роднаяl
Любимая, помни меня!
Дружина встает и мчится.
Путь наш страшен, но славен.
Быть может, я юным погибну...
Но мне той довольно награды,
Когда про меня скажут люди:
Умер, бедняга, за правду,
За правду и за свободу.

Непосредственно за этими стихотворениями напечатано в «Дума на българските емигранти» и стихотворение «Борьба». Когда и где написана «Борьба»? По словам Стояна Заимова, как «Борьба», так и «Моя молитва», т. е. как раз те два стихотворения, в которых наиболее полно и ярко выражен символ веры поэта, написаны на дунайском островке, в общении с Иваном Ивановичем, т. е. с Нечаевым: «что фантазия Ботева создала два эти стихотворения на Дунайской Балте, это мы знаем из его собственных рассказов о робинзоновской жизни его на Измаильской Балте. Эти стихотворения он декламировал себе по берегам и в ивняке островка». [3] Затем, еще до напечатания, их распевали болгарские эмигранты в браильских и галацких корчмах.

Борьба — стихия Ботева. Он говорит где-то, что «человек брошен в борьбу за свободу и истину. В этой борьбе смех и плач, добро и зло, в ней прогресс человеческий».

Благородное негодование кипит в его «Борьбе». Тирания и зло господ-

[1] Сильно пахнущий горный цветок.
[2] Современная Ботеву система ружья.
[3] Стоян Заимов, там же, стр. 220.

ствуют в мире. Борцы умирали в муках и страданиях, не успев освободить порабощенных. Мир привык тянуть лямку, целовать тяжелую железную руку и с верой слушать лживые слова: молчи, молись, когда тебя бьют; если зверь с тебя сдирает кожу, если змея сосет твою кровь, уповай только на бога и уважай царя...

Негодование поэта еще не нашло себе выхода. Через четыре года, уже возмужавший и прояснивший свое миросозерцание, Ботев пишет окончание «Борьбы», где выход уже найден. Он знает, что в кровавом и грешном царстве подлости, разврата, слез, печали и бесконечного зла кипит борьба и уже близок ее священный конец, когда мы воскликнем: хлеба или свинца!..

В «Моей молитве» Ботев отвергал бога, которому попы и монахи кланяются, а православные скоты палят свечи; который помазал царей, пап и патриархов, а братьев-бедняков оставил в неволе; который учит рабов терпеть, молиться и питает их до самой смерти голыми надеждами. Поэт восстает против бога обманщиков и бесчестных тиранов, этого идола глупцов и душителей человеческих, и призывает «бога разума», защитника рабов, вдохнуть каждому живую любовь к свободе, чтобы бороться с врагами народа.

И моей руке дай силу,
Чтоб, когда рабы восстанут,
Я нашел в борьбе могилу,
Боевому верен стану.

Сердце буйное остынуть
Не оставь ты на чужбине
И не дай беззвучно стихнуть
Песен голосу в пустыне!

Итак, Ботев покончил со своей старой жизнью, у него нет более никаких колебаний. Рубикон перейден.

Неудивительно, что Ботев не дожидается в Измаиле окончания учебного года, хотя оно уже очень близко. Что может значить для него детская школа, когда властный внутренний голос зовет его к подвигу и славе?

Ботев бросается безраздельно и навсегда в вихрь революции.

Он начинает издавать первую болгарскую газету коммунистической окраски «Дума на българските емигранти». В ней он печатает пламенную апологию Парижской Коммуны.

Для того, чтобы достать средства на революцию, он отважно пускается в отчаянные эксы. Он становится «пугалом» для богатых болгар в Браилове и Галаце.

«В душе своей, однако, все питали к нему уважение и респект»,[1] потому что все знали, что Ботев является самым бескорыстным человеком, что он несет только риск деяния, а плоды идут для общего революционного дела. Ночные нападения Ботева с экспроприаторской целью «были достоянием всех его более или менее приближенных людей. Он не скрывал их ни от

[1] Захарий Стоянов, там же, стр. 185.

кого, рассказывал их всем с мельчайшими подробностями, считая их чем-то обыкновенным, своим долгом». [1]

Ботев сделался революционером в духе знаменитого «Катехизиса».

Если можно верить Захарию Стоянову в том, что рассказывает он о пропаганде Ботева среди арестантов в Галаце, то следует отметить, что здесь у великого болгарского революционера явно выступают бакунинско-нечаевские идеи о революционности разбойничьего мира. Захарий Стоянов рассказывает, что Ботев «выступил перед ними с речью, в которой он их назвал гражданами будущего государства бедняков, когда не будет тюрем, богатых, помещиков, бедняков, как они сами, следовательно, не будет и никаких краж, так как каждый будет иметь то, чего теперь не имеет... Арестанты, которые слушали нового апостола со вниманием, рукоплескали и с триумфом подняли его на руки». [2]

Итак, влияние Нечаева на Ботева было многосторонним и благотворным.

В истории болгарского революционного движения имя русского революционера Сергея Геннадиевича Нечаева останется памятным навсегда. как имя человека, ускорившего революционное развитие Христо Ботева,

[1] Захарий Стоянов, там же, стр. 177.
[2] Захарий Стоянов, там же, стр. 188.

Б. НИКОЛАЕВСКИЙ

ВЗГЛЯДЫ М. А. БАКУНИНА НА ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В РОССИИ В 1849 г.

(Забытая брошюра Бакунина [1])

I

В письмах Гервега к Герцену, опубликованных Лемке в его «Комментариях» к «Полному собранию сочинений и писем А. И. Герцена», имеется одно упоминание о М. А. Бакунине. Из биографов последнего на это упоминание до сих пор еще никто не обратил внимания, а между тем оно представляет большой интерес, ибо, — как покажет дальнейшее, — содержит ценное указание, которое дает нам возможность вскрыть новый, до сих пор в литературе совершенно неизвестный эпизод из жизни Бакунина в бурный период революции 1848—1849 гг., и притом эпизод, чрезвычайно важный с точки зрения изучения взглядов и деятельности Бакунина в ту эпоху.

Это упоминание мы находим в одном из недатированных писем цюрихского периода жизни Гервега, которое Лемке по содержанию совершенно правильно относит к марту 1850 г. В нем Гервег сообщает Герцену:

«Наконец, знаешь ли, что автор брошюры «Russische Zustände» — Бакунин? Некий D-r Willich aus Dresden, живущий здесь, поправил ее слог. Он напишет заметку о твоей брошюре для «Dresdener Zeitung». Бакунин... вот как несправедливы бывают к друзьям!» [2]

Как я покажу дальше, это место письма Гервега не вполне правильно прочитано Лемке, и его ошибка несколько сбивает читателя, но само по себе указание письма на принадлежность брошюры «Russische Zustände» Бакунину весьма интересно, так как в известном нам литературном активе Бакунина такой брошюры не значится. По этому вопросу имеются и другие аналогичные свидетельства. Из этих последних наиболее определенно указание Евг. Освальда, который в своей статье «Etudes sur la Russie: la commune rurale, avenir de la Russie», упоминая о брошюре «Russische

---

[1] Ряд указаний на литературу вопроса мною получен от проф. Г. Майера, Д. Б. Рязанова, Э. Цобеля, Д. И. Чижевского и особенно М. Неттлау, которым я приношу здесь мою глубокую признательность.

[2] А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, Государственное издательство, т. XIV, стр. 59.

Zustände», еще в 1851 г. заявил в печати, что автором ее был «наш благородный и несчастный» Бакунин. [1]

Ознакомление с источниками информации, которыми располагали Гервег и Евг. Освальд, заставляет признать, что к их показаниям следует отнестись с полным вниманием.

Е. Освальд (1826—1912) был довольно известным баденским демократом и публицистом, одно время членом редакции «Mannheimer Abendzeitung», — органа того крыла баденских демократов, которое в течение всего революционного периода выступало сторонником перехода к вооруженной борьбе. Сам он принял непосредственное участие в так называемом «третьем баденском восстании» (май — июль 1849 г.), был помощником A. v. Trützschler'a по организации революционной власти в Гейдельберге. После поражения восстания ему удалось скрыться за границу (заочно он был приговорен к 4 годам каторги), и он закончил свой жизненный путь инструктором морской академии в Гринвиче. Для русского читателя он особенно интересен своими явными симпатиями к «русскому социализму» Герцена, — симпатиями, вполне определенно выявившимися в его упомянутой выше статье «Etudes sur la Russie». В своих мемуарах, написанных много позднее, Е. Освальд этот свой «уклон» объясняет влиянием главным образом Гакстгаузена, но по статье в «La liberté de penser» видно, что, если влияние Гакстгаузена имело значение, то окончательный характер и размеры «уклона» были определены влиянием первых произведений, выпущенных Герценом «с того берега». Герцен был вполне прав, когда в письме к друзьям от 19 июня 1851 г. эту статью Е. Освальда приводил в качестве показателя своего влияния в некоторых кругах европейской демократии. [2] Во всяком случае едва ли простой случайностью следует объяснить тот факт, что и в «Bremer Tages-Chronik», — одном из любопытнейших и интереснейших органов не-пролетарской демократии Германии этого времени, — парижским корреспондентом которой состоял Е. Освальд, было напечатано несколько сочувственных статеек о Герцене [3].

Именно этот интерес Е. Освальда к «русскому социализму» обусловил его внимательное отношение и к брошюре «Russische Zustände». О принадлежности же ее Бакунину ему могло стать известно из двух источников.

С самим Герценом он тогда знаком еще не был. В своих воспоминаниях Е. Освальд определенно говорит, что п о с л е появления его статьи в «La

---

[1] Эта статья Е. Освальда напечатана в томах VII и VIII (выпуски 40 и 43) парижского журнала «La liberté de penser. Revue démocratique» за 1851 г.; указание на Бакунина как автора «Russische Zustände», см. на стр. 417 и 421, т. VII.

[2] «А. И. Герцен. Новые материалы». К печати подготовил Н. М. Мендельсон. Изд. «Историко-революционной библиотеки» журнала «Каторга и ссылка», 1927, стр. 74.

[3] Мне известны две таких статьи: в номерах «Bremer Tages-Chronik» от 4 марта и 6 мая 1851 г. (обе без подписи; первая из них озаглавлена «Demokratisches Flüchtlingsbankett eines Einsamen»; вторая помечена Гамбургом). Необходимо, впрочем, отметить, что в числе сотрудников «Bremer Tages-Chronik» имелись и другие немецкие демократы, тогда в той или иной степени сочувственно относившиеся к взглядам Герцена.

liberté de penser» Герцен сделал попытку завязать с ним личное знакомство и заходил в редакцию журнала, чтобы узнать его адрес, но тогда их встреча по случайным причинам состояться не могла, и начало своего личного знакомства с Герценом Освальд относит уже к лондонскому периоду своей жизни. [1] Но у Освальда были старые отношения с Фр. Каппом, имя которого хорошо известно русскому читателю по «Былому и думам». Этот последний, как известно, переводил «С того берега» на немецкий язык. С ним Герцен, вполне естественно, мог поделиться сообщением Гервега о личности автора брошюры «Russische Zustände», а он легко мог эти сведения передать Освальду.

С другой стороны, имеется указание на существование связей между Е. Освальдом и лейпцигским издателем Эрнстом Кейлем как раз в тот период, о котором сейчас идет речь. В те годы Э. Кейль был не только издателем немецкого текста бакунинского «Воззвания к славянам», но и почти восторженным поклонником Бакунина. Позднее он переменил свои взгляды, впрягся, подобно многим другим деятелям 1848 г., в победную колесницу Бисмарка, и в органе его, известной «Die Gartenlaube», не нашлось места и для двух строк о смерти Бакунина. Но в 1848—1852 гг. влияние Бакунина легко можно установить во многих изданиях Э. Кейля: и в «Leuchtturm», где он с нескрываемым восхищением рассказывает о своих встречах с Бакуниным, и в мелких брошюрах, напр. в брошюре «Die rote Liste des Hauses Habsburg vom Jahre 1848—1849», которая целиком пропитана жгучей, чисто бакунинской ненавистью к австрийской монархии и горячей симпатией к освободительному движению австрийских славян. В 1849—1850 гг. Э. Кейль жил в Лейпциге, где полиция считала его тайным агентом лондонского центрального комитета Руге, Мадзини, Ледрю-Роллена и др. Он, несомненно, знал имя автора брошюры «Russische Zustände», которая, как мы увидим ниже, вышла в свет в одном лейпцигском издательстве, с которым Кейль был связан [2].

Еще ближе к первоисточнику подводит нас разбор письма Гервега. В нем читателю, знакомому с эпохой, внушает недоверие упоминание имени Виллиха. Среди деятелей немецкой революции 1848—1849 гг. был только

---

[1] Воспоминания Е. Освальда вышли только по-английски под заглавием: «Reminiscences of a busy life. By Eug. Oswald. London, 1911». О статье в «La liberté de penser» и о знакомстве с Герценом в них говорится на стр. 189 и 206—207; о работе в «Bremer Tages-Chronik» на стр. 207.

[2] Указание на связи Освальда с Э. Кейлем имеется в «Anzeiger für die politische Polizei Deutschlands auf die Zeit vom 1. Januar 1848 bis zur Gegenwart...», herausgegeben von * — Dresden, 1855, стр. 59 (составителем этой книги, как видно из переписки о ней берлинского полицей-президиума, был полицейский офицер Миллер, который использовал для своей работы официальные полицейские издания); о своем знакомстве с Бакуниным Э. Кейль рассказал в статье «Die Mitarbeiter des Leuchtturms» («Leuchturm», Leipzig, № 37 за 1849 г., стр. 535—536); в этом журнале есть и другие статьи о Бакунине, написанные с большими к последнему симпатиями). Точное заглавие упоминаемой в тексте брошюры против Габсбургов: «Die rote Liste des Hauses Habsburg vom Jahre 1848 — 1849. Ein Kalender auf alle Tage des Jahres mit Angabe von Feiertage der Dinastie», Leipzig, 1850.

один Виллих, а именно Август Виллих, один из крупнейших военных руководителей первого и третьего восстания в Бадене, член Союза коммунистов, после раскола в последнем возглавлявший вместе с Шаппером враждебную Марксу ультра-левую фракцию этого Союза. Как показывает именной указатель к сочинениям Герцена [1], М. К. Лемке полагает, что речь идет именно об этом Виллихе. Если бы это было верно, если бы в письме стояло именно это имя, то свидетельство Гервега не заслуживало бы никакого доверия, так как за весь революционный период 1848—1849 гг. дороги Бакунина и Виллиха скрестились всего только на один момент, в самом начале апреля 1848 г. во Франкфурте-на-Майне. После этой короткой встречи они больше не встречались в течение всей своей жизни вообще: уже 11 апреля 1848 г. мы находим Виллиха в Констанце на Баденском озере, где он с Геккером, Густ. Струве и др. разрабатывает план первого баденского восстания; после разгрома его он скрывается во Франции, живет в Безансоне, Страсбурге, Лионе, формируя немецкие повстанческие отряды; в марте 1849 г. его арестовывает французская полиция в Лионе и в цепях («mit der Kette um den Hals», — писал о нем парижский корреспондент «Schweizerische National-Zeitung») высылает в Швейцарию, куда он поспевает как раз во-время для того, чтобы броситься в самую бурю «третьего баденского восстания». Ни в одном из тех городов, в которых за это время побывал Бакунин, — ни в Бреславле, ни в Праге, ни в Берлине, ни в Кеттене, Лейпциге, Дрездене, — Виллих не был, а потому, если бы письмо Гервега было правильно прочитано Лемке, то мы должны были бы совершенно отвести это свидетельство как совершенно недостоверное. Но в том-то и дело, что письмо это Лемке напечатал неправильно, и речь в нем идет совсем не о Виллихе: это ясно из всего контекста приведенной выше цитаты, ибо Виллих не был ни доктором, ни уроженцем Дрездена (в Дрездене он, вообще, за всю свою жизнь, кажется, никогда не бывал), ни сотрудником «Дрезденской газеты», да и, кроме того, в начале 1850 г. Виллих не мог говорить с Гервегом в Цюрихе, ибо был выслан из Швейцарии еще на основании решения Швейцарского союзного совета от 16 июля 1849 г. вместе с другими виднейшими военными и политическими руководителями восстания в Бадене и покинул швейцарскую территорию в конце сентября 1849 г. (его прощальное письмо к соратникам по оружию датировано 27 сентября), направившись в Англию [2]. Лемке просто неправильно прочел письмо Гервега, в котором на самом деле

[1] См. т. XXII, стр. 410.

[2] Биография A. Willich'a (1810—1878) плохо разработана в литературе (наиболее обстоятельный из известных мне биографических очерков о нем напечатан в «Deutscher Pionier», Цинциннати, Соединенные Штаты Северной Америки, за 1878 г., но и этот очерк дает материалы главным образом об американском периоде жизни Виллиха), — поэтому даты об его передвижении мне пришлось брать из повременной печати тех лет и из мемуарной литературы, полное перечисление которой заняло бы слишком много места; укажу лишь, что упоминаемое в тексте прощальное письмо Виллиха напечатано впервые в «Schweizerische National-Zeitung» от 1 октября 1849 г., а процитированная в тексте корреспонденция из Парижа — в номере от 12 апреля 1849 г. (автором этой последней, судя по ряду косвенных данных, был Герман Эвербек).

стояло не Dr. Willich, а Dr. Wittig. Этот последний был уроженцем Дрездена, в 1848—1849 гг. редактировал «Дрезденскую газету», был близко связан с Бакуниным, — его имя нам стало известным по «Исповеди» и показаниям последнего; этот Виттиг в начале 1850 г., как будет видно из даваемой ниже биографической справки о нем, действительно жил в Цюрихе и мог встречаться с Гервегом. Привлечение Бакуниным этого Виттига к делу редактирования брошюры о России представляется со всех точек зрения более чем возможным, и письмо Гервега, после введения в него соответствующего исправления, приобретает ценность вполне достоверного свидетельства.

II

Ни Гервег ни Освальд, говоря о брошюре Бакунина, не дают никаких указаний об издательстве, ее выпустившем, о годе и месте издания; неясным они оставляют даже вопрос о том, была ли эта брошюра выпущена анонимно или за какой-либо подписью. Изложение Освальда, правда, дает все основания для предположения, что брошюра вышла за полной подписью Бакунина; по крайней мере, выписывая ее заголовок в начале своей статьи, Освальд имя Бакунина проставляет полностью и без каких-либо скобок. Но, как увидим ниже, подписи Бакунина на брошюре не стояло, а потому это указание Освальда только затрудняет поиски.

Несмотря на эту недостаточность указаний Гервега и Освальда, найти упоминаемую ими брошюру Бакунина не представляет большого труда. Справка в немецких Bücherlexikon'ах позволяет установить, что за подписью Бакунина в период 1847—1851 гг. такой брошюры не появлялось: под именем его эти лексиконы для того периода регистрируют только одну вещь — известное «Воззвание к славянам» [1]. Но в тех же лексиконах мы найдем указание на анонимно появившуюся брошюру «Russische Zustände»[2], знакомство с которой позволяет не только с полной определенностью установить, что именно о ней писали Гервег и Освальд, но и найти новые свидетельства, окончательно выясняющие факт причастности Бакунина к ее составлению.

Эта брошюра вышла летом 1849 г. в Лейпциге в издательстве Heinr. Matthes. Точный ее заголовок: «Russische Zustände. Ein Bild aus der Jetztzeit» (этот последний подзаголовок приведен и Освальдом). Написана, несомненно, русским революционером, — это видно из ее содержания. В качестве русского рекомендовало ее автора и издательство, которое в газетных объявлениях о выходе брошюры подчеркивало, что она дает «заслу-

[1] Необходимо, впрочем, оговориться, что как раз для этой бурной эпохи Bücherlexikon'ы особенной полнотой не отличаются; в них имеется немало пропусков: чтобы не ходить далеко за примерами, достаточно отметить, что в них не зарегистрировано немецкое издание знаменитой речи Бакунина на банкете 29 ноября 1847 г. (эта речь по-немецки вышла в январе 1848 г. под заглавием «Russland wie es wirklich ist». Mannheim, bei Hopp).

[2] Эта брошюра зарегистрирована в «Vollständiges Bücherlexikon» von Chr. G. Kayser, часть XI, т. 2, стр. 599, и в «Allgemeines Bücherlexikon» von Wilh. Heinsius, часть XI, т. 2, стр. 507.

живающее доверия изображение внутренних государственных отношений в империи царя», так как она «вышла из-под пера известного русского» (подчеркнуто в подлиннике) [1]. Далее, точка зрения автора брошюры в ряде моментов совпадает с точкой зрения Герцена, развитой последним в «С того берега», т. е. и в этом отношении брошюра отвечает тому единственному указанию относительно ее содержания, которое дает Освальд.

Наконец, удается найти свидетельство о принадлежности этой брошюры Бакунину, идущее и от самого Dr. Wittig aus Dresden, на которого ссылался Гервег в письме к Герцену. Этот Л. Виттиг спустя четверть века после революции 1848—1849 гг. выпустил в Цюрихе историю революционных движений в разных странах за время от восстания Северной Америки против Англии и до Парижской Коммуны. В этой истории небольшой раздел он посвятил и характеристике общественных отношений в России эпохи 40-х годов, причем всю эту часть своего изложения построил на данных брошюры «Russische Zustände». Брошюры этой Л. Виттиг в своей книге прямо нигде не называет, но цитаты из нее (и притом взятые в кавычки) он дает обширные, целыми абзацами, подчеркивая, что в этом своем изложении он опирается на «сообщения известного русского агитатора Мих. Бакунина», который эти мысли «высказывал в 1849 г.» [2].

III

В этих последних заявлениях Л. Виттига весьма характерна осторожность, с которой он приводит имя Бакунина. Он не говорит, что цитируемые им строки написаны Бакуниным, а только указывает, что последний их «сообщал» и «высказывал». Понять смысл этой осторожности, — а вместе с тем и точнее выяснить роль Бакунина в составлении брошюры, — мы сможем, если более внимательно изучим историю ее происхождения.

В показаниях, данных Бакуниным на допросах в саксонской следственной комиссии, имеется одно крайне интересное для нас место, где Бакунин признает, что в начале своей жизни в Лейпциге, т. е. в январе 1849 г., он начал «подготовлять более крупное сочинение о политическом положении России». [3] Других сообщений об этой работе Бакунина в литературе, насколько мне известно, не имеется, но догадки о работе Бакунина в этом направлении, несомненно, приходили в голову многим из читателей той группы отобранных при аресте Бакунина рукописей, которую В. П. Полонский в своих «Материалах» объединил под общим заголовком «Революция, Россия и славянство»; во всяком случае, часть из отрывков этой группы

---

[1] Объявление это появилось в «Dresdener Zeitung» от 4 августа 1849 г. (стр. 1042).

[2] L. Wittig, Ein Jahrhundert der Revolution. Geschichtl. Entwicklung der Kämpfe für und gegen die Volksfreiheit. Zürich, Verlag-Magazin (Schabelitz), 1874, 2 тома. Брошюру «Russische Zustände» Л. Виттиг в этой работе использует в томе I, на страницах 281—284; цитированное в тексте указание на Бакунина см. том I, стр. 283.

[3] В. П. Полонский, Бакунин и дрезденское восстание («Красный архив», т. 27, стр. 169).

и была первоначальными, совсем еще не обработанными набросками для задуманного тогда Бакуниным «более крупного», чем «Воззвание к славянам», «сочинения о политическом положении России». Насколько широко тогда Бакунин хотел охватить эту тему, можно судить по факту нахождения в бумагах Бакунина особой, — «обширной», как говорит о ней В. П. Полонский, — рукописи неизвестного автора на частную тему о судах в России; теперь едва ли может быть сомнение в том, что эта рукопись была составлена кем-то в качестве материала именно для данной работы, тогда задуманной Бакуниным. [1]

О мотивах, которые побудили Бакунина приняться за эту работу, он сам, кажется, нигде не говорит, но понять их особого труда не представляет. Мысль об издании книги, посвященной России, уже давно приходила ему на ум. Еще в Швейцарии в начале 1843 г. он вплотную подходил к подобной работе. Но особенно остро этот вопрос должен был встать перед ним в 1848 — 1849 гг., после того как в парижской речи 29 ноября 1847 г. и особенно в «Воззвании к славянам» в декабре 1848 г. он выступил перед революционной Европой в качестве человека, верящего в возможность революции в России. Его выступления 1848 — 1849 гг. декларируют веру в русскую революцию; «крупное сочинение», несомненно, должно было обосновать революционные декларации Бакунина, подвести под них фактический фундамент.

К сожалению, работа эта Бакуниным закончена не была, — как говорит он в своих цитированных уже выше показаниях, она вообще-то подвинулась очень мало, — ибо другие вопросы и другие дела отвлекли Бакунина от начатой работы; из тех же его показаний мы знаем, что он ее бросил, чтобы заняться составлением письма в журнал Сабины с ответом на нападки, которыми чешская и немецко-чешская печать встретила «Воззвание к славянам». Но и это письмо не было закончено: Бакунина оторвало вступление русских войск в Семиградскую область, на которое он откликнулся своим «Воззванием к чехам», — опубликованным недавно В. П. Полонским под названием «Второе воззвание к славянам», — чтобы затем с головой броситься в организационно-агитационную работу по подготовке восстания в Чехии.

В этой обстановке ему было, конечно, уже не до писания «крупного сочинения» о России, — к работе над ним Бакунин так и не вернулся. Но все же он сознательно говорит не полную правду, когда в своих показаниях утверждает, что «из него ничего не опубликовал»: потребность текущей политической агитации вынудила его в апреле 1849 г. вернуться к теме о положении дел в России; в это время им была написана, — или, что вероятнее, продиктована, — серия газетных статей на эту тему, позднее изданных отдельной брошюрой под заглавием «Russische Zustände», и нет ника-

[1] Об этой рукописи мы знаем по выдержкам, приводимым В. П. Полонским в комментариях к «Материалам для биографии Бакунина», т. I, стр. 399—400. Было бы очень важно сделать попытку выяснить личность автора этой записки, так как это могло бы дать в высшей степени ценную нить для изучения связей Бакунина с русскими в 1848—1849 гг.

кого сомнения, что при всей своей незаконченности и непроработанности эти статьи достаточно полно вводят нас в круг тех мыслей, которые Бакунин собирался высказать в своем не написанном «крупном сочинении» о России. Это делает брошюру в высшей степени ценным и важным документом, мимо которого в дальнейшем не сможет пройти ни один биограф Бакунина.

Как только что было отмечено, брошюра эта выросла из серии газетных статей, за составление которых Бакунина вынудили взяться потребности текущей политической агитации. О том, какие именно были эти потребности, мы узнаем из воспоминаний одного из участников дрезденского восстания, Фердинанда Кюрнбергера, который знал Бакунина по Дрездену и затем в течение некоторого времени делил с ним тяжесть заключения в одной из камер дрезденской тюрьмы; в своей статье о Бакунине, написанной летом 1850 г. (в связи с выдачей Бакунина австрийцам), т. е. вскоре после встречи с ним, Ф. Кюрнбергер следующим образом изображает настроение немецких (и прежде всего дрезденских) демократов весной 1849 г.: [1]

«То была смутная, неприятная эпоха, когда контр-революция уже победила в Вене и Берлине и, однако, ни немецкий народ не чувствовал себя побежденным, ни династии — победительницами. Обе стороны сражались не только своим собственным оружием, — в борьбе принимала участие тень, кажущаяся величина, призрак, от чего не было ни полной радости при победе, ни полного отчаяния при поражении. Этой кажущейся величиной была Россия. Надежда на русский союз и страх перед русским нашествием — вот действительно один из решающих моментов в борьбе между революцией и реакцией. Бакунин верным глазом распознал это моральное положение. Он видел немецкую демократию лишенной мужества и раздавленной перед этим призраком; он видел немецкую реакцию набирающейся гордости и силы при помощи все того же призрака; он видел, что силы революции не разбиты, настойчивость не исчерпана, жажда дела не улетучилась; он видел, что здоровое, полное сил тело не могло

[1] Ferd. Kürnberger, 1821—1879 гг., «Literat aus Wien», как его именуют «Wochenbericht'ы» дрезденской полиции, деятельный участник октябрьского восстания 1848 г. в Вене, после чего он скрылся в Дрезден; имел некоторое отношение к майскому восстанию 1849 г. в Дрездене, был там арестован, но отделался очень легко: уже 16 февраля 1850 г. был освобожден с последующей высылкой из Саксонии. В 1850-х годах жил в Бремене и Гамбурге, работая в местной демократической печати; позднее — довольно известный немецко-австрийский публицист и фельетонист, автор ряда книг. Цитируемая в тексте статья его впервые была напечатана (под заглавием «Der Russe Bakunin») в №№ 406—407 «Norddeutsche Freie Presse» (демократическая газета, выходившая тогда в Гамбурге-Альтоне) от 17 и 18 июня 1850 г.; в том же году она была перепечатана полностью в бременской «Tages-Chronik» и некоторых других демократических газетах, а также в книге Ad. Streckfuss, Das Volksarchiv. Eine Sammlung geschichtlicher Erzählungen aus der neuesten Zeit, Berlin, 1850, I том, стр. 610—624 (цитата взята из № 406 «Norddeutsche Freie Presse»). Статья эта подписана одними инициалами F. K., но принадлежность ее Кюрнбергеру ясна из переписки последнего (см. Ferd. Kürnberger, Briefe eines politischen Flüchtlings. Aus dem Nachlass herausgegeben von Otto Erich Deutsch, Leipzig — Wien, E. Pol und C° Verlag, 1920, стр. 218).

продолжать борьбы «как бы раздавленное горою. Тогда Бакунин сделал попытку, поскольку это было в его силах, заклясть злого волшебника, освободить немецкую грудь от невидимого, призрачного гнета. Именно с этой точки зрения и должна быть рассматриваема та серия статей о русском военном деле, которую Бакунин опубликовал в начале 1849 г. в «Dresdener Zeitung» и в которой он, в качестве признанного знатока, в ярком свете обрисовал всю внутреннюю бессодержательность и моральное ничтожество кажущейся столь страшной солдатской силы России».

В марте — апреле 1849 г. эта атмосфера враждебности и страха пред Россией достигли своего апогея. Ведь в это время русские войска уже вступили в Семиградье; уже шли переговоры об их походе на Венгрию; уже было сосредоточено несколько корпусов на границе прусской Силезии.

Вполне естественно, что русский революционер, заброшенный судьбой в среду германских демократов, не мог не чувствовать потребности выступить в печати и по этой группе вопросов. Цитированные выше воспоминания Ф. Кюрнбергера свидетельствуют, что такое выступление Бакуниным было сделано, и дают указание, в каком направлении следует вести поиски. «Dresdener Zeitung», о которой говорит Ф. Кюрнбергер, была в 1848—1849 гг. одной из наиболее ярких демократических газет в Германии. Для бакунистов она представляет особый интерес, так как из признаний самого Бакунина, — в показаниях и в «Исповеди», — мы знаем, что он был тесно связан с ее редакторами, особенно с одним из них, уже известным нам Л. Виттигом [1]. Просмотр этой газеты легко позволяет установить, что статья указанного Ф. Кюрнбергером содержания в газете действительно появилась, а именно в №№ 86 и 87 от 11 и 12 апреля 1849 г. (стр. 656 и 660). Напечатана она в отделе корреспонденций в форме письма о России и носит подзаголовок: «Das Heer». Статья эта не стоит особняком, а является началом целой серии: непосредственно за ней в газете идет статья «Das Volk» (№№ 88 и 89 от 13 и 14 апреля, стр. 664 и 668—69), а затем, после небольшого перерыва, начата печатанием статья «Adel» (№ 92 от 18 апреля, стр. 691). Все эти статьи объединены общим заголовком: «Russische Zustände», и сверка их текста с напечатанной в настоящем номере «Летописей» брошюрой показывает, что эта последняя представляет собою воспроизведение этих статей без каких бы то ни было изменений, но с прибавлением не появившегося в «Dresdener Zeitung» окончания статьи «Adel» и еще одной статьи — «Kirche und Pfaffen; Beamtentum und Finanzen».

В газете статьи эти печатались помеченными тем же самым значком, которым пользовался Л. Виттиг для обозначения других своих неподписанных статей [2], и это, в сопоставлении с осторожностью формули-

[1] Эта газета содержит вообще немало материалов, в высшей степени ценных для изучения взглядов и деятельности Бакунина в революционные годы; подробно эти материалы будут обработаны автором этих строк в специальном очерке.

[2] В немецкой прессе 40-х годов было принято при печатании в газете неподписанных статей какого-либо автора помечать их впереди текста особым для каждого автора значком, — кружком, крестиком, буквой алфавита и т. д. Эти пометки очень помогают в библиографических поисках, хотя при пользовании ими необходима известная осторожность.

ровок, которые дает Виттиг в своей цитированной выше книге, с одной стороны, и указанием письма Гервега об «исправлении» Виттигом слога бакунинских статей — с другой, заставляет сделать вывод, что в действительности статьи не были написаны самим Бакуниным непосредственно, а записаны Л. Виттигом с его, Бакунина, рассказов или по его же черновым наброскам. Так как Бакунин не принадлежал к числу людей, легко выражающих свои мысли на бумаге, а Виттиг, наоборот, был литератором-профессионалом, то такой вывод представляется весьма правдоподобным, тем более, что отношения между Бакуниным и Виттигом, поскольку они нам известны по рассказам современников, принадлежали к категории отношений учителя к ученику, вождя к адъютанту-секретарю. [1]

Если все это верно, то именно здесь следует искать и объяснения многих шероховатостей в изложении нашей брошюры, а также и некоторых вкравшихся в нее ошибок, которые сам Бакунин сделать не мог: работа над статьями очевидно протекала наспех, совсем по-газетному, — в период, когда Бакунин был занят казавшимися ему значительно более важными свиданиями и переговорами, [2] не оставлявшими времени для просмотра и тщательного выправления сделанной Виттигом записи.

IV

Но если вполне возможно, что пером, которым написан текст брошюры, водила рука не самого Бакунина, то, во всяком случае, содержание ее, все высказанные в ней мысли и взгляды полностью и целиком, — это следует подчеркнуть со всей определенностью, — принадлежат именно Бакунину. За это говорит не только достаточно длинный список свидетелей-современников — Е. Освальд, Ф. Кюрнбергер, Г. Гервег, Л. Виттиг и само издательство, выпустившее брошюру (ибо таково единственно возможное толкование его объявления о ней). Если сгруппированные выше данные кого-нибудь еще не убедили, то всякое сомнение станет невозможным, когда мы перейдем к ознакомлению с содержанием брошюры, к сопоставлению ее отдельных мест с другими произведениями Бакунина тех же лет. Особенно показательным в этом отношении будет сравнение ее с недавно найденной в пражских

[1] Очень интересные указания с этой точки зрения имеются в романе Любояцкого, 1849 oder des Königs Maienblüte. Historischer Roman aus der Gegenwart, 1850, Grimme, Leipzig. Verlag-Comptoir. Автор этого романа, — сам, кажется, житель Дрездена, — описывает деятелей дрезденского восстания почти несомненно с натуры, а потому в этих частях его роман можно рассматривать как показание современника.

[2] Напомню, что статьи эти печатались в «Dresdener Zeitung» между 11 и 18 апреля, а в эти же дни М. Неттлау регистрирует встречи Бакунина с Вальдеком, Д'Эстером и др. приехавшими из Берлина депутатами-демократами (10 апреля), затем с приехавшим из Праги делегатом чешских революционных кружков Фричем (13—14 апреля) и т. д. (литографированная работа М. Неттлау, т. I, стр. 106, 112 и прим. 684).

архивах оправдательной запиской Бакунина, составленной им в 1850 г. во время заключения в кенигштейнской крепости.[1] Эта последняя записка, написанная почти через год после появления статей «Russische Zustände», едва ли не во всем, что относится к оценке положения в России, оперирует тем же самым материалом, вплоть до фактических указаний, которые в своей оправдательной записке Бакунин делает как свидетель-очевидец (напр., эпизод с сектантом, оскорбившим петербургского митрополита). Больше того, в целом ряде случаев записка повторяет почти дословно даже отдельные формулировки этих статей, отдельные их выражения, — достаточно сравнить, напр., замечания о декабристах, о русских сектантах, о восстании Пугачева и т. д. Так как о заимствовании Бакуниным фраз и формулировок из чужой статьи, конечно, не может быть и речи, то подобные совпадения могут быть объяснены только общностью происхождения этих двух документов.

Чтобы правильно понять значение бакунинских высказываний о России, надо знать, что его революционное отношение к русскому самодержавию было не только общеизвестно в Германии 1848 г., но и почти легализовано там. Ведь он уже в апреле 1848 г. ехал туда с полной ясностью в этом вопросе, печатно заявив о преследуемой им задаче. И даже больше того, именно эта сторона его тогдашней деятельности в течение некоторого времени обеспечивала ему известное покровительство и помощь со стороны немецких, — особенно прусских, — властей.[2] Вполне естественно, что, попав

---

[1] Немецкий текст этого письма-исповеди опубликован в недавней работе молодого чешского ученого V. Cejchan, Bakuňin v Čechach (Spisy vojenského archivu R. C. S.). V Praze, Nákladem vojenského archivu R. C. S. 1928. Русский перевод этой записки, вместе с предисловием В. П. Полонского, опубликован в №№ 6—7 «Каторги и ссылки» за 1928 г. под заглавием «Политическая исповедь Михаила Бакунина».

[2] Я не могу останавливаться на этом моменте с должной полнотой, ибо мне пришлось бы тогда затронуть несколько новых для бакуниноведения вопросов, привлечь целый ряд новых материалов и источников. Но ввиду новизны моего утверждения я не могу не привести одного достаточно, по моему мнению, убедительного аргумента. Каждый, кто читал «Исповедь» Бакунина, конечно, обратил внимание на то место, где Бакунин сообщает, как начальник берлинской полиции Минутоли выдал ему, Бакунину, фальшивый паспорт «на имя Вольфа или Гофмана, не помню» («Материалы» В. П. Полонского, т. I, стр. 142). Бакунин не объясняет, почему это было сделано, а отделывается явно несостоятельной оговоркой, что Минутоли-де «желал, вероятно, чтобы я не терял привычки ездить с двумя паспортами». Из биографов Бакунина никто не попытался по-серьезному объяснить этот эпизод; В. П. Полонский его вообще обходит, а Ю. М. Стеклов довольствуется догадкой: «возможно, что Минутоли рассчитывал с помощью его (т.е. фальшивого паспорта) лучше следить за продвижениями Бакунина по Германии» («М. А. Бакунин», т. I, изд. 2-е, 1926 г., стр. 249). Эта последняя догадка явно несостоятельна. Совершенно неизвестно, почему легче следить за человеком, когда он живет по фальшивому паспорту, чем когда у него паспорт настоящий, если и в том и в другом случае проставленная в паспортах фамилия хорошо известна полиции. А ведь Минутоли не только возвратил Бакунину один уже имевшийся у того фальшивый паспорт, но и дал другой, добавочный. Цели у Минутоли были совсем другие: он помогал Бакунину скрывать его пребывание в Пруссии от кого-то третьего, и нетрудно понять, что этим третьим были агенты русского правительства. Мотивы подобного поведения Минутоли нам будут ясны, если мы ознакомимся с его биогра-

в саксонскую тюрьму, Бакунин продолжал ту же линию поведения и на допросах не только не скрывал своей революционности в отношении царской России, но даже склонен был перегибать палку, подчеркивая, что его революционные интересы лежали **только** в этой области, что все остальное его мало интересовало.

Тем более интересно разобрать, с каких именно сторон Бакунин показывал саксонским судьям свою революционность, какие мотивы ее он подчеркивает. О внутреннем положении России Бакунин вообще говорит всего на шести страницах из сорока; положению же русского крестьянства, его настроениям и борьбе он уделяет лишь несколько абзацев. Но эти немногие абзацы, по существу, наиболее важны для историка, желающего проникнуть в существо мировоззрения Бакунина вообще. Если, однако, брать эту записку как таковую, то ее основное содержание придется искать, конечно, не в этих вступительных абзацах, а на остальных 30 страницах документа, — там, где Бакунин развивает сложные соображения об опасностях, которыми царская Россия грозит целости, единству и славе германского народа.

Наряду с некоторыми, порою весьма ценными указаниями, действительно существенно уточняющими наши сведения о позиции Бакунина, записка содержит и моменты, стремящиеся эту позицию затемнить. Достаточно сопоставить вступительные абзацы записки 1850 г. с соответствующими местами, напр., «Воззвания к славянам», чтобы понять характер той обработки, которой Бакунин подвергает основные стороны своего мировоззрения, прежде чем представить его на рассмотрение саксонским судьям: в «Воззвании» Бакунин горит желанием прихода крестьянской революции, с сосредоточенной страстностью он вызывает ее стихию, возлагает на нее все надежды; в записке же 1850 г. он выступает как, правда, сочувствующий, но все же сторонний наблюдатель намечающихся процессов исторического развития; он констатирует неизбежный приход крестьянской революции, но себя с нею отнюдь не сливает. Больше того, в некоторых моментах он себя от этой крестьянской стихии вполне определенно отмежевывает, а именно там, где эта стихия переходит за границы русского государства и, подходя к рубежам Саксонии, становится явно враждебной саксонским судьям, которым, кстати сказать, и самим пришлось в 1848 г. познакомиться с этой стихией. Посмотрите, с какой категоричностью и безусловностью формулирует Бакунин в записке свое отрицательное отношение к восстанию галицийских крестьян 1846 г., и сравните это место с тем, что Бакунин писал о последнем восстании в «Воззвании к славянам», где он умел рассмотреть в нем «зародыш новой, неожиданной силы, вулканический огонь» крестьянской стихии, правда, направленной по неверному пути, но зато содержащей в себе моменты, заставляющие Бакунина верить, что именно из этой стихии «высоко и прекрасно взойдет в Москве созвездие

фией, из которой узнаем, что он принадлежал к тем прусским бюрократам, которые пытались свою карьеру строить на создании объединенной под прусским протекторатом Германии и спекулировали при этом на антирусских настроениях немецкого обывателя.

революции из моря крови и огня и станет путеводной звездой для блага всего освобожденного человечества».

Записка — типичный документ тюремного происхождения, типичная «исповедь», написанная в целях самозащиты; она — в высшей степени ценна, но жестоко ошибется тот кто все сказанное в ней примет за чистую монету и отождествит мировоззрение Бакунина с основными устремлениями записки. Изучать это мировоззрение надо по документам другого порядка, — по тем политическим заявлениям Бакунина, которые написаны им не за тюремной решеткой, а на свободе, в моменты политического действия и подготовки к нему.

V

Брошюра «Russische Zustände» ценна именно тем, что она принадлежит к группе документов не-тюремного происхождения. Брошюра показывает, как смотрел на положение дел в России Бакунин, находясь на свободе и участвуя в политической борьбе, каким он хотел его представить аудитории не судейских чиновников, а готовившихся к борьбе немецких демократов. Изложения этой стороны бакунинских взглядов мы до сих пор не имели. Все, что мы раньше о нем знали, вполне определенно выявляло основу его революционной веры, но детали ее, — ее конкретные черты, — были настолько неясны, что даже М. Неттлау, лучший знаток Бакунина, уже давно в основном правильно отметивший сущность его революционной позиции 1840-х годов, допускал, как выясняется после знакомства с «Russische Zustände», такие крупные ошибки, как, напр., утверждение о полном отсутствии у Бакунина элементов веры в особую роль русской общины.[1] Только брошюра «Russische Zustände» при всех своих недочетах, обусловленных условиями ее составления как популярной брошюры, предназначенной для немецкой аудитории, впервые дает возможность нарисовать в общем связную картину тогдашних взглядов Бакунина на положение дел в России, восстановить в более или менее цельном виде остов его представлений о движущих силах и характере русской революции, прихода которой он так страстно дожидался.

Эта картина рисуется в следующих чертах.

Высшие классы в России давно уже потеряли всякую тень политической самостоятельности. Партия недовольных аристократов, которая при Екатерине II обосновалась в Москве, «уничтожена без малейшего следа». Ныне существует только придворная аристократия, которая представляет собою «лишь жалкую толпу прислужников», не имеющих энергии даже на дворцовый переворот, даже «на убийство из-за угла», как с презрением говорит о них Бакунин. «Если это дворянство действительно еще имеет какое-либо влияние, то это влияние лакея, знающего все слабости своего повелителя, на своего хозяина». Никакой самостоятельностью и независи-

[1] См. M. Nettlau, Der Anarchismus von Proudhon zu Krapotkin, Берлин, 1927, стр. 32.

мостью не обладают и высшие сановники; даже Сенат, высшее учреждение в империи, «никогда не осмелится показать хотя бы тень самостоятельности»: царь может сослать в Сибирь любого сенатора «без того, чтобы хоть одна собака залаяла». Точно так же обстоит дело и с церковью, которая является таким же «слугою государства», а ее служители, духовенство, — такими же чиновниками, как и все прочие. Царь, один только царь, «является единственным источником всей законодательной и исполнительной власти» в стране.

Лишенные самостоятельности, невежественные, находящиеся в полной зависимости от царя, эти классы не имеют никакого влияния на народ. Священники в деревнях не пользуются никаким уважением; они пьянствуют вместе с крестьянами «и притом с такой виртуозностью, что в России поп и пьяница являются равнозначущими понятиями»; о какой-либо фанатической привязанности русского крестьянина к государственной церкви не может быть и речи.

Еще меньшим влиянием пользуется чиновничество; все чиновники снизу доверху воры; они грабят и притесняют «черный народ», обкрадывают и казну. Все рассказы об огромных богатствах последней—ни на чем не основанная легенда. Наоборот, финансы России в очень плохом состоянии, и «банкротство русского государства гораздо ближе, чем думают слепо верующие».

Очень тяжело положение народа. Характерно для тогдашних взглядов Бакунина, что он в качестве «черного народа», наряду с крестьянами, за одну скобку выносит также и «занятых в торговле и ремеслах», имея в виду, конечно, крепостных крестьян на оброке; буржуазии, русского «третьего сословия», он вообще не касается, — очевидно, не считая ее сколько-нибудь заметной группой.

На положении «черного народа» Бакунин, к сожалению, останавливается слишком кратко: весь соответствующий раздел очерков посвящен рассказу о том, как этот народ ведет борьбу со своими угнетателями.

Единственная сила, которой держится в России царь, это—войско, но и здесь не все обстоит благополучно. Характеристике армии Бакунин посвящает особую главу, показывая, с каким трудом, при помощи каких суровых репрессий удается поддерживать дисциплину среди солдат, обкрадываемых начальством, мучимых службой, недовольных и озлобленных. Такая опора, конечно, не надежна.

Ничто, «никакие национальные, никакие религиозные узы не связывают народ с царем», резюмирует Бакунин; никакие общественные группы или слои не стоят связующими посредниками между ними. На Западе, говорит Бакунин, распространено совершенно ошибочное представление о русском крестьянине. Много говорят о его беспредельной преданности батюшке-царю. Это представление глубоко ошибочно. Между царем и народом, наоборот, все время идет непрекращающаяся борьба. В России существует до 200 различных сект, чрезвычайно влиятельных в народных массах; все они «носят политический характер и все сходятся на том, что отвергают нынешний порядок и смотрят на власть царя, как на

царство антихриста»; некоторые из них носят «даже коммунистический характер с общностью имущества и жен» (эту формулировку повторяет и записка 1850 г.: в сознании Бакунина она, очевидно, играла видную роль). Гонения, которые предпринимает против них власть, не только не приносят нужных результатов, но, напротив, делают их более влиятельными и более фанатичными. Их агитация против официальной церкви и царя находит широкий отклик среди народа, который «объединен... отсутствием свободы, рабством, в котором он находится, и стремлением из него вырваться».

Накопляющееся в результате всех этих условий недовольство народных масс проявляется в бунтах и восстаниях, которые «являются ясным показателем социального брожения в России, зашедшего много дальше, чем это кажется Европе, которая видит только поверхность, покрытую царскими красками». «Первым большим протестом со стороны деревенского народа против угнетателей было восстание Пугачева». Очень интересны и, для понимания тогдашних взглядов Бакунина, крайне важны его отзывы об этом восстании, совпадающие с соответствующим абзацем записки 1850 г. и лишь более определенно подчеркивающие симпатии Бакунина к пугачевскому движению. «Сектанты составляли его (Пугачева) главную силу; пожары усадеб, груды трупов дворян и чиновников отмечали его путь; в Москве народ ждал только его появления, и Екатерина II дрожала на своем троне». Восстание все же не удалось: Пугачев был разбит и казнен, но «память о нем как о народном герое продолжает жить», «народ все еще с гордостью передает рассказы о пугачевщине», свидетельствует Бакунин, и читатель чувствует, что автор вполне разделяет эти настроения народа.

С тем же сочувствием относится Бакунин и к крестьянским восстаниям последних лет, факт роста числа и размеров которых он особо подчеркивает. Он рассказывает, правда, о жестокостях, которые совершают восставшие, но делает это только для того, чтобы разъяснить смысл этих жестокостей, показать их неизбежность и даже, быть может, необходимость: народ пришел к выводу, что освободиться он может, только «перебив всех дворян» без исключения, — как злых, так и добрых.

Поводы для такого рода бунтов бывают самые различные. С явным удовлетворением Бакунин отмечает, что «русский народ вообще легко возбудим», что «достаточно какой-нибудь небылицы, чтобы толкнуть его на выступление, и в случае надобности его собственная фантазия изобретает такие небылицы, чтобы дать пищу его стремлению».

Если сектанты являются, так сказать, революционными пропагандистами и идеологами народных движений, то организаторами бунтов, их боевыми руководителями оказываются отставные солдаты. Измученные и озлобленные невыносимо тяжелой службой, увидевшие всю гниль правительственного аппарата, вплоть до самых верхов, солдаты возвращаются домой по окончании службы в свои, конечно, разоренные за четверть века гнезда и становятся здесь непримиримыми бунтарями, — «проводниками недовольства» в крестьянскую массу; они неутомимо «сеют семя революции на столь плодородной почве русского крепостничества». Именно отставные

солдаты «являются самыми предприимчивыми и смелыми руководителями не прекращающихся крестьянских волнений», и это дает уже свои результаты: замечено, что «в то время, как раньше крестьяне только жгли и убивали без всякого плана и тактики, во время восстаний (последних лет)... восставшие имели центр армии, арьергард и авангард и что они вообще сражались более по-военному».

Какие же требования выдвигают крестьянские массы, какая программа имеется у этого движения? Бакунин говорит о ней только мимоходом, но и эти мимоходом бросаемые замечания весьма характерны: борьба идет не просто за освобождение личности крестьянина от крепостной зависимости; русский крестьянин убежден, что имеет «право на землю»; он никогда не говорит «земля нашего господина», а всегда: «наша земля»; по его убеждению, «земля принадлежит общине, каждый отдельный крестьянин имеет лишь право пользования ею, право наследования существует только для движимого имущества, но не для земельного участка, и каждые 20—25 лет производится новый передел земли». «Нарушить этот общинный уклад, даже с лучшими намерениями», народ никому не позволяет: «это был бы смертный приговор для любого помещика». Именно эти особенности русского народа и предопределяют, по мнению Бакунина, программу движения: «характер русской революции, — говорит он, — как социальной [подчеркнуто Бакуниным. — *Б. Н.*], таким образом, заранее предуказан и имеет корни во всем характере русского народа, в его общинном укладе». Община, оказывается, и тогда стояла в самом центре мировоззрения Бакунина.

Таковы силы русской революции, нарастающие в народных низах, и таково основное устремление ее программы, этими низами выдвигаемой. К ним в последнее время идет встречный поток из верхов русского общества: отсюда выделяются слои молодежи, которые все определеннее и определеннее становятся в ряды противников старого строя, все полнее и решительнее переходят в лагерь народной революции. Началу этому движению было положено вскоре после 1812 г. движением либерального офицерства, из которого вырос заговор декабристов. В этом заговоре «все было еще юношески-романтично», но он замечателен тем, что «был первым пробуждением всего русского дворянства, а не прежним дворцовым заговором». Основные требования вождей этого заговора, — Пестеля, Рылеева, Муравьева, — по изложению Бакунина, сводились к следующим: «объявление земли национальной собственностью, освобождение крестьян, свержение дома Романовых и образование славянской федеративной республики посредством разрушения Российской империи». Характерно, что сам Бакунин, хотя и признает, что эти требования «являются существенными еще и сегодня для русской революции», но в то же время явно смотрит на них как на уже превзойденную движением ступень.

В 1825 г. заговор был раздавлен, но реакция, воцарившаяся затем в стране Николая, наряду с отрицательными сторонами, принесла и некоторые определенно положительные результаты: «неслыханный гнет» «разбудил новый дух, который, в противоположность духу 1825 г., столь бо-

гатому иллюзиями, был реальным и основательным, так как опирался на знание всего позорного механизма». Для России это было периодом, соответствовавшим тому, который в Германии был связан с именем Берне, — «периодом мучительного самопознания, самооплевания». Результатом этой критической работы над собой явилось «приобретение молодым дворянством убеждения, что оно ничего не стоит, не имеет никакого будущего, что только в народе энергия, вся будущая жизнь России»; придя к этому убеждению, «радикальная молодежь... пренебрегает государственной службой и стремится к народу, стараясь слиться с ним в деревне». «Это, — резюмирует Бакунин, — есть догмат сегодняшней России»; ее революционная партия ищет соединения с народом, отдает себя на службу тому народному движению, которое нарастает в низах, принимая ту его идеологию, о которой была речь выше, — таков вывод, к которому с несомненностью приводят рассуждения Бакунина.

VI

В предыдущем изложении я сознательно опустил ряд моментов, хотя и частных, но все же весьма существенных для понимания основ миросозерцания и тактических взглядов Бакунина тех лет, так как правильное освещение этих моментов потребовало бы обширных экскурсов далеко в сторону от основной темы; так, напр., имеющиеся в брошюре замечания об отношении различных кругов русского народа к нашествию Наполеона, — замечания, конечно, далеко не во всем исторически верные, — можно понять, лишь разобрав вопрос о том, как ставила и трактовала в ту эпоху демократия Запада проблему революционной войны против России, и в свете этих данных выяснить отношение к этой проблеме самого Бакунина; с другой стороны, совершенно непонятное для современного читателя внимание Бакунина к верхам церковной иерархии предстанет пред нами в ином свете, если мы разберемся в его взглядах на значение того религиозно-реформаторского движения, которое в предреволюционные годы охватило всю Германию, — если мы выясним характер общего взгляда Бакунина на роль религиозных движений.

Эти пропуски довольно существенны. Но, несмотря на их наличие, только что набросанная по «Russische Zustände» картина взглядов Бакунина на тогдашнюю Россию, на задачи и цели революционного в ней движения в основном значительно обогащает бакунинoведение. Стоит только вспомнить, что нам было известно об этих сторонах мировоззрения Бакунина до знакомства с его брошюрой, чтобы понять, какой крупный шаг вперед можно сделать благодаря ее использованию. С полным правом можно сказать, что в определенном отношении эта брошюра впервые знакомит нас с настоящим Бакуниным эпохи его первой эмиграции.

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

ПИСЬМО ФЛЕРОВСКОГО К. МАРКСУ

ПРЕДИСЛОВИЕ

10 мая 1929 г. исполнилось сто лет со дня рождения И. Флеровского (В. В. Берви), когда-то «властителя дум» первого поколения 70-х годов, а теперь настолько основательно, хотя и совершенно незаслуженно забытого, что даже «специалисты» не имеют никакого представления о его действительных заслугах. А между тем именно теперь, под знаком «серпа и молота», пора вспомнить об авторе «Положения рабочего класса в России».

«Впечатление, произведенное этой книгой на молодое поколение 70-х годов, — пишет Аптекман, — было поистине потрясающее... Завеса упала с глаз. Впервые «великая крестьянская реформа» выявилась в том виде, в каком она была в действительности. Впервые мы узнали доподлинно, что она действительно дала народу. И потрясающая картина народного разорения, обнищания, пауперизма, встала перед нами. Это — не западно-европейский пролетариат, «свободный, как птица». Это — нищий, голый, с сумой на плечах, блуждающий по деревням и селам «крещеной Руси», — нищий и голодный, прикрепленный, как раб к своей галере, цепями бесправия к своей «общине». Молодежь была потрясена до глубины своей души».

Сопоставим с этим отзывом мнение другого читателя этой книги. В письме Маркса от имени Генерального совета I Интернационала к членам русской секции в Женеве мы читаем:

«Несколько месяцев тому назад мне прислали из Петербурга сочинение Флеровского «Положение рабочего класса в России». Это—настоящее открытие для Европы. Русский оптимизм, распространенный на континенте даже так называемыми революционерами, беспощадно разоблачен в этом сочинении. Достоинство его не пострадает, если я скажу, что оно в некоторых местах не удовлетворяет критике с точки зрения теоретической. Это — труд серьезного наблюдателя, бесстрашного труженика, беспристрастного критика, мощного художника и, прежде всего, человека, возмущенного против гнета во всех его видах, не терпящего всевозможных национальных гимнов и страстно делящего все страдания и все стремления производительного класса. Такие труды, как Флеровского и как вашего учителя Чернышевского, делают действительную честь России и доказывают, что ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении нашего века».

Принадлежавший Марксу экземпляр этой книги, к счастью, сохранился. (В институте Маркса и Энгельса имеется полная фотокопия.) Вся книга испещрена заметками, которые показывают, что Маркс, прорабатывая самым тщательным образом труд Флеровского, в то же время использовал его, чтобы окончательно овладеть русским языком, с которым он начал знакомиться по книге Герцена «Тюрьма и ссылка».

Книгу Флеровского Маркс, как это видно из письма к Энгельсу от 23 октября 1869 г., получил сейчас же по ее выходе в свет. Первые русские рецензии появились в ноябрьских книжках «Вестника Европы» и «Отечественных Записок». Первая большая статья «Отчего трудно поправляться нашему рабочему», которая в старых революционных кружках изучалась не менее усердно, чем книга Флеровского, появилась только в февральской книге «Отечественных записок» за 1870 г. Цитированное нами письмо Маркса с отзывом о книге Флеровского датировано 24 марта 1870 г.

В упомянутом письме к Энгельсу Маркс отметил, что книга Флеровского «к сожалению» написана по-русски. Но уже через месяц он пишет Кугельману (29 ноября 1869 г.), что «начал изучать русский язык в виду того, что мне послали из Петербурга книгу о положении рабочих классов (конечно, включая сюда и крестьян) в России».

Мы не узнаем от Маркса, кто именно послал ему книгу Флеровского. Сделана ли была специальная попытка обратить его особенное внимание на эту книгу и познакомить его с ее содержанием?

Всего только за год перед этим Маркс писал Кугельману (12 октября 1868 г.): «Несколько дней тому назад один петербургский книгопродавец поразил меня известием, что печатается русский перевод «Капитала». Этим корреспондентом, сообщившим Марксу это известие, был Николай —он (Н. Даниэльсон), который мог при этом назвать Марксу имя этого издателя. А им был тот же самый О. Н. Поляков, который издал и книгу Н. Флеровского. Несомненно, что этот издатель находился под влиянием людей или группы, которая толкала его на издание таких книг, как «Капитал» или книга Флеровского. К этой группе принадлежал Николай—он, близкие приятели которого М. Негрескул и Г. Лопатин уже принимали активное участие в революционном движении. И весьма вероятно, что именно при содействии Николай—она Флеровский, вместе с книгой, послал Марксу большое письмо на немецком языке, в котором он дает подробный конспект и историю своей книги. Письмо это сохранилось. Мы даем его ниже в русском переводе.

Таким образом, Маркс имел уже представление о том, что он может найти в книге Флеровского, и это послужило для него лишним стимулом, чтобы взяться за изучение русского языка. Он, таким образом, «убивал двух зайцев». Из писем его к Энгельсу видно, как энергично Маркс взялся за дело.

«Из книги Флеровского, — пишет он 10 февраля 1870 г., — я прочитал уже первые 150 страниц (Сибирь, Северная Россия и Астрахань). Это—первый труд, в котором сообщается правда о русских экономических отношениях. Автор — решительный враг так называемого им «русского оптимизма». [1] Я никогда не питал особенных иллюзий насчет этого коммунистического Эльдорадо, но Флеровский превосходит всякие ожидания. Действительно, весьма знаменательно, и во всяком случае признак поворота, что нечто подобное может быть напечатано в Петербурге.

«У нас пролетариев мало, но зато масса нашего рабочего класса состоит из работников, которых участь хуже, чем участь всякого пролетария. [2] Способ изложения весьма оригинален, иногда очень напоминает Монтейля. Видно, что автор всюду побывал лично и внимательно наблюдал. Жгучая ненависть к помещику, капиталисту и чиновнику. Никакой социалистической доктрины, никакого аграрного мистицизма (хотя и за форму общинного землевладения), никакого нигилистического бахвальства. Местами благожелатель-

[1] В издании Бернштейна сказано: коммунизма.
[2] Вся подчеркнутая фраза, в письме Маркса приводится по русски.

ная словесность, которая, однако, пригодна для уровня развития людей, на которых рассчитана книга. Во всяком случае самая значительная книга, которая вышла в свет после твоей о «Положении рабочих классов».

В следующем письме (от 12 февраля 1870 г.), в котором Маркс сообщает Энгельсу полное заглавие книги Флеровского, он делает еще ряд замечаний:

«Что меня особенно забавляет во Флеровском, так это его полемика против прямых податей с крестьян. Это почти полное воспроизводство (аргументов) маршала Вобана и Буагильбера. Он и сам чувствует, что положение крестьян имеет свою аналогию в эпохе старой французской монархии (со времени Людовика XIV).

«... Из его книги вытекает неопровержимо, что современные условия в России не могут долго удержаться, что освобождение крестьян, конечно, только ускорило процесс разложения и что предстоит грозная социальная революция. В ней можно также нащупать реальную основу того школьнического нигилизма, который является теперь модой среди русских студентов».

Мы не будем приводить здесь всех замечаний, которые сделаны Марксом на полях книги. Они все переведены в статье Б. Николаевского «Русские книги в библиотеках Маркса и Энгельса» («Архив Маркса и Энгельса», книга четвертая, стр. 372 — 378). Они объясняют нам, почему Маркс счел необходимым в своем официальном письме указать на теоретические недостатки работы Флеровского.

Д. Рязанов.

ГОСПОДИНУ КАРЛУ МАРКСУ ОТ ФЛЕРОВСКОГО

Часть первая

Глава 1. Работник-бродяга

Я был приказчиком у одного богатого «купца»-капиталиста в [Мо]Томске. Он вел большие дела (винокуренные заводы в Восточной и Западной Сибири, золотые промыслы и т. д.). Здесь я узнал все, что я рассказываю в этой главе о жизни рабочих. Рабочих и хозяев, которых я здесь описываю, я или лично знал или же узнал путем письменных или устных розысков, которые я производил по поручению моего хозяина (для различных целей). Жизнь в тюрьме я изучил следующим образом: во-первых, я юрист и посещал тюрьмы, чтобы познакомиться с ними, во-вторых, я два раза [был], сидел по политическим делам в различных тюрьмах, где провел таким образом больше года, в-третьих, я в качестве политического преступника прошел по этапу около 550 миль из одной тюрьмы в другую и неделями сидел в различных тюрьмах. Таким образом я познакомился с самыми различными тюрьмами и с массой преступников.

Глава 2. Сибирский земледелец

Я совершил путешествие из Тюмени через Омск в Томск и везде беседовал с крестьянами, затем проехал в Кузнецк (в Томск...) и обратно. Путешествие из Томска на восток я проделал несколько раз в качестве приказчика. Я был в Мариинске, Ачинске, Красноярске, Енисейске. Я совершил путешествие по очень мало посещаемой дороге из одной деревни в Ачинском округе в Енисейск (по Старо-ачинской дороге), затем по рекам Томи, Оби, Иртышу, Тоболу, Таре через северные города Нарым, Сургут и др.,—поездку из Тобольска в Тобольскую губернию. Все эти путешествия вместе с поездками в тайгу, по моему расчету, составляют около 9 200 верст (1 300 миль). Я, конечно, везде беседовал с жителями. Затем я больше года прожил в Кузнецке в политической ссылке, — понятное дело, я летом и зимой бродил по окрестным деревням и беседовал с населением.

Глава 3. Зауральский рабочий

Часть объясняется сказанным уже прежде. Если бы я захотел объяснить, каким образом я сделал все приведенные в этой главе вычисления, то это заняло бы слишком много места, но некоторое понятие об этом я все

же дам. Как я уже сказал, я был приказчиком у богатого (купца-капиталиста) в Томске. Это дало мне возможность хорошо познакомиться с ценами на съестные припасы и т. д., а также узнать способ покупки и продажи во всех частях Сибири, от Урала до Байкала. Самым основательным образом я познакомился со всем этим в Кузнецке и в Мариинске, где я был несколько раз. В Кузнецке я лично знал почти всех так называемых крупных и мелких торговцев. Все, что я таким образом узнал, я сопоставил с официально опубликованными статистическими данными и на этом основании сделал вычисления. Если Вы пожелаете далее познакомиться с деталями, то я для примера могу сказать Вам следующее. В Кузнецком округе водка продавалась капиталистами, которые все были заодно. По окончании года они производили между собою расчет: тот, кто продал больше, платил тому, у кого был небольшой сбыт, и т. д. Это делалось для того, чтобы конкуренция не могла сбить цены. Счета, которые таким образом концентрировались у моего хозяина, дали мне возможность самым точным образом познакомиться со всем сбытом водки не только в Кузнецком округе вообще, но и в каждой части этого округа, а также и с ценами и с формой торговли.

Глава 4. Положение работника на севере

Я был в Вологде в политической ссылке. В это время проходили переселенцы из Олонецкой губернии (из Каргопольского и Пудожского уездов). Мы оказывали им помощь, и при этом я с ними беседовал; это было настоящее исследование. Чтобы получить ясное представление о положении, я воспользовался также официальной статистикой, в особенности так называемыми памятными книжками, сборниками всего статистического материала, собранного в статистическом бюро каждой губернии. По Печерскому краю у меня был печатный труд комиссии. Многое я, конечно, нашел не в таком виде, как это было мною напечатано, я вычислил это по источникам. Север имеет также небольшую литературу, конечно, чрезвычайно отрывочную и разбросанную в периодических изданиях и т. д. Я воспользовался и этим. Мои поездки по Пермской, Вятской и Вологодской губерниям также помогли мне в этом отношении. (По моим вычислениям я проделал здесь 5 200 верст (750 миль.) В Вологду приходят рабочие с севера и из Архангельска, которые занимаются перевозкой водным путем товаров в Архангельск, — я и их также опрашивал.

Глава 5. Астраханская губерния. Национальности

В Астрахани я жил в политической ссылке. Я занимался там адвокатурой. Таким образом я в особенности хорошо познакомился с положением рыбаков и садовников, так называемых моряков, которые занимаются также перевозкой товаров через Каспийское море. С делами капиталистов я познакомился из процессов, которые я должен был вести, и из их счетов, которые я должен был читать. Кроме того, имеется интересная литература и официальная статистика в особенности о рыбной ловле в России. Я пользовался также и этим и делал вычисления. О калмыках я узнал от

калмыков, с которыми я познакомился и имел сношения, и от чиновников в Астрахани. (Однажды меня даже призвали на совет для разрешения спора об их, так сказать, феодальном праве.) Среди татар и мордвы я провел всю свою молодость и знал массу людей. Цифры о населении в Казанской губернии я заимствовал из Казанской памятной книжки.

Часть вторая

Глава 1. Земледелец на помещичьих землях в Вологодской губернии

О положении крестьян в Вологде я составил себе понятие на основании личных расспросов. Официальной статистикой я здесь пользовался более чем где бы то ни было. Среди прочего материала я воспользовался печатными приложениями, в которых нашел достаточно полную статистику для каждой сельской общины в губернии. Можно себе легко представить, какую это мне доставило радость и к каким бесконечным вычислениям это дало повод. Радость моя, конечно, еще увеличилась, когда я наконец нашел, что эти вычисления можно действительно использовать и, исходя из них, установить истину. Конечно, далеко не все отчеты были точны, и тут на помощь должны были явиться личные расспросы.

Глава 2. Примеры анархии в поземельных отношениях

Я целых четырнадцать лет прослужил у министра юстиции. Последние пять или шесть лет я был занят почти исключительно составлением докладов о проектах законов. Мне пришлось составить доклад о землевладении в восточной части Европейской России. Я, конечно, не жалел для этого трудов, я возможно подробнее изучил условия. Необходимая масса ненапечатанных актов и проведенные над ними бессонные ночи дали мне возможность составить себе понятие о территориальных условиях в каждой сельской общине этого обширного края. Вы легко можете себе представить, что весь этот труд ни к чему не привел и ничем не помог этим несчастным. Спустя много лет я имел слабое утешение сказать об этом несколько слов в этой главе. Об условиях на Дону я почерпнул сведения из официальных и печатных источников. (Законы, см. Свод военных постановлений, Крестьянское положение, Статистический временник и т. д.).

Глава 3. Влияние помещичьих земель на благосостояние России

Прежде чем написать эту главу, я хотел сперва сам вполне убедиться в истине. Здесь, в первую очередь, было необходимо все вычислить. Поэтому я сперва составил вычисление за шесть лет из опубликованного Академией Наук в календарях статистического материала. Таким образом я убедился в верности моих предпосылок. Из этого вычисления я на странице 193 дал только таблицу смертности на Дону. Затем я опубликовал часть вычисления, сделанного мною по Статистическому временнику

(стр. 194 и сл.). О населении за 1851 год можно найти даже у Кольба. О населении в различных уездах Пермской губернии можно найти в Пермской памятной книжке, для Вологодской губернии в Вологодской памятной книжке (таблицы народонаселения были опубликованы приблизительно через два года.) Вычисление о потреблении водки сделано на основании цифр поступивших акцизных сборов, опубликованных в Статистическом временнике. Цифры на 212 стр. вычислены по приложениям к Вологодской памятной книжке, о которой я уже упоминал. Вычисления для Остзейских провинций сделаны по Статист[ическому] врем[еннику] и т. д.

Глава 4. Земледелец степной полосы между Уралом и Волгою

Я совершил путешествие по Волге от Астрахани до Казани, Казанскую и Самарскую губернии я много раз проезжал, так как мой отец-дворянин жил в Казани и был помещиком в Самарской губернии. Я пользовался также литературой. Для вычислений о лесном хозяйстве, напр., для карты я пользовался самыми различными материалами, Статистическим временником, для стр. 232 и 233 Калужской памятной книжкой, материалами, собранными офицерами генерального штаба для Рязанской губернии, Казанской памятной книжкой, Костромской памятной книжкой, материалами генерального штаба для Бессарабской области, Воронежской памятной книжкой и т. д. Деревня, описанная мною на 235 странице, это — деревня, в которой я провел свою молодость; окрестности этой деревни занимают 400 кв. верст.

Глава 5. Земледелец черноземной полосы

Вычисления первых страниц сделаны главным образом по Статистическому временнику, затем следует то, что я видел во время моих путешествий по внутренней России, о чем я беседовал и читал. Источники здесь указываются чаще, чем в других главах,—может быть этого достаточно.

Часть третья

Глава 1. Работник-приискатель

Я уже говорил, что был приказчиком у одного золотопромышленника, и рассказывал о своих путешествиях по Сибири; в этой главе я изложил часть того, что узнал. Сибирь также имеет свою литературу, часть которой очень оптимистична и никуда не годится, другая часть описывает положение только вскользь; даже такое произведение, как труд Кривошапкина (он знает положение и по своим настроениям только иногда напоминает чиновника), уделяет описанию этого положения сравнительно мало места.

Глава 2. Горный рабочий

Поездки по Уралу и Пермской губернии сушей и водой (по Каме). Беседы с рабочими в других местах. В Калужской губернии я следующим

образом узнал то, что потом написал. Во время освобождения крестьян там был один мировой посредник,—эти чиновники регулировали тогда отношения крестьян и рабочих к помещикам. Он старался близко познакомиться с условиями, целью его было организовать среди рабочих ассоциации в железнодорожной промышленности. Мы познакомились, когда находились оба в политической ссылке, и он сообщил мне результаты своих исследований. Горный промысел имеет литературу, которой я воспользовался.

Глава 3. Впечатление, которое производят промышленные губернии и данные статистики

Я совершил путешествие по Волге от Твери до Казани, затем из Казани в Ярославль, из Ярославля в Москву, затем в Ярославской губернии через Пошехонский и Рыбинский уезды до Рыбинска. В качестве политического преступника я проехал сухим путем из Нижнего через Кострому в Ярославль, причем проезжал от 20 до 30 верст в день (4 мили) и через каждые два дня отдыхал. 56 миль я проехал в 40 дней. Это дало мне, конечно, самый лучший случай хорошо изучить каждую деревню и каждое место (чаевые деньги давали мне свободу). Тщательное вычисление первых страниц сделано по Статистическому временнику и известным цифрам за 1851 г. (напр., у Кольба, август 1860, стр. 90). Статистический временник помог мне и в дальнейшем. Для описания так называемых промышленных губерний я руководствовался литературой; сомнения могла вызвать только Олонецкая губерния, но там насчитывается всего 296 593 жителя, а в одном только водном сообщении занято (как говорит Олонецкая памятная книжка) 92 857 человек; ясно, таким образом, чем эти люди живут. Для Владимирской губернии я пользовался официальной статистикой, памятной книжкой и литературой. Для Ярославской губернии такими же источниками (памятной книжкой, трудами статистического комитета и литературой). Для Вологды и Перми — памятными книжками.

Глава 4. Фабричное и мелкое производство. Хождение на заработки

Источники здесь по большей части указаны.

Глава 5. Нравственное настроение работников в промышленных губерниях и в цивилизованной Европе. Русский пролетарий

Вычисления, приведенные на стр. 411 и след., я сделал по Статистическому временику, Владимирской и Нижегородской памятным книжкам; стр. 422 составлена по Ярославской памятной книжке. Указание источников для заключительной части заняло бы слишком много места. Все это, конечно, не представляет достаточно удовлетворительного объяснения. В случае надобности можно привести еще подробности.

ДВЕ СТАТЬИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ниже мы публикуем две статьи Г. В. Плеханова, которые первоначально были помещены в болгарском «Социалисте».

Первая из них представляет собой обзор «социально-политических событий», который Плеханов написал для «Oesterreichischer Arbeiter-Kalender» на 1896 г.

В конце 1894 г. и начале 1895 г., в связи со смертью Александра III и вступлением на престол Николая II, в земстве и в кругах буржуазной интеллигенции вспыхнули вновь ничем не вызванные иллюзии насчет либерализма молодого императора, вновь стали говорить о «даровании конституции» сверху, вновь капиталистические и хозяйственные круги стали мечтать об освобождении — «без потрясений» — от бюрократической опеки.

Иллюзии были так прочны, что даже недвусмысленный манифест Николая не отрезвил горячие головы «верноподданных», и понадобилась специальная речь в день бракосочетания—17 (29) января 1895 г., чтобы всяким «бессмысленным мечтаниям» был положен конец.

В ответ на речь Николая появилось в Петербурге «Открытое письмо к Николаю II».

Листовка помечена 19 января 1895 г. Она переиздавалась несколько раз и имела широкое распространение среди интеллигенции. Письмо это было известно Плеханову; он приводит из него заключительную строку.

Оно начинается следующими энергичными словами:

«Вы сказали свое слово, и оно разнесется по всей России, по всему культурному миру. До сих пор Вы были никому неизвестны: со вчерашнего дня Вы стали определенной величиной, относительно которой нет больше места «бессмысленным мечтаниям». Мы не знаем, понимаете ли Вы то положение, которое Вы создали своим «твердым» словом. Но мы думаем, что люди, стоящие не так высоко и не так далеко от жизни, как Вы, и потому могущие видеть, что происходит теперь в России, легко разбираются и в Вашем и в своем положении». (В нашем распоряжении фотокопия с переиздания Союза книгоношей, 7 февраля 1895 г.).

А заключительные слова письма звучат прямо угрозой:

«Итак, какое действие произведет на русское общество первое непосредственное обращение Ваше к его представителям?

«Не говоря о ликующих, в ничтожестве и общественном бессилии которых Вы сами вскоре убедитесь, Ваша речь в одних вызвала чувство обиды и удрученности, от которого, однако, живые общественные силы быстро оправятся и перейдут к медленной, но упорной и сознательной борьбе за необходимый для них простор; у других она обострит решительность бороться с ненавистным строем всякими средствами.

«Вы первый начали борьбу, — и борьба не заставит себя ждать».

Кто был автором этого «Письма»?

П. Струве в примечании к статье «В чем исход» («Освобождение», № 68 от

15 апреля 1905 г.) пишет: «После 17 января мы — при участии наших друзей из числа земских деятелей — составили и распространили «Открытое письмо к Николаю II».

Автором письма был П. Струве, который уже тогда состоял в политическом содружестве с земскими деятелями. Этот факт, интересный для истории так называемого легального марксизма, приобретает еще большее значение в связи с нижеприведенной статьей Плеханова.

«Письмо» доставил Плеханову, вероятно, сам Струве; другой экземпляр этой листовки он переслал Энгельсу.

Открыл ли он Плеханову свое участие в составлении «Письма»? Повидимому, нет. Несомненно, он рассказал об обстоятельствах, при которых письмо было составлено, и, повидимому, назвал автором кого-либо из своих «друзей-земцев»; вот почему Плеханов без колебаний приписывает «Письмо» «одному весьма умеренному либералу».

Как документ, выражающий настроение известной части умеренно-земской интеллигенции, «Письмо» представляет большой политический интерес, и немудрено, если Плеханов сделал его основой своего «Обзора».

Итак, к числу факторов, повлиявших на отношение Плеханова к книге Струве и его ошибкам, следует причислить, уже не предположительно, а достоверно, плохое состояние информации, невозможность для Плеханова наблюдать на деле, как влияют теоретические ошибки Струве на его практические действия или, вернее, какая практика породила теоретические уклонения от ортодоксии.

В опубликованном Потресовым письме к Мартову от 25 октября 1908 г. Плеханов пишет:

«Я жалею, что и прежде, когда Струве выдавал себя за нашего, я не обрушился на него, как он того заслуживал. Я не сделал этого, уступая настояниям А. Н.» [Потресова — *В. В.*]. Достоверность этого факта неоспорима («приказ не стрелять по Струве». — *Ленин*).

«Обзор» имеет еще и другие задачи. Необходимо было восстановить истину о первых шагах нового царствования, столь бесстыдно извращенную продажной буржуазной прессой Европы. Буквально вся европейская пресса была наводнена фантастическими статьями и известиями об ожидаемых милостях молодого императора, об амнистиях политическим заключенным. Купленные панегиристы растачали хвалу великодушию Николая II. Рассказывали про манифесты со смелыми, почти революционными мероприятиями.

Плеханову нетрудно было показать, до чего лжив и корыстен весь этот шум буржуазной прессы.

Когда «Календарь» вышел в свет (конец 1895 г.), Ратник перевел «Обзор» Плеханова на болгарский язык и поместил в «Социалисте» (№ 10 от 5 декабря и № 11 от 8 декабря 1895 г.) под заглавием «Общественно-политическое положение России».

Вторая из публикуемых статей написана Плехановым специально для болгарского «Социалиста» и была напечатана в № 68 от 23 сентября 1895 г.

«Социалист» — орган болгарской социал-демократической рабочей партии — начал выходить в Софии осенью 1895 г. два раза в неделю. Ответственным редактором газеты был Георгий Бакалов. На Лондонском конгрессе Интернационала, куда от болгарской социал-демократии были делегированы Г. Бакалов, В. Марков, Х. Раковский и Е. Станкова, Бакалов и Раковский уговорили Плеханова написать для очередного номера их газеты статью.

Отношение Плеханова к болгарским марксистам было всегда самое дружеское. Болгарские марксисты, в свою очередь, относились к Плеханову, как к своему учителю. Нет ни одной сколько-нибудь крупной теоретической работы Плеханова, которая не была бы переведена на болгарский язык. Естественно, что Плеханов охотно откликался на призыв болгарских товарищей.

Такие взаимно-дружеские отношения сохранились до войны.

Плеханов не раз писал заметки и статьи в болгарские социал-демократические газеты, чаще же всего передавал им копии своих работ, и они нередко появлялись почти одновременно с оригиналом. Настоящая же статья появилась лишь по-болгарски. Она чрезвычайно интересна тем, что особенно ярко формулирует и настойчиво подчеркивает связь экономических требований с политической борьбой. Замечательно, что Плеханов в самом начале борьбы с будущими экономистами выдвигает на первый план как основную задачу, дня организацию самостоятельной партии рабочего класса в каждой отдельной стране и объединение пролетарских партий отдельных стран в «единую международную рабочую партию»; в противовес намечающемуся ревизионизму он видит задачу пролетариата в завоевании политической власти, в диктатуре пролетариата.

В. Ваганян.

I. Общественно-политическое положение в России

(1894 — 1895)

Последние восемь месяцев в России царствует новый монарх, Николай II. Покуда этот молодой человек был наследником, вся Россия, поскольку она либеральна и «просвещенна», считала его бездарностью. При вступлении его на престол мнение это, однако, изменилось. Начали верить в его интеллигентность и даже в его твердую решимость положить конец реакционной политике своего отца. Эта новая легенда обязана своим происхождением нескольким совершенно незначительным событиям: любезному приему старика Милютина — либерального военного министра при Александре II, выговору по адресу деспотического петербургского градоначальника и т. п. Сила иллюзии, питаемая к тому же жаждой либерального режима, возбудила веру в совершенно невероятные вещи. Этим объясняется, что даже после изданного по случаю вступления на престол манифеста, в котором Николай II открыто заявил, что он намерен править страной самодержавно, продолжали говорить о том, что по случаю бракосочетания царя с принцессой Алисой Гессенской будут амнистированы все политические «преступники», будет дана свобода печати и т. д.

День бракосочетания наступил, а вместе с ним наступило и разочарование. Новый монарх соизволил, правда, снизить проценты Дворянскому банку с $4^1/_2$ до 4, сделать маленький подарок должникам Крестьянского банка (не уменьшив, однако, процентов, вносимых крестьянами), снять («простить», по выражению манифеста) долг с должников государственной казны, сократить сроки наказаний для обыкновенных преступников и... Но это и все: никакой свободы печати, никакой амнистии для политических преступников! То, что заграничная пресса приняла за амнистию, не что иное, как фарс. Действительно помилованы были лишь те, которые были осуждены за участие в польском восстании 1863 г., т. е. за преступление, совершенное ими при вступлении на престол деда Николая II. Остальным политическим преступникам великодушный монарх предоставил право раскаяния.

Каждый политический преступник и каждый эмигрант, который раскается в своем преступлении и свое раскаяние подтвердит пламенным желанием «верой и правдой служить престолу», может надеяться на изменение своей участи. Кто видел когда-нибудь подобное великодушие? Ясно, что всякий политический деятель имеет неотъемлемое право отречься от своих убеждений и сделаться ренегатом, а русские монархи, с своей стороны, в праве обладать умом и сердцем. Но рус-

ские политические заключенные и эмигранты столь же мало пользуются своим «правом раскаяния», как цари своим правом проявлять моральную благопристойность. Мнимая амнистия распространяется лишь на нескольких старцев, уцелевших от 1863 г. О свободе печати ни одним словом не упоминается в царских манифестах. Цензура свирепствует хуже прежнего.

Разочарование, таким образом, полное. Но что там ни говори, несомненно, что русский народ по горло сыт реакцией и настоятельно ищет политической свободы. По сообщениям продажной прессы всех стран, в России недовольна положением лишь кучка «нигилистов», тогда как «хорошее общество» и все «порядочные элементы» любят и защищают абсолютизм. Однако как раз именно эти так называемые «порядочные элементы» потребовали от царя устранения господствующей системы.

20 декабря 1894 г. тверское земство, в котором, как и во всех земствах, преобладают помещики, решило подать царю адрес. Тон этого адреса насквозь «лойялен». В нем говорится лишь о «верноподданнических чувствах» и о «безграничной любви» к его величеству. И все же обращают его внимание на то, что «обожаемый монарх» не нуждается в том, чтобы ограждать себя стеной чиновников; напротив, он должен соединиться с своим народом. Это было все; в адресе ничего не было сказано о том, какими средствами может Николай достигнуть этого «соединения с народом». Все, однако, полагали, что единственное средство, это — созвать Национальное собрание; Николай держался иного мнения. «Я крайне поражен, — заметил он, — дерзостью земства и весьма этим недоволен». К сожалению, это первое доказательство царской терпимости не было последним.

Вслед за тверским земством в том же смысле высказались и земства черниговское, тульское, курское и пермское. Молодой царь решил раз навсегда покончить с этими изъявлениями «верноподданнических чувств». 17 (29) января 1895 г. он принял в Зимнем дворце делегации от всех сословий, пришедшие со всех концов России поздравить его величество со вступлением на престол. Он использовал этот случай, чтобы высказаться. Войдя в приемный зал, он тотчас же повернулся к делегатам, которые благоговейно склонились перед ним, и сказал: «Верю искренности этих чувств, искони присущих всякому русскому. Но мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель». Как сообщают официальные и официозные газеты, эти слова «обожаемого монарха» были встречены громогласным ура. Это правда, что делегаты крикнули ура, но злые языки утверждают, что тут сыграло роль недоразумение. Юный самодержец говорил слабым голосом (некоторые прибавляют даже, что на глазах у него были слезы), и поэтому понять его могли лишь немногие из делегатов. Ура раздалось при словах «верю в искренность ваших чувств» и замолкло при упоминании о «бессмысленных мечтаниях». Конец речи был выслушан в глубоком молчании. Как бы там ни было, царская речь достигла своей цели: отныне было ясно, какова цена либерализму Николая II.

*

Через несколько дней после приема делегаций появилось «Письмо к Николаю II», которое обошло всю Россию. Это был написанный одним весьма умеренным либералом ответ на речь царя. Письмо это выдержано в спокойном тоне, но в то же время оно решительно и серьезно. Автор упрекает царя в отсутствии такта и осуждает злосчастное решение во что бы то ни стало держаться за устаревшую систему. «Вы первый начали борьбу, — говорит автор, — и борьба не заставит себя ждать».

Анонимный автор этого письма правильно передал то впечатление, которое современное положение в России производит на всякого непредубежденного человека. Борьба неизбежна. Это знают как в лагере оппозиции, так и в лагере реакции, — в последнем, быть может, еще лучше, чем в первом. Наши реакционеры теперь агрессивнее, чем когда бы то ни было. Николай II оставил на службе старых слуг своего отца. Стремясь удержаться на своих местах, они удваивают свое рвение в борьбе против «разрушительных элементов». Чтобы доказать царю свою необходимость, им до зарезу нужны «заговоры» и аресты. И аресты в России не прекращаются. Они начались со смерти Александра II и, подобно эпидемии, охватывают город за городом, губернию за губернией. Эти аресты должны бы свидетельствовать о рвении «спасителей общественного порядка», но они возбуждают лишь негодование даже у самых «преданных его величеству подданных». Работа русской полиции на пользу «престола и отечества» достаточно известна даже за границей. Петербургские события 20 февраля и 1 марта текущего года особенно ярко характеризуют эту работу.

20 февраля, день основания университета, всегда праздновался петербургскими студентами. Их оставляли в покое даже во времена самой мрачной реакции. Но в настоящем году петербургский градоначальник решил прекратить студенческие увеселения. С раннего утра полиция была сконцентрирована и «в боевой готовности». День прошел, однако, благополучно: случая к «бою» не представилось, так как студенты держались тихо. Но раз гора не пришла к Магомету, то Магомет пошел к горе. В полночь отряд полицейских окружил ресторан Палкина. Несколько студентов (около 20, по сообщению газет) подошли к ресторану. Начальник полицейского отряда объявил им, что в ресторан войти нельзя. «Почему?» — спросил один из студентов. — «Потому что вы намереваетесь нарушать тишину». — «Даем честное слово, что будем вести себя тихо». — «Плевать мне на ваше честное слово», — возразил полицейский. Один из студентов обратил его внимание на то, что он не имеет права оскорблять их. В ответ жандарм закатил ему пощечину. Студент отплатил той же монетой. Этого было достаточно. Начались «волнения», которые нужно было подавить. Их подавляли кулаками и шашками. Были убитые и раненые. Полицейские разошлись до того, что с шашками наголо бросались на случайных прохожих.

На следующий день официозные газеты имели наглость обвинить студентов в том, что они в пьяном виде напали на прохожих и вышибли окна в ресторане.

Ясно, что подобное поведение отнюдь не способно было подействовать «успокаивающим образом» на студенчество. Состоялся ряд митингов, и дело дошло до ареста «зачинщиков». 1 марта Петербургский технологический институт был буквально атакован вооруженной силой. Казаки заняли здание и «очистили» его от студентов. За этим последовали новые аресты.

Не буду рассказывать о «волнениях» в Московском университете. Повсюду происходит одно и то же: провоцирование со стороны полиции, а затем расправа солдатчины.

Времена, когда студент был единственным революционером в России, давно миновали. Ныне и рабочий настолько испорчен социалистической агитацией, что доставляет не мало забот полиции. Рабочих то и дело арестовывают. Большей частью арестованных высылают «административным порядком» без всякого судебного процесса. Газеты, разумеется, молчат об этом, и нам приходится пользоваться сообщениями наших товарищей. Согласно этим сообщениям, в Москве, где по случаю 1 мая состоялось много студенческих и рабочих митингов, было произведено множество арестов. Аресты эти находятся в связи с большой стачкой в Ярославле, где около 8 000 рабочих приостановили работу и власти вызвали войска. В рабочих стреляли, и в результате — 8 убитых и 16 раненых.

Я не говорю о социальной политике нового самодержца. Из вышеизложенного ясно, что новое правительство — продолжение старого. Государственный долг растет, с ним вместе растут налоги. Крупная промышленность пользуется поддержкой, дворянство получает всяческие подачки, и «мужик», — как говорят, — несмотря на все, предан царю. Однако я думаю, что мрачная действительность до известной степени подорвала это традиционное чувство. Где ничего нет, там и царь теряет право и — более того — не только право, но и возможность вести себя как благодетель своего народа. Николай II хочет борьбы. Она не заставит себя ждать.

II. «Естественные законы» буржуазии

Во всех цивилизованных странах подкупленная капиталистами пресса ведет поход против социал-демократии и мечет громы и молнии против «разрушительных тенденций рабочего класса».

Она права. В настоящее время в рабочем классе действительно много разрушительных тенденций.

Рабочие требуют сокращения рабочего дня до восьми часов. Они требуют этого дружно, громко и настойчиво. На требование это эксплоататоры отвечают клеветой, бранью и насмешками, лишают «бунтовщиков» хлеба, подвергают их всякого рода полицейской травле, а иногда прибегают даже к расстрелам. Но они сами видят, что дело их проиграно, что не сегодня-завтра, не через год, так через несколько лет, им придется уступить и исполнить требования рабочих. Одно это сознание отравляет капиталистам жизнь, и немудрено, что они вздыхают по доброму старому времени, когда ничего не было слышно о международном социализме, а рабочий был послушным орудием в руках капиталистов.

Сокращение рабочего дня чрезвычайно важно для рабочего класса. Это — первый решительный шаг в сторону коренного переустройства всего общественного строя.

Буржуазные ученые на все голоса твердили и твердят, что рабочий обречен на бедность, что бесполезна всякая борьба против этого «естественного

экономического закона», который осуждает рабочего на полуголодное существование.

Когда-то рабочие верили в эту буржуазную проповедь. Они считались с этими «естественными законами», на которые всегда ссылались эксплоататоры, когда к ним предъявлялись какие-нибудь требования.

Но время это прошло и никогда не вернется. Рабочие всех цивилизованных стран начали совсем другими глазами смотреть на эти «естественные экономические законы».

Наши деревенские старухи до сих пор верят в то, что гром происходит оттого, что пророк Илья на своей колеснице разъезжает по небу. Старухи эти не знают, что такое гроза, повторяют: «Свят, свят, свят!» и жгут свечи перед иконами, как только услышат гром.

Но люди образованные знают, что гром и та самая сила электричества, которая пугает деревенских старух, дает нам возможность освещать улицы и двигать машины.

Человек невежественный слепо подчиняется силам природы; человек, обладающий знаниями, подчиняет эти силы своей воле.

То же имеет место и в сфере социальной. Пока рабочие не разбирались в том, откуда происходит «естественный закон», который их обрекает на подчинение капиталу, они волей-неволей покорялись этому «закону». Нищета их была естественна и неизбежна.

Но как-только они поймут происхождение этого «закона», как только понимание это распространится во всем рабочем классе, наступит конец господству жестокого «закона», т. е. бедности рабочего класса.

Рабочие бедны, когда средства производства (земля, фабрики, сырье и т. д.) принадлежат капиталистам. Чтобы не умереть с голоду, рабочий должен наняться к капиталисту. И до тех пор, пока положение это не изменится, не перестанет действовать жестокий закон, который осуждает рабочего на нищету и всякого рода лишения.

Но действие этого закона прекратится, от самого закона не останется и воспоминания, когда средства производства перестанут быть частной собственностью и перейдут в руки общества, т. е. всего трудового народа.

С этим капиталисты не могут добровольно согласиться. Поэтому-то борьба рабочих против «естественных законов» капиталистического общества означает борьбу рабочих против капиталистов.

Каждый шаг этой борьбы приближает падение капиталистического общества.

Требовать сокращения рабочего дня значит бороться против того «экономического закона», который позволяет капиталисту эксплоатировать рабочего до последней степени. Сокращение рабочего дня,—говорит Маркс,— есть первая победа экономии труда над экономией капитала.

Но это не все.

Чтобы отнять у капиталистов средства производства, надо:

1) чтобы рабочий класс каждой отдельной страны сплотился в особую рабочую партию;

2) чтобы рабочие партии отдельных стран действовали

дружно и, насколько это возможно, составили единую международную рабочую партию.

Капитализм охватывает в настоящее время все цивилизованные страны. Поэтому побежден он может быть лишь дружными, соединенными усилиями рабочих всех цивилизованных стран.

Чтобы овладеть средствами производства и положить конец нынешнему экономическому строю, рабочий класс должен стать господином положения, т. е. он должен взять политическую власть в свои руки. Когда политическая власть перейдет в руки революционного пролетариата, тогда все царские, королевские и княжеские троны распадутся в прах. Власть революционного пролетариата несовместима даже с ограниченной, конституционной монархией, с которой по сей день в добром согласии живет либеральная буржуазия в целом ряде западно-европейских государств.

Пусть же каждый рабочий, который разбирается в своих задачах, исполнит свою обязанность. На работу, братья!

АНОНИМНАЯ БРОШЮРА М. А. БАКУНИНА «ПОЛОЖЕНИЕ В РОССИИ»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Печатаемый ниже перевод сделан с экземпляра Дармштадтской библиотеки. На нем имеется пометка: «2. Auflage». Несмотря на поиски во всех немецких библиотеках, первого издания мне найти не удалось (экземпляров брошюры второго издания имеется 5 или 6), и самый факт его существования представляется несколько сомнительным, хотя в «Bücherlexicon»'ах оно и зарегистрировано. В примечаниях к тексту брошюры, печатаемых в конце ее, я остановился только на тех моментах, понимание которых важно под углом зрения общего значения этого документа; фактов и указаний общеисторического порядка я не пояснял. Перевод сделан А. М. Бургиной.

Б. Николаевский.

ПОЛОЖЕНИЕ В РОССИИ

(Современная картина)

Содержание: I. Войско. II. Народ. III. Дворянство. IV. Церковь и духовенство; чиновничество и финансы

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Настоящее сочинение было сдано в печать в начале весны этого года, тогда же были сообщены выдержки из него в газетах. Обстоятельства, от автора не зависящие, задержали до настоящего времени появление этой работы.

I. Войско

В тот момент, когда последняя решительная схватка реакции с революцией и демократией вообще стоит на очереди как неизбежная перспектива, когда кровоточащая из тысячи мелких ран деспотическая власть, с ее приспешниками из родовитой и денежной знати, из армии и церкви, упорно обращает свои взоры на своего друга и защитника — русского царя — и угрожает нам казаками, — познакомиться с этим противником необходимо. В то время как одни полагают, что простого имени России достаточно, чтобы загнать демократию в мышиную нору, и верят в силу русской армии и неистощимость государственного казнохранилища Петропавловской крепости, как в Евангелие, другие выудили фразу, что Россия, это — колосс на глиняных ногах, и считают себя, таким образом, в праве смеяться над ее мнимой силой. Обе стороны ошибаются;

мы не должны ни презирать, ни бояться этого врага. Задача этой и последующих статей заключается в том, чтобы правдивым изображением положения России дать немцам возможность правильного суждения.

Оборонительное, спокойное поведение России по отношению к бурям, которые в прошлом году потрясли Францию и Германию, грандиозные приготовления к войне и все же упорное пребывание в состоянии вооруженного мира, скопление войск на германской границе и все же безучастное наблюдение того, как у союзных дворов Потсдама и Вены была вырвана конституция, дали основание ученым предположениям и толкованиям. Как, спрашивают, ведь царь же знает, что и он погиб, коль скоро демократия победила во Франции и в Германии, почему же он не прискачет на помощь своим союзникам со всей силой, над которой он может повелевать? Уж не приходится ли ему бояться беспорядков внутри страны или даже бороться с ними? Хочет ли он дождаться официального приглашения для интервенции или же он боится в этом случае силы Англии и Франции? И теперь, когда он фактически вступил уже в Семиградию, почему он сделал это с такими незначительными силами, раз уже повод к войне налицо? Мы не хотим оспаривать веса подобных политических соображений, но действительное основание этого видимого спокойствия мы находим в состоянии самого русского войска; не в его внешнем состоянии, не в его снаряжении и вооружении, а во внутреннем, — в настроении солдат и младших офицеров. Никакую армию в мире — утверждаем мы — нельзя с большей легкостью деморализовать, чем русскую. Причины этого начинают действовать с момента призыва новобранца и продолжают еще влиять после увольнения ветерана. Приходит указ, требующий от той или иной губернии выставить столько-то тысяч человек, и тут открывается ряд насилий, предательств, хитростей и подкупов, связанный с каждым рекрутским набором. На намеченную жертву набрасываются ночью, отрывают мужа от жены, от детей, от слепой матери, вырывают сына из объятий расслабленного от старости отца, часто только потому, что сын имеет красивую жену или же что он-де обидел управляющего господским имением при отправлении барщины; ему забривают лоб, он принадлежит теперь императору. Но его село и его родные говорят, что он принадлежит смерти, и провожают его причитаниями и пением похоронных песен, они прощаются с ним навеки. Они правы: как раз среди новобранцев смертность наиболее велика; можно принять, что она доходит до 10%, так как человек должен в разгаре зимы сменить привычную шубу на убогую солдатскую одежду, дать остричь свои длинные густые волосы, причем по дороге его обжуливают на харчевых деньгах, так что он приходит в гарнизон еле живым от голода. Теперь он солдат, правда, в настоящее время только на десять лет, но он русский солдат, т. е. машина, животное, которое должно выносить высокую степень голода и побоев, и если оно падает под бременем обоих, то умирает, не вызывая чьего-нибудь сожаления. Солдат на службе постоянно травим, у него нет спокойной минуты, вся его жизнь заключается в маршировках, караулах, учениях, чистке обмундирования и оружия; единственное слово, которое ему можно вымолвить, прав ли он или виноват, это—«слушаю» (Sluschy), т. е. повинуюсь. Как туго натянута царем тетива принудительной службы и как легко она может при благоприятных условиях порваться, показывает случай, происшедший всего несколько недель тому назад

на восточно-прусской границе. Расположенные там батальоны получили в подкрепление новобранцев из глубины страны, несчастных, еле живых от голода людей, которые в первые дни не были в состоянии носить оружие. Для того, чтобы сразу привести их в строевой вид, учение производилось шесть раз в неделю, на глинистой, размякшей от дождя почве, так что у людей все время уходило на учение и чистку вещей. Одновременно получился приказ из Петербурга, чтоб учение производилось и по воскресеньям для ускорения подготовки этих войск. Когда приказ был им прочитан, вспыхнуло общее человеческое негодование, командир положил приказ в карман, и все осталось попрежнему. Один из офицеров этих частей вернулся с учения промокший, весь в грязи, и стал срывать с себя в присутствии товарищей кивер, мундир, все, вплоть до рубашки, и проклинать царя и эту собачью жизнь, не заботясь о том, что какой-нибудь доносчик может его выдать. Вдали от своих, без всяких прав и ежедневно еще обкрадываемый своими офицерами на половину получаемого им нищенского жалованья в размере около 4 талеров в год, питаемый плохим непропеченым хлебом и небольшим количеством гречневой каши, солдат принужден красть, чтобы досыта наесться или напиться, а этот источник радости превращается для него снова в источник побоев даже тогда, когда, давая ему за это на чай, его посылает на кражу капитан. Правда, и в России существует так называемая инспекция полков, производимая генералом, во время которой солдат, на бумаге, имеет право жаловаться на свое начальство. Полковник, главный мошенник в полку, должен только поскорее дать генералу несколько тысяч рублей, и его полк будет найден в прекрасном состоянии. Если солдат осмелится пожаловаться, то с ним может случиться то, что описывает Тургенев: «Один кавалерист изложил генералу жалобу и получил в качестве ответа пощечину перед всем полком. Возмущенный этим полковник тотчас же удалился; генерал не мог этого понять и сказал: если я заткнул глотку этому наглецу, то сделал это я одинаково как в ваших интересах, так и в интересах дисциплины». [1] Если больной солдат приходит в госпиталь, то он должен быть благодарен только своему собственному организму, если он не умрет от лекарств или от мошеннической диэты, которая введена больничными чиновниками в интересах их собственного кошелька. Все это известно всей России, новобранец знает свою участь во всех подробностях из рассказов кончивших службу, и эти злоупотребления ожесточают его также в высшей степени, и он старается бежать от этих оков, куда только возможно. Ведь имеется же солдатская поговорка: только ленивый нас не бьет.

Подготовленный таким образом приходит армейский солдат на три года в Польшу, и, несмотря на строгий надзор, несмотря на страшные наказания, он уходит оттуда сильно пропитанный демократическими идеями. Обучение гвардейского полка берет на себя сам император и в особенности великий князь Михаил, — обучение при помощи бессмысленного служебного мучительства, которому он подвергает своих марионеток. Гвардейцы видят близко двор и все дворцовые дела; они знают, что император смертен. Как раз у гвардейцев, с которыми царь особенно кокетничает, при помощи которых он, очевидно, собирается раздавить в настоящий момент Германию и демократию, царит раздражение против царской фамилии, выявляющееся самым безбоязненным образом в ужаснейших ругательствах, которыми так изобилует русский язык. При императорских

смотрах офицеры часто принуждены отходить в сторону, чтобы только не слышать тех проклятий, которые замученные солдаты бросают по адресу царя. Когда в прошлом году царь выпустил свой знаменитый военный манифест против «неверных» и изобразил перед гвардейцами прелести похода против Франции и Германии, то на лицах этих людей, намеченных царской военной прихотью на роль пушечного мяса, не показалось ни малейшего выражения радости, и, несмотря на троекратный вызов, обязательное воодушевленное ура! не сорвалось с сомкнутых губ. Император вернулся во дворец,—и гвардейцы не пошли в поход. Мы уже говорили о Польше как о высшей демократической школе для русских. И это верно как в отношении офицеров, так и в отношении солдат. Поляки знали, что делали, когда они в 1831 г. написали на своих знаменах: За нашу и вашу свободу,— также и русские проливали свою кровь за Польшу. Мы не говорим здесь о первом сближении обеих наций во время заговора 1825 г., мы говорим о 1835 г., когда русские офицеры в Вильне организовали заговор для освобождения польского эмиссара Конарского. [2] Несчастливые обстоятельства или негодность одного поляка привели к раскрытию этого плана, но имя капитана Караваева, который, как руководитель заговора, был казнен, еще произносится с уважением и восторгом. До 1825 г. русский офицерский корпус, поскольку он состоял из русских по национальности (иностранцы являются самыми большими прислужниками), вплоть до офицеров в чине капитана, был очень хорошо настроен и одушевлен идеями свободы. Это произошло благодаря походам в Германию и Францию; Тугендбунд и подобные союзы остались в памяти офицеров и солдат, особенно в Воронцовском корпусе, который лишь в 1818 г. вернулся из Франции. Теперь это можно встретить лишь в пехотных войсках и частью в артиллерии; в гвардейских и конных полках развращающая школа кадетских корпусов превратила молодых офицеров в простых материалистов, в не рассуждающие служебные машины. Таким образом, происходит то, что русский солдат, который всегда тоскует по дому, с неудовольствием думает о войне, и это чувство еще увеличивается, когда он в ночной тишине сравнивает свое настоящее положение с прошлым. Таким образом, происходит то, что он очень легко переходит во время войны на сторону родственных наций и вообще во всякое время дезертирует. Во время восстания 1846 г.[3] русские очень склонялись к переходу, и в 1848 г. перебежчики массами прибывали в Краков, принимали участие в борьбе, и еще в Бреславле можно было составить сильный батальон из этих перебежчиков. К сожалению, восстание имело слишком мало успеха, чтобы оно могло тогда же дать выявиться этой деморализации или, вернее, «моралиации» русских войск. Сколько тысяч перебежало в Пруссию в течение коротких месяцев уничтожения картельной конвенции! [4] Здесь можно рассказать анекдот, относящийся к этому времени. Один русский фельдфебель был послан в прусский пограничный пункт, чтобы потребовать выдачи 20 находившихся там дезертиров. Прусский чиновник отказывал в этом; русский угрожал всем гневом царя, но так как это осталось без результата и русский получил, таким образом, уверенность, что о выдаче нечего и думать, то он заявил: тогда и я остаюсь здесь. Что-то в этом роде разыгрывается, повидимому, сейчас в Семиградии, и сознание, что это произойдет повсюду, заставляет царя держаться оборонительной политики, хотя и должен пробить час, когда он решится на бой.

Нам хочется еще сказать слово об отслуживших свой срок солдатах и об их своеобразном, вредном для царя положении. После десятилетних страданий солдат, получивший увольнение, возвращается в свою общину, но из этого еще не следует, что он свободный человек; он в «отпуску на неопределенное время» и может быть опять призван в случае надобности. Но до этого положение такого отслужившего свой срок солдата совершенно исключительное: он принадлежит царю, без того чтобы этот последний давал ему хоть один пфениг на его содержание, но он не подчинен и своему помещику, не подсуден ему. Этим своим положением он пользуется, чтобы приобрести влияние на своих собратьев, на крестьян, он является проводником недовольства, он сеет семя революции на столь плодородной почве русского крепостничества. Эти отслужившие свой срок солдаты являются самыми предприимчивыми и смелыми руководителями не прекращающихся крестьянских восстаний, о которых мы расскажем в следующей статье, ибо, в то время как раньше крестьяне только жгли и убивали без всякого плана и тактики, во время восстаний в Симбирской, Пензенской и др. губерниях было замечено, что восставшие имели центр армии, арьергард и авангард и что они вообще сражались более по-военному.

Таково внутреннее гнилостное состояние армии, которого не может прикрыть никакое искусство. На военную угрозу со стороны России мы ответим лучше всего открытием границ, уничтожением картельной конвенции, и военные силы, которые сейчас находятся на польской границе, должны будут в скором времени быть оттянуты обратно, чтобы помешать дезертирству людей к Свободе. Если же Россия хочет предупредить это посредством нападения, то она должна найти нас готовыми.

II. Народ

В нашей первой статье мы оторвали новобранца от его семьи, от его деревни, сопровождали его на военной службе и вернули отслужившего свой срок обратно в народ; присмотримся же теперь ближе к этому последнему. О русском народе за границей еще совсем не имеют представления, а если имеют, то довольно ошибочное; обыкновенно его считают диким, несознательным и безвольным скопищем, массой нулей, которые, будучи приставленны к царской единице, придают ей внушительное положение. Это совершенно ложное представление: русский народ совсем не так тожественен, совсем не так единодушен с императором, как этот последний и оплаченные им русские, немецкие и французские журналисты хотели бы внушить миру. Это самая грубая ложь, когда читаешь, что каждое утро 65 миллионов человек молятся за царя или же что царский приказ имеет безусловное действие от Вислы до Тихого океана; никто об этом не думает, и царь это знает лучше всех. Русский народ, пашущий землю, равно как и занятый в торговле и в ремеслах, крепостной, так называемый ч е р н ы й народ, расколот более чем на 200 сект, которые все носят политический характер и все сходятся на том, что отвергают нынешний порядок вещей и власть царя считают царством антихриста. Эти секты, некоторые даже коммунистического характера, с общностью имущества и жен, распространены по всему государству вплоть до Урала и сильно преследуются, но становятся от этого еще более фанатичными:

Екатерина II их так жестоко преследовала, что некоторые общины поджигали сами свои деревни и бросались с женами и детьми в огонь, чтобы только не подчиняться православной государственной церкви и указам царицы. Александр почти не тревожил этих раскольников до последних годов своего царствования; Николай, который из расчета — заодно с попами, а перед народом притворяется самым набожным человеком в государстве, начал вновь их жестоко преследовать; так, например, он загнал тысячи семейств сектантов-духоборов из восточной, центральной и южной России в степи Сибири и дикие горы Имеретии и все же не мог заставить их отречься от своей веры и не добился другого результата, как только того, что пропаганда этих сект сделалась еще фанатичнее и еще успешнее. Чтобы показать, какой ненавистью против государственной церкви проникнуты сектанты, приведем только один пример. Некий молодой духобор (эта секта не признает никакого авторитета) проделал в 1839 г. двести миль, само собой разумеется пешком, направляясь в Петербург только для того, чтобы дать митрополиту, главе государственной церкви, пощечину.[5] А таких примеров, как осквернение причастия, когда сектант врывается во враждебную ему церковь и плюет в чашу с причастием, множество. Судите же, действительно ли весь русский народ видит в царе заместителя бога!

Что же касается всего народа, и православных и сектантов, то он тесно связан и объединен одним всех равно касающимся обстоятельством, — *отсутствием свободы, рабством*, в котором он находится, и стремлением из него вырваться. Не следует думать, что крестьянин не знает, что он заслуживает лучшей, более соответствующей человеческому достоинству участи, что, собственно, ему принадлежит земля, которую он обрабатывает во имя царя, государства или своего барина; *бунты*, восстания являются ясным показателем социального брожения в России, которое зашло гораздо дальше, чем это кажется Европе, видящей только поверхность, покрытую царскими красками. Первым большим протестом со стороны деревенского народа против угнетателей было восстание Пугачева 1773—1775 гг., который, будучи простым казаком, трижды, под маской воскресшего Петра III, собирал пятидесятитысячное войско, взял Казань и продвинулся с Урала до Тамбова. Сектанты составляли его главную силу; пожары усадеб, груды трупов дворян и чиновников отмечали его путь; в Москве народ ждал только его появления, и Екатерина II дрожала на своем троне, пока, наконец, Пугачев не был разбит и захвачен в плен. Но память о нем, как о народном герое, продолжает жить, и народ все еще с гордостью передает рассказы о пугачевщине (времени Пугачева). После подавления этого кровавого восстания и казни его предводителей народ оставался спокоен до 1812 года, с которого начинается новое летоисчисление в истории России и начиная с которого мы должны различать движения *народа* и движения *дворянства*. Демократическая дворянская партия вступила с Наполеоном в переговоры, чтобы освободить при его помощи народ от ига крепостного права, но эту возможность совершить великое дело завоеватель отклонил, и тогда демократы обратили *против* него народное восстание, организованное *в его пользу*. Им удалось склонить Растопчина к сожжению Москвы, — уступчивость, которую Александр наказал своей немилостью, так как он никогда не мог простить ему этого поступка, хотя он и делал вид перед всем

светом, что был осведомлен о нем. Пожар Москвы, священного града, был, конечно, приписан врагу и разбудил из состояния дремоты весь народ; великан, проснувшись, напряг все свои силы, и с границ Сибири еще год спустя тянулись целые толпы добровольцев, чтобы отомстить за святой город.

В результате этой войны по всей стране появились вольные отряды, которые больше не хотели возвращаться к работе, особенно в губерниях Московской, Тверской и др., и которые громко заявляли: мы заслужили свою свободу на поле брани! И хотя эти беспорядки были вновь подавлены, все же, начиная с 1842 г.,[6] крестьянские восстания не прекращаются, каждый год происходит дюжина восстаний в самых различных округах, и они принимают все большие размеры: в то время как раньше поднимались только отдельные общины и округа, теперь восстание сразу же охватывает несколько губерний, так как народ, исполненный всюду одних и тех же стремлений, при первом известии из соседнего округа сейчас же хватается за оружие. Величайшая дикость, но также и возвышенный героизм проявляется во время этих восстаний. Во время холерного бунта в 1831 г. в Новгородской и Псковской губерниях около двухсот тысяч крестьян, взявшись за оружие, убивали всех господ, офицеров и чиновников с самым ужасным хладнокровием правосудия, без различия, были ли то друзья или враги крестьян. Так, один помещик увещевал своих взбунтовавшихся крестьян, говоря, что он, мол, был с ними всегда добр и справедлив,— почему же они хотят его убить? Это правда, — сказал один старый крестьянин со слезами на глазах, — но мы поклялись перебить всех дворян; умереть ты должен, но за то, что ты был добр, ты получишь легкую смерть. Другой крестьянин предложил ему свою трубку с табаком, чтобы перед концом помещик мог удовлетворить свою любимую привычку. С другой стороны, около восьми лет тому назад в Симбирской губернии был подвергнут казни один молодой крестьянин как руководитель одного из таких бунтов; все село провожало его с причитаниями и пением церковных песен на место казни. «Ничего, братцы, — крикнул он им в утешение,— не я первый, не я и последний!» Вообще русский народ легко возбудим, суеверен в высшей степени; достаточно какой-нибудь небылицы, чтобы толкнуть его на выступление, и в случае надобности его собственная фантазия изобретает такие небылицы, чтобы дать пищу его стремлению. Так, напр., около 1824 г. распространился слух, будто в Киеве у одного священника в наказание за его грехи выросли рога; жертву божьего суда повезли якобы в Петербург для расследования, и сотни тысяч крестьян спешили на военную дорогу, чтобы лицезреть это чудо.[7] 4—5 лет тому назад крестьяне Симбирской губ. поджигали свои деревни, и все поголовно утверждали, что это сделали дворяне, чтобы отомстить за предположенное царем освобождение крестьян.

Таким образом, в России речь идет уж не об одной отмене крепостного права, не об одном освобождении личности, но одновременно и о праве на землю; крестьянин рассуждает об этом совершенно открыто; он не говорит: земля нашего господина, но — наша земля. Характер русской революции как социальной, таким образом, заранее предуказан и коренится также во всем характере народа, в его общинном укладе. Земля принадлежит общине, отдельный крестьянин имеет лишь право пользования ею, право наследования существует только для движимого имущества, но не для земельного участка, и каждые

20—25 лет производится новый передел земли. Нарушить этот общинный уклад, будь то с самыми лучшими намерениями, не дозволяется, это был бы смертный приговор для любого помещика. Но в этом стремлении улучшить свое положение, в этой готовности к бунту все крестьяне, удельные, государственные и крепостные, единодушны, так как, несмотря на это тройное разделение по наименованию, они объединены одной и той же несчастной, несовместимой с их человеческим достоинством судьбой. Оба первые по наименованию не являются, подобно помещичьим крестьянам, крепостными; но на деле это сводится к тому же самому; зачастую их положение бывает еще хуже, так что эти крестьяне восклицают: хоть бы мы принадлежали помещику! Удельные крестьяне зачастую только променяли мягкие патриархальные отношения с помещиком или его единоличный произвол на систематическое угнетение и эксплоатацию чиновников; они находятся в управлении министра государственных имуществ. А чиновный мир есть хорошо расчлененное целое, лестница, состоящая из бесчисленных ступенек, из которых нельзя пропустить ни одной, если хочешь достичь вершины, царя. Недаром сказано в поговорке: до неба высоко, до царя далеко. Таким образом, можно без труда понять, что русское чиновничество представляет для народа болото, полное кровососущих пиявок, народ подвергается наглому обману, тирании и он же несет судебные кары, не имея возможности добиться правосудия, так как все жалобы застревают по дороге в Петербург в канцеляриях высокопоставленных мошенников. Один пример пояснит это. Вследствие неурожая хлебов крестьяне Пензенской губ. получили несколько лет тому назад от правительства семенной картофель. Но картофель, вследствие посредничества и спекуляции подрядчиков, сгнил, и крестьяне протестовали против бесполезной работы по его посадке. За уступку чиновники взяли с них дорого, но позже, чтобы спасти, по крайней мере, видимость и чтобы в неурожае посеянного можно было обвинить погоду, они все-таки заставили крестьян посадить порченый картофель. Следствием этого было восстание возмутившихся крестьян, которое было подавлено лишь с помощью крови и кнута. Таким образом, хотя и дворянство не пользуется у крестьян любовью, все же чиновничество является первым объектом ненависти, и восстания разрушают так регулярно часть русской государственной машины, что Николай в 1841 г. пришел к мысли об освобождении крестьян, чтобы только спасти государственную машину. Мы увидим ниже, что это оказалось, — и не могло не оказаться, — напрасным трудом.

III. Дворянство

Как о войске и народе, так и о русской аристократии за границей имеют самые ошибочные представления, которые, питаясь ложными воззрениями писателей о России и нарочитыми утверждениями русских писателей, создают самые нелепые басни о могуществе и величии этой аристократии и о зависимости от нее царя. Мы разрушим это представление до основания, дав сжатый обзор происхождения и истории русского дворянства. То, что называют русской аристократией, образовалось следующим образом:

До нашествия татар вся Россия была разделена на большое количество малых княжеств, главы которых, происходя из одного рода, признавали великого князя

киевского, а позже — владимирского, главным в роде; но, впрочем, это родство не удерживало их от ведения кровопролитных войн друг с другом, причем на престиж великого князя обращалось чрезвычайно мало внимания. Вследствие патриархального порядка, который не признавал права майората в семьях, согласно которому владение всегда вновь делилось между сыновьями умершего, некоторые княжеские роды опустились до положения простых помещиков, сохраняя от своего былого величия одно лишь имя. Этот раздираемый внутренними раздорами комплекс больших и меньших княжеств в битве при Калке (31 мая 1224 г.) был легко уничтожен татарским натиском, который подчинил всех одинаковому игу. Но мало-по-малу под татарским владычеством возросли власть и престиж переселившегося из Владимира великого князя м о с к о в с к о г о, и это произошло благодаря двум одновременно действовавшим причинам. Великие князья увидели очень скоро свое бессилие против татар, но одновременно с этим они заметили еще большее бессилие остальных князей. С дипломатическим искусством, сохранившимся у царей еще до настоящего времени, великие князья стали разыгрывать роль наипреданнейших подданных татарских ханов, и при помощи лести и подобострастия они вскоре сумели добиться для себя роли ставленника над русскими князьями, в силу которой они получили право собирать дань и были признаны арбитрами при внутренних раздорах. Когда мы наблюдаем, как русская дипломатия и в настоящее время стремится играть роль посредника, как она этим путем приобрела Польшу, Грузию, как она давит на Молдавию и Валахию, на Грецию и Порту, как она умеет оказывать свое влияние на Германию, то мы понимаем, как хорошо должна была удаться их игра против маленьких, и без того угнетенных татарами, русских князей. Это была первая школа русской дипломатии, отсюда пошло проклятие, тяготеющее над русской политикой. Московские великие князья положили начало централизации России. В этом им помогло, кроме их собственной ловкости, еще одно обстоятельство, еще один союзник — народ. Изнывавший одновременно под игом татар и под гнетом своих князей, насилие которых было ограничено только неприкосновенным патриархальным и традиционным общинным порядком, — этой единственной конституцией России, благодаря которой крестьяне имели право пользования землей, принадлежащей господину, и право свободного отхода, — народ стремился к освобождению от этого бремени, и так как он видел невозможность при этой раздробленности восстать против татар, то он стал инстинктивно способствовать усилению власти великого князя за счет остальных удельных князей. В то время как централистские стремления Москвы все более и более венчались успехом, татарские деспоты сами впали в то состояние раскола и раздора, благодаря которому Россия оказалась слабее их, и великие князья воспользовались этим, чтобы сбросить, наконец, татарское иго. Полностью эта цель и централизация государства были достигнуты при Иванах III и IV (Грозном), от 1462 до 1584 г., путем завоевания Новгорода, Пскова и т. д. и полного подчинения княжеских родов. Превратившись под именем б о я р из независимых князей в простых царедворцев и чиновников великого князя, отупевшие и порабощенные уже при татарском владычестве, за редкими почтенными исключениями — грубые, ограниченные, суеверные, — они организовали во время реформ Ивана пассивное сопротивление беспомощной и бездеятельной партии, бессмысленно державшейся старого, ветхо-

заветного, в то время как по отношению к низам, к крестьянам, они оставались высокомерными, жестокими господами. Так способствовали они своей собственной погибели, ибо еще сильна была в народе любовь к царям, которые освободили его от татар. В лице Ивана Грозного русская дипломатия нашла свое наиболее полное выражение. Скрывая свое собственное стремление к абсолютизму и к увеличению могущества под видом заботливости о народе, он, под ликующие возгласы последнего, массами казнил тиранов-бояр и таким образом утвердил свою власть одновременно при помощи страха и любви. Насколько верна была эта народная привязанность к царям, показывает лучше всего народное восстание против поляков во времена Лжедимитриев в XVII веке и происшедшее согласно воле народной избрание Романовых на царский престол. Чтобы охарактеризовать эту аристократию, ее тупое окостенение в формах настоящей китайской иерархии, ее мелкое, смешное честолюбие в вопросах, касающихся ранга, ее собачью подлость, достаточно привести еще один пример. Это анекдот, взятый из самой скучной книги в мире, — из хроники правления великого князя Алексея Михайловича, в которой со всем педантизмом востока сообщается о каждом шаге царя с той же серьезностью, с какой Шехерезада описывает одежду женщин и перечисляет подарки, считая это настолько важным и интересным, что султан должен даровать ей жизнь. Однажды за столом Алексея возник спор между двумя боярами по поводу более почетного места. Некоторое время великий князь не мешал этому, а затем распределил сиденья по своему усмотрению. Тот, который считал себя оскорбленным в своей чести, бросился князю в ноги, покатился под стол и стал вопить и кричать: прикажи убить меня, но не лишай чести мой род. Алексей имел лучшее средство: он приказал вывести дурака, одержимого идеей родовой чести, во двор, всыпать ему сотни две палочных ударов, и когда тот вернулся, то, совершенно успокоенный, сел на отвергнутое им прежде место. Такова аристократия того времени. Эти смешные споры и китайские глупости так часто повторялись, что преемник Алексея, Федор III, прибег к спасительному приему деспота: он повелел, под предлогом пересмотра, собрать все родовые книги дворянских фамилий, на которые опирались во всех спорах, и сжечь их. Но смертельный удар старой аристократии нанес Петр Великий самовластным приказом о стрижке бороды, вывозе в свет сидевших до тех пор на азиатский манер взаперти женщин и т. п. и основанием нового, служилого или по чинам разделенного дворянства, причем по новому положению дворянство терялось в третьем поколении, если ни отец, ни сын не отправляли какой-нибудь должности на государственной службе по военному или гражданскому ведомству. Это, а также и назначение целой массы заслуженных иностранцев вызвали со стороны старого дворянства многочисленные восстания против Петра, реформы которого они изображали суеверному народу как безбожные. Безуспешность этого сопротивления известна.

В период от Петра I до Екатерины II из этого дворянства образовалась новая аристократия, аристократия могущественных царедворцев, опорный пункт которых находился в гвардейских полках, где сыновья и родственники этих семейств занимали офицерские посты. Но нужно сказать, что, если история русских императоров может поведать нам многое о деятельности этой аристократии в царствование Петра II, Анны, Елизаветы, Петра III, масса земельного дворянства

не стояла почти ни в какой связи с потрясавшими государство ночными предприятиями этой аристократии. Ко всем этим дворцовым интригам и дворцовым переворотам остальное дворянство было непричастно и оставляло придворным совершенно свободное поле. Одновременно эта придворная аристократия могла выставить дельных и энергичных людей, большей частью из школы Петра Великого, как русских по национальности, так и иностранцев; к ним принадлежали Меншиков, Миних, [8] Остерман и др. В царствование Екатерины эта аристократия, под покровительством царицы, приобрела утонченную культуру, ее представители образовались на чтении немецкой и французской литературы и выдвинули талантливых, дельных государственных людей, «светлейших господ» (welmoschy), как их называли, отличавшихся своей самостоятельностью. К ним принадлежат Потемкин, Румянцев, Орлов, Бестужев и, по крайней мере по своей суровой независимости, Суворов.

Екатерина, которая знала свободу только для одной аристократии и так мало интересовалась правами крестьян, что как раз в ее царствование крестьяне Украины, свободные до того, попали в крепостную зависимость, намеревалась возвысить дворянство до подлинной аристократии. Для этой цели она даровала ему политические права (т. е. право назначать предводителей дворянства, избирать судей, но отнюдь не права в том смысле, чтобы дворянство могло использовать их для оппозиции против нее, царицы), велела основать в разных губерниях библиотеки и действительно сообщила этому, до того времени довольно неотесанному дворянству, пусть хоть и внешнюю, но все же полировку и известное чувство собственного достоинства. Но как и все учреждения Екатерины, эта попытка возвысить дворянство была вновь уничтожена ненавистью Павла к своей матери. В своем самодержавном безумии ему нравилось унижать человеческое достоинство и держать все в постоянном страхе, неуверенности и зависимости. Это доходило до того, что народ и даже сами гвардейские офицеры в форме предпочитали сбегать в канавы и там на время прятаться, чем рисковать встретить карету царя и простираться перед ним в грязи,— до того, что дежурные офицеры гвардии всегда запасались деньгами, так как они никогда не знали, не будут ли они, вследствие какого-либо каприза Павла, отправлены прямо из дворца в Сибирь; отправил же он однажды из-за плохих маневров целый кавалерийский полк прямо с площади в Сибирь, пока его не вернули с дороги обратно. Убийство этого царя было праздником для дворянства во всей России, особенно же в Москве, где друг друга поздравляли, ибо на великого князя Александра, воспитанного Лагарпом, возлагались величайшие надежды, которые и осуществились, так как в течение долгого времени почти не существовало никакой цензуры и иностранная литература могла изучаться с увлечением.

Тут пришел 1812 г., который, вызвав сильное и благотворное потрясение в русском народе, оказал влияние также и на дворянство. Борьба этого года была политической, она встряхнула дворянство всего государства, привела его к сознанию своего значения, пробудила в нем стремление к свободе. Военные действия передвинулись дальше на Запад, причем наблюдения и опыт в Германии и Франции питали ум и воспламеняли офицеров и солдат; ведь царь сам был заражен либерализмом, так как он обещал при даровании конституции Польше соблаговолить распространить таковую и на русскую территорию. Все это уве-

личивало восторженный пыл в русской молодежи, но, в то время как эта последняя дожидалась времени, когда царский либерализм должен был бы, наконец, осуществиться на деле, он перешел в свою противоположность; Александр, под влиянием Метерниха и мистицизма, опять уничтожил все, что построил, и старая деспотия вернулась вновь. Следствия не заставили себя ждать: пылкое, обманутое в своих надеждах молодое дворянство устроило заговор против царя, и этот заговор замечателен тем, что он явился первым пробуждением всего русского дворянства, а не прежним простым дворцовым заговором. Пустивший глубокие корни, особенно среди офицерства, где был представлен цвет дворянства, этот заговор привел к вспышке в 1825 г. и был кроваво подавлен. Как на всякое потерпевшее крушение благородное дело, так и на этот заговор подлость и продажность излили свой яд. Конечно, все в этом заговоре было еще юношески романтично, но первоначально поставленная цель — конституция для империи — была вскоре оставлена позади наиболее выдающимися вождями: Пестелем, Рылеевым, Муравьевым, которыми были заложены основы существенных еще и сегодня для русской революции принципов. То было объявление земли национальной собственностью, освобождение крестьян, свержение дома Романовых и образование славянской федеративной республики через разрушение российской империи.

На резне в Петербурге и Тульчине, на виселицах и ссылках в Сибирь укрепил Николай свой трон; терроризм страха стал его святым... покровителем. Если его брат, в последние годы своего царствования, восстановлением цензуры, тайной полицией и инквизицией стеснял и подавлял благородный дух молодежи, то при Николае, особенно после польского восстания, стало еще хуже. Книги были строго-настрого запрещены, но читались они с тем большим рвением, и за большие деньги, несмотря на запрещение ввоза, можно было все достать. Одновременно с этим, несмотря на занятия литературой, некоторая дремота овладела на многие годы молодежью; она с отчаянья набросилась на изучение всевозможных немецких философов, этого духовного опиума для всех, кто жаждет действия, но осужден на бездействие. Однако неслыханный гнет разбудил также и новый дух, который, в противоположность духу 1825 г., столь богатому иллюзиями, был реальным и основательным, так как опирался на знание всего позорного механизма. Русская литература современного периода занимается лишь исследованием и изображением невыносимого, отвратительного положения страны; это — период, который в Германии был воплощен в Берне, период мучительного самопознания, самооплевывания. Плодом этого является приобретение молодым д в о р я н с т в о м убеждения, что оно ничего не стоит, не имеет никакого будущего именно потому, что оно является дворянством, и лишь постольку, поскольку оно является таковым; что только в н а р о д е энергия, вся будущая жизнь России. Это есть догмат сегодняшней России!

Здесь уместно выступить против некоторых, очень распространенных, прочно укоренившихся и все же совершенно ложных утверждений. Все еще говорят о Москве как об очаге недовольства, как о существующем до настоящего времени сборном месте недовольной боярской партии. Это не так. Москва действительно является очагом недовольства, но недовольства радикальной молодежи, которая пренебрегает государственной службой и стремится к народу, стараясь слиться с ним в деревне. Партия же недовольных аристократов, которая во времена

Екатерины имела свое местопребывание в Москве, уничтожена без малейшего следа; то была аристократия придворная и аристократия временщиков, которая опиралась на гвардию. Нынешняя придворная аристократия представляет лишь жалкую толпу прислужников, не имеющих уже энергии своих отцов — даже для убийства из-за угла. Если это дворянство действительно еще обладает коекаким влиянием, то это влияние лакея, знающего все слабости своего повелителя, на своего господина; путем жалкого пресмыкания и подлых интриг, — но никогда посредством откровенности и прямого мужества, — еще можно здесь чегонибудь добиться. Существует другое представление, согласно которому с е н а т стоит в резкой оппозиции царю и ставит ему часто своим противодействием помехи в осуществлении его самых мудрых реформ. Это смешно: сенат является de jure и de facto наиверноподданнейшим слугою царя; он еще никогда не осмелился показать хотя бы тень самостоятельности; царь является единственным источником всей законодательной и исполнительной власти: он назначает и смещает сенаторов, осуждает их по своему капризу в 24 часа и ссылает их в Сибирь, без того чтобы хоть одна собака залаяла. Где же при такой зависимости проявиться еще чувству человеческого достоинства? Существует даже специальное выражение по этому поводу: он дурак, значит его надо в сенат. Правда, Петр Великий хотел даровать сенату юридическое значение высшей судебной коллегии, но только не политической; теперь же он потерял и первое, ибо зачастую царь решает даже в гражданских процессах п р о т и в сената. Нужно ли еще после этого описания опровергать нелепую басню о том, что царь несколько лет тому назад во время заседания собственноручно застрелил одного сенатора з а п р о т и в о р е ч и е или же что 25-й год царствования должен быть одновременно и годом смерти царя, так как в противном случае сенат не мог бы дольше ставить ему ограничения?!

IV. Церковь и попы; чиновничество и финансы

В России все рассчитано на то, чтобы пышным блеском заменить отсутствующую истинную сущность, и подобно тому как Потемкин, при помощи декораций и согнанного народа, обманул царицу Екатерину II относительно блестящего состояния вновь завоеванной провинции Тавриды, так и царь, в свою очередь, всегда стремится к тому, чтобы использовать к своей выгоде искусственно поддерживаемые иллюзии Европы относительно истинного состояния России. Так как он знает, насколько Европа склонна находить сходство между русскими и собственными порядками или же выводить русские порядки, исходя из представления о своем собственном могуществе, то ему легко удается из ничего создать предмет огромнейшего значения для чужих, особенно немецких ученых. Такое ничто представляет в России ц е р к о в ь. Но так как царь сделал себя и ц е р к о в н ы м г л а в о ю России и приказал разгласить себя таковым во всех книгах и так как римская церковь была на самом деле силой, а папа ее воплощением, то, заключают охочие до писания туристы, которые бегло осматривают Россию, не понимая ни ее языка, ни ее народа, и русская церковь должна быть силой, а царь должен быть одновременно и светским и церковным князем, имеющим власть над Сибирью и над небом. Мы должны, чтобы прийти к истинному по-

ниманию России и власти царя, разрушить этот ни на чем не основанный предрассудок, выяснив, что̀ такое православная церковь и ее слуги, так как только о ней, а не о многочисленных сектах, здесь может быть речь. В противоположность своей римской сестре, греко-российская церковь является слугой государства; в то время как первая в борьбе, длившейся столетия, завоевала, благодаря своей внутренней силе, верховенство над князьями, греческая церковь никогда не изменяла мертвенных форм своего существования, которые сковывали дух, и, за редкими исключениями, не покидала состояния полной апатии. Теперь, после того как она дала подчинить себя светской власти, ей уже совершенно невозможно выбраться из этого состояния импотенции, так как для освобождения у нее нет больше ни сил, ни поля действия. По ее служителям нам станет ясной логическая неизбежность этого состояния. Священником (Pope) никто в России не становится по собственному побуждению — им становятся из своего рода наследственной традиции, по которой сын занимает должность своего отца. Если, таким образом, чувство призвания к священническому сану есть вещь невозможная, то все воспитание попа направлено к тому, чтобы сделать его неспособным стать священником в том смысле, как мы это понимаем, т. е. учителем и просветителем своего прихода и сделаться, таким образом, влиятельным членом общества. Слоняясь ребенком с крестьянскими мальчиками по деревне и получая, как и они, в наказание побои, он при этом мимоходом научается кое-как читать и писать. Только в 9 лет в его юношеской жизни происходит перемена; он должен отправиться в духовную школу соседнего города и там, при щедрых колотушках и скудном питании, в 4—5 лет успевает не больше, чем мальчик того же возраста в разумно поставленной школе в течение одного года. Как бы то ни было, он поступает затем, согласно установленному порядку, в духовную семинарию губернского города и там в течение 6—7 лет, при ужасающем, убивающем дух монашеском деспотизме, которому абсолютно нет никакого дела до чистоты нравов или до религиозного чувства, которому важны лишь видимость этого последнего и пустой обрядовый хлам, занимается схоластической белибердой. Если из него выйдет прок, то это вопреки этому методу воспитания, а не вследствие его. Из этой семинарии существуют три выхода. Или этот выдрессированный согласно всем правилам человек становится тем, чем был его отец, — дьяконом, попом, или он, как некоторые его товарищи по несчастью, поступает в медицинскую академию, или же, если он действительно имеет способную голову, командируется в духовную академию. Семинария, таким образом, решает судьбу своего питомца, решает вопрос, станет ли он черным или белым попом. Черным попом, т. е. монахом единственного русского ордена базилианцев [9], он становится со вступлением в духовную академию, где он проникает во все глубины схоластики, чтобы потом стать архимандритом, епископом и т. п. Среди этих ученых попов встречаются, конечно, иногда и дельные люди, которые из своего учения выносят даже наклонность к различным ересям, за что они, как только об этом пронюхают, ссылаются на покаяние в Соловецкий монастырь близ Архангельска или в какой-нибудь другой и даже в Сибирь. Некоторые из них (как Иннокентий Киевский), [10] ревностно изучают немецкую философию, но если бы они даже открыли новые системы, это не оказало бы никакого влияния на церковь, так как философское

образование не есть общее достояние всего черного духовенства; наоборот, — достояние только единиц. Недостаток солидарности среди этого высшего духовенства делает, конечно, невозможным всякое пополэновение создать для церкви независимое положение в государстве; дающие себя знать порою стремления к самостоятельности являются изолированными и потому бессильными, царская немилость умеет ставить на свое место даже и митрополита московского Филарета.[11] Черное духовенство имеет мало вляния и на народ, с которым оно почти не приходит в соприкосновение; это вляние могло бы выпасть на долю белых попов, которые живут в народе и с народом, но мы сейчас увидим, что они вследствие своего воспитания и положения никогда этого влияния иметь не могут. То же рабство, то же отсутствие человеческого достоинства, которое принижает поповского сына в школе и семинарии, ожидает его вновь при выходе из последней в свет. Белый священник должен жениться, прежде чем быть посвященным в свой сан, но способ его женитьбы есть самая большая безнравственность. Точно так же, как он не становится священником по собственному выбору, он не становится по собственному выбору мужем девушки, которую он любит. Чтобы следовать предписаниям церкви и дать посвящаемому в священники жену, его родители вступают в переговоры с другой поповской семьей, которая имеет дочь на выданьи, и между ними совершается соглашение; если денежный вопрос находится в порядке, сын и дочь обязаны подчиниться. В качестве попа он имеет лишь церковное имение, доход с которого делит с дьяконом и с низшими церковными служащими; таким образом, начинается его зависимость от помещика и от крестьян тотчас же по вступлении в свою должность. Помещик разыгрывает роль немецкого покровителя церкви старого стиля и в зависимости от того, нравится ли ему поп или нет, дарит ему свою благосклонность или отказывает в ней, разрешает ему пользоваться строительным лесом и дровами и другими подачками для кухни и дома или нет; несчастный священник находится в таком же положении и по отношению к крестьянам. У них он должен выпрашивать обработку своего поля, сбор урожая и тысячу мелких услуг в домашней жизни, так как для оплаты этих работ у него нет средств. Если же крестьяне это делают, то он должен обнаружить настолько ума, чтобы считаться с их слабостями и не должен быть строгим; чтобы, таким образом, быть в состоянии жить по-человечески, он должен забыть о своем сане в своих отношениях с помещиком и с крестьянами. Он ничему не научился, делать он ничего не умеет, и вот он скучает или же сердится на свою жену, которая ему не нравится, пеняет на свое положение, которое ему навязано. Чтобы развлечься и утешиться, он идет к крестьянам, усердно посещает кабаки, пьянствует вместе с народом и притом с такой виртуозностью, что в России поп и пьяница являются равнозначащими понятиями; при этом он вскоре становится мишенью для народного остроумия. Как может он при таком поведении, при недостатке ума и образования, иметь влияние на народ? Правительство, конечно, очень хотело бы, чтобы священик приобрел такое влияние, чтобы использовать его в своих целях для своей безопасности; оно обязывает его в ежегодно обновляемом указе исполнять роль государственного шпиона, который должен сообщать правительству тайны исповеди относительно преступлений, в особенности политических. Но пока оно не в состоянии платить священникам жалованья,

чтобы вырвать их из состояния зависимости, этот приказ остается, конечно, без действия. Народ, правда, ходит в церковь, чтобы исполнять обряды и смотреть на них, но ему и в голову не приходит исповедываться в преступлениях, и священник всегда последний узнает что-либо о предполагавшемся волнении. О каком-либо фанатическом отношении к государственной церкви, при отсутствии религиозного чувства в народе и ограниченности попа, не может, таким образом, быть и речи, — фанатизм существует только в сектах, и он направлен, как мы видим, против государственной церкви и против императора, для которого, таким образом, оказывается уничтоженной возможность в качестве главы государственной церкви фанатизировать русский народ.

Итак, никакие национальные, никакие религиозные узы не связывают народ с царем; его войско может сдерживаться только благодаря железной дисциплине, внутренне же оно, как часть народа, ему враждебно и не может служить ему опорой. Где же мы должны искать могущество царя? Может быть, в гражданском чиновничестве? Только закоренелый немецкий бюрократ, который никогда не покидает своей канцелярии, который никогда не заглянул в другую книгу, кроме своего регистра и таблиц, может прийти в немое изумление перед поразительным, тесно сплетенным внутренними нитями организмом русского чиновничества. Сведущий критик должен как раз в этом усмотреть наиболее уязвимое, губительнейшее место всей системы. Как ни богат соответствующий материал, который мы могли бы осветить примерами, — мы хотим быть здесь краткими и сказать, что, начиная с наивысшей точки этой пирамиды до самого ее основания, все чиновники воруют самым циничным образом. Это настолько установившийся порядок и до такой степени считается присущим службе, что старший чиновник попрекает младшего тем, что тот-де для своего служебного положения (Tschin) слишком много крадет. Эта продажность есть необходимое следствие ничтожной оплаты бедной по своему происхождению массы чиновников, а также и того печального явления, что моральное понятие о чести в принципе у них совершенно не существует, да и не может существовать, по причине безусловного послушания и абсолютной несамостоятельности, являющихся первым и единственным долгом каждого хорошего русского чиновника. Обман здесь до того укоренился, что чиновник, имеющий идеальное представление о долге, рассматривается другими как враг, и он либо бывает принужден делать то, что другие, либо же подвергается утонченнейшей ненависти, страшнейшим преследованиям. Честный человек среди воров должен погибнуть. Без его ведома, с помощью подлога соответствующих документов, его или сделают соучастником преступления, или объявят политически неблагонадежным, и горе ему, если он в обоих этих случаях не обеспечен сильным покровительством при дворе. Он должен уйти, «он якобинец, он не хочет брать!» — говорят о нем, и высшие начальники из собственных интересов помогают освободиться от чудака, который позволяет себе иметь иное представление о государственной службе. Видимость, это — все, что требуется в России от хорошего чиновника; видимость приносит повышения, ордена, деньги, существо же ведет в Сибирь. Таким образом, получается то, что, несмотря на искусно расчлененный механизм, в чиновничьем мире существует самая большая дезорганизация. Нет такого сенатора, такого министра, такого начальника департамента в Петербурге или в провинции,

который не воровал бы. Даже жены чиновников используют эту привилегию своих мужей, и супруга министра полиции Бенкендорфа привозила целые пароходы, полные контрабандного товара, в Кронштадтский порт и содержала, через посредство своих крепостных служанок, большие торговые склады. Монополисту Б. нужен был для одной чрезвычайно выгодной спекуляции новый закон, и он добился этого при помощи подкупа всего совета министров. Конечно, царь хотел бы положить конец подобному положению вещей, но то, что он предпринимает против этого, есть только удары прутьями по воде, несколько капель которой брызжут на берег и высыхают, не уменьшая количества воды. Огромное количество воров и механизм чиновничьего мира делают невозможной всякую реформу, тем более что царь скорее упрям, чем энергичен. Так, несколько лет тому назад он созвал комиссию для пересмотра кондуитных листов чиновников под своим собственным председательством. Во всем государстве были собраны данные, но ни один единственный чиновник не оказался чист, и когда царь сместил несколько сотен их, то он почувствовал все свое бессилие вычистить эти авгиевы конюшни; он распустил комиссию, и все пошло попрежнему. Эти несколько осужденных были только самыми глупыми, но не самыми наглыми мошенниками. Эту отвратительную тему мы заключим характерным анекдотом, который передадим по возможности в его первобытной красе. Министр внутренних дел Перовский (известный своим неудачным походом в Хиву), тоже идеалист, захотел внести немного больше честности в полицейскую жизнь и, конечно, очутился вследствие этого во враждебных отношениях с начальником полиции Кокошкиным (или, как его остроумно прозвали за его взяточничество, cache coquin, т. е. укрывателем воров), продувным мошенником. Но царь, который всегда боится насильственной смерти и считает, что только при управлении Кокошкина он может спать спокойно, берет его всегда под свою защиту, несмотря на самые очевидные доказательства его дурных качеств. Наконец, Перовский решил, что он имеет в своих руках уничтожающее доказательство, так как Кокошкин получил от одного водочного монополиста 100 000 руб. серебром. В царской передней оба врага встретились, и Перовский сказал: «Поздравляю вас, ваше высокопревосходительство». Кокошкин бросается к царю, ждет нового изъявления милостей, но царь молчит. Вечером в обществе повторяется та же сцена. Кокошкин чует недоброе и спрашивает, с чем его должно поздравить. «Ну, вы уж знаете!» слышит он в ответ. Тогда Кокошкин спешит к царю, разыгрывает обиженного и грозится подать в отставку, ибо он знает слабую сторону царя. «Что это за глупость?» спрашивает царь, и Кокошкин рассказывает ему тогда остроту Перовского. «Что это за дурачества ты выкидываешь?» набрасывается царь на вызванного министра. «Ваше величество, это он уж сам знает», отвечает Перовский. «Прошу со мной не шутить, в чем дело?» приказывает Николай, и Перовский рассказывает ему всю историю. Теперь уж, наконец, неверный чиновник, конечно, должен погибнуть? Ничуть не бывало; когда Кокошкин вновь является, царь говорит ему только: «Я тоже тебя поздравляю». Тем дело и кончилось, и только позже счастливец узнал, с чем он должен был себя поздравить.[12] Таким образом, русский чиновный мир неисправим, он притесняет народ, парализует даже хорошие, благотворные учреждения царя или совсем на них не обращает внимания и тем самым влечет за собой его падение.

От выжимания денег чиновниками и их мошенничеств переходим мы естественным образом к вопросу о состоянии русских финансов. Быть может, могущество царя, которое не имеет корней ни в народе, ни в религии, ни в военном, ни в гражданском чиновничестве, основывается на неисчерпаемых денежных средствах? Легенда предоставляет в распоряжение царя неслыханные денежные средства и много рассказывает о сокровищах Петропавловской крепости; а те чудовищные суммы, которые Россия ежегодно тратит на подарки дипломатам и шпионам для поддержки ее собственных тайных планов, точно так же, как и на поддержание абсолютной монархии в Германии, наконец те денежные суммы, которые она ссужает Франции, Англии и Австрии, как бы говорят за правдивость этой легенды. Но откуда же эти доходы, если в общем народ беден, индустрия находится в младенческом состоянии, и только хищения и обман огромны? Откуда эти тайные сокровища, если Россия сама сделала займы в Голландии, Франции и Англии? О, — говорят в ответ, — царь владеет такими богатыми золотыми рудниками на Урале и в Сибири, что ему даже нельзя как следует их эксплоатировать, дабы не понизить стоимости золота. Конечно, царь владеет богатыми золотыми россыпями, но далеко не в таком размере, и за этот наш взгляд говорят немаловажные факты. Деньги, которые с таким шумом были выданы дворам Франции и Англии, были всего-навсего те, которые должны были бы лежать в подвалах банков как капитальный фонд, обеспечивающий государственный долг. При огромнейшем же количестве банкнот, которые обращаются в стране, напрашивается простой и логичный вывод, а именно, что даже пятая или даже меньшая часть этих банкнот не покрыта наличностью, в то время как при урегулированной финансовой системе по крайней мере третья часть их должна лежать нетронутой, чтобы в случае кризиса могли быть частично выкуплены облигации государственного займа. Но так называемая ссуда Англии и Франции представляла на самом деле не что иное, как обмен русских денег на английские и французские рентные бумаги, которые теперь, вместо золотой наличности, лежат в петербургском банке. Эта покупка была сделана в интересах абсолютизма, и революция, которая должна произойти также во Франции и в Англии, покажет, что Россия произвела невыгодную спекуляцию, так как ренты не будут оплачены, а золотая наличность израсходована.

Кроме того, при таком невероятном богатстве металлами должно было бы во всяком случае существовать больше звонкой монеты, а между тем во всей России, даже в губернских городах, только с большим трудом можно разменять сторублевую бумажку. Далее должно поразить то, что два года тому назад гражданским и военным чиновникам в течение трех месяцев не выплачивалось жалованье; тут было бы своевременно, не подвергая стоимости золота опасности понижения, поэксплоатировать несколько более неизвестные рудники, но этого не случилось, ибо они вовсе не существуют в действительности. Ибо как ни дерзки сами по себе захваты царя, с помощью которых он присваивает себе крупные церковные доходы, деньги за церковные свечи, равно как и губернские школьные фонды, в глазах всех было бы прямым, уже ничем не оправдываемым насилием, если бы действительно уральские золотые источники вливались в личную сокровищницу царя. В самом деле, царь оспаривает право обращать в пользу духовных школ и семинарий деньги, которые набожные люди тратят на свечи и из которых

ежегодно составляются огромнейшие суммы; отбирание у клира этих денег означает не что иное, как превращение его в еще более дикое состояние, увеличение его зависимости от помещика и крестьянина, и показывает, как велика нужда царя в деньгах, так как в интересах государства он и хотел бы обеспечить попов жалованьем, но денег для этого не имеет. Наконец, крайность нужды царя в деньгах доказывает и тот факт, что в сберегательной кассе Москвы, где купцы, ведущие торговлю с Востоком, держат свои деньги в ожидании времени расплаты, не получая с них процентов, три года тому назад не оказалось никаких денег, и большое количество купцов очутилось в тяжелом положении или же обанкротилось, ибо царь заключил принудительный заем.

Итак, больше бумажных денег, чем это должно быть при разумной финансовой системе, задержка жалованья чиновникам и, что хуже всего, посягательство на имущество частных лиц, — вот результаты русского хозяйства! Революция еще пока не задела России, но если она там разразится, то ей уж не будет удержу, ибо все, что ей должно противостоять, находится в состоянии разложения, и банкротство русского государства гораздо ближе, чем это думают слепо верующие.

Эта армия больших и малых воров и мошенников, не должна ли она быть одним из устоев государства? Совершенно очевидно обратное. Она есть разрушение государства, бессознательный губитель системы, для сохранения которой она яко-бы работает; она — злейший враг царя. Чиновничья каста рассматривает Россию как арену для своей грабительской и мародерской деятельности, и этот дух проникает великого и малого; эта каста, благодаря своей многочисленности, своей организации, одинаковому сознанию своей вины, является действительным правителем России. По ее могущественным ступеням доходят приказы царя до народа, по ним подымаются просьбы и жалобы народа к царю, но все это только с согласия самих чиновников. Если приказ сверху кажется им подозрительным и угрожающим их безопасности, то он, правда, тут же получает движение, даже, быть может, и опубликовывается, но только не исполняется, так как народ и частные лица не могут добиться его исполнения; их просьбы и жалобы не приводят ни к каким результатам, даже золото не действует на высших ступенях, так как сумма недостаточно соответствует чину; одним словом, до неба высоко, до царя далеко! Таким образом, естественным следствием этой грабительской системы чиновников является бесконечное озлобление народа против них, — озлобление, которое далеко превосходит ненависть народа к дворянству. Но чиновный мир, который, как мы видим, предписывает царю законы или же исполняет царские приказы, когда это ему заблагорассудится, не является больше орудием престола, а, скорее, могущественным орудием революции, которой он приносит в жертву самого себя вместе с царем.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Эпизод этот рассказан Н. И. Тургеневым в его книге «Россия и русские», которая незадолго перед тем (в 1847 г.) была издана и произвела довольно сильное впечатление как во Франции, так и в Германии.

[2] Симон Конарский (1808—1839) — польский демократ, участник революции 1830—1831 гг., затем эмигрант, участник Савойского похода генерала Рамарино, член «Молодой Польши», сотрудник журнала «Północ» («Север», — редактор Czynski), в котором, между прочим, проводилась мысль о необходимости революционного сбли-

жения всех славян, — обстоятельство, делавшее память о Конарском особенно дорогою для Бакунина. В 1835 г. Конарский поехал нелегально в русскую Польшу, где в течение последующих лет создал революционную организацию, по своим размерам едва ли не наиболее крупную для того периода движения в русской Польше. Арестован 27 мая 1838 г., предан военному суду, по приговору которого и расстрелян 27 февраля 1839 г. в Вильно (дата «1835» в брошюре является, очевидно, следствием опечатки).

Во время заключения Конарского в виленской тюрьме некоторые из офицеров, несшие караульную службу, оказывали ему помощь при сношениях с волей; польские источники говорят, что они готовили ему побег. Дело было раскрыто по вине одного из привлеченных к сношениям с Конарским поляков. Ряд офицеров был арестован и предан суду: Кузьмин-Караваев, Литвинов, Де-Люсине и другие. Польские источники утверждают, что первый был приговорен к смертной казни и расстрелян; в русских источниках указаний на расстрел, насколько мне известно, не имеется; М. Топильский отделывается глухой оговоркой, что «офицеры понесли заслуженное наказание» («Русский архив», 1870 г., стр. 1194); ген. Оторощенко сообщает, что Караваев был приговорен к ссылке на каторжные работы (там же, 1869 г., стр. 1121). Биографические данные о Караваеве вообще очень скудны.

[3] Автор имеет в виду восстание 1846 г. в Кракове.

[4] Картельная конвенция (Kartelvertrag, или Kartelconvention) — под этим названием тогда был известен возобновленный 20 мая 1844 г. после некоторого перерыва договор между Россией и Пруссией о взаимной выдаче дезертиров, уголовных преступников и т. д. В период подписания договора прусское правительство упорно утверждало, что договор не распространяется на лиц, преследуемых за политические преступления, но фактически дело обстояло, конечно, совершенно иначе; общий для всей Германии циркуляр об аресте Бакунина, изданный 24 мая 1844 г., несомненно стоит в связи с этой конвенцией; опираясь на нее же, прусское правительство производило и все выдачи эмигрантов-поляков и т. д. Именно этим объясняется ожесточенная кампания против этого договора, которую вела вся либеральная и демократическая печать в предреволюционные годы. В марте 1848 г., тотчас же после революции, договор этот был фактически отменен, о чем были сделаны даже официальные сообщения, но уже в 1849 г. он был восстановлен, и снова едва ли не первый случай его применения был направлен против политического деятеля: в июле 1849 г. в силу этого договора был выдан русским властям Фейнберг, участник берлинского студенческого легиона и один из участников нападения на арсенал в июне 1848 г. (он умер в Сибири на каторге).

[5] В записке, составленной в 1850 г. в Кенигштейне, Бакунин этот эпизод относит к 1838 г., причем подчеркивает, что в это время он сам был в Петербурге, т. е. знает о нем вполне достоверно.

[6] И в брошюре, и в «Dresdener Zeitung» стоит именно эта цифра — 1842 г. Но по смыслу ясно, что Бакунин имел в виду 1812 г. (это подтверждается и сравнением с запиской 1850 г.).

[7] Легенда о «рогатом попе», нашедшая отражение и в художественной литературе, не раз передавалась мемуаристами; между другими, ее передает также и В. Г. Короленко («Записки моего современника», Берлин, т. I, стр. 107—108), который ее также ставит в связь с общим возбуждением, царившим среди крестьян в годы, предшествовавшие освобождению.

[8] В немецком тексте стоит «Münch», но несомненно, что речь идет о Минихе.

[9] В немецком тексте стоит «des einzigen russichen Ordens der Basilianer», дословный перевод какового выражения нами и дан. По существу это утверждение брошюры не соответствует действительности: как известно, православное монашество в России никогда не было объединено в ордены западного типа. Ошибку эту, несомненно, следует поставить в счет немецкому редактору брошюры, Л. Виттигу, которого, возможно, ввел в заблуждение несомненно известный ему факт, что из всех католических монашеских орденов в России тех лет допущен был только орден базильянцев.

[10] Бакунин имеет в виду Иннокентия Херсонского (Ив Ал. Борисов, 1800—1857), который в 40-х годах был ректором духовной академии в Киеве. Иннокентий, судя по имеющимся о нем в литературе данным, был действительно весьма разносторонне образованным человеком, с задатками серьезного философского мыслителя. М. А. Погодин в своей брошюре о нем пишет, что это был «просвещенный человек, стоявший с веком наравне, для которого в области познаний не было ничего незнакомого, которому геология была так же близка, как гомилетика,—анатомия, военное искусство, политическая экономия известны наравне с патристикой». Для своей среды и эпохи он отличался и довольно большим свободомыслием как в вопросах специально богословских (некоторые из его работ на соответствующие темы смогли увидеть свет только уже после его смерти), так и общеполитических; в частности, он был убежденным противником крепостного права; это видно, между прочим, и из слов Погодина, который говорит, что Иннокентий был «брат, пылавший любовью к меньшей братии, принимавший участие в ее скорбной доле, призывавший всем существом своим ее возрождение, провидевший в нем, с радостным биением сердца, зарю новых славных судеб» (М. Погодин, Венок на могилу высокопреосвященного Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического, Москва, 1867 г.; литература об Иннокентии вообще указана в энциклопедических словарях). В литературе до 1848—1849 гг. имя Иннокентия было сравнительно мало известно, и тот факт, что Бакунин о нем знал, равно как и осведомленность о столкновении митрополита Филарета с обер-прокурором Синода (о чем речь ниже), лишний раз подтверждает, с каким вниманием Бакунин присматривался ко всему, что происходило тогда в России.

[11] Филарет, митрополит московский (Вас. Дроздов, 1783—1867), наиболее крупный представитель церковной иерархии эпохи Николая I, был горячим апологетом тогдашней реакции и защитником крепостного права. Эпизод, на который намекает Бакунин, это — имевшее место в 1848—1849 гг. столкновение между Филаретом и обер-прокурором синода по вопросу о пределах компетенции последнего. Николай стал на сторону обер-прокурора и «освободил» Филарета от присутствия в Синоде.

[12] О С. А. Кокошкине (1785—1861) и его совершенно анекдотических хищениях и лихоимстве, об его столкновениях на этой почве с Перовским, при явном попустительстве со стороны Николая, имеется масса сообщений в мемуарной литературе, причем достоверность этого рода указаний, — в том числе и указаний о поведении Николая, — подтверждается такими надежными документами, как, напр., письма тогдашнего министра иностранных дел Несельроде к его сыну (см. «Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode, 1760—1856. Extraits et annotés par le comte A. de Nesselrode, tome VIII (1840—1846). Paris. стр. 190 и 202).

ПИСЬМА М. А. БАКУНИНА К БРАТУ АЛЕКСАНДРУ и Н. И. ТУРГЕНЕВУ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Печатаемые ниже три письма М. А. Бакунина к брату его Александру относятся к концу 1862 г., когда М. Бакунин, в результате своих переговоров с посетившими Лондон делегатами Центрального варшавского революционного комитета, в принципе решил поехать в Польшу в случае, если там вспыхнет восстание.

Александр Александрович Бакунин родился в 1821 г. и был моложе своего знаменитого брата на 7 лет. Получив образование в Московском университете, А. А. Бакунин в 1848 — 1849 гг. был профессором одесского Ришельевского лицея (впоследствии превратившегося в Новороссийский университет). Во время Крымской войны А. А. Бакунин поступил в войска рядовым (другие четыре его брата также поступили на военную службу в это время) и проделал всю севастопольскую кампанию. На патриотизм своих сыновей ссылалась мать М. Бакунина в своем прошении от 21 марта 1851 г. на имя царя об освобождении сидевшего тогда в Шлиссельбурге старшего сына Михаила. Позже А. А. Бакунин для усовершенствования в живописи, которою интересовался, уехал в Италию, но здесь увлекся национально-освободительной борьбой и забросил искусство. В момент, к которому относятся публикуемые ниже письма, А. А. Бакунин проживал во Флоренции, собираясь вернуться на родину, где уже сказывались признаки общественного оживления. Вскоре он выполнил свое намерение, но перед возвращением на родину все-таки побывал в конце 1862 г. в Лондоне, где повидался с братом. Впоследствии он был в России мировым судьей, а с введением земских учреждений непрерывно состоял гласным уездного новоторжского и тверского губернского земств, где принадлежал к либеральному крылу.

Повидимому, в письмах к брату, нам не известных, он пускался в радикальные разглагольствования, чем и возбудил в Михаиле опасения, что по возвращении в Россию он станет вести себя неосторожно и зря погибнет. Этим, повидимому, вызваны предостережения, которыми переполнены ответные письма Михаила Бакунина, явно стремившегося удержать младшего брата от легкомысленных увлечений. Надо заметить, что со стороны М. Бакунина, который в это время был одержим революционной горячкой, эти предостережения производят несколько неожиданное впечатление. Трудно предположить, чтобы по отношению к своим родным он проявлял больше бережности, чем по отношению к остальным смертным, или чтобы он (как это можно было бы заключить из его слов: «жизнь моя определилась иначе, ее переделать невозможно. Но ты еще свободен.») держался той мысли, что его семья, дав миру одного революционера, этим как бы уже выполнила свою общественную миссию. Вернее, он просто хорошо знал своего брата и не считал его способным к революционной деятельности, что тот, впрочем, и подтвердил всею своею последующею жизнью прогрессивного, но умеренного человека. Не следует, однако, забывать, что в рассматриваемое

время М. Бакунин находился под некоторым влиянием Герцена и Огарева, увлекших его на путь либеральных иллюзий и агитации за Земский собор, надежды на каковой выражены в письме от 18 декабря. Но главное — М. Бакунин видел, что увлечения его брата поверхностны, основаны на преходящем чувстве, оторваны от почвы, и он пытался охладить его, привлечь его внимание к действительности, удержать от необдуманных и бесполезных поступков. Наконец, не следует забывать, что в тот момент М. Бакунин с особенной страстностью относился к вопросу об устройстве переезда своей жены Антонии за границу, а так как он убедился в том, что остальные братья относятся к этому вопросу холодно, то особенно был заинтересован в недопущении преждевременного провала Александра, на которого возлагал надежды в смысле ускорения благополучного разрешения занимавшего его вопроса о выезде Антонии из России.

Письма дают некоторый материал для характеристики настроения М. Бакунина накануне его известной поездки в Польшу (точнее в Швецию, так как до Польши, а тем более до России, куда он стремился, ему добраться не удалось). Они подтверждают, что поездку в Польшу он считал для себя морально обязательной, независимо от шансов на удачный исход. В первом же письме он указывает, что «видов на успех мало», но что он непременно поедет в Польшу, где предвиделось движение русских войск (разумеется, революционное, связанное с деятельностью офицерской организации «Земли и воли»). Как показывает письмо от 12 ноября, М. Бакунин думал даже сложить в Польше голову и разыграть там последний акт своей жизненной драмы. Но как человек действия прежде всего, он находил нужным не отступать от своих слов и засвидетельствовать их серьезность делом. Как известно, при первом же удобном случае он свое намерение выполнил, примкнув к экспедиции Лапинского.

Далее мы печатаем письмо М. Бакунина к Николаю Ивановичу Тургеневу (1789 — 1871), известному русскому общественному деятелю эпохи Александра I. Письмо хранится в рукописном отделении библиотеки Всесоюзной академии наук и написано накануне поездки М. Бакунина в Париж, состоявшейся в августе 1862 г. В качестве убежденного противника крепостного права, критику которого он дал в своем «Опыте теории налогов» (1819 г.), Тургенев в конце того же года составил для Александра I записку, в которой высказывался за постепенное освобождение крестьян. С 1819 г. Тургенев был активным участником «Союза благоденствия», а после восстания декабристов был заочно приговорен к смертной казни за прикосновенность к событиям 14 декабря 1825 г.; Тургенев поселился во Франции. Здесь он издал известный труд «La Russie et les russes» в трех томах (1847 г.). Бакунин познакомился с Н. Тургеневым в 1844 г. в Париже и относился к нему с большим уважением. Письмо написано Бакуниным, когда он летом 1862 г. собирался съездить в Париж по польским делам. В те времена еще не были известны всеподданнейшие ходатайства Н. И. Тургенева, раскрытые в наше время.

Ю. С.

I. ПИСЬМА К БРАТУ АЛЕКСАНДРУ[1]

1

12 ноября 1862 г.
[Лондон], 10, Paddington Green, W.

Милый брат!

Я получил уж очень давно твое последнее письмо, и оно отогрело мое сердце. Спасибо тебе. Да, поезжай, когда получишь деньги, поезжай и выручи мою бедную жену.[2] Если можешь, приезжай в Лондон проститься, а нет, так заезжай, по крайней мере, в Гейдельберг и останься там несколько дней при моем друге Л.,[3] о котором я писал тебе, но извести меня наперед, чтоб письмо мое застало тебя в Гейдельберге.

Решившись возвратиться в Россию, будь осторожен в словах, знакомствах, поступках. Из пустяков попадать глупо. Не сомневаюсь в том, что тебя в Петербурге задержат, но тебе будет легко доказать, что ты ни в чем до сих пор не повинен, а за будущее судить нельзя. Тебя выпустят скоро. Только, пожалуйста, не донкихотствуй и не задавай III Отделению шарад вроде той, которую ты мне прислал под названием: «Революция и работа. Тезис, антитезис, а конкретное их одинаково, ибо симптомы их: красота, женщины, искусства».

Ты чувствуешь живо, а говоришь лениво, потому что не переварил Гегеля. Надо его позабыть, надо делать и жить. Для этого поезжай в Россию к братьям; там найдешь почву, а с почвою и дело. А наше дело действит[ельность] русская укажет; а действ[ительность] эта только теперь переходит к жизни. Мужик растет, дворянство падает и разоряется. Мне жаль братьев: им должно быть теперь очень тяжело; хозяйство без капитала становится невозможным, а капитала нет. Поезжай к ним, дели с ними тягость, горе и благородное дело. Не дай сердцу твоему очерстветь в расстройстве, не требуй от себя великого, довольствуйся простым человеческим делом: этим путем, может быть, дойдешь и до великого.

Ты прав, жизнь моя определилась иначе, ее переделать невозможно. Но ты еще свободен. Что до меня касается, то чуть ли я не разыграю скоро последний акт своей драмы. Кажется, что польское возмущение на носу. Вследствие нашей пропаганды с ним связано будет движение русских войск в Царстве Польском. Видов на успех мало. Но propagande oblige, — il faut payer de sa personne*. Я

* [Но пропаганда обязывает, приходится лично расплачиваться].

непременно там буду. Тогда не поминай меня лихом. Но об этом никому ни слова, это до сих пор великая тайна.

Сожги письмо, да и вообще жги все, а в Россию, кроме любовных записок, если такие существуют, с собой не бери ничего.

Читаешь ли ты «Колокол»? Где отец [4] живет? Если уж совсем денег нет, напиши; я хоть и не совсем богат, а постараюсь прислать. Надеюсь, что ты со мною более ломаться не станешь. Ведь я жду да требую от тебя благодеяния и не ломаюсь.

Прощай, брат, обнимаю тебя и молю о скором ответе.

Твой Бакунин.

2

7 декабря 1862 [года].
Лондон, 10, Paddington Green, W.

Мой дорогой брат!

Нас, людей, готовых итти до конца, немного,— тратить их понапрасну не надо, и когда довольно одного, зачем двух? Побереги себя на будущее дело, а дела впереди слишком много. Если хочешь ты мне оказать благодеяние, поезжай в Россию и будь там в моем отсутствии, а может быть и после меня, моей жене не доктринерски-прямухинским, [5] а по-моему, любовно практическим другом, защитником и покровителем. Поеду ли я или нет, еще не верно. На пустяки, разумеется, не поеду. А если поеду, одному мне будет легче и приехать туда и сносить ответственность за себя. [6] Но спасибо тебе, живой голос тронул, глубоко тронул меня; ты, несмотря на свое долгое молчание, [имеешь] чувство живо, хотя перо и лениво. Недаром же я [ты?] — русский, да к тому еще Бакунин.

Письмо Татьяны [7] я удержал у себя: я так давно не видал ее почерка; точно как будто бы голос из другого мира. Да и в самом деле из мира другого — прямухинский мир в своем добре и зле не походит на никакой другой мир, и если в нем есть зло, так это — зло невинности, dont le cher Paul[8] est le grand prêtre*, зло чистоты почти сверхъестественной; таким злом редко кто может похвастаться. Да, они живут своею собственною, логически ясною и по-своему полною жизнью, — мы одни с тобою кометы. Мечет нас из одного конца в другой. Ну, и мы исполним свое назначение, — я прежде, ты потом, по старшинству лет. А теперь, брат, ты поезжай в Прямухино, для меня поезжай.

Я сегодня, с верным случаем, написал братьям и просил их, если Antonie [9] в самом деле приехала к ним, — что-то не верится, ведь они убили во мне способность верить, — если она в самом деле в Прямухине, чтоб она осталась там до весны. Тогда ясно обрисуется и мое положение: или ей придется совсем остаться в России, или она приедет ко мне, и тогда уж я, в свою очередь, откажусь от частных рискованных экспедиций и буду беречь себя на большую и последнюю минуту в России. И ее просил я также остаться на зиму в Прямухине.

Хорошо бы было, брат, если бы средства позволили тебе приехать ко мне проститься в Лондон. Ну, а если нельзя будет, поезжай в Гейдельберг, откуда

---

* [Первосвященником которого является дорогой Павел].

напишешь мне и получишь скоро мой ответ. А до тех пор крепко, крепко обнимаю тебя.

Твой М. Бакунин.

Пиши мне на следующий адрес: Miss Venn. London, 1, Norfolk Road Villa. Baysnaber. W. For M-r A. [M.?] Bacounin.

3

18 декабря 1862 г., Лондон.

Мой милый друг!

Ты, без сомнения, получил мой ответ на твое предпоследнее письмо, к которому приложено было письмо Татьяны. Ты спрашиваешь меня, обрадовался ли я. Разумеется; и еще более обрадовался бы, если бы смел верить, но вера моя далеко не полна. На всякий случай я писал верным путем и жене, и братьям, прося их, чтобы она до весны оставалась в Прямухине. Если гроза пронесется мимо без грома, ну, тогда пускай приезжает ко мне весною; если ж будет в январе, в феврале или марте гроза [10], тогда меня здесь не будет, и она приедет к чужим людям. А ты, брат, решайся ехать в Россию, право решайся, и для моих дел, и для самого себя будет лучше.

Что до моих дел, то я на тебя более надеюсь, чем на всех братьев вместе, потому что ты, взбалмошный, еще веришь в невозможное, а они стали так умны, что совсем удалились [удовлетворились?] тесными границами и условиями прямухинских возможностей. Vive la folie!* Для тебя, мне кажется, было бы также хорошо хоть на время съездить в Россию, для того чтобы попробовать опять русской почвы, а то ведь ты там стал совсем абстрактным человеком, без дела, без почвы, без цели, с идеалом красоты в сердце и без средств дать ему плоть и жизнь. Проза — необходимый фон жизни, своя родная проза: только на этом фоне и сумасшествие красиво. Поищи этой прозы в России, — без нее мы выветримся без толку. Прости, ведь это нравоучение и философия, а я отрекся как от того, так и от другого.

Гарибальди я не пишу с тобою, потому что мне писать ему нечего. Заговорю с ним, когда буду в деле, теперь вряд ли я имею право с ним говорить [11]. Да, дела теперь везде становятся серьезны. Везде готовятся. Война и революция, а в России, даст бог, будет скоро Земский собор [12]. Постараемся не погибнуть на первой поре, тогда, может быть, удастся сделать и что-нибудь доброе. Много электричества набралось в европейском, западном, а особливо восточном мире. Пожалуй, проживи еще зиму в Италии да подожди, что будет весною. Ну, а если поедешь, то остановись в Гейдельберге и дай немедленно знать о своем прибытии.

Твой М. Бакунин.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Печатаемые ниже три письма М. А. Бакунина к брату Александру в копиях находятся в делах высочайше учрежденной следственной комиссии за 1862 г. в Ленинграде.

[2] После побега Бакунина из Сибири жена его, Антония Квятковская, осталась в Иркутске, и Бакунин принимал все меры к тому, чтобы помочь ей выехать оттуда.

* [Да здравствует безумство!].

[3] К этому месту сделано примечание III Отделения: «Не студент ли Лаврентьев из Москвы?» На самом деле здесь говорится о В. Ф. Лугинине, проживавшем тогда в Гейдельберге и находившемся в переписке с Бакуниным и Герценом.

[4] Непонятно, о ком здесь говорится. Отец Бакунина умер в конце 1854 г.

[5] Бакунин был недоволен отношением к нему родных, которые были против его побега из Сибири и халатно относились к вопросу о выезде его жены из Иркутска.

[6] Речь идет о предполагавшейся поездке М. А. Бакунина в Польшу.

[7] Любимая сестра М. А. Бакунина — Татьяна.

[8] Брат Павел, в начале 40-х годов изучавший в Берлине вместе с Михаилом философию Гегеля.

[9] Антония, жена Бакунина.

[10] Польское восстание, которое действительно началось в январе 1863 г.

[11] Гарибальди Бакунин писал в первый раз 10 мая 1862 г. (письмо было захвачено австрийской полицией; в нем Бакунин предлагал итальянцам союз славян для борьбы с Австрией). Писал ли он ему позже, неизвестно.

[12] В то время велась агитация за созыв Земского собора, в которой принимал деятельное участие кружок «Колокола», в том числе и Бакунин.

II. ПИСЬМО Н. И. ТУРГЕНЕВУ

30 июля 1862 г., Лондон.

Николай Иванович!

Сегодня еду в Париж, и нужно ли мне говорить Вам, что одно из пламеннейших желаний и надежд моих это увидеть Вас, нашего патриарха, как можно скорее? Вы, вероятно, теперь где-нибудь в деревне, и потому, прошу Вас, потрудитесь известить меня (в Rue Jacob, Hôtel Jacob, Faub. St-Germain), каким путем и в какое время я могу к Вам добраться.

Ведь нашего доброго Бернацкого [1] нет более на свете, а то по старой привычке я отправился бы к Вам с ним вместе.

Буду ждать в Париже Ваших приказаний, а до тех пор обнимаю Вас заочно и прошу передать мое почтение всему Вашему семейству.

Преданный Вам М. Бакунин.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Бернацкий, Алоизий Проспер, граф (1778—1854) — польский агроном и общественный деятель; министр финансов в революционном правительстве 1831 г.; затем эмигрировал и проживал во Франции, где продолжал заниматься агрономией.

А. РЕУЭЛЬ

ОБЗОР СТАТЕЙ ПО ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В ЖУРНАЛЕ «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» ЗА 1922—1927 гг.

Журнал «Под знаменем марксизма» основную свою работу вел и ведет в области философии. «Великая революция, — гласит редакционная программная заметка, помещенная в № 1 журнала, — всколыхнула массы, выдвинула на передовые позиции революции широкие слои рабочих и крестьян, влила в ряды авангарда революции — РКП — сотни тысяч молодых членов, которые в огне и буре революции научились бороться, но которым еще нужно пройти закаляющую школу марксовой философии, чтобы стать стойкими, уверенными и несокрушимыми коммунистами». В своей статье «О значении воинствующего материализма», ставшей для журнала программной, В. И. Ленин дал перспективу его деятельности как органа воинствующего материализма, воинствующего атеизма и материалистической диалектики. Хотя, в основном, деятельность «Под знаменем марксизма» посвящена разработке философских вопросов, в нем нашли яркое отражение и проблемы политической экономии, преимущественно имеющие общий методологический характер. Настоящий очерк посвящен обзору статей по политической экономии, сгруппированных по отдельным основным проблемам.

1. Предмет и метод политической экономии

В № 2 — 3 «П. З. М.» за 1923 г. помещена впервые переведенная на русский язык оставшаяся неоконченной статья Ф. Энгельса «К а р л М а р к с, Критика политической экономии», напечатанная в газете «Das Volk» в 1859 г. В первой части статьи Энгельс останавливается на характеристике исторического развития Германии, которое обусловило слабое развитие политической экономии в Германии до Маркса. Причина — отсутствие развитых буржуазных отношений. Только с выступлением на теоретическую сцену немецкой пролетарской партии появляется научная немецкая политическая экономия, которая основана на материалистическом понимании истории. Вторая часть статьи посвящена анализу влияния Гегеля на Маркса и характеристике некоторых особенностей метода Маркса. По Энгельсу, метод Маркса был продолжением метода Гегеля, так как несмотря на идеалистическую форму мысль Гегеля развертывалась параллельно ходу истории. Но, с другой стороны, метод Маркса качественно отличался от гегелевского метода; последний нуждался в коренной переработке, так как миросозерцание Маркса было «более материалистическим, чем все предыдущие».

*

«Маркс — по Энгельсу — был и остается единственным, который мог взять на себя задачу выделить из гегелевской логики то ядро, которое содержит в себе действительные открытия Гегеля в этой области, и выработать диалектический метод, освобожденный от его идеалистической оболочки, в той простой форме, в которой он только и является правильной формой развития мыслей. Выработку метода, который лежит в основе марксовой критики политической экономии, мы считаем результатом, имеющим едва ли меньшее значение, чем основное материалистическое воззрение». Далее Энгельс останавливается на двояком типе изложения политической экономии — историческом и логическом. В результате своего анализа преимуществ логического метода исследования он приходит к выводу, что логический метод есть тот же «исторический метод, только освобожденный от его исторической формы и от нарушающих стройность изложения случайностей». В статье Энгельса разбросан ряд интереснейших замечаний о метафизическом методе буржуазных экономистов, об отличии диалектического материализма от вульгарного, естественно-исторического материализма. Интересно отметить определение предмета политической экономии, которое дает здесь Энгельс: «В политической экономии речь идет не о вещах, а об отношениях между лицами, в последней же инстанции — между классами; но эти отношения всегда связаны с вещами и представляются как вещи» (подчеркнуто Энгельсом). Статья Энгельса принадлежит к числу немногих классических работ, посвященных методологии марксистской политической экономии.

В № 7 — 8 «П. З. М». за 1927 г. напечатаны две небольших статьи Энгельса о «Капитале» Маркса, которые были первым популярным изложением «Капитала» для рабочих. Статьи написаны для «Демократического ежемесячника», основанного в 1866 г. в Хемнице при участии Либкнехта и Бебеля.

Интересная статья И. Рубина «Производственные отношения и вещные категории» («П. З. М.», № 10—11, 1924 г.) посвящена одному из наиболее сложных вопросов экономической системы Маркса — связи между производственными отношениями людей и вещными категориями политической экономии, противоречию между «овеществлением лиц» и «олицетворением вещей». Это противоречие заключается в том, что, с одной стороны, производственные отношения придают вещам определенную социальную форму, с другой стороны — социальная форма вещей обусловливает определенный характер производственных отношений, участниками которых являются владельцы вещей. Это противоречие разрешается в диалектическом процессе общественного производства. Каждый тип производственных отношений придает вещам, посредством которых устанавливается данное производственное отношение, особую социальную форму. Однако вещь сохраняет эту социальную форму и по прекращении данного единичного производственного отношения. Происходит как бы «кристаллизация», или «овеществление», производственных отношений в виде свойств, присущих вещам вне производственного процесса. Вещи, в которых «кристаллизовались» определенные производственные отношения, определяют мотивацию хозяйствующих субъектов и побуждают их устанавливать определенные производственные отношения. Таким образом, социальная форма вещей, будучи результатом предыдущего процесса производства, является одновременно и предпосылкой дальнейшего его возобновления. Под этим углом зрения И. Рубин проводит различие между «внешней

видимостью» и «сущностью» явлений. Вульгарные экономисты видят процесс «персонификации вещей», который лежит на поверхности хозяйственных явлений и доступен непосредственному созерцанию; они не замечают «овеществления лиц», которое является гетерогенным образованием, результатом массовых действий людей. Результаты своего анализа И. Рубин формулирует следующим образом: «Теория товарного фетишизма; две стороны процесса фетишизации общественных отношений, а именно: «овеществление людей» и «персонификация вещей»; «кристаллизация» производственных отношений людей в свойства вещей; превращение результатов процесса производства в его готовые предпосылки; противопоставление «внешней видимости» и «внутренней связи» явлений, — все эти стороны марксовой теории, обычно не обращавшие на себя достаточного внимания и в лучшем случае рассматривавшиеся изолированно, оказываются в самой тесной неразрывной связи между собой».

Статья И. Степанова «Что такое политическая экономия» («П. З. М.», № 1—2, 1925 г.) представляет собой доклад, читанный под тем же названием в Коммунистической академии. Все построения И. Степанова (предмет политической экономии, соотношение между абстрактным и конкретным, способ изложения и способ исследования и др.) исходят из его неправильной трактовки диалектического метода как единства «абстрактно-аналитического и конкретно-исторического». [1]

Статья А. Тальгеймера «О книге Розы Люксембург «Введение в политическую экономию» («П. З. М.», № 4, 1925 г.) посвящена разбору этой работы, возникшей из лекций, читанных Розой Люксембург в социал-демократической партийной школе. В этой статье, в общем содержательной и обстоятельной, А. Тальгеймер, однако, пытается затушевать то обстоятельство, что Роза Люксембург стоит на точке зрения механического конца капитализма. В упомянутой работе Розы Люксембург мы также встречаемся с ошибочным положением ее теории реализации, что исчерпание внешних рынков должно само по себе привести к гибели капитализма.

2. Теория стоимости

Закон стоимости — закон движения капиталистического общества. Переход одной категории политической экономии к другой представляет собой усложнение самой абстрактной, основной категории — стоимости. Действительная научная разработка проблем политической экономии возможна только на базисе правильного понимания этой категории. Поэтому не случайным является то обстоятельство, что в течение рассматриваемого периода наибольшее внимание привлекала к себе теория стоимости. Следует отметить, что почти вся полемика вокруг этой проблемы, за небольшими исключениями, нашла свое отражение на страницах «Под знаменем марксизма».

Полемика вокруг теории стоимости развертывалась по двум основным направлениям: общественно-необходимый труд и абстрактный труд.

Дискуссия по вопросу об «общественно-необходимом труде» была открыта статьей Ш. Дволайцкого «К теории ценности Маркса» («П. З. М.», № 5—6, 1922 г.).

[1] Более подробный разбор взглядов И. Степанова дан в обзоре Е. А. Кагановича («Летописи марксизма», № VII — VIII).

Автор — сторонник трактовки категории «общественно-необходимого труда» с точки зрения так называемой «технической» версии. Он подвергает критике взгляды К. Шрамма, А. Будина, С. Франка и А. Миклашевского, которые считают, что обычное определение общественно-необходимого рабочего времени недостаточно: оно должно определяться временем, действительно необходимым для покрытия существующей в обществе потребности. Взгляды сторонников расширения понятия общественно-необходимого труда, по мнению автора, находятся в противоречии с методологическими основами учения Маркса. Маркс в своем анализе исходит из состояния равновесия, они же — из случаев нарушения равновесия, которые не могут не быть временными. Эта трактовка находится в противоречии и с другим важным методологическим принципом — приматом производства над всеми явлениями социальной жизни, в частности и над общественным потреблением. К этому же выводу автор приходит и на основе разбора категории рыночной стоимости. В результате своего анализа автор заключает, что понятие общественно-необходимого труда можно толковать только как «техническую среднюю».

Точку зрения Ш. Дволайцкого подверг критике А. Мендельсон в статье «Понятие «общественно-необходимый труд» как элемент теории стоимости Маркса» («П. З. М.», № 7 — 8, 1922 г.). Автор считает, что, кроме «технической средней», у Маркса встречается так называемая экономическая трактовка общественно-необходимого труда, которая является органической частью его системы. Центральное положение автора, — что хотя общественная потребность и является категорией производной по отношению к стоимости, но в то же время величина ее оказывается границей, за пределами которой продукты труда перестают быть стоимостями. Таким образом, экономическая версия в трактовке А. Мендельсона отличается от экономической версии в варианте Шрамма, Франка и др. Если в понимании последних общественная потребность выступает на-ряду с трудом как перманентно действующий фактор, определяющий величину стоимости, то — по А. Мендельсону — влияние общественной потребности сказывается лишь в одном случае, когда количество произведенных продуктов превышает величину общественной потребности. Автор, далее, подвергает критике соображения методологического характера, выдвинутые Ш. Дволайцким против экономической версии. Однако эту критику следует признать весьма неубедительной.

Точка зрения А. Мендельсона встретила критическую оценку в статье В. Мотылева «К вопросу об общественно-необходимом рабочем времени». Автор в основном принимает аргументацию, которую выдвинул Ш. Дволайцкий против сторонников экономической версии. Автор справедливо указывает, что у Мендельсона общественная потребность, вопреки его утверждению, становится, на-ряду с трудом, фактором, определяющим величину стоимости, — тем самым стоимость отождествляется с ценой. Отсюда — искажение механизма, поддерживающего подвижное равновесие капиталистической системы.

На критику В. Мотылева А. Мендельсон ответил статьей «К вопросу о различных версиях в трактовке понятия «общественно-необходимый труд» («П. З. М.», № 4 — 5, 1923 г.), на которую последовал ответ В. Мотылева «Над могилой потребительской версии» («П. З. М.», № 6 — 7, 1923 г.). Оба автора в основном повторяют положения своих первых статей.

Критике экономической версии посвящена также небольшая заметка Э. Гольденберга «Еще несколько слов об общественно-необходимом труде» («П. З. М.», № 4 — 5, 1923 г.). По мнению Э. Гольденберга, экономическая версия находится в противоречии с марксовой теорией распределения общественной прибавочной стоимости, ибо смешение цены и стоимости делает невозможным объяснение уравнения прибылей.

«Буферную» позицию занимает Н. Ковалевский в своей содержательной статье «К проблеме общественно-необходимого рабочего времени» («П. З. М.», № 11 — 12, 1923 г.). Он соглашается, с одной стороны, с тем, что экономическая версия находится в противоречии как с методологическими принципами, так и с «деталями» системы Маркса, но, с другой стороны, он считает недостаточной и техническую версию, так как она не учитывает обратного влияния потребностей на технический фактор определения стоимости. Он пытается сконструировать новое определение общественно-необходимого труда: «Общественно-необходимым рабочим временем следует считать то время, которое, при данном состоянии развития производительных сил и данном уровне интенсивности труда и обученности рабочего, технически необходимо обществу затратить в среднем для воспроизводства единицы товара, принимая во внимание то количество этого товара, которое при данном конкретном состоянии процесса общественного воспроизводства обществу необходимо произвести, чтобы процесс этот мог продолжаться нормально» (подчеркнуто Н. Ковалевским). Однако мы полагаем, что Н. Ковалевский преувеличивает значение своего определения. По существу Н. Ковалевский стоит на точке зрения технической версии, ибо неверно представление, что ее представители элиминируют момент потребностей. Потребность как предпосылка, обратное влияние потребностей на производство, качественные изменения в технике в результате этого взаимодействия, и таким образом косвенное — через промежуточные звенья — обратное влияние потребностей на стоимость вовсе не отрицается и представителями технической версии. Интересное разграничение Н. Ковалевский проводит между «родовой потребительной стоимостью», «субъективной, или индивидуальной, потребительной стоимостью» и «общественной потребительной стоимостью».

Полемика вокруг абстрактного труда нашла свое отражение в двух статьях: А. Вознесенского «К вопросу о понимании категории абстрактного труда» («П. З. М.», № 12, 1925 г.) и И. Дашковского «Абстрактный труд и экономические категории Маркса» («П. З. М.», № 6, 1926 г.). А. Вознесенский определяет абстрактный труд как категорию реальную, стихийно устанавливающуюся, социальную и историческую. Однако автор считает, что должно быть сохранено также и физиологическое понимание абстрактного труда. В защиту такого эклектического соединения социологического и физиологического понимания абстрактного труда автор выдвигает три основных соображения: 1) при выявлении этой категории не происходит отвлечения от физиологической стороны абстрактного труда; 2) Маркс резко подчеркивает физиологический характер труда, созидающего стоимость; 3) при социологической трактовке абстрактного труда стоимость не может рассматриваться с количественной стороны. Абстрактный же труд в физиологическом смысле автор отнюдь не отождествляет с «вульгарно понимае-

мыми мускулами, мозгом, нервами и т. д.». Абстрактный труд, это — общественная субстанция, общественная материя, трата общественной энергии. Однако в чем своеобразие этой «общественной энергии» в отличие от «вульгарно понимаемых» мускулов, нервов и т. д., об этом автор умалчивает.

И. Дашковский строит свое толкование абстрактного труда на своеобразном делении категорий. Автор различает категории внеисторические и исторические, которые в свою очередь подразделяются на исторические в тесном смысле слова и условно-исторические категории. Внеисторические категории — всеобщие социологические определения, являющиеся введением в изучение исторических хозяйственных форм. Исторические категории в тесном смысле образуют внутреннюю структуру буржуазного общества. Условно-исторические категории присущи всем эпохам, но в развернутом виде проявляются только на определенной ступени исторического развития. Абстрактный труд принадлежит — по Дашковскому — к условно-историческим категориям: он существует идеально в эпохи, предшествовавшие товарному хозяйству, однако почву для своего практического проявления он находит только в товарном хозяйстве. Автор, однако, не останавливается на этой формулировке, приближающейся к трактовке абстрактного труда как исторической категории. На-ряду с этим он утверждает, что абстрактный труд в наиболее развернутом виде выступает при социализме, ибо в этой общественной формации наиболее полно осуществляется переход индивидов от одного вида труда к другому. Далее он объявляет абстрактный труд даже внеисторической категорией, присущей любой общественной формации, так как учет общественной трудовой энергии может производиться только в абстрактных счетных единицах. Таким образом, Дашковский, начав с утверждения, что абстрактный труд — условно-историческая категория, в результате своего анализа объявляет его категорией внеисторической. Подобным внутренним противоречием проникнут у автора и вопрос о физиологической или социальной стороне абстрактного труда. С одной стороны, абстрактный труд — по Дашковскому — физиологическая затрата мускулов, нервов и т. д., с другой стороны, автор считает, что абстрактный труд, как «физиология», является псевдонимом равенства всех видов человеческого труда, равенства товаропроизводителей. Несмотря на эти противоречия, статья Дашковского, богатая оригинальными мыслями, дала толчок к обсуждению проблемы абстрактного труда. Оба автора — и А. Вознесенский, и И. Дашковский — свои взгляды развертывают на фоне полемики с социологической трактовкой абстрактного труда, которая дана в «Очерках по теории стоимости» И. И. Рубина.

Статья А. Сагацкого «Цена производства как производственное отношение» («П. З. М.», № 12, 1927 г.) посвящена критике трактовки И. Рубиным категории цены производства. По И. Рубину, цена производства есть овеществление производственных отношений между промышленными капиталистами разных сфер производства, т. е. категория внутриклассовая. Основное возражение методологического характера, выдвигаемое автором, заключается в том, что точка зрения И. Рубина находится в противоречии с учением Маркса о диалектическом единстве сущности и явления. Автор определяет цену производства как конкретную «вещную» форму совокупности производственных отношений между классом капиталистов и классом наемных рабочих. Таким образом — по А. Сагацкому —

цена производства является категорией не только внутриклассовой, но и межклассовой.

Статья И. Рубина «Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса» («П. З. М.», № 6, 1927 г.) представляет собой доклад, прочитанный автором в Институте экономики при Ранион'е. В этой статье И. Рубин уточняет целый ряд вопросов, связанных с теорией стоимости и затронутых им в «Очерках по теории стоимости Маркса». Автор прежде всего выдвигает три понятия равного труда: 1) физиологически равный труд, 2) социально уравненный труд и 3) абстрактный труд. Физиологически равный труд, — предпосылка всякого общественного разделения труда, — существовал во все исторические эпохи. Социально уравненный труд характерен для тех формаций, где происходит процесс социального приравнивания труда. Абстрактный труд присущ только товарному хозяйству. Далее автор уточняет понятие обмена: следует различать обмен как социальную форму производственного процесса от обмена как особой фазы этого процесса, следующей за фазой непосредственного производства. В процессе непосредственного производства частный и конкретный труд товаропроизводителя является вместе с тем потенциально общественным и абстрактно-всеобщим трудом; лишь в процессе обмена полностью реализуется социальная характеристика труда отдельного товаропроизводителя как труда абстрактного. Далее автор рассматривает вопрос о форме стоимости и содержании (или субстанции) стоимости. Под формой стоимости автор понимает социальную форму продукта труда, заключающуюся в его способности обмениваться на любой другой товар. Однако следует различать форму стоимости и меновую стоимость: если первая представляет собой как бы абстрактное свойство товара, то вторая является социальной формой продукта, принявшей самостоятельный и конкретный вид. Исходя из понимания стоимости как единства содержания и формы, автор считает содержанием, или субстанцией, стоимости абстрактный труд. Своей трактовкой затронутых вопросов статья И. Рубина дает новый материал для понимания основной категории системы Маркса — стоимости.

Следует отметить также статью Ш. Дволайцкого «Об одном «противоречии» в экономической системе К. Маркса» («П. З. М.», № 7 — 8, 1922 г.), где автор дает антикритику математической критики Борткевича и Отто Кюне, которая сводилась к констатированию мнимого противоречия между схемами III тома «Капитала» (исчисление цен производства) и схемами II тома (условия простого воспроизводства).

3. Деньги и кредит

Денежная реформа 1924 г. привлекла внимание наших экономистов к проблемам теории и практики денежного обращения. На страницах наших «толстых» журналов подвергались обсуждению не только вопросы злободневного характера, касающиеся тех или иных сторон практики денежного обращения, но и проблемы теории денег. В «Под знаменем марксизма» обсуждение проблемы денег вращалось вокруг теории денег Гильфердинга.

Перед мировой империалистической войной наблюдался общий подъем товарных цен и рост дороговизны, происходивший в условиях нормального золотого обращения. На страницах журнала германской социал-демократии «Neue

Zeit» развернулась горячая полемика о причинах подъема товарных цен и роста дороговизны, в которой участвовали Е. Варга, К. Каутский, Р. Гильфердинг и др. Впервые вопрос о дороговизне был поставлен О. Бауэром в его книге «Die Teuerung», где была признана возможность влияния условий добычи золота на товарные цены. Специально этот вопрос был разобран Е. Варгой в статье «Добыча золота и дороговизна» («Neue Zeit», № 7, 1912), где проводится та мысль, что условия добычи золота не могут оказывать влияния на повышение товарных цен. Взгляды Е. Варги встретили критическую оценку у анонимного автора J. v. G. («Neue Zeit», № 19, 1912 г.). Более подробная аргументация J. v. G. была развита Р. Гильфердингом в статье «Деньги и товар» («Neue Zeit», № 12, 1912).

Р. Гильфердинг, подобно Е. Варге, считает, что спрос на золото неограничен. Р. Гильфердинг делает попытку теоретически связать вопрос о неограниченности спроса на золото со стороны эмиссионных банков с вопросом о влиянии добычи золота на твердые цены. Все построения Р. Гильфердинга упираются в его теорию стоимости бумажных денег, изложенную в «Финансовом капитале» и формулированную им следующим образом: «Стоимость денежной массы равняется сумме товарных стоимостей, деленной на быстроту оборотов денег, плюс сумма подлежащих погашению платежей, минус взаимно покрывающиеся платежи и, наконец, минус те обороты, в которых один и тот же денежный знак попеременно функционирует то как средство обращения, то как платежное средство». Точку зрения Р. Гильфердинга подвергнул критическому анализу К. Каутский в своей статье «Золото, бумажные деньги и товары» («Neue Zeit», №№ 24, 25, 1912), которая на русском языке была впервые опубликована в «Под знаменем марксизма», в № 11—12, 1922 г. В этой статье К. Каутский указывает, что порочный круг, присущий концепции Р. Гильфердинга, — стоимость денег при бумажно-денежном обращении определяется стоимостью товаров, установленной по сравнению со стоимостью денег, — объясняется смешением понятий стоимости и цены. По вопросу о влиянии эмиссионных банков на товарные цены и стоимость золота К. Каутский говорит: «Неограниченный спрос на золото» оказывается здесь готовностью банка принимать на хранение всякое количество золота, появляющееся на рынке. Золотое сокровище центрального эмиссионного банка есть не что иное, как объединение сокровищ владетелей денег данного государства, которые раньше были распылены по многочисленным кассам и подвалам, а теперь централизованы».

К. Каутский подвергает также критике все аргументы о невозможности влияния условий производства золота на товарные цены и стоимость денег.

Статья В. Познякова «Гильфердинг или Маркс» («П. З. М.», № 1 — 2, 1926 г.) посвящена критике взглядов Гильфердинга. Автор считает, что критика Каутского, указавшего, что у Гильфердинга стоимость смешивается с ценой, недостаточна. У Гильфердинга в результате неправильного методологического подхода исчезает и сама стоимость. Гильфердинг начинает с изложения взглядов Маркса; однако уже позже он особенно подчеркивает значение обмена и обращения товаров. Таким образом, он приходит к общественно-необходимой стоимости обращения, каковую он и кладет в основу денег, отвергая окольный путь Маркса: стоимость денег (по крайней мере, бумажных) определяется непосредственно их количеством по сравнению с этой «общественно-необходимой стоимостью обращения»,

золото же при этом для него оказывается совершенно излишним. Но нет никаких логических оснований, почему эти рассуждения не могли бы быть распространены на деньги вообще. Ошибочность этой концепции бросается в глаза, если мы расшифруем эту «общественно-необходимую ценность обращения»; она сводится к сумме сделок *Т-Д* или к форме *Т-Д*, где под *Т* выступает вся товарная масса, а под *Д* груда бумажек. Однако при этих условиях исчезает и всякое выражение стоимости. Поэтому ошибка Гильфердинга сводится не к смешению стоимости с ценой, заканчивает В. Позняков, а к уничтожению всякого выражения стоимости.

Статья Б. Лившица «К постановке денежной проблемы с точки зрения закона равновесия» («П. З. М.», № 8 — 9, 1924 г.) ставит целый ряд проблем по теории денег. Предварительно автор дает методологическое введение — о значении понятия равновесия в экономической теории и закона стоимости с точки зрения теории равновесия. По первому вопросу автор, в результате критического разбора взглядов П. Струве, приходит к выводу, что закон равновесия, будучи вечным законом существования общества как системы, в определенной исторической формации принимает форму закона стоимости. По второму вопросу автор утверждает, что закон стоимости своей качественной стороной (абстрактный труд) создает основу для происходящего стихийным путем общественного соизмерения товаров, своей же количественной стороной (общественно-необходимый труд) он выражает центр равновесия между обществом и природой. Попутно автор под этим углом зрения подвергает критике «экономическую версию» общественно-необходимого труда. Далее автор переходит к анализу теории стоимости денег Гильфердинга. Автор полагает, что теория стоимости денег Гильфердинга и его положение о неизменной стоимости золота находится в тесной связи с принимаемой им «экономической версией» общественно-необходимого труда. По вопросу о мериле стоимости при бумажно-денежном обращении автор, в результате анализа взглядов Е. Преображенского и К. Гельфериха, приходит к выводу о необходимости различения объективного значения функции мерила стоимости от производной роли счетного средства. Последнюю роль при бумажно-денежном обращении выполняют сами бумажные знаки, однако отсутствие золота в обращении не уничтожает его объективно регулирующего значения. В отличие от обычно понимаемой под покупательной способностью денег их стоимости автор противоставляет покупательную силу денег категории цены. Автор различает внутреннюю (покупательную способность) и внешнюю цену денег (курс денег), соответствующие различным сферам обращения — внутреннего и внешнего рынков. Совпадение этих двух «цен» предполагает состояние мирового хозяйственного равновесия. Автор полагает, что защищаемая им точка зрения объясняет целый ряд трудных проблем денежного обращения (перелив золотых монет в слитки и обратно, возможность превышения покупательной силы бумажных денег над стоимостью металла, символизируемой ими, значение «индексов цен»). Автор касается также вопроса стоимости денег и их интервалютарного курса. Целый ряд метких и правильных замечаний направлен автором против теории «эмиссионного хозяйства» проф. С. А. Фалькнера. Несмотря на то, что некоторые положения, выдвинутые автором, являются спорными, следует отметить оригинальность постановки вопроса.

Проблеме кредита посвящены две статьи: Ф. Михалевского и А. Мендельсона.

В своей статье «Этюды по теории кредита» («П. З. М.», № 6 — 7, 1924 г.) Ф. Михалевский ставит целый ряд проблем теории кредита. Автор, прежде всего, констатирует безуспешность попыток буржуазных экономистов дать определение кредита, которая объясняется, с одной стороны, непониманием сущности и противоречивости основных категорий политической экономии, с другой стороны, непониманием хозяйственного процесса воспроизводства. В результате краткого анализа различных определений кредита (Туган-Барановский, Лексис, Маклеод, Коморжинский) автор приходит к отрицанию единого определения кредита. Отдельные формы кредита в различных этапах своего развития находятся между собой в преемственной связи, внутреннее же содержание кредита находится в зависимости от каждой хозяйственной фазы в отдельности. Далее автор переходит к анализу зародышевой формы кредита (кредит в условиях обмена типа *Т-Т*), кредита при обмене типа *Т-Д-Т* и кредита в капиталистическом хозяйстве. Автор устанавливает специфические особенности каждой из этих форм и, таким образом, намечает общую эволюцию форм кредита. Основное отличие между кредитом простого менового общества и кредитом в капиталистическом хозяйстве автор видит в том, что если первый тип кредитных отношений представляет собой известную форму отношений между владельцами стоимости, то капиталистический кредит есть отношение между производителями прибавочной стоимости. В кратких чертах автор останавливается на деятельности банков. Следует отметить большое количество проблем, затронутых автором, при крайней конспективности изложения, что не могло не привести к некоторой поверхностности их анализа.

Статья А. Мендельсона «Средства обращения и капитал» («П. З. М.», №8—9, 1923 г.), посвященная вопросу о монистическом понимании денежного рынка, критикует концепцию кредита проф. Каценеленбаума. В первой части своей работы А. Мендельсон выясняет различие денег и капитала у Маркса при кредитных сделках. Целым рядом цитат из «Капитала» автор устанавливает, что Энгельс в своих примечаниях является продолжателем и популяризатором основных принципов теории Маркса. Во второй части своей работы Мендельсон устанавливает внутреннюю противоречивость концепции проф. Каценеленбаума, который, с одной стороны, принимает марксову теорию кредита, с другой стороны, является сторонником «монистического» понимания денежного рынка, — рынка «вещного капитала», — игнорируя тем самым устанавливаемое Марксом различение средств обращения и капитала.

4. Теория ренты

Толчком к обсуждению теории ренты в нашей периодической печати послужили две работы: Е. Варга, «Общие основы аграрного вопроса» и Я. Берзтыс, «Теория земельной ренты». Полемика вокруг работ этих авторов нашла свое отражение и на страницах «Под знаменем марксизма».

Статья Я. Мирошкина «Закон убывающего плодородия почвы в системе экономического учения Маркса» («П.З.М.», №12, 1924 г.) трактует об отношении К. Маркса к этому «закону». Целым рядом цитат из «Капитала» и «Теорий...» автор устанавливает, что Маркс отрицал этот закон целиком. Правда, Маркс не

отрицал «возможности» различия производительности последовательных затрат труда в земледелии. Но это означает, — указывает автор, — что по Марксу «последовательная затрата капитала на одном и том же участке земли не может подчиниться иным законам, чем затрата капитала на двух различных участках земли последовательно в пространстве». Более того, автор устанавливает, что Маркс не только отрицал падение производительности почвы, но что, по его мнению, рационально эксплоатируемая земля приобретает добавочные «естественные условия плодородия». Автор полемизирует с Е. Варгой, который считает, что Ленину не чуждо было относительное признание «закона убывающего плодородия почвы».

Статья Б. Лившица «К выяснению теоретических основ земельной ренты» рассматривает позицию Е. Варги, привносящего в теорию земельной ренты натуралистические моменты. С точки зрения Е. Варги факт убывающего плодородия земли образует основу как дифференциальной, так и абсолютной ренты. Лившиц правильно устанавливает, что рента вовсе не нуждается для своего объяснения в законе убывающего плодородия почвы, который и с фактической стороны был опровергнут Энгельсом. Дифференциальная рента представляет собой сверхприбыль, существующую в любой отрасли промышленности, где условия производства выше среднего. В земледелии же эта сверхприбыль, ввиду различия естественного плодородия земли, закрепляется. По вопросу об абсолютной ренте автор полемизирует с точкой зрения Е. Варги, будто в «Капитале» и в «Теориях...» имеются две разные теории абсолютной ренты. По Лившицу, источником абсолютной ренты у Маркса везде выступает низкий органический состав капитала в земледелии. Частная же собственность дает землевладельцу экономическую власть присваивать себе часть прибавочной стоимости.

Содержание статьи К. Розенталя «Абсолютная рента и национализация земли» («П. З. М.», № 2 — 3, 1927 г.) можно свести к следующим основным положениям: 1) абсолютная рента — категория феодально-капиталистическая, 2) основные факторы, определяющие размер абсолютной ренты, — монополия землевладения и степень напряженности платежеспособного спроса, 3) национализация земли ликвидирует абсолютную ренту только при уничтожении земельной собственности «во всех решающих капиталистических государствах мира». Под углом зрения этих положений автор подвергает анализу вопрос о существовании абсолютной ренты в СССР. Автор утверждает, что в трудовых крестьянских хозяйствах и в государственных сельскохозяйственных предприятиях абсолютной ренты нет. Однако автор считает неправильным взгляд, что с национализацией земли цены должны были в СССР упасть на всю сумму абсолютной ренты, ибо наше земледельческое хозяйство и цены на его продукты находятся в связи с мировым хозяйством и мировыми ценами.

Автор полемизирует с Я. Берзтысом, который считает, что национализация земли в СССР «означает передачу права на ренту рабочему классу», и с Е. Преображенским, утверждающим, что «рента, в марксовом понимании этого термина, есть категория развитого капиталистического способа производства, захватившего сферу земледелия».

Статья В. Погонкина «К теории земельной ренты» («П. З. М.», № 9, 1927 г.) в значительной своей части посвящена критике Я. Берзтыса, который, по мнению

автора, полагает, что ренту рождает право, и критике взгляда Е. Варги, что основа ренты — убывающее плодородие земли. Интересно отметить, что автор констатирует наличие у Маркса особой категории — «активной монопольной ренты», которую следует отличать от «пассивной монопольной ренты». «Пассивная монопольная рента» вытекает из монопольной цены, которая определяется потребностью и платежеспособностью покупателей. «Активная монопольная рента» есть не результат монопольной цены, а ее причина. Автор устанавливает следующее различие между абсолютной и «активной монопольной рентой»: «Абсолютная рента возникает помимо всякого воздействия со стороны землевладельцев... При возникновении активной монопольной ренты землевладельцы, устраняя землю от производства, сами дают толчок процессу. Это единственный случай, когда землевладельцам приходится проявить свою активность».

Статья А. Сивогривова «Проблемы сельскохозяйственной экономии в связи с теорией земельной ренты» («П. З. М.», № 5, 1927 г.) посвящена критике Я. Берзтыса. Автор считает, что взгляд Я. Берзтыса на экстенсивное и интенсивное хозяйство представляет собой возврат к «теории компенсации» Либиха и ее видоизмененной форме — «теории статики». Далее автор полагает, что своей трактовкой дифференциальной ренты Я. Берзтыс включает в марксово учение о ренте «относительный закон» падающей производительности.

Статьи В. Познякова «Теория ренты в новом освещении» («П. З. М.», № 4, 1927 г.) и Л. Любимова «Плод недолгой науки» («П. З. М.», № 12, 1927 г.) представляют собой полемику между этими двумя авторами. Поводом для возникновения этой полемики послужила вышедшая в свет книга Л. Любимова «Учение о ренте». Основные возражения, выдвинутые В. Позняковым против Л. Любимова, сводятся к следующему: 1) теорию ренты, которую следует объяснить, исходя из общего закона стоимости, Л. Любимов неправильно связывает с законом стоимости хлеба; 2) неправильно утверждение Л. Любимова, что «абсолютная рента получается абсолютно со всех земель»; 3) по Любимову, — утверждает В. Позняков, — рента — просто «добавочная прибавочная стоимость»; 4) по Любимову, рента «растет» из земли. Ответ на выдвинутые В. Позняковым возражения дан Л. Любимовым в статье «Плод недолгой науки».

5. Проблема воспроизводства

Перевод на русский язык книги Розы Люксембург «Накопление капитала» вызвал на страницах наших журналов (в особенности «Вестника коммунистической академии») оживленную полемику. Книга Н. И. Бухарина «Империализм и накопление капитала», печатавшаяся в виде отдельных статей на страницах «Под знаменем марксизма», завершила эту полемику и подвела ей окончательные итоги.

Большая работа Н. Бухарина «Империализм и накопление капитала» («П. З. М.», №№ 4 — 5, 6 — 7, 8 — 9 за 1924 г. и 1 — 2 за 1925 г.) представляет собой развернутую критику теории накопления Розы Люксембург. Глава I «Расширенное воспроизводство в абстрактном капиталистическом обществе» представляет собой разбор теории Розы Люксембург в самой абстрактной постановке вопроса. Детальным разбором схем расширенного воспроизводства автор дока-

зывает неправомерность постановки вопроса Розой Люксембург: для кого происходит прогрессирующее расширение производства?

В главе II «Деньги и расширенное воспроизводство» автор подвергает критике теорию Розы Люксембург в ее более конкретной постановке вопроса: кто платит и почему он может платить? Автор подвергает критике целый ряд следующих ошибочных положений Розы Люксембург: 1) совокупная прибыль существует только в денежной форме, 2) реализация прибыли происходит как одновременный акт, 3) накопление капитала обязательно предполагает увеличение количества обращающихся денег, 4) накопление капитала есть накопление денежного капитала и т. д. В результате своего разбора позиции Розы Люксембург с точки зрения теории рынка, автор, в согласии с Марксом, приходит к выводу, что границы потребления раздвигаются напряжением самого процесса воспроизводства, который 1) увеличивает доход капиталистов, 2) увеличивает доход рабочего класса и 3) увеличивает постоянный капитал общества.

В главе III «Теория рынка в целом и кризисы» автор еще больше приближается к конкретной действительности и рассматривает те нарушения равновесия капитализма, которые вытекают из противоречий этой системы. Точке зрения Розы Люксембург, что общее перепроизводство носит перманентный характер, и взглядам Туган-Барановского и Гильфердинга, что кризисы возникают из диспропорции между различными отраслями производства, не находящейся ни в какой связи с моментом потребления, автор противопоставляет точку зрения Маркса и Ленина, что кризисы возникают из диспропорциональности общественного производства, но момент потребления является составной частью этой диспропорциональности. Методологический корень ошибки Розы Люксембург автор видит в ложном понимании ею противоречий капитализма. «Капиталистический общественно-производственный организм есть «единство противоположностей». Апологеты видят в нем лишь момент единства... Эту ошибку апологетов отлично видит Роза Люксембург. Но есть и другая ошибка. Ибо нужно видеть не только противоположности, но и единство. В кризисах это единство со стихийной силой и утверждает себя, тогда как, по Розе Люксембург, это единство вообще невозможно. Другими словами, Роза Люксембург ищет в капитализме плоских, формально-логических противоречий, которые не динамичны, не разрешаются, не являются элементами противоречивого единства, наголо отрицают это единство». Анализ концепции Розы Люксембург ведется автором в этой главе на широком фоне методологических принципов теории кризисов и критики взглядов Туган-Барановского.

В главе IV автор выходит за пределы абстрактного капитализма и ставит проблему соотношения капитализма с некапиталистической средой. В результате своего анализа автор приходит к выводу, что Роза Люксембург не объясняет процесса накопления вообще; что она не в состоянии правильно объяснить экспансию капитала, она не в состоянии объяснить специфические особенности капитализма. В заключение автор дает краткое положительное решение следующих вопросов: 1) экономические корни экспансии капитала, 2) обострение конкурентной борьбы между различными государствами, 3) специфические формы конкурентной борьбы (война и т. п.), 4) объективный смысл экспансии финансового капитала.

В рассмотренной нами работе Н. Бухарина мы впервые имеем систематизированную критику воззрений автора «Накопления капитала». Исследование Н. Бухарина — значительный вклад в марксистскую экономическую литературу.

Статья Познякова «К вопросу о капитализме и внешнем рынке» («П. З. М.», № 10—11, 1924 г.) посвящена вопросу о значении внешнего рынка для развития капитализма. Подвергая критике теорию внешнего рынка Розы Люксембург, автор, однако, считает, что Роза Люксембург правильно подметила тот тип взаимоотношений, который складывается между капиталистическим производством и производством самостоятельных товаропроизводителей. В результате своего исследования автор приходит к выводу, что внешний рынок не является условием реализации прибавочной стоимости накопления капитала, — он является фактором, противодействующим тенденции нормы прибыли к понижению. В результате экспроприации самостоятельных товаропроизводителей темп капиталистического развития ускоряется. Статья изобилует таблицами, иллюстрирующими взаимоотношения между капиталистической и внекапиталистической средой. Статья Познякова представляет теоретический интерес.

Под заголовком «Из истории полемики вокруг «Накопления капитала» («П. З. М.», № 2 — 3, 1922 г.) даны две статьи — Ф. Меринга и Ю. Карского (Мархлевского), — посвященные «Накоплению капитала» Розы Люксембург. Полемика, вызванная указанной работой Розы Люксембург в немецкой литературе, вращалась не столько вокруг проблемы воспроизводства, реализации и т. д., сколько вокруг тех политических выводов, которые вытекают из концепции Розы Люксембург. Отто Бауэр, Экштейн, с одной стороны, Роза Люксембург, Меринг, Карский—с другой, были представителями разных политических течений в вопросе об отношении социал-демократии к империалистической политике. Статьи Меринга и Карского, которые по существу являются сочувственными рецензиями, в сжатой форме излагающими взгляды Розы Люксембург, имеют преимущественно исторический интерес.

6. Империализм и мировое хозяйство

Статья Мих. Павловича «Ленин и теория сверхимпериализма» («П. З. М.», № 2, 1924 г.) противопоставляет учению Каутского и Гильфердинга об ультраимпериализме критику этой теории Лениным. Теория сверхимпериализма — продукт оппортунистического реформизма II Интернационала. Если Каутский и Гильфердинг видят путь преодоления воинствующего империализма в возврате к эпохе манчестерства, к эре либерального пацифизма, то Ленин говорит о революционном преодолении империализма путем свержения капиталистического строя. На основании целого ряда фактов послевоенного периода, — полного развала Антанты, ожесточенной всеобщей экономической войны, бешеного роста милитаризма и маринизма, —Мих. Павлович приходит к выводу, что взгляды Ленина, которые он развивал еще в 1915 г. в своей критике теории Каутского, блестяще оправдались.

В статье «Ленин и проблема империализма» («П. З. М.», № 5 — 6, 1925 г.) Б. Борилин интерпретирует теоретический анализ монополистического капитализма, данный Лениным таким образом, что, «по Ленину, империализм есть глубокая, внутренняя, безысходная борьба, порождающая неисчислимое количе-

ство других противоречий, между монополией и свободной конкуренцией». Автор полагает, что это определение дает принципиальную границу между воззрениями Ленина и других «критиков империализма». Теория монополии и империализма Ленина принципиально отлична от социал-демократического оппортунизма (Шиппель, Кунов, Каутский, Гильфердинг), который поступательное движение человечества к социализму видит в постепенном накоплении элементов организованного хозяйства внутри капитализма. Теория империализма Ленина отлична и от теории так называемого «чистого империализма», центральная ошибка которой, по Борилину, состоит в «теоретически неправильном и не соответствующем действительности представлении о монополистическом капитализме как о такой стадии экономического развития, которая будто бы в основном переделывает или почти переделывает отличительную особенность старого капитализма — анархию, обмен, товарное хозяйство, кризисы и т. д., т. е. все то, что свойственно капитализму как обществу, основанному на частной собственности и анархии производства». Исходя из этих предпосылок, автор критикует учение о «государственно-капиталистических трестах» Н. И. Бухарина. Против концепции Н. И. Бухарина автор выдвигает следующие аргументы: 1) определение «государственно-капиталистический» трест можно принять только cum grano salis, так как рядом с монополиями продолжает существовать свободная конкуренция, 2) взаимоотношения между индустрией и сельским хозяйством, метрополией и колониями не могут быть подведены под категорию отношений внутри единого треста, 3) теория «государственно-капиталистического треста» — плохое орудие борьбы против теории II Интернационала о едином мировом капиталистическом тресте. В связи с современными спорами по вопросу об «организованном капитализме» статья приобретает актуальный интерес.

Статья Э. Лейкина «Каутскианство в теории империализма» («П. З. М.», №№ 11, 12, 1926 г.) посвящена анализу эволюции взглядов К. Каутского на проблемы империализма. На основе разбора целого ряда работ Каутского, с привлечением большого фактического материала из жизни германской социал-демократии, автор излагает эволюцию каутскианской теории империализма начиная с 1898 г. по 1918 г. В результате своего исследования автор дает следующую формулировку теоретического содержания каутскианства: «Каутскианство в проблеме империализма представляет критику империализма, ведущуюся с точки зрения доимпериалистического развития капитализма. Каутскианство изображает империалистическую стадию капитализма как ошибку истории, не оправдываемую ни «интересами» самого капиталистического развития, ни интересами перехода к социализму. Особенностью теоретической методологии каутскианства является тот способ представления, который современную систему мирового капитализма мыслит в категориях старого, национального капитализма, т. е. капитализма, только еще стремящегося охватить весь мир».

Статья А. Айхенвальда и Б. Борилина «О неравномерности экономического развития при капитализме» («П. З. М.», № 2 — 3, 1927 г.), как указывает самое название, посвящена одному из актуальнейших вопросов политической экономии. Неравномерность экономического развития при капитализме авторы видят в том, что, в силу института частной собственности, технико-экономические перегруппировки происходят насильственно, внезапно, отсюда негармоничность, скачко-

образность в развитии отдельных частей капиталистической системы. Однако следует различать эти структурные неравномерности от конъюнктурных неравномерностей, которые являются диспропорциональностями кратковременными, которые ликвидируются кризисами. Таким образом, кризис не устраняет все неравномерности, он обрекает на уничтожение только те из них, которые являются тормозом для развертывания производительных сил. Закон неравномерности экономического развития, присущий отдельным отраслям и предприятиям, в еще большей степени проявляется в неравномерности темпов и уровней развития отдельных стран. При империализме, несмотря на присущие ему нивелирующие тенденции, неравномерность экономического развития выступает в качестве «решающей силы», объясняющей характер развития этой стадии капитализма. Исходя из этого закона, авторы следующим образом формулируют содержание современной нам эпохи: «Частичное движение вверх капиталистического хозяйства; разложение капитализма и его революционное ниспровержение; строительство социализма в странах победоносной пролетарской революции, — таковы будут три основные элемента исторического содержания эпохи социалистической революции». Следует отметить высокий теоретический уровень этой статьи, посвященной одной из сложных и неразработанных проблем политической экономии.

Статья И. Дашковского «Международный обмен и закон стоимости» («П. З. М.», №№ 4, 5, 1924 г.) посвящена защите двух тезисов: 1) так называемый неэквивалентный обмен по существу является обменом эквивалентов и не нарушает закона стоимости; 2) действительный неэквивалентный обмен вытекает отнюдь не из различий в уровне производительности различных стран, а из особенностей современной эпохи, связанных главным образом с перемещением капиталов и рабочей силы. Статья носит дискуссионный характер.

В своей статье «К истории развития мирового рынка и мирового хозяйства» И. Дашковский рассматривает процессы развития мирового хозяйства с точки зрения движущих сил, которые, с одной стороны, обусловлены противоречием между потребительной и меновой стоимостью товаров, с другой стороны — противоречием между производством и потреблением.

7. История экономических учений

История экономических учений в течение рассматриваемого нами периода не привлекала еще достаточного внимания русских марксистов. На очереди стояли и пока еще стоят более актуальные проблемы, связанные с разработкой коренных вопросов марксовой системы. Слабое отражение нашла также история экономической мысли и на страницах «Под знаменем марксизма».

Неоконченная статья Ш. Дволайцкого «В. И. Ленин как экономист» («П. З. М.», № 3, 1924 г.) посвящена реферированию и оценке работ Ленина о развитии капитализма в промышленности и прежде всего в кустарном производстве. Экономические работы Ленина представляют собой в основном выполнение той программы, которую он наметил себе в своих «Что такое друзья народа» как конкретное изучение форм экономических антагонизмов в России. На основе анализа целого ряда таблиц из ранних работ Ленина автор показывает, каким образом Ленин разрушал «уравнительные» иллюзии народников, отрицавших проникно-

вение капитализма в кустарные промыслы. Далее автор обстоятельно разбирает анализ дифференциации мелкого товарного производства у Ленина, который дал картину развития форм промышленности, начиная с самых зачаточных (ремесло) и кончая крупным капиталистическим производством. Там, где теоретики видели совокупность однородных хозяйственных явлений, Ленин обнаруживает пестрый переплет различных форм промышленности. В отношении крупной промышленности, указывает автор, Ленин разрушил еще один народнический предрассудок, будто бы русский промышленный рабочий, в отличие от западно-европейского, неразрывно связан с земледелием. Свое изложение автор резюмирует общим выводом, что если Ленин не первый выступил против иллюзий народников-романтиков, то он первый дал исчерпывающий анализ всего процесса нашего индустриального развития в целом. Намеченные автором последующие статьи, обзор работ Ленина в области аграрного вопроса и теории рынка, к сожалению, в печати не появились.

Статья И. Горшенина «Беспросветный ревизионизм» («П. З. М.», № 3, 1925 г.) посвящена критике экономических воззрений П. Маслова. Автор разбирает целый ряд его положений: «принцип экономии и энергии», «экономические законы потребления», «факт убывающей производительности труда», имеющие — по Маслову — внеисторический характер. Универсализации этих категорий у П. Маслова автор, в согласии с методологическими принципами Маркса, противопоставляет их историческую обусловленность. Автор далее подвергает критике концепцию П. Маслова о «перераспределении производительных сил», учение о «заработной плате» и его социально-политические выводы. Автор, в общем, дает правильную методологическую критику взглядов П. Маслова. Однако экономическая система П. Маслова, при всей ее ошибочности, имеет свою внутреннюю логику и внутренние противоречия, которые автором не раскрываются. Взгляды П. Маслова еще ждут своего исследователя. К недостаткам статьи следует отнести несколько неряшливый ее стиль.

Статья В. Познякова «Необходимая реабилитация» («П. З. М.», № 7, 1925 г.) подвергает критике общепринятый взгляд на Курно как на основателя математического направления в политической экономии. Для обоснования своей точки зрения автор обращается к анализу системы предшественника Курно — Канара. Автор прослеживает теорию стоимости Канара, теорию денег, теорию цены, проблему распределения. В результате своего анализа он приходит к выводу, что Канар — представитель смитианства во Франции. Более того, Канар выбирает из различных определений стоимости у Смита наиболее правильное, что стоимость создает тот труд, который затрачен на производство. Под неудачным названием «излишнего труда требования» у Канара выступает категория прибавочного труда. В теории денег Канара среди разных неправильных положений встречаются зародыши некоторых марксовых определений. Так, например, он признает, что деньги имеют свою собственную стоимость, с которой они входят в процесс обращения. Цена определяется им как отношение стоимости вещи к стоимости определенного количества металла.

Курно, подобно Канару, также определенно стоит на точке зрения теории трудовой стоимости. Но если Канар — представитель смитианства, то Курно — рикардианец. Если Канару удалось по некоторым вопросам сделать дальнейшие

шаги по сравнению со Смитом, то Курно в постановке некоторых проблем продвинулся дальше Рикардо. Он, подобно Рикардо, особенное внимание уделял анализу относительной стоимости, однако у него имеется напоминающее Маркса правильное разграничение абсолютной и относительной стоимости. Но он идет еще дальше Рикардо, ибо признает историческую обусловленность категории стоимости. Однако взгляды Курно несвободны от вульгаризации. Отождествив цену производства со стоимостью, он выдвигает, на-ряду с трудом как фактором, определяющим стоимость, и другие моменты. В. Позняков считает, что, несмотря на это, Курно не может быть всецело отнесен к вульгарным экономистам. В его лице мы имеем одновременно и последователя Рикардо и представителя периода разложения рикардианской школы.

И Канар, и Курно пользовались математикой для построения теории цены. Однако, как справедливо указывает автор, одно применение математики еще не характеризует ту или иную экономическую систему. Одно дело применение математических знаков и символов, другое — основные экономические принципы, лежащие в основе той или иной системы взглядов. Статья интересна своей постановкой вопроса.

Статья В. Познякова «У истоков трудовой теории ценности» («П. З. М.», № 12, 1925 г.) ставит вопрос об истории развития экономического учения А. Смита. Автор сопоставляет «Богатство народов» с «Курсом лекций», читанных Смитом в Глазго в 1763 г. Исходя из обстоятельного анализа теории естественной цены в этих двух произведениях А. Смита, автор приходит к выводу, что накануне отъезда А. Смита во Францию, т. е. в 1762 или 1763 г., ему чуждо было представление о труде как мериле и источнике стоимости. Автор устанавливает также, что в лекциях отсутствует отдел о накоплении капитала и учение о воспроизводстве, т. е. та часть учения А. Смита, которая возникла в противовес учению физиократов. Автор ставит следующие вопросы: 1) не обязан ли Смит учением о трудовой стоимости знакомству с физиократами; 2) какой характер носит влияние физиократов на А. Смита. Ответа на эти вопросы автор не дает, однако самую постановку их следует признать интересной.

Статья Л. Рудаша «Грациадеи, политико-эконом и коммунист божьей милостью» («П. З. М.», № 12, 1925 г.; № 1 — 2, 1926 г.) дает критику ревизионистских воззрений Антонио Грациадеи. Грациадеи в своей критике Маркса не оригинален: он повторяет всю ту аргументацию, которая в более талантливый форме была противопоставлена Марксу Бем-Баверком, Бернштейном и др., в своих же положительных воззрениях он является типичным вульгарным экономистом, наблюдающим только поверхность капиталистической действительности. Л. Рудаш в своей статье противопоставляет вульгаризации Грациадеи анализ основных категорий политической экономии (абстрактный труд, стоимость), причем автор подчеркивает их социальную и историческую форму. Наиболее удачно написаны страницы, посвященные социологическому учению Маркса, напр. анализу «экономических масок». Однако целый ряд положений автора следует признать неправильным. Напр., автор неоднократно отождествляет труд со стоимостью, прибавочный труд с прибавочной стоимостью. Автор считает, что абстрактный труд создает меновую стоимость. Причиной производства, — объявляет Л. Рудаш, — являются потребности людей и т. п.

В статье «Новейший психологизм в политической экономии» З. Атлас («П. З. М.», № 6, 1927 г) подвергает критическому анализу теоретическую систему крайнего представителя психологического направления, Р. Лифмана. Автор вскрывает характерные особенности лифмановской методологии, а именно крайний индивидуализм и психологизм, каковые, в сочетании с монистически-потребительской точкой зрения, приводят Р. Лифмана, по существу, к солипсизму. Далее автор показывает, что приложение этих принципиально-методологических исходных пунктов к анализу экономических процессов приводит Лифмана к вопиющим и неразрешимым логическим противоречиям. По З. Атласу, основной экономический принцип системы Р. Лифмана — принцип «хозяйственного действия» — по существу является не чем иным, как искаженным «экономическим принципом» классиков. Автор показывает, что в своей критике так называемого «закона равенства предельных доходов» Р. Лифман не прибавляет ничего нового к законам Госсена. Далее З. Атлас показывает, что, исходя из этих ложных принципов и «основного регулирующего закона», Р. Лифман терпит полное банкротство при решении проблемы цены и процесса ценообразования. Резюмируя свой анализ, автор с полным правом утверждает, что субъективно-психический принцип не дает ключа для «объяснения» цены — этого фокуса всей капиталистической экономии». В заключение автор подчеркивает апологетический смысл теоретической системы Р. Лифмана.

8. Советское хозяйство

Октябрьская революция изменила экономическую картину России. Дореволюционная экономика сменилась новым сочетанием хозяйственных связей, выдвинувших целый ряд проблем, требующих теоретического осознания. Наука о советском хозяйстве еще находится в периоде становления. На страницах наших журналов в течение рассматриваемого периода происходило оживленное обсуждение нового типа закономерностей, который характерен для советского хозяйства.

Статья П. Месяцева «Аграрный вопрос и аграрная политика» («П. З. М.», № 3, 1922 г.) представляет собой по существу расширенную рецензию на книгу Б. Д. Бруцкуса того же названия. Общая оценка автора состоит в том, что книга Б. Д. Бруцкуса является не столько экономическим исследованием в области сельского хозяйства, сколько работой публицистического характера. Идеалом Б. Д. Бруцкуса является трудовое крестьянское хозяйство, ибо, по его мнению, господство крестьянского хозяйства укрепляет экономическую позицию трудящихся классов и повышает емкость территории страны для населения. В этом он сближается со сторонниками семейно-трудовой теории крестьянского хозяйства (Чаянов, Челинцев и др.). Однако, в отличие от народников, Б. Д. Бруцкус рассматривает товарное крестьянское хозяйство как ступень к крупному капиталистическому хозяйству. Взглядам Б. Д. Бруцкуса автор противопоставляет взгляды и политику Советской власти, которая стремится путем целой системы государственных мероприятий к организации крупного социалистического сельского хозяйства.

Другая статья П. Месяцева «Русские экономисты за границей» («П. З. М.»,

№ 11 — 12, 1923 г.) представляет собой обзор журнала «Экономический вестник» за 1923 г., № 1, созданного в Берлине эмигрировавшими русскими экономистами. Автор подробно останавливается на статьях С. Прокоповича «Новая экономическая политика» и Б. Бруцкуса «Об эволюции земельной политики Советской власти».

Статья Л. Крицмана «Товар и продукт» («П. З. М.», № 3, 1923 г.) дает краткий, сжато написанный очерк эволюции борьбы между товаром и продуктом. Перед великой мировой войной борьба товара и продукта шла по двум линиям: если на крестьянском фронте продукт шаг за шагом отступал перед товаром, то в крупной капиталистической промышленности происходило отступление товара перед продуктом. Однако в общем и целом первый процесс количественно превышал второй. Военный кризис мирового капитализма датирует эру побед продукта на фронте как капиталистическом, так и крестьянском. Однако, если победа продукта на капиталистическом фронте означала выковывание более совершенных форм общественного хозяйства, то на крестьянском фронте это означало выпадение крестьянского хозяйства из народного хозяйства. Послевоенный период характеризуется обратным превращением государственного капитализма в капитализм финансовый, т. е. явным отступлением продукта перед товаром, которое сопровождается «скрытым перерождением рыночных связей, подготовляющих будущие победы продукта как в случае новой империалистической войны, так и в случае пролетарской революции». Далее автор под углом зрения взаимодействия продукта и товара рассматривает основные этапы экономической эволюции СССР. Следует отметить тонкий анализ, данный автором в рассматриваемой нами статье.

Статья В. Познякова «О первоначальном накоплении (к вопросу о методологической постановке проблемы первоначального социалистического накопления)» («П. З. М.», № 9, 1927 г.) является методологическим введением к вопросу о первоначальном социалистическом накоплении. В отличие от общепринятой трактовки проблемы первоначального накопления, которая все ее содержание сводит к обезземелению крестьян, грабежам, колониальной торговле и т. д., которая по существу не различает между понятием «первоначального капиталистического накопления» и методами этого накопления, автор устанавливает более широкий смысл этого понятия. Одно дело — сущность первоначального накопления капитала, которая сводится к «освобождению» самостоятельных производителей от их мелкой собственности и концентрации ее в руках полярно-противоположного класса капиталистов; другое дело — методы первоначального капиталистического накопления, которые заключаются в неэквивалентном или безэквивалентном обмене. Автор останавливается на постановке вопроса о первоначальном накоплении капитала у Розы Люксембург и приходит к выводу, что она накопление капитала вообще свела к первоначальному накоплению капитала.

В своей статье «Капитал» Маркса в свете современных экономических проблем» («П. З. М.», № 7—8, 1927 г.) С. Бессонов останавливается на тех мыслях «Капитала», которые могут быть использованы для теории переходного к социалистическому обществу периода. По вопросу о «социальной структуре нового общества» автор, исходя из положений Маркса, устанавливает, что в пределах СССР мы сталкиваемся, ввиду существования, на-ряду с индивидуальной частной соб-

ственностью на средства производства, коллективной собственности, с двумя различными эпохами «социальной структуры». Однако соотношение этих двух социальных структур таково, что СССР, несмотря на преобладание крестьянства, представляет собой рабочее государство. По вопросу об индустриализации автор считает, что, по мысли Маркса, масштаб и темп индустриализации не произвольны, они определяются общим состоянием общественного производства. Автор касается далее двух вопросов — рационализации и труда рабочего в социалистической фабрике. По первому вопросу мысли автора сводятся к тому, что в системе планового хозяйства развитию производительных сил открываются безграничные перспективы ввиду того, что факторы развития производительности труда находятся здесь в благоприятном положении. По второму вопросу автор характеризует социалистическую фабрику как свободный коллектив рабочих, сознательно развивающий производительную силу, вытекающую из факта коллективного производства.

Статья Я. Берзтыса «Очерки по теории советского хозяйства. Статья первая. Две тенденции развития в мировом хозяйстве» («П. З. М.», № 10 — 11, 1927 г.), как видно по замыслу автора, должна служить одним из очерков, посвященных анализу советского хозяйства. Автор говорит о крупной промышленности как об экономическом базисе буржуазного общества, о социалистической крупной промышленности, об основных этапах экономической политики СССР, о природе советского хозяйства и т. п. Однако в рассматриваемом нами очерке все эти вопросы освещаются автором недостаточно углубленно.

* * *

Журналом «Под знаменем марксизма» за рассмотренный нами период проделана большая работа по серьезной разработке целого ряда вопросов политической экономии — преимущественно методологического характера. Следует также отметить, что разобранные нами статьи в основном написаны тем молодым кадром научных работников, который был порожден Октябрьской революцией.

РЕЦЕНЗИИ

I. ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ И ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Ленинский сборник IX. Под редакцией Н. И. Бухарина, В. М. Молотова, М. А. Савельева. М—Л. 1929, стр. 318.

В настоящем номере «Ленинского сборника» напечатан ленинский конспект «Науки логики» Гегеля; часть этой работы, а именно конспект первой книги «большой логики» (стр. 25—99 сборника), была уже опубликована в журнале «Под знаменем марксизма», № 1—2 за 1925 г., остальные части публикуются впервые. Издание этого в высшей степени ценного и интересного конспекта не только проливает яркий свет на то, как Ленин изучал Гегеля, но дает также толчок к дальнейшему развитию и углублению теории диалектического материализма конкретными указаниями того направления, в котором должно протекать это развитие.

В рецензии мы не можем подробно останавливаться на всех положениях, высказываемых Лениным в этом конспекте, и должны ограничиться лишь наиболее общими. Первой задачей, которую себе ставил Ленин при чтении «Науки логики», являлось материалистическое толкование Гегеля: «Я вообще стараюсь читать Гегеля материалистически: Гегель есть поставленный на голову материализм (по Энгельсу), т. е. я выкидываю большей частью боженьку, абсолют, чистую идею etc» (стр. 59).

Таким образом, материалистическое толкование гегелевской логики является стержнем всего конспекта. Внимательно главу за главой читая «Науку логики», Ленин старательно выписывает цитаты, снабжая их иногда довольно большими, иногда очень краткими, но всегда выразительными и очень содержательными примечаниями.

Первым, на что обращает свое внимание Ленин, являются общие замечания Гегеля о логике.

Для Гегеля логика является теоретическим обобщением и результатом развития всей жизни духа и природы; он правильно видел в логических категориях не субъективные формы мышления, а «выражение объективных закономерностей». Ленин пишет: «Категории мышления не пособие человека, а выражение закономерности и природы, и человека» (стр. 37).

Отдельные категории являются историческими ступенями человеческого познания объективного мира. Поэтому Ленин дает логике следующее определение: «Логика есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития всех материальных, природных и духовных вещей», т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод истории познания мира» (стр. 41).

Категории являются «узловыми пунктами в сети явлений природы», помогающими познать действительность; они — ступеньки этого познания. В тесной связи с замечаниями Ленина о логике находятся его замечания о диалектике. Логический анализ вскрывает не только внешние формы вещей, но и их содержание, т. е., по Гегелю, «понятие вещей», их сущность, которая сводится к законам движения вещей. Метод же, составляющий душу всякой науки, есть, по Гегелю, «сознание формы внутреннего самодвижения ее содержания».

Таким образом, диалектику содержания предмета образует диалектика его собственного движения. Ленин неоднократно подчеркивает, что диалектика отражает объективный процесс развития.

«Гегель, — пишет он, — гениально угадал диалектику вещей (явлений, мира, природы) в диалектике понятий» (стр. 229). Диалектика есть, прежде всего, учение о тождестве противоположностей. Ленин пишет:

«Диалектика есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) тождественными противоположности, при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга, — почему ум человека не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую» (стр. 69). Не имея возможности подробно касаться всех замечаний Ленина о диалектике, мы отсылаем читателя к соответствующим страницам «Ленинского сборника» (см. стр. 214, 229, 235, 273, 275, 277, 279, 281, 283, 285, 289, 291, 293).

Из всех замечаний Ленина выясняется, что, при анализе диалектики, он особенно выделяет понятия противоположности, противоречия, отрицания и скачка.

Касаясь начала гегелевской логики, Ленин проводит параллель между нею и «Капиталом» Маркса, у которого отдельный товар составляет в качестве начала непосредственное бытие. Чистое бытие Гегеля рассматривается Лениным как момент в процессе развития вообще. Чистое бытие, как единство бытия и ничто, есть становление, которое, собственно говоря, и является началом гегелевской логики.

В главе о качестве мы находим интересные замечания о диалектике бесконечного и конечного (стр. 63, 69, 71, 75). Здесь же Ленин отмечает темноту и трудность гегелевского понятия для-себя-бытия. Такую же трудность отмечает он в переходе бытия к сущности. Отдел о «Сущности» конспектируется им подробнее, чем предыдущие отделы. Здесь особенно интересны его замечания о видимости, кажимости. «Кажимость, — пишет Ленин, — есть (1) ничто, несуществующее, которое существует, (2) бытие, как момент» (стр. 111).

«Кажущееся есть сущность в одном ее определении, в одной из ее сторон, в одном из ее моментов» (стр. 113). Ленин здесь согласен с Гегелем в определении видимости, как момента объективности, в противоположность взглядам Канта. В главе же о «Сущности» Гегель, как известно, дает критику законов формальной логики; Ленин при чтении этой критики особое внимание уделяет закону противоречия. Он соглашается с Гегелем в том, что противоречие выражает сущность вещей. Он осуждает «нежность к миру филистеров-ревизионистов, стремящихся перенести противоречие из мира в мышление» (стр. 117, 119, 123, 125).

Здесь же Ленин дает очень сжатую, но чрезвычайно выразительную характеристику «гегельянщины», сущность которой он видит в идее универсального самодвижения и изменения. «Эту суть надо было открыть, понять, спасти, вылущить, очистить, что и сделали Маркс и Энгельс» (стр. 129).

Эту мысль Гегеля о всесторонней, живой связи всего со всем, связи, отражающейся в понятиях человека, «которые должны быть так же обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, дабы обнять мир», Ленин находит гениальной (стр. 139).

По поводу главы «Явление» Ленин высказывает интересные мысли в связи с понятием закона. По Гегелю, закон есть спокойное отражение явлений.

«Это — замечательно материалистическое и замечательно меткое (словом «спокойное») определение. Закон берет спокойное — и потому закон, всякий закон узок, неполон, приблизителен» (стр. 147).

Явление богаче закона. Почему? Потому, что мир явлений содержит в себе и закон, и формы его проявлений. В главе о «Действительности» Гегель, как известно, рассматривает понятия причинности, необходимости, субстанции и взаимодействия. Каждую из этих категорий он считает определением абсолютной идеи. Для Ленина развивается, конечно, не идея, а наше познание природы, развиваясь и углубляясь, доходит до понятия субстанции, закона и пр.

«Надо углубить наше познание материи до познания субстанции, чтобы найти причину явлений» (стр. 161), — говорит Ленин. Интересно также замечание Ленина о каузальности. Почему, спрашивает он, Гегель сравнительно мало говорит о каузальности — этой излюбленной теме кантианцев? Потому, что для него «каузальность есть лишь одно из определений универсальной связи» (стр. 167).

Кончив конспектирование объективной логики Гегеля, Ленин переходит к логике субъективной. В объективной логике Гегель имел дело с бытием и сущностью, движение которых составляет «генетическое изложение понятия». В объективной логике еще нет субъекта, нет сознания, которые появляются лишь в логике субъективной. Интерпретируя материалистически гегелевскую мысль о становлении понятия, Ленин пишет: «Понятие — высший продукт мозга, высший продукт материи». Органическая природа возникает из неорганической, и только на ступени жизни появляется сознание.

В этом же отделе Ленин высказывает очень интересные мысли по поводу взаимоотношения абстрактного мышления и чувственного мира.

«Мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно правильное (NB) (а Кант, как и все философы, говорит о правильном мышлении) — от истины, а подходит к ней. Абстракция материи, закона природы, абстракция стоимости и т. д., одним словом все научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, полнее. От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания истины, познания реальной действительности» (стр. 183, 185. Об абстракции и обобщении см. также стр. 197).

В отделе «Субъективность» Ленин подчеркивает трудность и темноту учения Гегеля о развитии всеобщего, особого и отдельного. Эти части работы, говорит он, «должны быть названы: лучшее средство для получения головной боли» (стр. 193). В главе «Объективность» интересными являются замечания Ленина о взаимоотношении механических и химических процессов природы и целесообразной деятельности человека. «Законы внешнего мира, природы, подразделение на механические и химические (это очень важно) суть основа целесообразной деятельности человека» (стр. 215). В этой главе Ленин несколько раз говорит о том, что Гегель не был чужд мысли о роли и значении техники и, в частности, орудий труда; Ленин счел поэтому даже возможным говорить о «зачатках исторического материализма у Гегеля» (стр. 217, 237). Роль практики тоже гениально угадывалась Гегелем: «К идее, как истине, Гегель подходил через практическую, целесообразную деятельность человека. Вплотную подходил к тому, что практикой своей доказывает человек объективную правильность своих идей, понятий, знаний, науки» (стр. 219).

«Маркс, следовательно, непосредственно к Гегелю примыкает, вводя критерий практики в теорию познания» (стр. 257. О значении и роли практики см. также стр. 237, 257, 261, 265, 271).

В главе об «Идее» дано едва ли не лучшее изложение диалектики, отмечает Ленин. Здесь, по его словам, указан путь «от субъективной идеи человека к объективной истине через практику и технику» (стр. 237). Критика субъективизма Канта, данная Гегелем в этой главе, находит свое одобрение со стороны Ленина. Заканчивая конспектирование этой главы, Ленин указывает на то, что переход логической идеи к природе у Гегеля поистине замечателен. «Прав был Энгельс, что система Гегеля — перевернутый материализм», говорит Ленин (стр. 299).

Конспект оканчивается несколькими общими замечаниями, одно из которых мы приводим в качестве заключения. В нем чрезвычайно ярко сказалась оценка Лениным логики Гегеля. «Итог и резюме, последнее слово и суть логики Гегеля, есть диалектический метод — это крайне замечательно. И еще одно: в этом самом идеалистическом произведении Гегеля всего меньше идеализма, всего больше материализма. «Противоречиво», но факт!» (стр. 301).

Таково в общих чертах содержание конспекта, поскольку, конечно, его можно изложить в краткой рецензии.

Предисловие А. М. Деборина, предпосланное конспекту, дает анализ основных положений, развиваемых Лениным. Оно помогает лучше ориентироваться в столь сложном материале, указывая на центральные положения конспекта и намечая пути дальнейшего развития мыслей Ленина. Очень интересной и важной является мысль А. М. Деборина относительно вопроса о правильности структуры гегелевской логики и о приемлемости этой структуры для диалектического материализма. Также весьма существенными и интересными являются мысли А. М. Деборина о том, как относился Ленин к гегелевскому понятию истины.

В конце книги имеется указатель имен, упоминаемых Лениным в конспекте. Указатель составлен достаточно тщательно, хотя наблюдается некоторая несоразмерность частей и характеристики некоторых философов страдают отсутствием полноты и четкости (напр., Фихте, Кант).

В заключение пожелаем Институту Ленина поскорее издать остальные философские тетрадки Ленина, так как знакомство с ними, безусловно, даст сильный толчок к дальнейшему развитию теории диалектического материализма.

А. Столяров. Субъективизм механистов и проблема качества. Изд. «Московский рабочий», М. — Л. 1929, стр. 199.

Брошюра состоит из ряда статей, печатавшихся в журнале «Под знаменем марксизма» (№ 10 — 11 за 1925 г. и №№ 1 — 2, 6 и 7 — 8 за 1926 г.) и объединенных одной общей темой. В предисловии автор пишет: «Статьи эти имели своей ближайшей задачей разоблачить антидиалектическую и антиматериалистическую позицию одного из современных «механистов», т. Сарабьянова» (стр. 4). Автор разбирает две проблемы, выдвинутые философскими спорами: это — проблема качества в понимании марксизма и трактовке механистов и вопрос о субъективизме, вытекающий из «механистической» трактовки «качества».

Проблема качества является центральной в споре с механистами; с нею связан ряд других вопросов: вопрос о «сводимости» сложных явлений к простым, вопрос об эволюционном или диалектическом понимании развития, вопрос о конкретном и абстрактном понимании материи и движения и др. Ввиду важности этой проблемы автор в своей брошюре уделяет ей особое внимание и отводит ей главное место (из 199 страниц ей посвящено 115 страниц).

В первом отделе книги — «Неудачи популяризатора» — автор останавливается на понимании т. Сарабьяновым марксистской диалектики. Прежде всего автор говорит о переходе количества в качество и указывает, что т. Сарабьянов объясняет переход количества в качество «новой расстановкой сил, новым их количественным отношением» (стр. 15), т. е. целиком сводит качество к количеству. Автор указывает на то, что понимание т. Сарабьяновым качества, как «отношения совокупности свойств данной вещи к совокупности свойств другой вещи» (стр. 19), приводит его к путанице в понятиях качества, свойства, элемента. Категория «качества» уничтожается дважды: 1) поскольку качество сводится всецело к количественным сочетаниям и 2) поскольку оно отождествляется с отношением. Одно дело сказать, что качество проявляется через отношение, и совсем другое дело сказать, что качество есть отношение. Качество лежит в основе всякого отношения, но не сводится к нему. При понимании качества как отношения исчезает всякое субстанциальное бытие, исчезает материя. Это — релятивизм, совершенно не совместимый ни с материализмом, ни с диалектикой (стр. 23). Также совершенно несовместимо с диалектическим материализмом положение т. Сарабьянова о том, что «абсолютность относительна, относительность же абсолютна» (стр. 24); здесь он скатывается к релятивизму и субъективизму. Автор подчеркивает непонимание т. Сарабьяновым закона единства противоположности — этого основного закона диалектики. Противоречие понимается т. Сарабьяновым как механическое столкновение сил; в связи с этим у него нет переходов, и невозможно понимание третьего закона диалектики, закона «отрицания отрицания» (стр. 40 — 41).

В отделе «Субъективизм и марксизм» автор подвергает суровой критике субъективизм, к которому скатывается т. Сарабьянов, отрицая объективность качества и

объективность истины. «Если отрицать возможность объективной истины и «законность» противопоставления объективной и субъективной истины, — пишет автор, — то это должно означать, что многообразие наших представлений не является отражением, «оттиском» в сознании объективного многообразия мира. Логически ни к чему другому и не ведет субъективизм, отрицание объективной истины» (стр. 72).

Отдел «Философия «качества» и качество философии некоторых механистов» дает ясное и, по возможности, популярное изложение гегелевской категории качества. Автор останавливается сперва на гегелевском определении качества — «качество есть неразрывная с конкретным бытием определенность», затем он анализирует понятия отношения и свойства и их связь с категорией качества; при этом он отмечает некоторые недостатки гегелевских определений, вытекающие из его идеализма. В главе «Развертывание моментов «меры» у Гегеля и теория стоимости Маркса» автор излагает учение Гегеля о мере как единстве количества и качества, приводит учение Маркса о стоимости и иллюстрирует формы меры формами стоимости, как они даны у Маркса.

Автор совершенно справедливо подчеркивает громадное методологическое значение категории «качества». Механическое понимание «качества», сводящее его в конечном счете к количеству, заменяет закон отрицания отрицания простым сложением и вычитанием. Автор указывает на то, что недооценка значения категории качества приводит к целому ряду методологических ошибок в разных науках. В качестве примера автор останавливается на статистике, физике и, с другой стороны, на стратегии и тактике партии. В главе «Механический материализм и категория «качества» автор разбирает и критикует механистическую трактовку категории «качества». Здесь он касается вопроса о «сведении сложного к простому», вопроса об отношении части и целого, учения механистов о материи. Вскрывая ошибки механистов, автор говорит, что корнем всех этих ошибок является «непонимание основной категории диалектики — единства противоположностей» (стр. 187).

Последняя глава «Итоги сарабьяновского вопроса» подводит итоги дискуссии автора с т. Сарабьяновым.

Брошюра дает ясное представление об основных пунктах философских разногласий диалектиков и механистов. Критику ошибок механистов автор ведет, стоя на позиции диалектического материализма. Ясная постановка вопросов и популярный способ изложения делают книгу доступной для широкого круга читателей, что является особенно ценным ввиду большого интереса, проявляемого массой учащейся молодежи к вопросу о наших философских разногласиях с механистами.

И. Степанов. Диалектический материализм и деборинская школа. Госиздат, М. — Л. 1928, стр. 160.

В той дискуссии механистов и диалектиков, которая продолжается уже четыре года, находя себе отражение в целом ряде книг и журнальных статей, брошюра т. Степанова занимает видное место, так как она дает весьма четкое и полное выражение основных принципов механического материализма.

Брошюра эта, кроме небольшого предисловия, содержит пять глав, из которых только первая — «Основные итоги дискуссии» — является новой; остальные четыре представляют собою перепечатку старых журнальных статей. Не имея возможности в краткой рецензии останавливаться на каждой из глав, мы ограничимся выяснением основных взглядов автора, оставляя в стороне его полемику с отдельными товарищами из лагеря диалектиков; это является тем более рациональным, что в пылу полемики автор чрезвычайно часто повторяется. Прежде всего надо отметить, что автор уже в своем предисловии, написанном, конечно, позднее, чем все его статьи, совершенно неправильно характеризует сущность расхождения между механистами и диалектиками. Основные разногласия, по его мнению, заключаются в следующем: 1) механисты приемлют электронно-нуклеарную теорию строения материи, диалектики ее отвергают; 2) механисты видят критерий истины в практике, а диалектики исходят из определенной «философской системы», не считаясь с практикой, 3) механисты стоят на почве современной науки, диалектики совершенно ее игнорируют.

Для всякого непредубежденного читателя, знакомого с произведениями так называемых диалектиков, совершенно очевидно, что указанных пунктов расхождения попросту не существует: диалектики точно так же признают критерием истины практику, точно так же стоят на почве современной науки, приемля и электронно-нуклеарную теорию строения материи, однако, в отличие от механистов, не считая ее окончательным, последним словом науки! Действительные пункты разногласий иные; к ним следует отнести, прежде всего, вопрос о сводимости биологических явлений к физико-химическим процессам. Автор на протяжении всей брошюры не устает повторять, варьируя на разные лады, свое положение о том, что все биологические явления сводятся к физико-химическим процессам, что «нет никаких особых таинственных форм энергии сверх тех, которые вообще наблюдаются в химических и физических процессах» (стр. 9). Нет никакой «специфичности» биологических явлений. Диалектиков же, признающих эту специфичность и отрицающих абсолютную сводимость всех явлений жизни к физико-химическим процессам, автор называет виталистами. Надо, однако, заметить, что взгляды автора относительно специфичности биологических явлений, высказанные им в первой главе, которая по времени написания является последней, отличается от взглядов его на этот вопрос, высказанных в остальных главах. Подводя «итоги» дискуссии и не переставая квалифицировать диалектиков как виталистов, автор пишет: «Да, в организмах мы находим такое сложное сочетание физических и химических процессов, которое дает нам основание говорить о специфичности явлений жизни. (Подчеркнуто нами.) Но эта специфичность не абсолютная, а относительная» (стр. 13).

Следовательно, автор признает («в итоге дискуссии»?) специфичность биологических явлений; разница, по его мнению, между этим признанием и признанием диалектиков та, что последние считают специфичность абсолютной. На это надо сказать, что никто из диалектиков нигде не говорил об «абсолютной грани между живой и неживой природой» (стр. 16), не утверждал абсолютную специфичность биологических явлений. В основе жизненных явлений, говорят диалектики, лежат физические и химические закономерности, но из этих последних вырастают и чисто биологические закономерности; на основе же биологических закономерностей вырастают социологические закономерности. Единственно диалектическая постановка вопроса заключается в признании того, что всякое высшее качество возникает из низшего, но, раз возникнув, оно подчиняется не только низшим закономерностям, но и своим особым закономерностям. Точка же зрения автора, поскольку он отрицает специфическую закономерность биологических явлений, неизбежно приводит к утверждению механической закономерности как единственной. В непосредственной связи с этим основным пунктом разногласий механистов и диалектиков находятся и все остальные, а именно: совершенно различное понимание «узлов», «скачков», «перерыва непрерывности». Через всю брошюру автора красной нитью проходит упорное отрицание скачков, перехода количества в качество, стремление уничтожить, «развязать» «узлы» и утвердить непрерывность как единственно истинную форму движения материи. Все эти попытки с логической неизбежностью приводят автора к пониманию диалектики как эволюции и к «критическому» пересмотру воззрений Энгельса.

«Основная задача моих статей, — пишет автор, — указать, каких изменений «формы» требует материализм Энгельса в связи с новейшим развитием физики, химии и биологии» (стр. 65).

По мнению автора, Энгельс до 80-х годов был гегельянцем и диалектиком, а в 80-х годах стал механистом. Не имеет смысла опровергать это фантастическое утверждение, иначе пришлось бы доказывать, что «Анти-Дюринг» является действительно «марксистским» произведением, а доказывать, что то произведение, где впервые в систематической форме изложено марксистское мировоззрение, является марксистским, значило бы ломиться в открытую дверь. Автор не согласен с Энгельсом во взгляде на материю. По его мнению, утверждение Энгельса, что материя, как таковая, есть абстракция, неправильно. Здесь сказывается-де пагубное влияние на Энгельса, со стороны Гегеля, который тоже считал материю абстракцией. Очевидно, автор смешал

здесь метафизическую постановку этого вопроса у Гегеля с диалектической постановкой его у Энгельса.

В самом деле, Гегель в «Энциклопедии» (§ 38) пишет: «Материализм признает истинною одну материю. Но материя есть абстракция, не подлежащая наблюдению. Можно сказать, что материя не существует потому, что она всегда существует в определенном конкретном виде».

Что это значит? Только то, что, стоя на идеалистической точке зрения и видя основу мира в понятии, Гегель не допускал реальности материи. Он отвергал все конкретные виды материи, желая получить материю в себе. У Энгельса дело обстоит как раз наоборот: он отвергал именно материю в себе, материю как таковую, признавая конкретные виды материи.

Автор же сам открывает материю, как таковую, в электронах и протонах, идя тем самым вразрез с Энгельсом и Лениным, которые видели в достигнутом естествознанием пределе только относительный, а не абсолютный предел. Здесь автор обнаруживает себя метафизиком...

Итак, квинт-эссенцией механического материализма автора являются следующие положения: все процессы жизни сводятся к физико-химическим процессам; единственными законами, которым подчиняются все явления жизни, являются законы механики. Нет узлов, скачков, перехода количества в качество, перерыва непрерывности, — диалектика сводится к эволюции. Материя, как таковая, не абстракция, — она находит себе выражение в электронах и протонах. Между диалектическим материализмом и современным естествознанием надо поставить знак равенства, ибо «материалистическая философия, это — последние и наиболее общие выводы естествознания». Единственной положительной стороной брошюры является то, что она ставит точки над «i», говоря ясно о том, по поводу чего другие механисты высказывались в завуалированной, осторожной и туманной форме. Принципы механического материализма здесь выявлены вполне ясно, что дает возможность скорее и лучше понять все ошибки механистов и все уклонения их от диалектического материализма.

Л. И. Аксельрод-Ортодокс. В защиту диалектического материализма. Против схоластики. Госиздат, М. — Л. 1928, стр. 250.

Под этим широковещательным и ультра-ортодоксальным заглавием напечатан ряд статей, составивших довольно большой по объему и совершенно неприемлемый по содержанию сборник. В него вошли статьи: «Предисловие к «Философской эволюции Маркса» Г. В. Плеханова», «Спиноза и материализм» (напечатано в «Красной нови» в 1925 г.), «Надоело» (напечатано в 1927 г. в «Красной нови»), «Ответ на «Наши разногласия» Деборина (напечатано в 1927 г. в «Красной нови»), «Беспросветная путаница, или диалектика наизнанку» (печатается впервые) и «Коренные вопросы диалектического материализма» (эта статья представляет собою переработанный доклад, сделанный автором в декабре 1927 г. в театре имени Мейерхольда).

Цель сборника окончательно «уничтожить» Деборина и деборинцев, которые, по мнению автора, являются самыми злостными гегельянцами и пустейшими схоластами. В предисловии к сборнику автор указывает на то, что «в третий раз в истории русского марксизма мы стоим перед философской ревизией» (стр. 3). Первыми ревизионистами были так называемые «легальные марксисты», пытавшиеся соединить Маркса с Кантом. «Вторая ревизия определялась опять-таки механическим соединением исторического материализма с эмпирио-критицизмом. Господствовавшая в ту эпоху в Западной Европе эмпирио-критическая философия сошла со сцены. Это течение рассеялось как-то незаметно и в нашей русской мысли» (sic!) (стр. 3).

«В настоящее время, как сказано, мы имеем новую разновидность по сути дела также механического соединения диалектического материализма с гегельянством» (стр. 3). Это соединение очень опасно, так как дает возможность «под знаком диалектического материализма протаскивать сознательно или бессознательно абсолютный идеализм гениального немецкого мыслителя».

Это-то, по мнению автора, и делают деборинцы.

«Задачей этого сборника, — пишет автор, — является, с одной стороны, по возможности подвергнуть критике деборинскую беспросветную путаницу, а с другой — показать, что диалектический материализм ничего общего не имеет с метафизикой, будь то метафизика Спинозы, Гегеля или какого-нибудь другого мыслителя» (стр. 4). В краткой рецензии мы не имеем возможности останавливаться на каждой из статей; мы ограничимся лишь указанием основных положений автора.

Прежде всего остановимся на той трактовке Спинозы, которую дает автор в своих статьях. Стремясь выяснить вопрос об отношении спинозизма и диалектического материализма, автор мечет громы и молнии по адресу деборинцев, считающих Спинозу, вслед за Плехановым, Марксом и Энгельсом, материалистом. Помните, всегда помните о «теологическом привеске» в системе Спинозы, — повторяет автор, — о том «привеске», благодаря наличию которого систему Спинозы никак нельзя признать последовательным материализмом. Как будто все дело именно в «привеске»! Дело не в нем, однако, как это должно быть ясно всякому последовательному марксисту, а в самой сущности философии Спинозы, сущность же эта насквозь материалистична. Основным вопросом философии, как указал Энгельс, является вопрос об отношении мышления и бытия; в зависимости от решения этого вопроса все философы разделились на два лагеря: материалистов и идеалистов. И вот этот-то основной вопрос философии Спиноза решал так же, как и диалектический материализм. Автор же полагает, что «душой» материализма является принцип механической причинности. Стоит ли в сотый раз говорить о неправильности такого определения материализма! И с каким бы упорством автор ни повторял эту мысль на протяжении всей книги, она не стала от этого правильной, — ложное положение, повторенное сотни раз, все же остается ложным. Когда автор заявляет, что «философский материализм Маркса и Энгельса стоит в своей основе на точке зрения страшного механического материализма» (стр. 212), то этим заявлением он обнаруживает лишь свое игнорирование того разграничения между механическим и диалектическим материализмом, которое с такой четкостью провел Энгельс. Автор стоит на той точке зрения, что субстанция Спинозы есть закономерность. Не говоря уже о том, что это — совершенно неправильная точка зрения (так как субстанция Спинозы есть материя, которую он называл природой, т. е. совокупностью всего реально существующего мира), эта точка зрения совершенно неоригинальна: так определяли субстанцию Спинозы Гефдинг, Богданов и Макс Адлер. Автор, следовательно, в данном вопросе солидаризируется с идеалистами и ревизионистами, тщетно пытаясь подтвердить правильность своего взгляда ссылками на авторитет Плеханова, совершенно игнорируя тот факт, что последний считал Спинозу материалистом и субстанцию Спинозы — материей!

Второй основной идеей сборника является мысль о том, что «диалектический материализм от начала до конца эмпиричен» (стр. 221). Так ли это? Не сводит ли это утверждение диалектический материализм к тому ползучему эмпиризму, о котором с таким остроумием и с такой глубиной говорил Энгельс в «Диалектике природы»? «Наши «диалектики», — пишет автор, — не отдают себе ни малейшего отчета в том, что̀ такое научный эмпиризм» (стр. 222).

«Дело в том, что следует отличать несколько видов эмпиризма», говорит автор. Таких видов он почему-то (почему? — неизвестно!) насчитывает пять: «1) эмпиризм вульгарный, практический в общежитейском значении, 2) эмпиризм субъективно-идеалистический, 3) эмпиризм скептический, 4) так называемый эмпиризм мистический, 5) эмпиризм научный, исторически и философски обоснованный» (стр. 222).

Все первые четыре вида эмпиризма (отличие которых друг от друга изображено автором, кстати сказать, очень туманно) отметаются как несостоятельные.

Остается лишь пятый вид — научный эмпиризм. Нельзя сказать, однако, чтобы и этот вид эмпиризма был определен достаточно четко и ясно; ясно — как из этого определения, так и из дальнейшей полемики автора с т. Каревым — лишь одно: автор, несмотря на все свои уверения, умаляет роль и значение мышления в познании. В связи с этим стоит отрицание автором марксистской точки зрения на общие понятия и обвинение Деборина и его учеников в схоластике и средневековом реализме. Точка зре-

ния автора, утверждающего, что «отвлеченному понятию соответствует объективно общее свойство, но не сущность» (стр. 232, подчеркнуто автором), напоминает нам Канта и представляет собою тот отрыв сущности от явления, который имел место у него! Вместо того, чтобы обвинять Деборина и деборинцев в идеализме, схоластике и прочих смертных грехах, автор должен был бы внимательнее и вдумчивее отнестись к своим собственным «ортодоксальным» утверждениям.

Таким же кантианством веет и от небезызвестных «простых законов права и нравственности», которые автор еще раз пытается оправдать и защитить и в результате этой попытки еще раз благополучно скатывается к надклассовой морали и кантовскому категорическому императиву.

Наконец, последним положением автора, на которое мы укажем, является положение о сведении всех жизненных явлений к физико-химическим процессам. Мысли автора по этому поводу нисколько не оригинальны и являются перепевами подобных же положений, высказываемых нашими механистами.

«Деборинцы, подобно всей господствующей современной метафизике, утверждают, что явления жизни представляют собою новое качество, не сводимое и, следовательно, не объяснимое физико-химическими процессами... Между органическим и неорганическим миром устанавливается полный разрыв, и этот разрыв называется диалектикой» (стр. 238). Так пишет автор; как мы видим, здесь говорится о сведении жизни к физико-химическим процессам, и отрицание возможности этого сведения инкриминируется деборинцам как преступление. На следующей же странице автор говорит уже о том, что «деборинцы, ставшие на точку зрения, что явления жизни не сводимы к материальным процессам (подчеркнуто нами), признают тем самым какую-то новую силу (подчеркнуто автором) помимо материальной. По существу они, следовательно, примыкают к витализму, хотя и весьма трусливому» (стр. 239). Мы видим, как здесь путем ловкой замены «физико-химических процессов» «материальными процессами» автор превращает деборинцев в виталистов и идеалистов, отрицающих и самый материализм. Этот «философский фокус» проделан автором так искусно, что читатель не сразу может его заметить. Таких фокусов в книге очень много и останавливаться на них было бы делом слишком утомительным и скучным. Приходится только удивляться, как автор не замечает сам всех противоречий и «неувязок» в своих собственных положениях. В статье «Ответ на «Наши разногласия» А. Деборина» автор зло высмеивает учение о конкретности понятия класса, называя точку зрения Деборина средневековым реализмом и смешивая при этом логическое определение класса с социологическим его определением. В дальнейших же статьях Л. И. Аксельрод-Ортодокс сама прибегает к термину «конкретные понятия».

М. Гришин. Марксизм и ленинизм. Библиотека марксистско-ленинского кружка. Госиздат, М., стр. 170.

Книжечка предназначена служить пособием для слушателей марксистско-ленинских кружков при проработке первой темы — «марксизм и ленинизм». Основной задачей поэтому она ставит изложение вопроса «о взаимоотношении марксизма и ленинизма». Однако разработка вопроса ведется в рецензируемой книжечке таким образом, что фактически она выходит за пределы одной первой темы курса (играющей притом роль вводной беседы) и предлагает по существу целый курс занятий. Это получается не только оттого, что книжечка захватывает большой круг проблем, но главным образом потому, что весь этот широкий круг проблем не подчинен вопросу «взаимоотношения марксизма и ленинизма», т. е. не подчинен той теме, пособием для проработки которой она должна служить. Наоборот, можно сказать, что вопрос о взаимоотношении марксизма и ленинизма в конечном счете является здесь лишь стержнем, моментом, который объединяет ряд тем. Иначе говоря, он является основной мыслью книжечки, но не основным вопросом, не основной темой. Она освещает ряд тем: значение революционной теории, определение марксизма, изложение ревизионизма, определение ленинизма, соотношение ленинизма и марксизма и, нако-

нец, понятие диалектики. Все эти проблемы разработаны здесь как самостоятельные, хотя и объединенные общей мыслью, темы.

Книжечка написана сравнительно простым языком, но для изучения целого ряда вопросов, трактуемых в ней, она недостаточна, ибо слишком бегло и обще их излагает. Пользоваться же ею как пособием по одной теме («взаимоотношение марксизма и ленинизма») слушателям кружков затруднительно благодаря ее размерам и охвату проблем.

Для подготовленного руководителя она, по причине своей элементарности, служить пособием не может, но может быть полезна тем зачастую встречающимся руководителям, для которых преподаваемый предмет так же мало известен, как и слушателям. Такой руководитель, посидев над книжечкой часок-другой, запасается известным количеством если не понятий, то, по крайней мере, терминов, чтобы скрыть от слушателей свое невежество.

Таким образом, мы приходим к выводу, что все благие намерения автора едва ли смогут принести значительные положительные результаты. Нам кажется, что было бы лучше, если бы автор задался целью дать пособие по всему курсу марксистско-ленинских кружков; тогда он избежал бы того, что первая тема превратилась в самостоятельный курс. Данные для составления пособия у т. Гришина есть.

Albert Goedeckemeyer. Die Weltanschauung von Marx und Engels. Halle, Niemeyer, 1928.

Альберт Гедекемейер. Мировоззрение Маркса и Энгельса. Галле, Нимейер, 1928.

Автор задается целью дать общую картину мировоззрения основоположников марксизма. Для выполнения этой задачи он излагает сперва философские воззрения Маркса и Энгельса, пытаясь разрешить вопрос об отношении их к системе Гегеля, с одной стороны, и к его диалектике — с другой. При этом автор утверждает, что Маркс и Энгельс, развивая учение о диалектике в природе, пошли дальше Гегеля в смысле признания всеобщности диалектического процесса, так как, по мнению Гедекемейера, у Гегеля природа стояла вне диалектического процесса. Подобный взгляд на диалектику Гегеля является неправильным, противоречащим его системе. Природа, являясь, по Гегелю, низшей стадией саморазвития духа, не могла быть исключена из общего диалектического процесса. Рассуждения автора об отличии французского материализма от материализма Маркса и Энгельса по существу правильны, поскольку автор подчеркивает механический характер французского материализма; странным пробелом в изложении является отсутствие даже упоминания о Фейербахе и его влиянии на Маркса и Энгельса. Автор подчеркивает, что диалектический материализм носил характер практический par excellence, чем и объясняется отсутствие в нем углубленной разработки гносеологических проблем. Правда, что ни Маркс, ни Энгельс не писали специальных трактатов по логике и гносеологии, но когда они касались этих вопросов в своих сочинениях, то ставили и решали их так глубоко и основательно, что пройти мимо этих решений, как это делает автор, при изложении общего мировоззрения нельзя.

Несколько странным является и то обстоятельство, что автор называет материализм Маркса и Энгельса «реальным гуманизмом», не делая пояснений, что таковым был их материализм в эпоху «Святого семейства», что это название имело свое raison d'être лишь в ранний период философского развития Маркса и Энгельса и что позднее, когда Фейербах стал для них превзойденной ступенью, оно было ими отброшено. Подробнее, чем на философских взглядах, автор останавливается на историческом материализме, подчеркивая роль экономики и диалектику производительных сил. Изложение учения исторического материализма о борьбе классов страдает беглостью и нечеткостью. О революции, ее теории и ее значении почти ничего не говорится.

От ортодоксального марксизма автор стоит так же далеко, как и все современные кантианцы.

Theodor Hartwig. Logisches, genetisches und dialektisches Denken. — «Monistische Monatshefte», 1929, Januar.

Theodor Hartwig. Zur Dialektik der Dialektik. — «Monistische Monatshefte», 1929, März.

Теодор Гартвиг. Логическое, генетическое и диалектическое мышление.

Теодор Гартвиг. К диалектике диалектики.

В первой своей статье автор занимается выяснением понятия диалектики.

«Диалектика, — пишет он, — обозначает своеобразный метод мышления, выходящий за пределы формально-логического мышления». Формальная логика не уничтожается, однако, диалектикой, а дополняется ею. Автор останавливается на основных законах формальной логики — законе тождества, законе противоречия, законе достаточного основания — и пытается показать, что эти законы недостаточны для понимания действительности, ибо они статичны, а действительность динамична. «Если мы хотим понять действительность, — говорит автор, — то мы должны пытаться понять изменения, мы должны мыслить генетически или динамически». Автор отличает мышление генетическое от мышления диалектического. — «В биологии мы мыслим генетически, там еще нет тезиса — антитезиса — синтеза». Следовательно, основным отличием мышления диалектического от мышления генетического является наличие в первом из них триады. Мышление диалектическое появляется с момента возникновения классовой борьбы. Именно «классовая борьба предполагает скачкообразное (революционное) развитие», и если мы хотим понять это развитие, мы должны мыслить диалектически. «Диалектическое мышление есть генетическое мышление, направленное на социальную жизнь людей», — говорит автор (стр. 12).

Противоречия в понятиях возникают из тех противоречий, которые имеют место в классовом обществе. Однако надо различать контрадикторные понятия от контрарных и не злоупотреблять термином «противоречие», как это очень часто делают, усматривая противоречие там, где на самом деле есть лишь противоположность. Термин противоречие вообще неудачен потому, что он принадлежит к кругу идей логического мышления. Вообще, подчеркивает автор, мы и в диалектике часто употребляем понятия, принадлежащие логическому мышлению. Одним из основных положений диалектики является историзм, т. е. рассмотрение всех исторических явлений в связи, а не изолированно. Диалектическое мышление имеет дело с понятием перехода количества в качество и обратно, оно революционно по существу, в противоположность мышлению генетическому, имеющему дело с понятием эволюции. Таковы основные положения статьи о «Логическом, генетическом и диалектическом мышлении».

Вторая статья — «К диалектике диалектики»—стремится выяснить изменение содержания диалектики на протяжении всей истории диалектики. Здесь автор особенно подчеркивает зависимость содержания диалектики от политической жизни. Политика является основой всех философских спекуляций. Диалектика Платона явилась лишь отражением существующих в то время политических отношений; диалектика Гегеля родилась из буржуазной революции; диалектика Маркса — из рабочего движения. Понимание автором диалектики довольно поверхностно: нет ни ясного представления о роли и значении противоречия, нет даже и упоминания о законе единства противоположностей. Автор склонен считать основным положением диалектики тройственный ритм развития — триаду. Подчеркивание им зависимости диалектики от политики переходит у него в понимание политики как основы всей исторической жизни, что, конечно, не является правильным утверждением. Главной же ошибкой автора является отрицание им диалектики в природе. Он признает ее в общественной жизни, но отрицает ее в природе, где нет «триады», нет противоречия. Совершенно очевидно, что такое понимание диалектики в корне неправильно.

Leonardo Olschki. Geschichte der neusprachlichen wissenschaftlichen Literatur. Dritter Band. Galilei und seine Zeit. Halle (Saale), Max Niemeyer Verlag, 1927, S. VIII + 479.

Леонардо Ольшки. История научной литературы на новых языках. Том III. Галилей и его время. Галле, 1927, стр. VIII + 479.

В главе «Философская литература» Л. Ольшки дает характеристику Джиордано Бруно как писателя и мыслителя: «Когда Бруно философствует, он всегда в приподнятом настроении, доходящем до пароксизма» (стр. 60). В главе «Литература математических наук» выясняется значение исследований Тартальи по баллистике для развития динамики, излагается знаменитый в истории алгебры спор о приоритете в решении уравнений третьей степени и резюмируются работы Тартальи по геометрии и по механике жидкостей. Затем Л. Ольшки дает обстоятельное исследование о Галилее, «впервые применявшем общепонятный язык с полным сознанием его революционной силы как орудия для распространения своих познаний и мнений» и «раз навсегда порвавшем с представлением о законченной науке» (стр. 120). Л. Ольшки подчеркивает, что установленные Галилеем формулы механики, не производящие столь эффектного впечатления, как открытые им небесные явления, имеют не менее важное значение: именно они явились в истории науки поворотным пунктом, «определив направление всякого научного мышления». Заслуживает внимания изложение глубоко оригинальных эстетических воззрений Галилея.

The correspondence of Spinoza. Translated and edited with Introduction and Annotations by A. Wolf, Professor in the University of London. London, George Allen and Unwin Ltd., 1928, p. 502.

Переписка Спинозы. Перевел [на английский язык] и издал с введением и примечаниями А. Вольф, профессор Лондонского университета. Лондон, изд. Дж. Аллена и К°, 1928, стр. 502.

В предисловии к этому изданию английского перевода переписки Спинозы А. Вольф, профессор Лондонского университета, уже издавший «Краткий трактат о Боге, человеке и его блаженстве» и первую биографию Спинозы, упоминает, что, когда он хотел избрать философию Спинозы темой для своей докторской диссертации, два выдающихся ученых отсоветовали ему сделать это на том основании, что все, что стоило сказать о Спинозе, уже сказано. А когда, покончив с университетскими экзаменами и диссертациями, Вольф вернулся к Спинозе, ему стало ясным, что «о философии Спинозы не только не сказано последнее слово, но еще не сделаны надлежащим образом даже подготовительные работы» (стр. 9).

В основу перевода положено гейдельбергское издание латинского и голландского текста сочинений Спинозы. По мере возможности, переводчик старался сохранить колорит XVII столетия. К изданию приложены портреты Спинозы и некоторых из его корреспондентов (Ольденбурга, Бойля, Гудде, Лейбница), а также ряд диаграмм.

В введении Вольф выясняет значение переписки Спинозы, в которой содержатся указания на важные открытия и исследования, политические события и социальные тенденции его эпохи и которая проливает свет на «муки родов духа нового времени при его освобождении от оков авторитета и традиции, к которым он настолько привык, что мысль о том, чтобы устремиться в открытое море свободы, внушала ему страх».

Отметив, что переписка Спинозы имеет первостепенное значение для правильного понимания его философии, Вольф подчеркивает, что прежде всего эта переписка выясняет до некоторой степени величие и силу характера Спинозы.

Затем Вольф выясняет отношение Спинозы к Декарту и характеризует корреспондентов Спинозы. К переводу переписки Спинозы приложены ценные примечания и предлагаемые переводчиком поправки текста.

Kurt Borries. Kant als Politiker. Zur Staats-und Gesellschaftslehre des Kritizismus. 1928, Verlag von Felix Meiner in Leipzig, S. VI + 248.

Курт Боррис. Кант как политик. К учению критицизма о государстве и обществе. Лейпциг 1928, стр. VI + 248.

К. Боррис считает возможным говорить о Канте, как политике, на том основании, что, хотя Кант, в отличие от других политических писателей своего времени, ни-

когда не принимал активного участия в политике, он весьма внимательно и с сочувствием следил за великими политическими движениями, в особенности за революционными событиями в Америке и во Франции. «Исходя из основных положений своей системы и на основании своих наблюдений, Кант составил себе определенное политическое суждение, которого он не скрывал». Республиканский образ мыслей Канта, его мысли о вечном мире и о союзе народов играют весьма заметную «роль в политическом мире именно в настоящее время». Поэтому Канта можно назвать политиком, хотя сам он никогда не претендовал на такое наименование.

Боррис констатирует, что Кант весьма сочувствовал прогрессу и что французская революция вызвала с его стороны «многообещающие пророчества». Но он «не отвергал того, что представлялось отсталым, и не желал ниспровергать то, что не нравилось ему. Он требовал лишь свободы печати». По содержанию книга Борриса является не особенно глубоким изложением «метафизики истории» Канта, «трансцендентальных основ права», «критической социологии религии», теории договора, учения о сопротивлении и т. д. Боррис не выясняет своего отношения к точке зрения Гегеля на кантовский критицизм и чрезвычайно поверхностно полемизирует с Марксом и Энгельсом.

Janko Janeff. Das Irrationale in Hegels Rationalismus.— «Neue Jahrbücher für Wissenschaft und Jugendbildung». 1929, H. 2, S. 208 — 216.

Янко Янев. Иррациональное в рационализме Гегеля.

Останавливаясь довольно подробно на разделах гегелевской логики, автор излагает гегелевское учение о понятии, подчеркивая его диалектическую природу. Для Гегеля логика сливалась с онтологией. «В своей потусторонней замкнутости понятие чуждо действительному миру..., только в своем примирении с реальным оно является истинным, как и обратно: только в своем примирении с логосом реальное — реально» (стр. 215). Это утверждение гармонии, совершенного взаимопроникновения действительности, и логоса, временного и вечного, свидетельствует, по мнению автора, о том романтизме, которого Гегель не мог преодолеть. «Гегель рационализирует действительность, но делает это потому, что он хочет иррационализировать понятие»; Гегель не столько хочет обосновать действительность в логосе, сколько показать, что логос только в своей действительной конкретности есть логос. Иррациональность понятия он ищет повсюду — в истории, в природе, в искусстве, в религии. Стремление Гегеля заключается в доказательстве того, что конкретное, жизненное — божественно. Поэтому и можно утверждать, что его философия есть философия иррационального и что Гегель самый великий иррационалист в истории философии.

Karl Haack, Dr. phil., Pfarrer zu Breslau. Fichte und Deutschlands Wiedergeburt. Eine Darstellung der Vaterlandsliebe des führenden Denkers der Freiheitsbewegung. Ein Appell an unsere deutsche Gegenwart. Breslau, Verlag «Schlesische Dorfzeitung», 1927, S. 128.

Карл Гаак, доктор философии, пастор в Бреславле. Фихте и возрождение Германии. Изд. «Силезской деревенской газеты», 1927, стр. 128.]

Рецензируемая книга характерна для националистических настроений буржуазной Германии, усилившихся под влиянием переживаний мировой войны. Автор ее, пастор Гаак, задался целью способствовать преодолению «интернационализма, стремящегося к угашению вновь вспыхивающей национальной идеи»; с этой целью он и обращается к сочинениям Фихте, надеясь найти в них подкрепление своим взглядам.

Рассматривая в хронологическом порядке сочинения Фихте, Гаак уделяет изложению ранних сочинений «чисто космологического периода юности» менее двух страниц, переходному периоду — 14 и «национальному окончательному периоду» — 29 страниц. Но, констатирует с сожалением Гаак, «Фихте все же не удалось вполне освободиться от когда-то прославлявшегося им республиканского понятия государства... Он не может вполне освободиться от оков демократического государства, основанного на договоре, в пользу германского, исторически выросшего государственного орга-

низма» (стр. 121), и поэтому патриотизм, проповедуемый Гааком, «не вполне тождественен» с патриотизмом автора «Речей к немецкой нации» (стр. 128).

Bruno Bauch. Goethe und die Philosophie. («Philosophie und Geschichte»), Tübingen 1928, J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), S. 36.

Бруно Баух. Гёте и философия. («Философия и история»), Тюбинген 1928 стр. 36.

В предварительных замечаниях Б. Баух указывает на неисчерпаемость темы «Гёте и философия», исключающей возможность сказать последнее слово по этому вопросу, и утверждает, что за последнее время «мы выучились по-новому и глубже понимать все то движение немецкой мысли, которое началось с Лейбница и достигло своего высшего выражения в Гёте. Лучшим доказательством этого Б. Баух считает «глубокие, ясные и блестящие» статьи Генриха Риккерта о «Фаусте».

Сам Баух дает в своей брошюре ряд афоризмов о чувстве, о «серой теории», проблеме постижимости природы, глубочайший смысл которой нашел-де глубочайшее выражение в последней и наиболее глубокой из критик Канта — в «Критике силы суждения». Б. Баух старается (стр. 16) изобразить Гёте кантианцем, «независимо от Канта» пользовавшимся лейбнице-кантовским выражением «синтез мира и духа» для обозначения «объективной проникнутости мира разумом» как «бого-обусловленности мира» (стр. 15), синтетического единства «бого-природы» (стр. 17 — 19). В социально-политическом отношении Б. Баух считает наиболее близким к Гёте по духу — Бисмарка с его отрицательным отношением к большинству.

II. ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

С. А. Оранский. Основные вопросы марксистской социологии. Том I. Изд. «Прибой», Л. 1929, стр. 245.

Книга ставит себе задачей быть учебником исторического материализма в высших учебных заведениях. При этом автор ограничивает рамки книги только кругом социологических проблем, оставляя в стороне философские предпосылки диалектического материализма. Все изложение можно разделить на две основные части: в первой части, после небольшого введения на тему о предмете и задачах социологии, дается краткий очерк ее зарождения (глава I) и очерк главнейших направлений современной социологии (глава II); вторая часть посвящена проблемам исторического материализма — проблеме законосообразности общественного развития (глава III), учению об обществе и его строении (главы IV и V) и учению о классах (главы VI — VIII). Остальные вопросы — теория базиса и надстроек, теория государства и т. д.,—по замыслу автора, войдут во второй том работы.

Уже из самого названия книги видно, что исторический материализм понимается в ней как теория марксистской социологии. Говоря о предмете и задачах социологии, автор оспаривает взгляд, считающий исторический материализм наукой о методе общественных дисциплин. Автор стоит на той точке зрения, что существует особый предмет, особая область исторического материализма, и этим предметом является область абстрактных общественных законов. «Учение о производительных силах и производственных отношениях и их причинной связи, теория базиса и надстроек — все это заключает в себе ряд самых общих законов общественной жизни. Если же исторический материализм служит методом и для других наук, то в этом проявляется тот общий факт, что всякая абстрактная теоретическая наука, будучи в своей сфере самостоятельной теорией, дает в то же время известные познавательные принципы другим, более частным наукам, служит им в этом смысле методом» (стр. 13).

Чтобы доводы автора были вполне приемлемы, необходимо прибавить к ним, что отличие марксистской социологии от буржуазной социологии состоит в принципиально

различном понимании общества и его законов. Буржуазная социология, объявляя своим предметом общие законы общества, рассматривала эти законы и само общество статически, как нечто неизменное.

Все изменения в обществе, с точки зрения такой социологии, являются лишь нарушением равновесия, отклонением от нормального общественного порядка, или в лучшем случае такими изменениями, которые состоят из простой смены одних и тех же беспрестанно повторяющихся явлений, как день и ночь, смерть и рождение, приход к власти одних людей и отставка других, и все это на основе одних и тех же механически действующих законов в пределах одного и того же общественного строя. Типичными представителями такой социологии были Конт, Спенсер и др. Здесь отсутствует историзм. Напротив, марксистская социология берет свой предмет в историческом движении. Этому не противоречит то, что она изучает общие законы общественной жизни. Исторический материализм изучает общие социологические законы не в абстрактно-неизменном виде, а на основе конкретно-исторического процесса. Самый характер законов, изучаемых историческим материализмом, требует исторического взгляда на общественный процесс. Таким образом, марксистская социология отличается от буржуазной социологии не предметом, а пониманием этого предмета. Марксистская социология является теорией и методологией исторического процесса, тогда как буржуазная социология изучает общество вне развития.

Все дальнейшее изложение книги ведется в строгом соответствии с исходными положениями автора. Определив исторический материализм как марксистскую социологию, автор делает попытку дать историю возникновения и развития социологии. В нескольких словах коснувшись древнего мира, он сразу переходит к социологическим учениям XVII века и затем к взглядам французских материалистов XVIII века. И те, и другие теории он характеризует как механистические. Французские материалисты делают ряд интересных социологических обобщений, но механистический метод не дает им возможности подняться до понимания исторического развития, обрекает их на ряд непреодолимых противоречий, в первую очередь в основном вопросе общественной жизни — в вопросе о взаимоотношении между средой и человеком.

Механистические теории, внутренние противоречия которых обрекали их на разложение, открывали возможность для развития социологических взглядов в двух направлениях: в идеалистическом и в направлении отказа «от слишком прямолинейных механических аналогий» (31 стр.).

Ог. Конт является представителем этого второго направления. Однако мы скоро убеждаемся, что и Конт не отступил от механистического метода: «Идеалом знания,— читаем мы, — Конт действительно считает выведение всех частных законов из универсального механического закона тяготения» (стр. 35). Конт, благодаря этому, не избежал ряда очевиднейших противоречий в своей системе; их не преодолели и последующие социологи-позитивисты.

На этом изложение истории социологии кончается, и дальше идет изложение современных социологических направлений в следующем порядке: психологическое направление, биологическое (органическое и социально-дарвинистское), географическое и идеалистические направления (историки: Белов, Бернгейм и др., неокантианцы: Риккерт, Макс Вебер).

Руководящей идеей при изложении различных социологических учений автору служит задача выявления внутренней несостоятельности механистического метода в социологии. С полной очевидностью крушение механистического метода обнаружилось в идеалистической неокантианской истории философии, которая явилась реакцией на несостоятельность механистического метода позитивистов.

Переходя к проблемам исторического материализма, автор пользуется итогами предшествующего изложения, чтобы механистическому методу противопоставить метод диалектический. В этом духе им дано изложение проблемы общественной закономерности, определение понятия общества и общественных отношений, понятия производительных сил, класса и классовой борьбы и т. д.

Правильная методологическая позиция, последовательность и цельность изло-

жения, знание предмета делают книгу содержательной, интересной и свежей. Но книга не лишена и недостатков. Укажем основные из них.

Критика механистического метода, звучащая лейт-мотивом на протяжении всего изложения, все же имеет одну крупную брешь. Осталось не выясненным отношение к современным механистам в историческом материализме. Мы имеем в виду тт. Степанова, Сарабьянова, Аксельрод и др. Критика механистических социологических течений должна быть завершена критикой наших «марксистских» механистов.

Научная обоснованность книги и убедительность критики значительно выиграли бы, если бы различные направления буржуазной социологии были разобраны с точки зрения основ марксизма, — основ, которые являются залогом научности всякого теоретического направления.

Касаясь других недостатков книги, отметим не совсем удачное, на наш взгляд, расположение современных социологических направлений. Изложение последних начинается с психологического направления, тогда как гораздо уместнее это направление сделать переходным от натуралистических течений в социологии к идеалистическим.

Если некоторые психологические теории, например теорию Тарда, в известном смысле и можно отнести к направлению позитивизма (стремление приложить механическую причинность к общественным явлениям, сведение общественных явлений к психическим страстям и силам и толкование этих последних как естественных сил и т. д.), то, с другой стороны, те же психологические теории открывают двери чисто идеалистическим намерениям изолировать область общественной жизни от явлений природы. Такой шаг делает видный представитель психологического направления Вундт, взгляды которого, укажем кстати, не нашли отражения в книге. Вундт считает невозможным применять понятие механической причинности к общественным явлениям в основе своей являющимся психическими явлениями. Вместо механической причинтости он выдвигает понятие «творческого синтеза», в основе которого лежит свободная ворческая воля. Волюнтаристическая точка зрения Вундта является прямым переходом к идеалистическим неокантианским теориям.

Нужно также выразить сожаление, что среди новейших направлений в социологии не указана русская субъективная школа (Лавров, Михайловский и др.). В полемической форме этих взглядов касаются во многих произведениях Плеханов и Ленин, и учащиеся, не знакомые с систематическим изложением субъективной социологии, естественно испытывают затруднения при чтении хотя бы такого труда, как «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Одно это соображение, помимо уже того интереса, который можно вообще предполагать к субъективной школе ввиду ее исторического прошлого, диктует необходимость пополнения этого пробела в книге.

Обобщая наши указания, мы должны сказать, что, несмотря на отдельные недостатки, легко устранимые при повторном издании, книга может быть названа удачной и, несомненно, в скором времени займет прочное место среди учебников исторического материализма. Однако, при рекомендации ее в качестве пособия, приходится иметь в виду, что она не дает изложения философских предпосылок исторического материализма и в этом отношении должна быть восполнена другим пособием.

К. А. Попов. К. Маркс и Ф. Энгельс о крестьянстве в пролетарской революции. Изд. «Прибой», Л. 1928, стр. 132.

О. Танхилевич. Маркс и Энгельс о крестьянстве. Ленинградский научно-исследовательский институт методологии марксизма. Госиздат, 1928, стр. 152.

Читатель видит уже из заглавий рецензируемых брошюр, что они затрагивают сходную тему, хотя брошюра т. Танхилевич имеет в виду исследование более общего вопроса об отношении Маркса и Энгельса к крестьянству, а т. Попов занят более узкой темой — об отношении Маркса и Энгельса к крестьянству в пролетарской революции. Посмотрим, как справились оба автора со своей литературной задачей.

В брошюре К. А. Попова читатель не должен искать чисто научной трактовки затронутого им вопроса. Такая трактовка предполагает прежде всего тщательный исто-

рический анализ взглядов Маркса и Ленина не только на крестьянский вопрос в революции, но и на революционный процесс вообще.

Перед нами популярная брошюра, которая, на основании общеизвестных работ Маркса-Энгельса и Ленина, пытается предупредить неверную популяризацию их взглядов по столь важному и злободневному для нашей страны вопросу.

Посмотрим, как справился с задачей автор рецензируемой брошюры. Начнем с вопроса о том, является ли крестьянство классом. Этим вопросом усердно занимается учащаяся молодежь в наших вузах, и с ним связано очень много путаницы. Вот что говорит автор, приведя известную цитату Маркса о мелком крестьянстве из «18 Брюмера» (стр. 28—29).

«Таким образом, мелкое крестьянство — и класс, и в то же время не класс. Как это понимать? Очевидно, понимать нужно в том же смысле, в каком говорит это Маркс по отношению к рабочему классу на первых стадиях его развития: «Экономические отношения превратили сперва массу народонаселения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положение и одинаковые интересы. Таким образом, по отношению к капиталу эта масса является уже классом, а для себя она еще не класс». На этой стадии развития рабочий класс — к л а с с в с е б е, но еще не класс для себя. Но в конце концов и притом с достаточной быстротой он, организуясь, превращается в класс для себя. Для мелкого крестьянства господство капитала тоже создает одинаковое положение и одинаковые интересы. Оно по отношению к капиталу тоже становится классом в себе, но по Марксу — оно неспособно с т а т ь к л а с с о м д л я с е б я.

«Но, становясь таким образом особым и притом враждебным по отношению к буржуазии «классом в себе», мелкое крестьянство не перестает быть частью класса мелкой буржуазии, другую часть которой составляет мелкий торговец и мелкий ремесленник, подобно тому как, противостоя феодалу, оно являлось частью «огромного класса мелких сельских хозяев», другую часть которого составляли крупные и средние крестьяне, а также полупролетарии деревни».

Эта формулировка является недостаточно четкой в столь важном и столь сложном вопросе. То же положение лучше было бы сформулировать следующим образом: классам, осуществляющим феодальную эксплоатацию деревни и сохраняющим юридическую форму сословий, крестьянство противостоит как единое сословие, несмотря на внутреннюю дифференциацию, появившуюся и прогрессирующую в результате развития товарного хозяйства. Ликвидация феодальной эксплоатации в результате революции осуществляется силами всех группировок деревни, причем здесь понятие крестьянство (борющегося против духовенства, земельного дворянства и монархии) тождественно с понятием блока классов, последний раз выступающих под традиционной сословной оболочкой. В буржуазном обществе указанная дифференциация расширяется и углубляется. Обособляется деревенская буржуазия, как один из отрядов класса капиталистов, с примыкающими к ней кандидатами из зажиточного (в Европе среднего) крестьянства. Резче обособляется сельский пролетариат с тянущимися к нему экономическими слоями полупролетариата. Посредине оказывается мелкое крестьянство, колеблющееся между пролетариатом и буржуазией. Оно безусловно является экономически отдельным, самостоятельным классом, классом простых товарных производителей, хотя и несамостоятельным в области политики и в этом смысле неспособным стать, по указанным Марксом причинам, классом для себя.

Далее следует остановиться на главе, трактующей «О некоторых кажущихся противоречиях у Маркса и Ленина». Автор полемизирует с Костржевой, которая пытается установить два разных этапа во взглядах Маркса и Энгельса на роль крестьянства в революции: 1) точку зрения 1850-х гг., когда Маркс считал, что новая революция в Германии начинается мелкой буржуазией как демократическая революция, а завершается одним пролетариатом как социалистическая, 2) точку зрения 60—70 гг., когда Маркс и Энгельс считали возможным борьбу пролетариата за социализм при поддержке крестьянства.

Возражения, которые делает т. Попов Костржевой, ярко обнаруживают всю не-

достаточность чисто популяризаторского подхода к этому капитальному вопросу и всю необходимость научно-исследовательского обращения с текстами Маркса, Энгельса и Ленина. К. А. Попов прав, приводя, на-ряду с обращением к Ц. К. Союза коммунистов, место из «18 Брюмера» насчет крестьянского хора, который должен подкрепить пролетарские революции в крестьянских странах. Он прав и в основной своей мысли, что ни по Марксу, ни по Ленину пролетарскую революцию рабочий класс не мог довести до конца в крестьянских странах один. Но в доказательстве этого положения отсутствуют: 1) указание на то, в какой обстановке писал Маркс свое «Обращение» и какую главную мысль он в нем проводил, 2) почему Маркс пишет в 1852 г. фразу о крестьянском «хоре», а в издании 1869 г. сам эту фразу исключает, 3) почему Ленин, говоря о диктатуре пролетариата и крестьянства и об отходе мелкой буржуазии на сторону капитала, в одних случаях подчеркивает, что у пролетариата на следующем этапе не остается никаких других резервов, кроме поддержки его социалистическим пролетариатом Запада, а в других случаях говорит о внутренних резервах в виде многочисленного полупролетариата или, по другой терминологии, — деревенской бедноты. Только тщательное исследование текстов с точки зрения того, когда писалась та или иная вещь, какую главную цель она преследовала и где лежало в ней логическое ударение, в состоянии дать целостную картину взглядов автора на всю совокупность проблемы и объяснить все кажущиеся противоречия.

Тов. Попов вполне прав, протестуя против вульгаризации Ленина, примером которой может служить брошюра Ф. Кретова «Классовое расслоение в деревне», где беднота (полупролетариат) и среднее крестьянство зачисляются в один класс. Жаль, что автор не перечислил десятков таких искажений в различных популярных брошюрах о Ленине, в которых зафиксировано все невежество этих ученических популяризаций. Однако сам автор допускает весьма сомнительное утверждение насчет зажиточного слоя крестьянства, начинающего систематически прибегать к эксплоатации наемного труда, когда на стр. 112 он говорит: «Этому уже сложившемуся теперь верхнему зажиточному слою мелкого крестьянства понадобится особенно длительный период для того, чтобы изжить возродившееся в нем, на почве мелкого хозяйства, стремление к капиталистическому накоплению, для которого диктатура пролетариата ставит достаточно препон». Это место звучит слишком идиллически. Надо говорить не об «изживании», а о борьбе двух систем хозяйства и о борьбе классов, в которой представители аграрного капитализма будут разбиты.

В общем и целом брошюра К. А. Попова представляет собой полезную пропагандистскую работу на намеченную автором тему.

***

Брошюра т. Танхилевич, при несколько большем объеме и несравненно более широкой теме, также не может быть причислена к работам научно-исследовательского характера в строгом смысле этого слова. Но если не предъявлять к брошюре очень строгих научных требований и рассматривать ее, если не как пропагандистскую, то в лучшем случае как научно-популярную вещь, она может быть признана удовлетворительной.

О. Танхилевич начинает с краткого изложения теории ренты Маркса. Изложение это является довольно поверхностным. Нигде не подчеркнуто, что рента есть специфическое распределительное отношение между классами, и потому не указан источник постоянной вульгаризации при понимании этой категории. Формулировка понятия абсолютной ренты неполна. Ничего не говорится о том случае, когда органический состав капитала в земледелии не ниже, чем в промышленности. Не разобраны и даже не упомянуты возражения против теории абсолютной ренты, выдвигавшиеся критиками Маркса после выхода III тома «Капитала». Автор говорит насчет «иллюзии о социалистическом значении акта национализации» (стр. 17), а на стр. 19 приводится цитата из Ленина, который, в согласии с Марксом, расценивал национализацию не только как «последнее слово буржуазной революции, но и как шаг к социализму». Каким образом «шаг к социализму» не имеет никакого «социалистического значения»?! Таких неточностей и небрежностей в формулировках можно встретить не мало в брошюре.

Например, на стр. 30 читаем: «Общеизвестно, что Маркс и Энгельс ускоряли революционный темп событий»; надо было сказать «преувеличивали быстроту темпа событий». Каждый революционер ускоряет ход событий, иначе вся деятельность революционных партий не имела бы смысла. На стр. 67 находим фразу: «Но именно в силу того, что мелкий крестьянин продолжает относиться к земле как к простому орудию труда, он выпадает из капиталистической экономики». Выпадать можно из того, где раньше был. А крестьянское хозяйство исторически предшествует капиталистической экономике. Процесс гибели мелкого крестьянского хозяйства «в довольно резкой форме изображен у Маркса и Энгельса» (стр. 70). Или еще начало третьей главы: «Абстрактно-конкретный метод Маркса характеризуется градацией конкретного. Переход от наиболее общей, абстрактной категории к более конкретной состоит из ряда ступеней конкретного. Конечно, сам переход от абстрактного к конкретному целиком зависит от предмета исследования и им определяется» (стр. 97). В этих строках заключается правильная мысль о том, что методологические приемы исследования зависят не только от общих основ метода, но и от характера самого материала исследования. Но как все это выражено! Приведенными примерами далеко не исчерпываются все дефекты изложения этой небольшой брошюры.

Сделаем еще несколько замечаний по существу. Говоря о влиянии капиталистической экономики на хозяйство мелких самостоятельных производителей деревни, т. Танхилевич пишет: «Когда же влияние капитализма из внешнего становится действительным, реальным, это означает одно из двух: либо мелкий крестьянин разорился, либо перешел в высшую категорию, стал капиталистом-кулаком» (стр. 67). Это — недопустимое упрощение, которого не устраняют дальнейшие оговорки автора. Огромная масса мелких товарных производителей деревни включается в разделение труда в капиталистической системе, очень медленно рассасываясь между двумя крайними полюсами. В этом и состоит особенность сельского хозяйства, где существует серьезная экономическая база для трудоемких культур и где рационализация производства может быть достигнута лишь на основе социалистической производственной кооперации. Нельзя так упрощать центральной проблемы всей аграрной эволюции при капитализме.

В числе причин живучести мелкого крестьянского хозяйства, перечисленных на стр. 82, не указана главнейшая, а именно ничем не регламентируемая эксплоатация рабочих сил собственной семьи и вообще чрезмерный труд; собственная рабочая сила не имеет цены для самостоятельного производителя. Затем сюда относятся наличие трудоемких культур, невозможность непрерывного функционирования машинного оборудования в сельском хозяйстве, сезонность работ, гораздо бо́льшая зависимость от природных влияний, затрудняющих рационализацию производственного процесса. Все эти причины являются органическими и основными. Наоборот, указанные автором в числе основных: покровительственные пошлины на импортируемые сельскохозяйственные продуты и результаты империалистической войны суть причины или временного, или производного характера.

В заключение несколько слов о полемике автора брошюры с т. Стучкой.

Тов. Стучка в предисловии к «Аграрному вопросу» Каутского (изд. «Пролетарий», 1926 г.) дает не вполне верную ретроспективную оценку позиции прежнего Каутского, Каутского-марксиста, в его борьбе с ревизионистами в аграрном впросе. Упрекая Каутского в нигилизме по отношению к проблеме союза пролетариата с полупролетарскими слоями деревни, т. Стучка предпочитает эклектическую позицию Бебеля, который очень часто балансировал в теоретических вопросах между «ортодоксами» (того времени) и оппортунистами. О. Танхилевич права, указывая на эти ошибки т. Стучки, который модернизирует старый спор, не умея подойти к нему исторически. Это тем более недопустимо, что Ленин в свое время давал не раз очень положительный отзыв о позиции Каутского в его борьбе с оппортунистами в аграрном вопросе и в частности очень одобрительно отзывался о книге Каутского «Аграрный вопрос», вышедшей в 1899 г. Но т. Танхилевич заменяет ошибку т. Стучки другой ошибкой, когда говорит о «классово-выдержанной точке зрения Каутского». Позиция Каутского в о в с е х

его спорах с оппортунистами (и не только в аграрном вопросе) была ближе к позиции революционного марксизма, но, как известно, в этой полемике он делал ряд уступок оппортунистам в самом исходном пункте своих положений; он не в состоянии был разоблачить ни прежних оппортунистов, ни теоретический и практический оппортунизм большинства германской социал-демократии как политику и идеологию рабочей аристократии капиталистических стран, которая уже тогда шла навстречу своему 4 августа (1914 г.). А все это должно быть учтено при оценке относительно более правильной позиции Каутского в его спорах и с представителями аграрного оппортунизма. С этой точки зрения более осторожной и более правильной является следующая фраза т. Танхилевич:

«Но отдавая себе прекрасно отчет в недостатках «Аграрного вопроса» Каутского, нельзя забывать и того, что в дискуссии 90-х гг. существенны были не они, а та принципиальная позиция, которую Каутский занял в противовес оппортунистам» (стр. 120).

В пределах этой формулировки и следовало бы держаться, вместо того, чтобы доказывать ошибочность критики т. Стучки прикрашиванием до-революционного Каутского.

В итоге можем сказать, что, при наличии ряда промахов и пробелов, брошюра т. Танхилевич является небесполезной работой для тех, кто только приступает к изучению затронутой автором темы.

Б. Фингерт и М. Ширвиндт. Краткий учебник исторического материализма. Госиздат, М. — Л. 1928, стр. 241.

Нужда в кратком и популярном руководстве по историческому материализму все еще довольно остра. Такое руководство должно быть рассчитано не только на совпартшкольца, не только на широкий партийный и комсомольский актив, но и на учащихся технических и коммунистических вузов. Сжатое, ясное, а, главное, точное изложение основ исторического материализма — таково основное требование, которое должно быть предъявлено такому руководству. Предлагаемое пособие в значительной степени удовлетворяет этим требованиям.

Учебник разбит на 8 глав. Из них первые две посвящены схематическому обзору основных философских проблем (идеализм и материализм; диалектический материализм), остальные шесть дают изложение основных проблем исторического материализма (закономерность в природе и обществе; производительные силы и производственные отношения; теория классов и классовой борьбы; теория государства и диктатура пролетариата; идеология; теория общественного развития).

Из 240 страниц текста темы философские занимают 60 с небольшим страниц (без приложений всего 40 страниц). Это, бесспорно, немного. Но с этим еще можно было бы примириться, если бы материал этих двух глав был менее разбросан и более строг тематически. Так, напр., в теме «идеализм и материализм» при изложении взглядов французских материалистов не было необходимости останавливаться так подробно на исторических взглядах французских материалистов и Л. Фейербаха. Эти вопросы с успехом могли быть затронуты в главах, посвященных собственно историческому материализму, здесь же они являются ненужным балластом. Вместо этого здесь следовало бы более вразумительно изложить «основной философский вопрос». На стр. 9—10 излагается, собственно говоря, другая сторона вопроса об отношении мышления к бытию, а именно: «в состоянии ли наше мышление познать действительный мир» (Энгельс). Суть же вопроса сводится к онтологической проблеме: что является основным началом (первичным) — материя или дух? Тут можно было бы, не мудрствуя лукаво, дать в тексте пересказ классического места из «Л. Фейербаха» Энгельса (начало II главы) — и все было бы хорошо. Быть может, на это пришлось бы отвести побольше места, но зато основной философский вопрос не был бы здесь смазан. В первых же главах мы находим целый ряд неточностей и извращений. Так, излагая взгляды Спинозы, авторы весьма мало заботились о точности в передаче его взглядов. «По его (Спинозы) мнению, ощущения являются источником заблуждений, и лишь разум способен открывать истину» (стр. 112). Или в другом месте: «Истина, по Спинозе, результат логического произвола»

(стр. 13). Трудно более грубо и неверно передать его мысли. Одно дело сказать, что ощущения не способны дать истинного знания (так было у Спинозы), и совсем другое — утверждать: ощущения источник заблуждения. И к чему тогда понадобилось Спинозе три вида познания? Да и хорош материалист, для которого истина — результат логического произвола?! Не менее курьезно следующее утверждение авторов: «... Взгляды французских материалистов, несмотря на их огромное агитационное значение, не отличались большой глубиной» (?!) (стр. 17). Напрашивается вывод: да здравствует вечноглубокий идеализм! Традиции идеалистов-историков философии, очевидно, все еще сильны. Думается, что глубина французских материалистов состояла прежде всего в том, что они были материалистами, т. е. философами, стоявшими на единственно истинной и научной философской платформе. Ну, а если они считали религию простым заблуждением (это им ставят авторы на вид), то в этом больше виновата эпоха и уровень положительных знаний по этому вопросу. Изложение взглядов Локка также нуждается в исправлении. Далее. Авторы иллюстрируют рядом примеров то положение Гегеля, что в мире все изменяется и развивается (стр. 19), и делают следующие примечания: «Примеры, приведенные в настоящем параграфе, взяты не из сочинений Гегеля. На этих примерах читатель может убедиться, что Гегеля можно и нужно «читать материалистически». Иллюстрировать некоторые общие положения Гегеля материалистическими примерами (это делал и сам Гегель) вовсе не значит «ч и т а т ь его материалистически».

Все эти погрешности, взятые из одной только главы, еще и еще раз должны показать, как важно в учебнике, хотя бы и самом популярном, быть сугубо точным при передаче и изложении чужих мыслей. Это лучше всего предохраняет от вульгаризации. В этих же целях не следует, критикуя то или иное исторически превзойденное учение, сводить его к абсурду. Ведь сила диалектического материализма и состоит в том, что только с точки зрения этой наиболее развитой и совершенной философской концепции можно дать правильную и действительно адэкватную оценку предшественников.

В главе «Диалектический материализм», говоря об основных принципах диалектики, авторы отмечают следующие два: «1) Все существующее находится в связи, во взаимодействии между собой, 2) все существующее изменяется, развивается путем борьбы противоположностей...» (стр. 44). И дальше повсюду идет речь о двух основных принципах диалектики: о принципе всеобщей связи и принципе развития, между тем как без специального разбора принципа единства противоположностей как основы упомянутых двух, бесспорно, обойтись нельзя, хотя, конечно, популярное изложение этого основного принципа и может встретить известные затруднения.

В теме третьей следовало бы более подробно остановиться на вопросе о специфичности общественных явлений и своеобразии исторических законов. Кроме того, чересчур неполно и схематично дана трактовка проблемы случайности. Наконец, в общем плане тем исторического материализма следует уделить большее внимание таким теоретическим темам, как «закономерность в природе и обществе» (отведено всего $10^1/_2$ страниц), за счет, напр., чересчур подробной разработки отдела «Советская власть» (отведено 8 страниц) в теме «теория государства и диктатура пролетариата». Вызывает недоумение диспропорция частей в теме «идеология». Вторая подтема — «идеология и экономика» — содержит всего 9 страниц; здесь разбираются и право, и искусство, и наука — словом, ряд весьма важных видов идеологии, а в третьей подтеме (на стр. 12) дан разбор лишь одной религии. В этой же теме весьма странно звучит утверждение на стр. 166: «Действительно, математика, физика, химия в настоящее время независимы от непосредственного влияния классовых интересов». Кризис современного естествознания на Западе говорит как раз обратное!

Главы, посвященные собственно историческому материализму, сравнительно с философскими главами, составлены более тщательно и дают в общем правильное решение трактуемых проблем.

За каждой главой, содержащей изложение той или иной проблемы, следуют в приложении отрывки из произведений классиков марксизма и философии (напр., Гегель и Фейербах). Отрывки эти подобраны довольно удачно, хотя и не всегда авторам удается в тексте дать достаточно материала для понимания приводимых в конце

темы отрывков. Напр., тезисы Маркса о Фейербахе безусловно будут трудны для усвоения мало подготовленным читателем. В приложении ко второй теме вместо отрывка «7» из «Анти-Дюринга» следовало бы дать несколько отрывков из старого введения к «Диалектике природы». Трудноват и отрывок «5» той же темы. При значительной переработке философских глав и расширении и уточнении некоторых тем и разделов исторического материализма, учебник будет вполне приемлемым популярным руководством по историческому материализму.

Проф. Н. Гредескул. Происхождение человека от обезьяны. Изд. «Красная газета», Л. 1928, стр. 44.

Книжка содержательна, интересна, популяризация в ней не доходит, как это часто бывает, до вульгаризации.

В предисловии автор говорит: «Эта небольшая книжка имеет особенность, которую надо отметить. Особенность заключается в том, что в изложении вопроса о происхождении человека от обезьяны внесены, — насколько мне известно, впервые, — чисто марксистские элементы, а именно «трудовая» теория Энгельса об «очеловечении» обезьяны и идея диалектического развития». К теории Энгельса автор подходит по существу правильно. Он делает различие между биологией и социологией. Так, в интересующем нас вопросе о развитии человека от обезьяны биология, как указывает автор, констатирует этот процесс, социология же объясняет его причину.

Работе Энгельса «Роль труда в процессе развития человека» т. Гредескул посвящает отдельную главу; на ней необходимо остановиться. Автор совершенно правильно полагает, что основная мысль работы Энгельса может быть охарактеризована следующей цитатой: «Труд — первое, основное условие человеческого существования, и это в такой мере, что мы, в известном смысле, должны сказать: труд создал самого человека» (стр. 24). Но эта основная мысль все же может привести к неправильным выводам, если не вложить в понятие труд его настоящего значения. Энгельс говорит: «Труд начинается с момента приготовления орудий» (Энгельс, стр. 8). «Никогда ни одна обезьяна не изготовила своей рукой хотя бы самого грубого каменного ножа» (стр. 4). «Сотни тысяч лет, — в истории земли это то же, что секунда в жизни человека, — наверное, протекли, прежде чем стая лазающих по деревьям обезьян превратилась в человеческое общество. Но, наконец, оно появилось, и что опять-таки является характерным различием между стаей обезьян и обществом человека? — Труд» (стр. 7). Автор же, игнорируя сущность труда в понимании Энгельса, приходит к следующему выводу: «Когда обезьяна стала делать орудия, она стала превращаться в человека» (стр. 25). Правильность своей точки зрения автор подтверждает работами Келлера, который доказывает, что обезьяна может при случае делать себе орудие. Таким образом, автору не удалось, несмотря на все попытки, разграничить биологию от социологии.

На-ряду с этим недостатком надо указать и на достоинства книжки. Автор в ряде случаев удачно применяет диалектический метод, подчеркивая разницу между механическим и диалектическим материализмом; сам он придерживается последнего. Эта точка зрения особенно наглядно проводится в главах «Теория Дарвина» и «Факты после Дарвина». Однако недостаточное отграничение биологии от социологии заставляет т. Гредескула в этой области подчас извращать содержание диалектики. Наглядным примером такого извращения служит следующая цитата из заключительной главы: «И вот оказывается — это теперь доказано экспериментально, — что коренное человеческое отличие (делание человеком орудий), буквально in nuce, т. е. в самом зародыше, существует уже и у животных, именно у обезьяны, и «на этом пункте», т. е. именно у обезьяны, «один полюс (животный) и начинает «переходить в другой (человеческий)».

III. МАРКСИЗМ И РЕЛИГИЯ

Анри Барбюсс. Иисус против Христа. Перевод с французского В. В. Фроловой. Под редакцией К. Эрберга. С предисловием члена Коммунистической академии проф. М. Рейснера. Госиздат, М.—Л. 1928, стр. 296.

А. В. Луначарский. Личность Христа в современной науке и литературе. (Об «Иисусе» Анри Барбюсса.) Стенограмма диспута А. В. Луначарского с митрополитом А. Введенским. Изд. акц. о-ва «Безбожник», М. 1926, стр. 41.

В двух тесно между собой связанных книгах — художественном произведении «Иисус праведный» и научном исследовании «Иисус против Христа» — Анри Барбюсс пересматривает традиционный взгляд на Христа. Официальному пониманию, олицетворенному в реакционной легенде о Христе, противопоставляется исторически реальная личность — Иисус-революционер, неутомимый борец за справедливость, разрушитель кумиров и обрядов, «почти совершенный мастер тяжелого иконоборческого дела». Пользуясь этой антитезой, Барбюсс подвергает резкой, беспощадной критике евангельскую фигуру Христа эксплоататоров, этого «теологического узурпатора». Эти страницы написаны с большой силой.

Иисус, противопоставляемый фигуре церковного Христа, оказывается, в понимании Барбюсса, человеком действия, неукротимой активности. Вера для Иисуса — воля духа, динамика, духовная двигательная сила. Внутренний бог, провозглашенный Иисусом, есть обожествление человека. Основная идея Иисуса, его руководящее правило состоит в том, что он всегда исходит из внутреннего, а не из внешнего. «Учение Иисуса, во всех смыслах истины, на всех путях реальности, есть следование от внутреннего к внешнему, от человека к вещам, от разума и от жизни к миру». Иисус выступает как атеист, он «изъял из религии понятие о боге». Для ортодоксального Христа царство небесное — рай, для Иисуса, это — истина и не что иное. Милосердию официального христианства противопоставляется справедливость Иисуса как революционный рычаг; отвлеченной заповеди «любите друг друга» — реальная солидарность. Основное понятие социальной философии Иисуса — равенство. «Через понятие равенства Иисус связывал уравнительное понятие справедливости с требованиями эксплоатируемых во всех областях». В фигуре Иисуса воплощается Барбюссом революционное движение эпохи раннего христианства.

Этот своеобразный образ Иисуса, усматриваемый Барбюссом за теологической оболочкой и наслоениями комментаторов, неожиданно оказывается близким его собственному мироощущению. «Я вижу тебя, Иисус, — пишет он в первой книге, — это ты открываешься мне во всей четкости своей красоты, я тебя люблю, я держу тебя у моего сердца»... В этом заключается оборотная сторона медали, заставляющая Барбюсса, независимо от его субъективных намерений, вопреки его беспощадной критике религии, становиться на скользкую почву богоискательства. Барбюсс не ограничивает себя рамками исторического исследования. «Если я по целым дням и ночам читал и перечитывал священные книги и изучал так много трудов, написанных о догмате, то это не ради художественной радости воссоздания событий и не с целью найти, как археолог, евангелие без противоречия..., а для того, чтобы иметь возможность обратиться к встревоженным и измученным людям нашего времени, нашего сегодня, когда экономические, социальные, политические, интеллектуальные и моральные фатальности заставляют человека сделаться, — по священному примеру, только промелькнувшему перед ним, — разрушителем кумиров»... Установка — в корне неверная; для того, чтобы обращаться к современности, нет нужды опираться на Евангелие; революционная борьба не нуждается в религиозной санкции. Эта установка сводит Барбюсса с пути конкретного анализа на путь широких аналогий. «Сегодняшние революционеры,— пишет он в заключительных строчках рецензируемой книги, — победят под знаком серпа и молота своих злейших врагов, сегодняшних христиан, по тем же причинам, по которым вчерашние христиане победили под знаком креста» (стр. 294).

В книге Барбюсса «Иисус против Христа» тесно переплетаются научные методы исследования с художественной интуицией. Основываясь на последних научных данных христологии, Барбюсс показывает несостоятельность евангельской документации, полное отсутствие научных данных в пользу историчности Христа. «Но следует ли из этого, что доказана неисторичность?» — спрашивает Барбюсс. Здесь вступает в свои права художественная интуиция. На этой чисто негативной почве вырастает своеоб-

разная фигура Иисуса, извлеченная Барбюссом из противоречивых и путанных свидетельств Евангелия. Произвольность этого построения, не оправдываемого социологическим анализом, хорошо показана в предисловии проф. М. Рейснера и в вышеуказанной брошюре т. Луначарского.

Мировоззрение Барбюсса-революционера и коммуниста, как оно раскрывается в рецензируемой книге, оказывается в своей теоретической основе далеко не выдержанным. «Позитивное исследование», «химически-чистый метод» позитивизма и здравого смысла Барбюсс смешивает с диалектическим методом марксизма. Формальный принцип тождества признается естественным законом мышления: «не разрушив всей своей внутренней структуры, нормальный ум не может допустить, чтобы какая-нибудь вещь одновременно существовала и не существовала» (стр. 35). Субъективный принцип Иисуса: «от внутреннего к внешнему», вызывает полное сочувствие Барбюсса. При этом Барбюсс полагает, что это —«величайший из вопросов, когда-либо разделявших умы: надо ли начинать метафизическую архитектуру изнутри или же снаружи, — с мысли (человек) или вещей (мир или бог)»... (стр. 147—148). Несколькими страницами ниже оказывается, что «спиритуализм — не более, как словесное изменение материализма; это — скрытый объективизм». Не меньшее недоумение вызывают заключительные рассуждения Барбюсса о марксизме (стр. 283). На последних страницах книги Барбюсс находит, что «мы не отрекаемся от мистицизма. Мы не являемся его врагами, ибо он — человеческая сила. Мы сами им вооружены... Мы понимаем мистицизм не в его ужасном техническом смысле божественного чародейства..., а только в его динамических свойствах: страшном стремлении к достоверности, влюбленном восторге перед полезной достоверностью... Нужно отличать религиозное заблуждение от религиозного порыва, бурного, как поток...» (стр. 290—291). В этом пункте, в его связи со всей теоретической концепцией т. Барбюсса, заключается один из корней его ошибки. Учение Иисуса даже в модернизированной интерпретации разобранной книги является не «эскизом, намеком, порывом» (стр. 278) в отношении к марксизму, но мировоззрением, в корне от него отличным. Независимо от субъективных побуждений т. Барбюсса, проводимое им «сближение» объективно приобретает нежелательный общественный смысл.

Вл. Сарабьянов. Марксизм и религия. М., Акц. изд. о-во «Безбожник». Воскресный антирелигиозный университет, стр. 60(3).

В брошюре разработана одна из тем программы воскресного антирелигиозного университета при Союзе безбожников Рогожско-Симоновского района в Москве. В самой элементарной форме автор дает представление о сущности материалистического мировоззрения в его сопоставлении с мировоззрением религиозным, идеалистическим.

Автор выявляет, как по мере развития материализма, высшей ступенью которого является диалектический материализм-марксизм, религия сдает позицию за позицией, как постепенно все более и более суживается сфера непознанного наукой и тем самым подрываются основы религии. Диалектический материализм, марксизм, не имеет ничего общего с верой, и утверждение коммунистов, что человечество приближается к коммунизму с его равенством, справедливостью и т. п., также основано не на вере, а на изучении фактов общественного развития. Далее автор освещает вопрос о том, чем обусловливается успех пропаганды непротивления среди мелкой буржуазии и рабочих, рассказывает, как религия проповедует смирение, терпение и т. п. лишь до тех пор, пока речь идет о сопротивлении эксплоататорам, и как церковники во-время вспоминают другие слова Евангелия: «не мир принес я вам, а меч», когда нужно оправдать воинствующую реакцию. Автор подчеркивает также, что если заступники религии считают, что нравственность в обществе поддерживается только религией, то марксизм, в противоположность этому, выводит то или иное состояние нравственности в обществе из социальных условий. Отступая перед наукой, принимая ряд ее положений, религия продолжает свое дело затуманивания классового сознания эксплоатируемых масс, под прикрытием различных философских нематериалистических учений. Брошюра

вполне отвечает своему назначению: дать минимум знаний по данному вопросу активисту-антирелигиознику города и деревни.

Г. А. Покровский. Буржуазия и религия. Изд. «Атеист», М. 1928, стр. 56.

В первой главе своей брошюры Г. Покровский разбирает вопрос о том, «что такое религия». Приведя ряд определений защитников религии, в котором религия представляется как «отношение к окружающей жизни» (Толстой) или как «обновление сил души» (Астров) и т. п., автор принимает марксистское определение религии, данное Плехановым.

В следующих главах автор показывает отношение буржуазии к религии. Это отношение было различным на различных ступенях развития самой буржуазии. В XVI и XVII веках буржуазия, шедшая к своему господству, принуждена была так или иначе вести борьбу с католической религией как идеологией феодального общества. Эта борьба была исправлением и преобразованием существующей религии. Реформизм, кальвинизм и деизм были различными формами этого преобразования, соответствовавшими различным общественным условиям. Только во Франции XVIII века буржуазия, как выражается автор, «погорячилась» и в лице французских материалистов пришла к открытому атеизму. Но с этого момента начинается поворот в истории отношения буржуазии к религии. «Буржуазия спохватилась», и уже кантовская философия ограничила знание, чтобы дать место вере. Последующее развитие буржуазной идеологии представляло различные попытки обоснования религии. Под этим углом зрения автор рассматривает немецкий идеализм, позитивизм, неокантианство и т. д.

Г. Покровский заканчивает свою брошюру главой «Корни религии в наше время», в которой выясняет отношение различных классов к религии как в СССР, так и на Западе.

Таково в общих чертах содержание брошюры. Из немногочисленных ошибок автора нужно отметить неверное и одностороннее понимание положения Энгельса о том, что вместе с Гегелем философия заканчивается, и человечество переходит к положительному познанию мира. Здесь автор не заметил основного у Энгельса, а именно того, что от философии остается наука о мышлении: логика и диалектика. Брошюра издана небрежно: много опечаток.

Г. А. Покровский. Мученик богоискательства (Ф. Достоевский и религия). Изд. «Атеист», М. 1929, стр. 102.

Автор рассматривает Достоевского как выразителя городской мелкобуржуазной интеллигенции различного классового происхождения со всей ее идеологической многоликостью, неустойчивостью и колебаниями от одной крайности к другой: от революционного бунтовщичества к проповеди религиозного смирения, всепрощающего обновленного христианства. Эта точка зрения на Достоевского не является новой. В. Ф. Переверзев в своей книге «Творчество Достоевского», вышедшей еще в 1912 г., также характеризует Достоевского как поэта городского мещанства, уточняя эту характеристику эпитетом «упадочного». Г. А. Покровский не ограничивается одной только религиозной проблемой. Анализ этой стороны творчества Достоевского он проводит на фоне общей характеристики писателя, цитируя его по опубликованным и неопубликованным материалам, разбирая попутно со своей темой ряд вопросов, не имеющих к ней прямого отношения, как, напр., вопрос о том, что общего у Достоевского с Ницше, и пр. В сжатом биографическом очерке он относит Достоевского к служилой интеллигенции из дворян, утерявших свои родовые черты и смешивающихся с разночинной трудовой интеллигенцией. Беглый обзор западных философских влияний (философии Канта, Макса Штирнера) имеет целью вскрыть их решающую роль в формировании мировоззрения Достоевского. Остановившись с достаточной полнотой на обрисовке российских социальных условий и влияний, главным образом на кружке Петрашевского, Г. А. Покровский приступает к анализу творчества, исходя из поставленной им себе основной задачи — выяснения религиозной подоплеки Достоевского. Религиозность эта своими

корнями уходит в мироощущение городской мелкой буржуазии, которую развивающийся капитализм деклассирует и пролетаризирует: «Чтобы сделать жизнь сносной, приемлемой для человека, для всех этих униженных и оскорбленных, для всех «бедных людей» — для этого нужно какое-то оправдание этой неустойчивой жизни... Такое оправдание ей дает религия». «Бога Достоевский понимает в философском смысле, как «высший синтез», синтез всего мира, всей жизни»... В этой-то подстановке на место старого бога отвлеченного философского понятия автор и усматривает связь философской концепции Достоевского со всей буржуазно-религиозной философией XIX века. На смену старой, отжившей религии европейская буржуазия создала в XIX веке, на пороге XX-го, новую, более тонкую, философски обоснованную. Раскольников, Карамазов и Кириллов, это — все та же мелкобуржуазная личность, терпящая поражение в своем индивидуальном бунте против непонятных ей общественных сил, оставшихся непонятными и для самого Достоевского. Отсюда его отношение к социализму, к официальной религии — католицизму, православию, отсюда его учение о самосовершенствовании. Автор приходит к заключению, что «религиозная проповедь Достоевского вошла важным вкладом в религиозно-обновленческую, идеалистическую и мистическую реакцию, которую развила буржуазия против воинствующего материализма, чем объясняется растущее даже и в наше время влияние Достоевского за границей (Андрэ Жид, Жорж Дюваль)». И, тем не менее, для Г. А. Покровского «Достоевский-бунтовщик, потрясающий устои мира, расшатывающий небесный свод — престол бога», художественно доминирует. «В конце концов «Дневник писателя» забыт и представляет интерес только для любителя, а художественные произведения живут, они полны еще и для нашего времени животрепещущими вопросами, которые теперь мы разрешаем, правда, по-другому, но над которыми все-таки поразмыслить не мешает... В этих художественных произведениях проповеднические нотки тонут в массе жизненного, критического материала, глохнут перед страстными и гневными протестами Раскольникова, Карамазова, Кириллова». Однако это утверждение Г. А. Покровским не достаточно обосновано. Достоевский взят преимущественно в философско-литературном разрезе, и автор, ограничившись указанием среды, взрастившей Достоевского, мало занялся вопросом социального звучания его произведений в различных слоях русского общества и особенно в среде радикальной интеллигенции, по адресу коей и направлены филиппики Достоевского-публициста. Было бы существенно важно установить, почему к 90-м годам интерес к Достоевскому пал среди активных слоев радикальной интеллигенции и возрос интерес к Льву Толстому среди сторонников малых дел, почему в то же время Достоевский, наравне с Надсоном, питал преимущественно пассивных нытиков. Ответа на эти вопросы у Г. А. Покровского мы не найдем. Мы не имеем даже беглого просмотра критических статей и отзывов современников, а между тем именно историческое освещение среды, на которую влиял Достоевский, является решающим моментом в определении социальной значимости писателя.

Поскольку Г. А. Покровский не ставил себе этой задачи и не занимался ее разрешением, он не мог дать четкого, ясного ответа на вопрос, что же перевешивало — бунт или упадочничество и мракобесие, что вошло актуально в жизнь и что осталось литературным памятником.

И. Вороницын. А. И. Герцен и религия. Изд. «Атеист», стр. 39.

Воззрения Герцена на религию формировались в течение довольно долгого времени. Их путь развития был извилист и противоречив. Не подвергаясь религиозному влиянию в домашней среде, Герцен с ранних лет ознакомился с французскими писателями XVIII века, и эти два обстоятельства в значительной мере обусловили его воззрения на религию. В университетский период своей жизни Герцен примыкает к сен-симонистской религии, к «новому христианству». Этот факт имеет двусторонний, противоречивый характер: он выражает недовольство Герцена положительной, традиционной религией и подготовляет в то же время тот сравнительно недолгий период мистики и религиозности, который прошел Герцен под влиянием Н. Захарьиной. Но

уже вскоре Герцен освобождается от мистико-религиозных сетей и под влиянием философии Гегеля становится на иной путь. К этому времени относится замечательное письмо Герцена к Огареву, в котором бичуется христианско-непротивленческое отношение к действительности. Герцен все дальше и дальше отходит от христианства, в области философской оставаясь все же на точке зрения абсолютного идеализма Гегеля. Он возражает против материализма и «лукрециевой тенденции» считать природу богом. Лишь после ознакомления с «Сущностью христианства» Л. Фейербаха Герцен пошел по антирелигиозному пути. В эмигрантский период своей жизни он глубже знакомится с философией и становится на точку зрения естественно-научного материализма. К этому периоду относятся противохристианские и атеистические выступления Герцена. Корень религии он видит в дуализме, называя последний христианством, освобожденным от преданий и возведенным в логику. Он считает нелепостью идею существования души без тела. Свою борьбу против религии Герцен связывает с политической борьбой против монархизма и ставит в один ряд с устрашающим богом сажающего в тюрьму полицейского.

От религии сен-симонизма до открытого атеизма — таков путь развития воззрений Герцена на религию, обрисованный в рецензируемой брошюре И. Вороницына. Соглашаясь с автором брошюры в оценке А. Герцена как воинствующего атеиста, мы считаем все же необходимым отметить, что материализм Герцена таит в себе известную долю нерешительности, чтобы не сказать эклектизма.

Тема, затронутая автором, и разработка им этой темы бесспорно заслуживают серьезного внимания.

Проф. С. Г. Лозинский. Папа римский в роли спекулянта. Изд. «Атеист», стр. 31.

В рецензируемой брошюре сжато излагается та цепь событий истории XIII—XVI веков, которая раскрывает роль римского папы и высшего католического духовенства того времени в спекулятивных делах развивающегося торгового капитализма. В центре внимания автора стоит «Алюминиевое общество» — крупная торговая монополия, основанная папой Пием II и сосредоточившая в своих руках всю торговлю квасцами, — одним из наиболее необходимых продуктов той эпохи. Деятельность этого папского «Общества» образует сложную сеть, сплетенную из интриг, лицемерия, подкупов и крупной спекуляции. Торговые и денежные операции, производимые римскими папами, служили одной из двигательных пружин в политических делах Европы времен Возрождения, определяя дружеские или враждебные отношения римского папы, а следовательно и большой части влиятельной католической церкви, к отдельным странам, княжествам, королям, курфюрстам и пр. Брошюра С. Лозинского дает не один интересный пример того, как религиозные догматы и споры, папские буллы и проклятия являлись не более, как идеологическим отражением экономических отношений между отдельными государствами, городами и крупными торговыми компаниями. С этой стороны брошюра является интересной и полезной для антирелигиозника.

Ал. Клибанов. Классовое лицо современного сектантства. Изд. «Прибой», Л. 1928, стр. 103.

Автор начинает свою книгу с удачного краткого очерка, в котором он дает историко-материалистическое объяснение возникновения русского сектантства. В дальнейшем автор останавливается на учениях отдельных крупных сект. Изложение этих учений слишком сжато; оно не может поэтому дать читателю хоть сколько-нибудь отчетливого представления о различии и сходстве тех или иных сектантских учений и нуждается в более полной разработке. Переходя непосредственно к теме своей книги, А. Клибанов характеризует сектантство как мелкобуржуазное движение, руководящей верхушкой которого в России является кулачество. Эта классовая суть сектантства обусловливает эволюцию его взглядов, его политической линии, тактики и т. д. Революция 1905 г. явилась переломным пунктом политической линии сектантства:

из оппозиции к царизму оно превратилось в одну из его опор и, не стесняясь в выражении верноподданнических чувств, выступает как контр-революционная сила. Но особенно ярко контр-революционная деятельность сектантства проявилась в послеоктябрьскую эпоху. Восстания против советской власти, руководимые сектантами, шпионаж, антисоветская пропаганда, связь с иностранными «братцами во Христе», срыв различных кампаний — посевной, хлебозаготовительной и т. д. — все это достаточно ясно обрисовывает «классовое лицо современного сектантства». Недостатком в обрисовке контр-революционной деятельности сектантства А. Клибановым является лишь то, что он проводит не достаточно ясное и точное различие как между сектантством и основной массой сектантов, так и между руководителями сектантства и рядовыми членами сект.

Автор не обратил достаточно внимания на дифференциацию в среде самих сектантов и не подчеркнул различия между кулацко-буржуазной верхушкой сектантства и его бедняцко-середняцкой массой, идущей в силу объективных условий по пути с советской властью.

Кроме этого недостатка нужно отметить также не совсем удавшуюся автору главу о «Росте сектантства и его причинах». Указав на «экономическую и политическую обстановку» как основную причину роста сектантства, автор в своем конкретном анализе причин забывает об этом своем указании и не остается на почве материалистического объяснения. К тому же в число причин роста сектантства автор включает также следующее: «Другая причина лежит в умении сектантов правильно учитывать стремления и интересы трудящихся» (стр. 45). Хотя своей крайне неудачной фразой А. Клибанов хочет сказать, что сектанты подкрашиваются под революционный цвет, тем не менее остается непонятным, с каких это пор контр-революционное движение научилось «правильно учитывать стремления и интересы трудящихся».

Ф. Путинцев. Политическая роль сектантства. Изд. «Безбожник», М. 1928, стр. 124.

В книге Ф. Путинцева изложен большой фактический материал, на основании которого автор обрисовывает политическое лицо сектантства. Ни в одном из своих утверждений автор не остается голословным, всегда опираясь на факты и подтверждающие их документы. Он дает картину предательской роли сектантства в революции 1905 г. и в годы послереволюционной реакции, когда проповедь непротивленчества и «мирного движения» служила закреплению монархии. Некоторые же сектантские вожди помогали царскому правительству не только словом, но и делом, состоя на службе в царской охранке. В годы империалистической войны многие из сектантских вождей, забыв свой «пацифизм», всячески высказывали свою готовность защищать «отечество», раболепно выпрашивая офицерские чины для своих сыновей. При керенщине они призывали сектантов воевать до победного конца. В гражданскую войну сектанты поддерживали белых генералов, организуя сектантские полки, пропагандируя борьбу с большевиками и т. д. Эти факты особенно ярко вскрывают все лицемерие непротивленческого пацифизма вообще и по отношению к службе в Красной армии в частности.

Не мало также приведено фактов, разоблачающих и «революционность» сектантских вождей и «революционные заслуги» сектантства. Достаточно указать на то, что некоторые сектанты-миллионеры, состоя членами «союза русского народа», организовывали расстрелы бастующих рабочих.

Ф. Путинцев. Сектантство и антирелигиозная пропаганда. Методическое пособие. Издание 2-е, «Безбожник», М. 1928, стр. 52.

Брошюра Ф. Путинцева дает основную установку противосектантской пропаганды и предостерегает пропагандистов «от наиболее грубых ошибок и уклонов». В тезисах, принятых партийным совещанием по антирелигиозной пропаганде при ЦК ВКП (б),— изложению которых посвящена I глава брошюры, — сектантство определяется как мелкобуржуазное, преимущественно крестьянское движение. Отсюда основная задача

пропагандиста — борьба за сектанта-бедняка и середняка, борьба против сектантства, а не против основной массы сектантов, разоблачение буржуазно-реакционной верхушки, руководящей сектантством, и т. д. Автор подчеркивает специфичность противосектантской пропаганды и дает хорошо разработанную методику проведения ее. Разоблачение социально-классовой сущности и лжереволюционности сектантства, индивидуальный подход к различным сектам, борьба за сектантскую молодежь, вовлечение ее в новый быт, разоблачение лицемерия и лживости агитации сектантов против службы в Красной армии, антирелигиозная пропаганда среди православного населения как профилактическая мера против количественного роста сект и борьба с непротивленчеством — вот основные русла, по которым должна итти антирелигиозная пропаганда в сектантских районах. Вместе с этим автор делает ряд указаний в отношении того, какой не должна быть противосектантская пропаганда.

В V главе своей брошюры Ф. Путинцев дает методическую разработку для антирелигиозных кружков. Кроме плана занятий, автор делает также и методические указания проведения этих занятий и список литературы для руководителей и слушателей. В конце брошюры приведен вопросник для систематического собирания сведений о сектах и изучения их.

Брошюра Ф. Путинцева является необходимым пособием для антирелигиозника, ведущего пропаганду в сектантских районах.

Ф. Путинцев. Духоборье. (Очерк из современной жизни сектантов-духоборов.) С предисловием П. А. Красикова. Издание 2-е, «Безбожник», стр. 48.

Сектантские проповедники, расхваливая «добродетели» сектантской жизни, часто ссылаются на жизнь духоборов, которые, по мнению одного из «левых» вождей сектантства, являются «лучшей частью русского народа». Очерк Ф. Путинцева, на основании многих фактов и цифр, показывает, насколько не соответствуют действительности хвалебные гимны духоборам со стороны сектантских проповедников. Факты, которые всегда были сильнее мнений, дают печальную картину жизни духоборов. Прежде всего поражает и ужасает грандиозное распространение сифилиса среди духоборов. И это тем более ужасно, что сифилис распространяется благодаря религиозному обряду (целование) и поддерживается благодаря исключительной некультурности, покоящейся на религиозной косности. Подавляющее число духоборов неграмотны, школ до крайности мало, учительский персонал, благодаря враждебному отношению к нему со стороны духоборов, бежит из духоборья. Пьянство, тупость, отсутствие культурных развлечений, полная политическая безграмотность и поражающая узость и мизерность интересов. Посеянное еще царизмом националистически-враждебное отношение к армянам, притеснение кулаками бедняков, эксплоатация батраков и особенно враждебное отношение к комсомольцам, которые находятся на нелегальном положении и работают в «подполье», — вот наиболее характерные факты из жизни этих «лучших среди равных».

А. Ярцев. Секта евангельских христиан. Изд. «Безбожник», М. 1928, стр. 55.

Стремление к обособленности и замкнутости, к противопоставлению своих организаций организациям советским является характерной чертой всех религиозных сект в СССР. Секта евангельских христиан является одной из наиболее крупных религиозных сект, с разветвленным аппаратом, противопоставляющим свою деятельность общесоветской работе. Книга А. Ярцева дает описание аппарата секты евангелистов с организационной, хозяйственной и агитационно-пропагандистской стороны и обрисовывает общую картину жизни и деятельности евангелистов со стороны обрядово-религиозной и культурно-бытовой. Автор вскрывает мнимую демократичность организационного построения секты и показывает действительное классовое лицо сектантских руководителей. Централизм сектантской организации оказывается менее всего демократическим, и над основной массой сектантов возвышается оторванная от нее сложная иерархия руководителей секты. Институт пресвитеров начинает играть все большую

и бо́льшую роль в жизни секты, и вместе с ним обряды и узкосектантские предрассудки внедряются сверху в быт сектантов.

Хозяйственные организации секты (кооперация, артели, колхозы и т. п.) строго противопоставляют себя несектантским хозяйственным организациям и выступают как «государства в государстве». Сектантские кооперативы и колхозы не оказывают никакой помощи несектантскому бедняцкому населению, и руководители секты сугубо подчеркивают деление на сектантов и несектантов в целях затушевывания классового расслоения внутри самой секты. Бытовой жизни сектантов, столь воспеваемой сектантскими главарями, свойственны те же недостатки и социальные пороки, которые присущи определенным прослойкам и несектантского населения. Весьма характерно отношение секты к службе в Красной армии: только с окончанием гражданской войны, т. е. тогда, когда миновали опасности военной службы, евангелисты признали ее возможной для себя.

Борис Кандидов. Монастыри-музеи и антирелигиозная пропаганда. Союз безбожников СССР и Главполитпросвет. Изд. «Безбожник», М. 1929, стр. 227.

Книга посвящена вопросу об использовании накопившегося в монастырях-музеях огромного материала в целях антирелигиозной пропаганды. Исторический экскурс показывает эксплоататорскую роль монастырей - рабовладельцев, роль монастырей в качестве тюрем для неугодных самодержавной власти лиц; затем рассказывается о контр-революционной деятельности монастырей, их активной роли застрельщиков угнетения национальных меньшинств и погромной антиеврейской агитации. Все это рассказано на основании фактического материала и показывает, таким образом, как следует поставить музейную работу, чтобы сделать ее общественнополезной. Специальная глава посвящена вопросу об антирелигиозной работе в церквах-музеях. Приложены: 1) указатель литературы по истории монастырей и православной церкви и 2) сводка вскрытий «мощей» в СССР в период после Октябрьской революции.

Е. Ф. Грекулов. Из истории святой инквизиции в России. Изд. «Атеист», М. 1929, стр. 92.

Работа посвящена мало изученному вопросу. Само существование инквизиции в России отрицалось иными знатоками русской истории. О ней известно было русскому читателю лишь из трудов Колчина, Пругавина и случайных заметок в журналах. Исторические изыскания автора дают право утверждать, что инквизиция, в виде борьбы церковной власти с противниками господствующей церкви (вплоть до физического уничтожения своих врагов), существовала в России уже с XII века. Об этом свидетельствует грамота смоленского князя Ростислава Мстиславовича (около 1150 г.). Права церкви продолжали расширяться, так что в XVIII веке церковь уже могла вести борьбу с еретиками без всяких послаблений, как с врагами государства. Средствами служили подземные тюрьмы, каменные тюрьмы при монастырях, где религиозные преступники содержались в самых страшных условиях и подвергались изощренным пыткам и наказаниям. В XIX веке режим в монастырских тюрьмах мало изменился к лучшему. Преследовались и подвергались истязаниям неугодные церкви и полицейскому государству сектанты. Вплоть до 1905 г. находились в заключении в разных монастырях люди за «симпатию к штунде» (священник), за распространение ереси енохонцев (четверо крестьян).

Книга дает богатый фактический материал.

Проф. С. Н. Чеботарев. Закат религии. Наука, философия и религия. Л. 1928, стр. 80.

Автор ставит себе задачу «изложить борьбу, которая происходила между научной и религиозной мыслью». Книга состоит из трех частей. Первая составляет как бы обвинительный акт против христианства. Во второй части, озаглавленной «Философия, наука и религия», автор пытается дать нечто вроде истории атеизма. Третьей, заключи-

тельной, главе надлежит, по мысли автора, показать торжество научной мысли. Абстрактная установка автора на «атеизм вообще» повинна в том упрощенстве толкования фактов идеологического и общеисторического характера, которым изобилует его книга. Так, об отцах христианской церкви он говорит: «Эти «умные» единотройцисты как-то ухитрились при помощи каких-то магических и волшебных манипуляций делать из простой единицы три, а из трех снова получать единицу». Это очень сильно сказано, но совсем ничего не поясняет. Дальше: «Сколько несчастных сектантов и еретиков погубила эта позаимствованная от язычников христианская троица». Игнорировать историческую обусловленность религиозных преследований значит давать вульгарное толкование событий. В философской части автор ведет «материалистическую философию» от греческих гилозоистов через Демокрита, Сократа, Джиордано Бруно, Кампанеллу к французскому материализму. Эта неразборчивость тоже, конечно, вызвана установкой на «атеизм вообще». О Сократе автор говорит: «Он поступил нечестно по отношению к софистам и совершил, таким образом, преступление перед истинной наукой, но он сам поплатился за это и сделался жертвой нечестного метода борьбы» (стр. 27). Как это просто!

Б. Завадовский. Существует ли душа? Изд. 3-е, исправленное и значительно дополненное. Главполитпросвет, Союз безбожников СССР и Биологический музей им. Тимирязева. Изд. «Безбожник», М. 1929, стр. 39.

Основная задача брошюры заключается в том, чтобы показать, что жизнью живого существа управляет не нечто бесплотное, что центр деятельности живого существа находится в мозгу — столь же материальном теле. Выполнение этой задачи автор ведет через ознакомление читателя с оживлением отдельных органов тела животного и человека. Последовательный вывод таков: смерть человека или животного не есть еще смерть отдельных частей нашего тела, но заключается в нарушении связи между отдельными частями тела. Брошюра может быть полезна для политпросветработников в их антирелигиозной пропаганде. К книге приложены указания литературы и приведены возражения и вопросы, которые были заданы крестьянами в Центральном доме крестьянина в Москве, где она зачитывалась.

Учебник для рабочих антирелигиозных кружков. Под редакцией А. Луначарского. С предисловием Ем. Ярославского. Учебник допущен ГУС'ом. 3-е, иллюстрированное, дополненное и исправленное издание. Союз безбожников СССР и Главполитпросвет. «Безбожник», М. 1928, стр. 336.

При нашей крайней бедности по части антирелигиозной литературы особенно остро чувствовался недостаток в систематическом учебнике для антирелигиозных кружков.

Настоящий учебник, за короткое время выдержавший три издания, составлен очень удачно. В нем сделана попытка рассмотреть с единой марксистской точки зрения ряд естественно-научных, социологических и политических вопросов, связанных с антирелигиозной пропагандой. В группе естественно-научных вопросов рассматривается «Происхождение мира и земли, «Происхождение животных, растений и человека», «Происхождение жизни на земле». «Тело и душевная деятельность человека», «Чудеса и законы природы», и пр. В группе общественных вопросов особенно подробно выясняется происхождение религии, роль ее на службе эксплоататорских классов и ее отношение к социалистическому строительству.

Написан учебник хорошим, популярным языком. Несомненным достоинством является конкретность изложения и большое количество примеров. Значительную пользу в этом отношений принесут иллюстрации, введенные впервые в настоящем издании. Основательной переделке подверглись естественно-научные главы; особенно следует отметить устранение некоторых положений, которые могли быть истолкованы механистически.

Из отдельных недостатков, сохранившихся все же в настоящем издании и требующих исправления, укажем на неправильное определение обратного действия надстроек:

«если продолжить архитектурное сравнение Маркса, надстройки всей тяжестью своею давят на основание и делают его устойчивее и крепче. В этом состоит их активная роль»... (стр. 102). Эта же точка зрения в иной формулировке повторяется на стр. 105.

IV. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

С. Губерман. К теории капиталистического рынка и кризиса. Издательство Коммунистической академии, М. 1929, стр. 231.

Рецензируемая книга составлена из статей, публиковавшихся автором в «Социалистическом хозяйстве» и в «Вестнике Коммунистической академии» на протяжении 1925—1928 гг. Книга состоит из семи глав и охватывает следующие проблемы: 1) методологию проблемы рынка и кризиса, 2) малые и большие циклы конъюнктуры, 3) причины кризисов, 4) кредитно-денежные вопросы конъюнктуры, 5) характеристику современной структуры капитализма, 6) особенности конъюнктуры при монополистическом капитализме.

Как видно из перечня проблем, освещаемых в книге, автор сделал попытку, наряду с абстрактным рассмотрением проблемы рынка и кризиса, дать также и конкретный анализ капиталистической конъюнктуры. Автор верно отмечает, что «правильное изучение капиталистической конъюнктуры заключается в том, чтобы через поверхностные колебания проникнуть к основным закономерностям, а это сводится к изучению цикличности капиталистического хозяйства, что в основном то же самое — к изучению капиталистического рынка и кризиса» (стр. 5). В общем автор удачно справился с поставленной себе задачей и дал хорошее введение в теорию рынка и кризиса. Если исключить книгу Герценштейна «Теория капиталистического рынка» и статью Б. Лившица в составленной им хрестоматии под названием «Проблема рынка и кризисов», то необходимо признать, что из книг, вышедших на русском языке и посвященных этим же вопросам, нет ни одной, в которой содержался бы систематический разбор основных методологических проблем, связанных с теорией рынка и кризисов, и был бы проложен исчерпывающий водораздел между марксистским подходом к этой теории и подходом современной буржуазной политической экономии.

Книга С. Губермана восполняет этот пробел. В первых двух главах автор разбирает методологию проблемы рынка и кризисов. Несмотря на удачную в общем критику ряда интерпретаторов и критиков Маркса — Розы Люксембург (и ее полных или частичных сторонников — Бессонова, Мотылева), Финн-Енотаевского, Каутского, Туган-Барановского и др., — выводы, к которым приходит Губерман, в большинстве случаев не представляют чего-либо нового. Они сводятся к следующему. Правильный анализ проблемы рынка должен исходить прежде всего из разграничения абстрактного и конкретного рынка. Включение в анализ проблемы рынка определений, конкретизирующих чистый капитализм, не изменяет решения проблемы реализации, данного Марксом во II томе «Капитала». К таким конкретным моментам относятся, напр., изменения в производительности труда, изменения в норме эксплоатации, внешняя торговля, до-капиталистическая среда и т. д. Привнесение этих моментов, не давая ничего нового для решения проблемы реализации, приводит к возникновению ряда новых проблем, связанных с условиями реального капиталистического накопления. Непонимание соотношения между абстрактным и конкретным анализом проблемы рынка у Розы Люксембург и ряда других экономистов тесно связано с их неправильным представлением о сущности противоречия между производством и потреблением, что приводит к неправильной теории кризисов, а именно к представлению о неизбежности постоянного кризиса в капиталистическом хозяйстве. В обратную крайность впадают Туган-Барановский и Бернштейн, у которых противоречие между производством и потреблением совершенно исчезает, поскольку эти авторы отрицают необходимую связь между производством и потреблением, присущую капитализму, как и всякому общественному хозяйству. Наконец, особняком стоят теоретики (Кассель, Поль), которые противоречие между производством и потреблением рассматривают

как противоречие между масштабом производства и ростом населения. Автор правильно вскрывает ошибку Касселя и др., состоящую в том, что эти экономисты не понимают особенного закона населения, присущего капитализму: не рост населения предопределяет масштаб производства, а, наоборот, темп накопления капитала обусловливает и соответствующий рост населения.

Чрезвычайно удачна, по нашему мнению, критика автором истолкования теории кризисов Маркса, данного Осинским. Надо сказать, что т. Осинский своим утверждением, что Маркс никогда не говорил о «причинах» кризисов, а лишь об «условиях» или «определяющих обстоятельствах», в достаточной степени запутал теорию кризисов Маркса. Не останавливаясь на удачных аргументах автора против концепции Осинского, мы считаем совершенно правильными следующие общие выводы, к которым приходит С. Губерман: 1) «Анализ проблемы кризисов должен исходить из правильно построенной теории нормального рынка; следовательно, анализ условий равновесия капиталистической системы представляет собою составную часть общего анализа проблемы кризисов. 2) Правильная постановка проблемы кризисов должна исходить из разграничения общих условий кризисов и непосредственной причины кризисов; общие условия характеризуют собою постоянные противоречия системы, на основе которых периодически воспроизводится непосредственная причина кризисов; противопоставление противоречий причине неправильно: сама причина кризисов представляет собою синтез всех противоречий капиталистической системы и, следовательно, возникает только в силу этих противоречий» (стр. 76—77). На непонимании этих исходных методологических моментов проблемы кризисов основаны ошибки Туган-Барановского, Каутского и Касселя.

Гораздо более спорна глава IV, где автор от общих методологических рассуждений переходит к попытке самостоятельного разрешения проблемы кризиса. Конечный вывод автора по вопросу о причинах кризисов, не будучи оригинальным (см. напр., статью Erich'a Preiser'a, «Das Wesen der Marxschen Krisentheorie» — «Wirtschaft und Gesellschaft», Festschrift für F. Oppenheimer, в которой упор делается также на тенденцию нормы прибыли к понижению как на действительную причину периодического кризиса), в то же время не отличается и убедительностью. Автор утверждает, что «причина кризиса заложена, во-первых, в исторических условиях развития капитализма и, во-вторых, развивается и осуществляется, как действительная причина, только в связи с развитием самого подъема: она заключается в законе тенденции нормы прибыли к понижению, существующем постоянно в условиях капитализма именно как тенденция, но превращающемся в действительный закон падения нормы прибыли только во время подъема и в связи с ним благодаря всеобщему расхождению цен на элементы постоянного капитала и производимые в обрабатывающей промышленности (главным образом производящей средства потребления) товары» (стр. 150—151). Основной недостаток теории автора заключается в том, что она, с одной стороны, недостаточно обоснована, с другой стороны, — игнорирует ряд прямых указаний Маркса на причины кризисов. Автор должен был бы, по крайней мере, попытаться объяснить, как следует понимать, напр., следующие слова Маркса: «Последней причиной всех действительных кризисов остается все же бедность и ограниченность потребления масс по сравнению с тенденцией капиталистического производства развивать производительные силы с такой интенсивностью, как будто их границей является лишь абсолютная потребительная способность общества» («Капитал», т. III, ч. 1, стр. 18, Госиздат, 1928). Речь идет здесь о «последней причине», следовательно о внутренней причине кризисов, имманентной капиталистическому хозяйству. Между тем, автор склонен отделаться от подобного рода прямых заявлений Маркса формальными соображениями (см. стр. 127—128). Автор также неправ, когда он оспаривает связь между периодичностью кризисов и характером возмещения основного капитала (стр. 131). На эту связь указывают не только «многие марксисты», как это думает автор, но и сам Маркс во II и III томах «Капитала». Однако попытка автора увязать причину периодичности кризисов с тенденцией нормы прибыли к понижению не лишена интереса.

Весьма содержательны в книге главы III и V, где автор обстоятельно разбирает проблему «больших» и «малых» циклов, удачно критикуя концепцию проф. Кондратьева, и останавливается на теориях буржуазных экономистов—Касселя, Шпитгофа, Туган-Барановского (объясняющих периодичность кризисов недостатком капитала), Фостера, Катчинга, Мартина и др. (объясняющих кризисы из условий кредита), Штукена и Гаслинга (объясняющих кризисы расхождением между покупательной силой и производством) и ряда других авторов.

Глава VI, где освещается вопрос о структуре монополистического капитализма, не внося ничего существенно нового по сравнению с анализом Гильфердинга, интересна некоторыми своими частностями, основанными на изучении новейших исследований по этому вопросу.

Заключительная глава книги, посвященная анализу особенностей конъюнктуры при монополистическом капитализме, представляет собою попытку освещения ряда важных проблем на основе фактического материала. Сюда относятся: 1) влияние монополий на общий уровень цен, 2) влияние монополий на характер и продолжительность кризисов, 3) влияние монополий на распределение дохода между трудом и капиталом.

В заключение мы хотели бы указать на ряд неточных или спорных формулировок, встречающихся в книге. Хотя сами по себе они не затрагивают общей концепции автора, тем не менее, по нашему мнению, нуждаются в исправлении. Так, напр., автор на протяжении всей книги подчеркивает, что «объектом исследования политической экономии является чистый капитализм». По нашему мнению, политическая экономия своим объектом имеет конкретный, а не абстрактный, или чистый капитализм. Разумеется, этот объект познается политической экономией не непосредственно, а лишь через посредство целого ряда упрощающих условий и допущений. Так же неудачно заявление автора: «В известном смысле можно сказать, что рынок так же безграничен, как и производство» (стр. 18). Мы полагаем, что из теории рынка Маркса, несмотря на ее полную противоположность теории Сисмонди-Родбертуса, отнюдь нельзя сделать заключения подобно вышеприведенному.

Необходимо отметить крайне неряшливое издание книги. Она кишит опечатками и искажениями, затрудняющими иногда понимание смысла слов. Так, напр., в начале стр. 63 вместо «Маркса» напечатано «Москва», что делает, конечно, всю фразу бессмысленной.

Bassia Strassburg. Untersuchungen über das Wesen und die Natur der Differential- und Monopolrente (An Hand der Theorien von Karl Diehl und Franz Oppenheimer). Dissertation. Giessen 1927, S. 59.

Б. Штрассбург. Исследование о сущности и природе дифференциальной и монопольной ренты (в связи с теориями Карла Диля и Франца Оппенгеймера). Диссертация. Гиссен 1927, стр. 59.

Как видно из заглавия диссертации, автор поставил себе целью дать критический разбор теоретического спора между Оппенгеймером и Дилем по вопросу о сущности теории ренты Рикардо.

Интерес рецензируемой диссертации лежит, однако, не в самостоятельных взглядах автора, как это мы увидим из дальнейшего изложения, а в добросовестном изложении сущности теоретического спора между Оппенгеймером и Дилем.

По мнению Оппенгеймера, Рикардо своей теорией ренты преследовал цель дать этой проблеме натуралистическое, естественно-хозяйственное объяснение и тем самым опровергнуть нападки социалистов против буржуазного строя. Социалисты, рассматривая ренту как нетрудовой доход, — в чем они не расходились с классиками, — однако, объясняли ренту не как явление, лежащее в природе хозяйства, а как результат частной собственности на землю. Социалисты, следовательно, по мнению Оппенгеймера, рассматривали ренту только как абсолютную или монопольную ренту. Наоборот, Рикардо, желая обосновать ренту как явление не зависимое от частной собственности на землю, пришел к выводу, что существует только дифференциальная рента,

По мнению Оппенгеймера, теория ренты Рикардо в корне ложна. Единственной правильной теорией ренты Оппенгеймер считает теорию монопольной ренты. В развитии и обосновании этой теории Оппенгеймер видит свою заслугу. Сущность теории Оппенгеймера сводится к тому, что явление ренты, как и явление прибыли, заработной платы и т. п. доходов, нельзя понять из одних лишь чисто экономических отношений, которые складываются естественным путем и носят закономерный характер. На самом деле все эти категории могут быть правильно объяснены лишь путем привлечения социально-политических моментов. Основным здесь является захват методами политического насилия земли и средств производства, вследствие чего возникает классовая монополия для землевладельцев и капиталистов. С другой стороны, обездоленные крестьяне, превратившиеся в рабочих, по необходимости вынуждены работать на условиях, диктуемых классом-монополистом. Класс-монополист покупает труд рабочих ниже его стоимости и присваивает себе разницу в виде монопольной прибыли. Основой ренты, которая существует только в форме монопольной ренты, по Оппенгеймеру, является захват земли в частную собственность и образование крупного землевладения. Рента есть не что иное, по Оппенгеймеру, как вычет из стоимости труда рабочего. С этой точки зрения нет никакой разницы между феодальной рентой и современной капиталистической рентой. Основой ее и в первом, и во втором случае является крупное землевладение и лишенные средств производства непосредственные производители. Уничтожение земельной ренты возможно было бы лишь в том случае, если бы земля была объявлена свободною для всех желающих ее обрабатывать, т. е. если бы рабочие могли свой труд затрачивать на себя, а не на монополистов, собственников средств производства.

Диль в корне не согласен как с интерпретацией Оппенгеймером теории ренты Рикардо, так и с теорией монопольной ренты Оппенгеймера. Диль убедительно доказывает, что Оппенгеймер, с одной стороны, просто не понял исходных предпосылок теории Рикардо. С другой стороны, Оппенгеймер не понял особенностей капиталистической ренты по сравнению с феодальной рентой. Он не понял, что в то время как феодальная рента имела своим источником просто присвоение продукта крепостных крестьян, в современном хозяйстве требуется объяснить, каким образом цена сельскохозяйственных продуктов способна оплатить и долю землевладельца, при сохранении обычной прибыли капиталиста и заработной платы рабочего.

После интересного изложения спора между Оппенгеймером и Дилем Штрассбург переходит к изложению своей собственной точки зрения. По мнению автора, ни Диль ни Оппенгеймер не сумели опровергнуть друг друга. Теория дифференциальной ренты не исключает монопольной ренты, точно так же как и абсолютная рента не исключает дифференциальной. Оба эти вида ренты покоятся на совершенно различных основаниях. Заслугой Диля и Оппенгеймера является то, что в своем споре они чрезвычайно выпукло обосновали теорию дифференциальной и абсолютной ренты. Экономическая теория, которая хочет охватить все явления ренты, должна обязательно дать объяснение не только дифференциальной ренты, но и абсолютной. По мнению автора, теория дифференциальной ренты Рикардо правильна как чисто экономическая теория. Недостаток ее заключается в том, что она недостаточна для объяснения абсолютной ренты. Абсолютная рента может быть объяснена только внехозяйственными факторами. Она является чисто социальным феноменом, социальным бременем, которое возникает из хозяйственного неравенства классов. Если абсолютная рента является истиной не только для феодального хозяйства, но и для современного капиталистического, то дифференциальная рента сохранит свою силу не только для буржуазного хозяйства, но и для всякого хозяйства. Даже в случае, если земля будет социализирована, это не может отразиться на дифференциальной ренте. Здесь произойдет изменение только в характере присвоения ренты, но рента, как таковая, все же остается (см. стр. 58, 59).

В сущности, Штрассбург целиком принимает точку зрения Оппенгеймера, за исключением оценки дифференциальной ренты Рикардо. Методологические дефекты, свойственные теории Оппенгеймера, отразились и на взглядах нашего автора. Автор прав, когда он видит ограниченность теории Рикардо в том, что она неспособна объ-

яснить явление абсолютной ренты. Но он в корне неправ, когда отделяет пропастью дифференциальную ренту от абсолютной. По его мнению, дифференциальная рента объясняется экономическими законами, абсолютная рента — социальными, как будто бы экономические явления не являются в то же время и явлениями социальными, а социальные явления не складываются неизбежно на основе экономических отношений. Подобно Оппенгеймеру и его первоисточнику — Дюрингу, Штрассбург разрывает экономическую и социальную стороны хозяйства и из каждой из этих сторон выводит особый род ренты. Штрассбург не понимает, что основой капиталистического хозяйства в целом является частная собственность на орудия и средства производства и наличие свободной рабочей силы, что в этом смысле в основе всех экономических законов капитализма лежит «классовая монополия». Задача науки и заключается в том, чтобы объяснить, каким образом классовые производственные отношения капиталистического хозяйства проявляются на основе специфических законов, присущих товарному хозяйству. Заслуга Маркса и заключается в том, что он сумел объяснить явления дифференциальной и абсолютной ренты, не противопоставляя их друг другу, но и не отождествляя, на основе одних и тех же законов капитализма, на основе одних и тех же социальных отношений. Теория Маркса, очевидно, осталась книгой за семью печатями для Штрассбураг.

Автор вместе с Оппенгеймером допускает далее и ту ошибку, что смешивает воедино феодальную «ренту» с рентой капиталистической, не понимая, очевидно, что в основе этих обоих видов неоплаченного труда лежат в корне отличные производственные отношения.

Вследствие того же непонимания социально-обусловленного характера экономических категорий, Штрассбург делает тот нелепый вывод, что дифференциальная рента будет существовать и при социализме. Автор, очевидно, не уясняет себе, что понятие капиталистической ренты теснейшим образом связано с категориями стоимости и прибавочной стоимости, что вне этих категорий так же нельзя говорить о дифференциальной ренте, как нельзя говорить о капитале вне денег, заработной платы и т. д.

Для русского читателя, не знакомого с произведениями Оппенгеймера и Диля, книжка Штрассбург представляет интерес как хорошее изложение взглядов обоих этих авторов на природу ренты.

Oskar Engländer. Böhm-Bawerk und Marx. — «Archiv für Sozialwissenschaft u. Sozialpolitik», 1928, B. 60.

Оскар Энглендер. Бем-Баверк и Маркс.

Рецензируемая статья интересна для русского читателя главным образом как показатель той реакции против австрийской школы в политической экономии, которая так характерна для эволюции современной германской экономической мысли. Давно прошли те времена, когда, с выступлением на сцену Бем-Баверка, буржуазные экономисты тешили себя иллюзиями, что с экономической системой Маркса окончательно покончено вследствие будто бы обнаруженных в ней непримиримых противоречий. В настоящее время, когда с разных сторон идет теоретический поход на самые основы австрийской теории, когда один за другим выступают видные немецкие экономисты и безжалостно разоблачают «ненаучность» и «неправильность» то одной, то другой стороны учения австрийцев, нет ничего удивительного в том, что все чаще появляются в немецкой теоретической печати заявления о неправоте Бем-Баверка в его критике теории стоимости и прибавочной стоимости Маркса. Буржуазная политическая экономия ныне заново перестраивается для очередного «опровержения» Маркса. Для новой атаки доктрина австрийцев уже сплошь да рядом из орудия борьбы становится препятствием для этой борьбы.

Рецензируемая статья характерна именно как открытое выступление буржуазного экономиста с «защитой» Маркса против Бем-Баверка. Однако защиту Энглендером Маркса надо, конечно, понимать cum grano salis. В своей статье Энглендер довольно убедительно доказывает, что все попытки Бем-Баверка обосновать ряд непримиримых противоречий в экономической системе Маркса явно несостоятельны, осно-

ваны на искажении и непонимании как хода мыслей Маркса, так и примененного последним метода.

Но... оказывается, что это отнюдь не означает, что если не прав Бем-Баверк в своей критике Маркса, то прав Маркс. Послушаем конечный вывод Энглендера: «Такова марксова система, которая уязвима лишь в своих предпосылках, являющихся в существенном также и предпосылками системы Рикардо, но отнюдь не в своем логическом построении. Если даже отвергнуть предпосылки, лежащие в основе системы Маркса, то как логическое построение она остается безукоризненной».

Итак, недостаток Бем-Баверка состоит, по Энглендеру, в том, что последний обрушился на логику марксова учения. Попытку Бем-Баверка обнаружить логический разрыв марксовой системы Энглендер отвергает. По его мнению, надо сосредоточить критический огонь не по средним звеньям системы Маркса, но по ее исходным пунктам. Два таких несостоятельных исходных пункта обнаружил Энглендер у Маркса: 1) постоянное действие закона падающей производительности в отношении благ природы, данных в ограниченном количестве, и 2) распространение закона трудовой стоимости также и на человеческий труд.

Что касается первого момента, указываемого Энглендером, то он свидетельствует о недостаточном понимании Маркса самим «защитником» Маркса. Энглендер хочет доказать, что наличие дифференциальной ренты противоречит закону прибавочной стоимости Маркса, так как, по его мнению, в основе этой ренты лежит не «затраченный труд», а «труд сберегаемый». Однако Маркс исходит в своем обосновании как дифференциальной прибыли, так и диференциальной ренты из одного и того же закона стоимости, действующего во всех отраслях производства. Иначе говоря, стоимость сельскохозяйственных продуктов, по Марксу, как и стоимость индустриальных продуктов определяется общественно-необходимым трудом. Именно в силу того, что стоимость товаров определяется не индивидуальным трудом, а трудом общественно-необходимым, и возможно возникновение дифференциальной ренты, которая представляет собою не что иное, как часть прибавочной стоимости. На непонимании категории общественно-необходимого труда в экономической системе Маркса основана первая ошибка Энглендера. Что касается утверждения Энглендера, что теория дифференциальной ренты, или «ренты редкости», связана у Маркса, как и у Рикардо, с законом падающего плодородия, то оно свидетельствует отнюдь не о глубоком изучении автором экономического учения Маркса.

Второе возражение Энглендера направлено против применения закона стоимости Марксом к рабочей силе, которую, кстати сказать, автор, как и все вульгарные экономисты, смешивает с трудом. Энглендер пишет: «Что касается третьей предпосылки (т. е. действия закона стоимости и в отношении рабочей силы), то она вообще не имеет места, так как действительная основа закона трудовой стоимости, конкуренция, не может быть применена по отношению к самому человеческому труду. Конкуренция в состоянии объяснить лишь уравнение различных заработных плат, но она не в состоянии объяснить причин приспособления заработной платы к издержкам производства человеческого труда».

Как видит читатель, и это критическое упражнение Энглендера основано на целой цепи ошибок. Во-первых, автор совершенно не понял сущности закона стоимости Маркса. По Марксу, не конкуренция является основой закона стоимости, а закон стоимости является основой конкуренции. Во-вторых, непонятно, почему конкуренция не в состоянии регулировать цену рабочей силы применительно к ее стоимости, если рабочая сила продается как товар, что Энглендером и не отрицается. В-третьих, Маркс никогда не пытался обосновать стоимость рабочей силы, исходя из конкуренции. Причину приспособления заработной платы к «издержкам производства» рабочей силы он обосновал законом воспроизводства рабочей силы, т. е. в конечном счете законом стоимости. Короче говоря, критические возражения самого Энглендера еще слабее, чем известные аргументы Бем-Баверка.

Таким образом, интерес статьи Энглендера, в особенности после книги Гильфердинга «Бем-Баверк как критик Маркса», лежит не в развиваемых в ней собственных

взглядах автора. Значение статьи рецензируемого нами автора состоит в тех конечных выводах, к которым он приходит в результате объективного разбора всех аргументов Бем-Баверка, направленных против Маркса. Энглендер, будучи принципиальным сторонником теории австрийской школы и являясь одним из видных немецких экономистов, все же вынужден, хотя и с значительным запозданием, заявить в своей статье следующее: «Противоречия между I и III томами «Капитала», которые Бем-Баверк пытался обосновать, на самом деле не существует. Напротив того, выводы III тома относительно уравнения нормы прибыли и вытекающих отсюда модификаций закона трудовой стоимости образуют последовательный вывод из исследования I и II томов... Таким образом, несмотря на критику Бем-Баверка, логическая стройность марксовой системы остается незыблемой. Маркс является подлинным завершителем системы Рикардо, так как ему удалось посредством применения основной идеи их общей системы, принципа трудовой стоимости, к самому человеческому труду привести в соответствие с этой системой объяснение прибыли с капитала».

Так устами Энглендера буржуазная политическая экономия вынуждена признать, что атака Бем-Баверка, которая превозносилась в свое время как победоносное опровержение экономической системы Маркса, на самом деле завершилась не поражением Маркса, а поражением Бем-Баверка. Это поражение и констатирует статья Энглендера.

Hermann Lamberz. Carey und Dühring, Ein Vergleich ihrer nationalökonomischen Lehren. Inaugural-Dissertation. Dortmund 1926, S. 107.

Герман Ламберц. Кэри и Дюринг. Сравнение их экономического учения. Диссертация. Дортмунд 1926, стр. 107.

Рецензируемая диссертация Германа Ламберца ставит себе целью дать сравнительный разбор экономического учения Кэри и Дюринга. Автор пытается доказать неправильность общераспространенного мнения, что в области экономической теории Дюринг целиком примыкает к Кэри. Путем тщательного и систематического разбора основ, метода и отдельных положений экономических систем Кэри и Дюринга автор доказывает, что в целом ряде существеннейших положений экономической теории Дюринг не только отклоняется от Кэри, но приходит в столкновение с ним. Основное отличие учения Дюринга от учения Кэри состоит, по мнению Ламберца, в том, что в то время как Кэри рассматривал экономические законы с натуралистической, чисто хозяйственной точки врения, Дюринг включил в них социальный момент. Если для Кэри социальные явления ничем не связаны с чисто хозяйственными явлениями и их влияние на экономику рассматривается им как нечто случайное, нарушающее нормальное проявление естественных экономических законов, то Дюринг, напротив, усматривает в политическом насилии одних социальных групп над другими основу хозяйственной жизни. Отсюда Ламберц делает вывод, что если в теории стоимости и вообще явлений производства Дюринг находится еще под большим влиянием Кэри, то в области распределения Дюринг вполне самостоятелен. Его теория распределения прямо противоположна теории Кэри. Для Кэри явления производства и распределения лежат в одной и той же плоскости и неразрывно связаны между собою, а именно они обусловлены естественными законами, складывающимися из отношения людей к внешней природе, между тем теория распределения Дюринга совершенно независима от «естественных законов производства»: она имеет исключительно социальное значение. Но, с другой стороны, распределение хозяйственных благ оказывает огромное влияние на род и масштаб производства, а тем самым социальный и политический момент пронизывает насквозь и чисто хозяйственные явления. Таким образом, в отличие от Кэри, Дюринг подходит к экономическим явлениям с двойным критерием: «теоретическим» и «политическим». Теоретический критерий состоит в рассмотрении экономических явлений как результата чисто хозяйственных условий. Поскольку Дюринг ограничивается лишь этой стороной дела, он целиком опирается на Кэри и развивает лишь мысли последнего. Но зато политический критерий, выработанный Дюрингом и давший ему возможность всякое экономическое явление понять и со стороны его

социального происхождения, кладет грань между обоими экономистами. Таковы конечные выводы, к которым приходит Ламберц в итоге своего критического рассмотрения экономического учения Кэри и Дюринга. Ламберц полагает, что Дюринг является самостоятельным и оригинальным мыслителем, несправедливо забытым историей. Восстановить истинное значение Дюринга как экономиста, — в этом наш автор видит задачу своей диссертации.

Мы должны отметить, что если автору удалось дать весьма ценный очерк экономических воззрений Кэри и Дюринга на основе изучения первоисточников, то критическая сторона книги и в особенности попытка оттенить заслуги Дюринга в истории экономической науки весьма слабы.

Сам автор, детально разбирая оттенки экономического учения Дюринга, невольно показал все слабые стороны этого учения. Так, напр., теория стоимости Дюринга проникнута самыми различными тенденциями, взаимно исключающими друг друга. По Дюрингу, стоимость хозяйственных благ определяется издержками производства, потребностью, полезностью и редкостью продуктов. Дюрингу не удалось показать взаимную связь между всеми этими факторами, определяющими, по его мнению, стоимость продуктов, а тем паче свести их к какому-нибудь единству. Социальная теория распределения Дюринга висит в воздухе, так как она не связана с хозяйственными явлениями. Дуализм, проникающий экономические воззрения Дюринга, — дуализм между явлениями производства, которые он толкует, вслед за Кэри, в натуралистическом смысле, и явлениями распределения, которые он объясняет вне зависимости от производства, исключительно социально-политическими причинами, — обесценивает отдельные верные и меткие замечания, встречающиеся в трудах Дюринга. Таким образом, диссертация Ламберца навряд ли способна укрепить веру в оригинальность экономических «открытий» Дюринга. Чем больше наш автор, идя вслед за Альбрехтом (см. его книгу «Eugen Dührings Wertlehre»), пытается показать самостоятельное значение экономических сочинений Дюринга, тем больше становится понятным приговор над Дюрингом, произнесенный в свое время Ф. Энгельсом.

Prof. Antonio Graziadei. Kapital und Kolonien. 1928. Berlin, R.-L. Prager, S. 98.

Проф. Антонио Грациадей. Капитал и колонии. 1928, Берлин, Р.-Л. Прагер, стр. 98.

Итальянский экономист, проф. Антонио Грациадеи, уже отчасти известен русской читающей публике по статье т. Рудаша «Грациадеи, политико-эконом и коммунист божьей милостью» («Под знаменем марксизма» № 12 за 1925 г. и №№ 1—2 за 1926 г.), посвященной оценке основных экономических взглядов Грациадеи, а также по рецензии на книгу последнего—«Die Werttheorie und das Problem des «konstanten» (technischen) Kapitals», помещенной в № 5 «Летописей марксизма». Авторы статьи и рецензии, посвященных Грациадеи, справедливо оценивают последнего как типичного вульгарного экономиста, дающего в своих теоретических сочинениях эклектическую похлебку из Сэя, Маркса и Бем-Баверка.

Рецензируемая книга по кругу идей, развиваемых в ней, тесно примыкает к ранее выпущенным трудам автора: «Der Begriff der Mehrarbeit und die Werttheorie» и «Die Werttheorie und das Problem des konstanten (technischen) Kapitals».

Предмет исследования автора может быть сформулирован следующим образом: «Национальные различия в уровне заработной платы в связи с проблемой колониальной сверхприбыли».

Автор полагает, что марксистам во главе с самим Марксом не удалось разрешить проблемы динамики заработной платы. Разбирая в главе II «общие воззрения Маркса по вопросу о движении заработной платы», Грациадеи приходит к выводу, что сам Маркс стоял на более или менее правильной позиции в своих ранних произведениях «Наемный труд и капитал», «Заработная плата, цена и прибыль», где он допускал возможность абсолютного роста заработной платы без ущерба для капитали-

стической прибыли; однако в «Капитале» Маркс проводит ложную точку зрения.

Грациадеи приходит к выводу, что сущность и динамику заработной платы нельзя понять, исходя из закона трудовой стоимости. По его мнению, стоимостный критерий может быть применен только к отдельным экономическим явлениям, к отдельным капиталистическим предприятиям. Поскольку же мы хотим понять общие законы, управляющие капиталистическим хозяйством, мы должны от стоимостной точки зрения перейти к натурально-вещественной точке зрения. Исходя отсюда, Грациадеи заявляет, что ни Маркс, ни марксисты не могли и не могут объяснить реальных тенденций заработной платы, которые, по его мнению, состоят в постоянном стремлении к ее абсолютному росту, что не исключает относительного ухудшения положения рабочих по сравнению с капиталистами.

По существу Грациадеи стоит на точке зрения К. Каутского, который «обнищание» рабочего класса по мере развития капитализма понимал не в абсолютном, а в относительном смысле. Однако обоснование этого тезиса у Каутского и Грациадеи совершенно различное. Грациадеи исходит из теории производительности капитала, согласно которой не только живая рабочая сила, но и мертвый капитал создает прибавочную стоимость, причем производство и его результат рассматриваются Грациадеи исключительно с материально-вещественной точки зрения, т. е. не со стороны стоимости и прибавочной стоимости, а со стороны продукта и прибавочного продукта. Приведем ряд положений, которые покажут нам, насколько пошлые теории Сэя-Кэри способны еще оживать под новой оболочкой. «Для нас, — пишет Грациадеи, — напротив (т. е. в противоположность Марксу), технический капитал (под которым Грациадеи понимает постоянный капитал) не менее, чем переменный капитал, является причиной создания прибавочного продукта, и этот прибавочный продукт может при соответствующих условиях полностью или частично превратиться в избыточную цену (Mehrpreis)» (стр. 78). На следующей странице Грациадеи пишет: «Гораздо правильнее, последовательнее и проще было бы признать, что в то время как в сфере производства машина создает чистый продукт, в сфере распределения, т. е. в области отношений между людьми, или, еще лучше, в отношениях между теми, которые владеют машинами, и теми, которые ими не владеют, этот чистый продукт большей своей частью достается капиталистам» (стр. 79).

Не говоря уже о том, что Грациадеи не выдерживает свою собственную натуралистическую точку зрения и вынужден постоянно переходить к стоимостному критерию для объяснения реальных отношений между трудом и капиталом, он впадает при этом в следующие ошибки: 1) Грациадеи подменяет специфические особенности товарно-капиталистического хозяйства и рассматривает его как хозяйство натуральное. 2) Заработная плата рассматривается у него как доля в произведенном прибавочном продукте или в массе потребительных стоимостей. 3) Исходя отсюда, Грациадеи приходит к выводу, что чем бо́льшую роль в процессе производства играет «технический» капитал (средства и орудия производства), тем больше производится продуктов. 4) Отсюда Грациадеи делает тот вывод, что по линии повышения производительности труда интересы капиталистов и рабочих совпадают, так как рост производительности труда, или увеличение количества производимых продуктов, должен привести к одновременному росту и заработной платы, и прибыли капиталистов.

Все это основано на недоразумении. Ни Маркс, ни марксисты никогда не отрицали, что с развитием производительных сил и ростом «национального богатства» может повыситься и материальный уровень существования рабочего класса, даже в условиях капитализма. Но марксисты указывали, что это имеет место в том случае, если номинальная заработная плата не понижается или даже увеличивается, причем необходимо учесть и изменения в длине рабочего дня, интенсивности труда, в состоянии безработицы и т. д. Только с учетом всех этих факторов можно решить вопрос о том, как влияет рост производительности труда на уровень существования рабочего класса в каждой данной стране. Между тем Грациадеи, абстрагируясь от стоимостного критерия и ведя счет в продуктах, утверждает, что в той мере, в какой растет производительность труда, растет и заработная плата, и прибыль капиталистов. При

этом получается, что стоимость товаров не обратно, а прямо пропорциональна производительной силе труда.

Полемическая часть книги Грациадеи направлена главным образом против положения, выставленного на IV конгрессе Коминтерна Бухариным, что относительно высокая заработная плата европейско-американских рабочих до войны была куплена ценою чудовищной эксплоатации колониальных народов (см. «Protokoll des vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale». Leningrad-Moskau, 1923, S. 405—407). В своей речи Бухарин доказывал, с одной стороны, что понимание «теории обнищания» Маркса Каутским означает на самом деле капитуляцию последнего перед ревизионизмом. Каутский утверждает, что Маркса следует понимать в том смысле, что положение рабочих абсолютно улучшается, хотя, по сравнению с ростом богатства имущих, классов оно ухудшается. Бухарин доказывает, что под рабочим классом Каутский понимает только европейско-американский пролетариат, а не весь рабочий класс в целом. Между тем, если включить в категорию пролетариата рабочих отсталых и колониальных стран, то необходимо будет признать правильность положения Маркса об абсолютном обнищании рабочего класса по мере развития капитализма. Собственно, против этого положения Бухарина Грациадеи не возражает. Он в третьей главе своей книги выступает против второго положения Бухарина, что относительно высокая заработная плата европейско-американского пролетариата была возможна лишь за счет сверхприбыли, получаемой из колоний. Грациадеи в опровержение этого положения выдвигает тот аргумент, что есть целый ряд стран, напр. С.А.С.Ш., Италия и т. д., где до войны наблюдался значительный рост заработной платы, при чем указанные страны не имели колоний. По мнению Грациадеи, высокая заработная плата и колониальная сверхприбыль, это — понятия, ничем друг с другом не связанные. Абсолютный рост заработной платы, по его мнению, всегда имеет своим источником рост производительности труда. Как и во многих других случаях, где речь идет о теории Маркса, так и в данном случае Грациадеи просто не понял Бухарина. Бухарин вовсе не имел в виду утверждать, что единственной причиной относительно высокой заработной платы европейских и американских рабочих до войны была лишь колониальная сверхприбыль. Он указывает на эксплоатацию колоний как на одну из причин. Кроме того, выкачивать сверхприбыль из колоний могут не только метрополии, владеющие этими колониями, но и другие страны, которые благодаря своему промышленному превосходству способны проникать в колонии, вытеснять других конкурентов и таким образом делаться соучастниками в присвоении колониальной сверхприбыли. Пример промышленного развития Германии до войны и ее соперничество с Англией является в этом отношении показательной иллюстрацией.

В общем нужно признать, что рецензируемая книга Грациадеи в теоретическом отношении никакой ценности не представляет. Только заостренная полемика против марксизма, хотя и основанная на полном непонимании теории Маркса, может объяснить как появление на книжном рынке Италии подобного рода «научных» новинок, так и перевод книги Грациадеи на немецкий язык.

И. М. Кулишер. Основные вопросы международной торговой политики. Изд. 3-е, дополненное. Изд. «Прибой», Л. 1929, стр. 612.

Книга И. Кулишера принадлежит к тем работам, о которых весьма трудно говорить по существу, несмотря на заключенный в них большой и ценный материал. Горы добросовестно и кропотливо собранных фактов, груды материала, тщательно разгруппированного по отделам и подотделам, громадное количество литературы и источников, — все это вызывает невольное уважение к трудолюбию автора. Изложенные в книге факты действительно имели место, указанные в ней материалы и источники действительно существуют. С этой стороны дело обстоит, таким образом, благополучно. Но не этого только следует требовать от книги, которая предназначается для изучения основных вопросов международной торговой политики. На протяжении свыше 600 страниц мы не находим серьезной попытки сделать обобщения, теоретически осветить сообщаемые факты и данные. Наоборот, как мы увидим ниже, автор

тщательно обходит теоретические проблемы даже там, где они сами собой напрашиваются, и умудряется превратить и теоретические, по существу, главы в простой перечень мнений, высказывавшихся по соответственным поводам многими экономистами в течение последних 200 лет.

Короче говоря, книга представляет собой типичный труд в духе традиций исторической школы. Книга, подчеркиваем, весьма полезна колоссальным материалом, приведенным в ней, и если бы автор претендовал лишь на то, чтобы дать просто сборник материалов, систематически расположенную хрестоматию или настольный справочник по вопросам международной торговой политики, мы могли бы считать задачу выполненной. Но от книги, которую автор предлагает в качестве «пособия для студентов-экономистов» и по которой они должны не только знакомиться с фактами, но и учиться понимать их, — от такой книги мы в праве требовать большего. Напрасно, однако, будем мы искать в книге этого большего, — теоретических обобщений, выводов, анализа, ясно выраженной точки зрения самого автора на излагаемые им вопросы.

Наиболее ясно сказывается теоретическая беспомощность автора в тех главах, которые, по существу, должны были бы быть посвящены специально теоретическому выяснению вопросов, напр. в главе «Протекционизм и свободная торговля». Как мы уже говорили, он ограничивается здесь изложением существующих на этот предмет точек зрения, да и то лишь тех точек зрения, которые лежат внутри круга проблем, которые поставлены и разработаны буржуазной политической экономией, не догадываясь о существовании третьей точки зрения, лежащей за пределами этого круга, или не считая ее заслуживающей упоминания. Но и в пределах замеченных им точек зрения автор беспомощно строит свои рассуждения по типу «нельзя не признаться, но следует сознаться». Вот несколько образчиков подобного рода рассуждений:

«Сплошь и рядом имеется полная возможность взрастить национальную промышленность без охранительных пошлин» (стр. 147), но «в других случаях без таможенной охраны не обойтись» (стр. 148).

«Наивно заявлять, что «не может быть ничего столь антинационального, как [таможенная] система охраны национального труда», но столь же легкомысленно «усматривать в таможенных тарифах панацею от всевозможных зол, при помощи которой страна должна покрыться фабриками и заводами» (стр. 149).

Хотя «рассуждения протекционистов, что покровительственные пошлины берутся не из кармана собственного населения, а у иностранца-импортера, бьют мимо цели, ибо протекционная пошлина, не фискальная, не уплачиваемая потребителем, это — contradictio in adjecto» (стр. 151), — все-же «отрицательные явления протекционизма смягчаются при невысоких ставках, и с такими тарифами можно мириться» (стр. 156).

Значит ли все это, что у автора действительно нет точки зрения, нет собственной позиции? И да, и нет. Как во многих других случаях, отсутствие точки зрения тоже есть определенная точка зрения, определенная позиция. Не трудно понять, почему позиция Кулишера очень смахивает на отсутствие точки зрения, почему он постоянно путается в своих «хотя» и «но». Торговая политика, как и всякая иная политика, есть, раньше всего, политика классовая. Попытка подойти к политике с точки зрения «надклассовой», «общечеловеческой», «беспристрастной» и т. д. никогда еще ничего не объясняла, но зато всегда обрекала соответствующих людей на постоянные колебания между точками зрения основных классов.

Автор мог стать на точку зрения буржуазии, — тогда он должен был бы выступить в качестве защитника протекционизма в его современной форме. Если в свое время «система Листа была осознанной системой капиталистически-отсталых стран» (Гильфердинг), то современная система протекционизма представляет собой «осознанную «систему капиталистически-передовых стран. Как бы ни обстояло с вопросом о влиянии современного протекционизма на развитие капитализма в целом, но именно потому, что нет никого, кто заботился бы о капитализме в целом, а есть лишь борющиеся между собой «национальные капитализмы», — протекционизм является одним из

символов веры империалистической буржуазии всех стран. С тех пор как от идеи свободной торговли отвернулась, по существу, и Англия, бывшая в течение долгого времени, в силу общеизвестных причин, оплотом этих идей, нет уже в лагере буржуазии настоящих сторонников фритредерства. Защита идей свободной торговли стала уделом страдающих от торговой политики финансового капитала слоев мелкой буржуазии. Ее теоретиками и являются современные фритредеры типа Дитцеля, Ив-Гюйо и, очевидно... Кулишера. Но в противовес смелому фритредерству времен классиков они представляют собой робкое фритредерство, сильно смахивающее на умеренный протекционизм: «хотя», «но...»

Указывая на то, что они «готовы довольствоваться частичной свободой, восставая лишь против крайних увлечений протекционизма» (стр. 143), Кулишер утешает себя тем, что «принципиально» остается расхождение между фритредерами и протекционистами.

Автор весьма сочувственно цитирует трусливых фритредеров и в связи с этим приводит единственное теоретическое утверждение, которое нам удалось у него отыскать: «Хозяйственное развитие страны можно, правда, направить по другому руслу, его можно временно отвести, но перевернуть его вверх дном невозможно, если, конечно, не жертвовать интересами населения» (стр. 149). Это утверждение может означать лишь одно, — что буржуазия готова действительно все «перевернуть вверх дном» (впрочем, это лишь разоряющейся мелкой буржуазии кажется, что все «переворачивается вверх дном») ради своих интересов, ни мало не считаясь с интересами опекаемого Кулишером «населения». Кулишер скорбит особенно о том, что в «дани, уплачиваемой населением промышленности», заключается «один ущерб для страны». Как будто буржуазия только и делает, что заботится о благоденствии «страны». В трусливой борьбе мелкой буржуазии против торговой политики финансового капитала, в борьбе под флагом высшей морали и защиты интересов «населения» проявляется только ее бессилие, ее неспособность «перевернуть вверх дном» или хотя бы «временно отвести» эту политику.

Наш автор несколько отличается, однако, от признанных теоретиков современного фритредерства. Если у последних есть хоть видимость теоретического обоснования своей позиции, то у него это испаряется до теоретически неуловимых благих пожеланий и забот об интересах «населения» или «страны», подкрепляемых саркастическими замечаниями по адресу «необузданных протекционистов».

Но, могут сказать, ведь и пролетариат страдает от торговой политики финансового капитала, от высоких таможенных тарифов, ведь и он борется против политики финансового капитала: не являются ли современные фритредеры представителями его интересов? Вряд ли нужно доказывать, что современное фритредерство, примерно, так же относится к позиции рабочего класса в области торговой политики монополистического капитализма, как либеральное рабочелюбие относится к классовой борьбе пролетариата. Вообще говоря, позиция пролетариата лежит за пределами спора между протекционизмом и фритредерством. Этот вопрос недурно разъяснен, напр., К. Марксом в ряде мест и, в частности, в его «Речи о свободе торговли». Правда, Кулишер, перечисливший в своей книге всех причастных к экономической науке, от Петти до самого себя, забыл о существовании этого экономиста, — все же от этого его точка зрения не перестает существовать. О наличии такого рода точки зрения Кулишер мог бы узнать, в крайнем случае, от удостоенного им помещением в списки литературы Гильфердинга, у которого он мог прочитать о том, что «от буржуазной дилеммы — протекционизм или свободная торговля? — пролетариат уходит с ответом: ни протекционизм, ни свобода торговли, а социализм» («Финансовый капитал», стр. 442).

Но все же, поскольку пролетариату и его политическим представителям приходится реагировать на торговую политику буржуазии, он борется против нее. Все это верно, но суть дела в том, что выступать против п р о т е к ц и о н и з м а вовсе не означает выступать з а с в о б о д н у ю т о р г о в л ю. Свободная торговля вовсе не есть положительное требование пролетариата. И если последний выступал против протекционизма, то он делал это не п о т о м у только и не столько потому, что для

него свобода торговли, это — лишь отпор протекционистской политике, знаменующей более быстрое и сплоченное картелирование, а, следовательно, усиление предпринимательской организации, обострение национальных антагонизмов, увеличение вооружений, рост налогового гнета, вздорожание жизни, усиление государственной власти и т. д., как полагали Гильфердинг и Каутский; он выступает против протекционизма принципиально потому, что, — как выяснила Р. Люксембург во время знаменитых дебатов, в период Штуттгартского съезда германской социал-демократии 1898 г., — «в современной стадии международного капитализма таможенная система не способствует уже более развитию промышленности... пошлины тормозят промышленность... и таким путем замедляют весь ход капиталистического развития, а, следовательно, отодвигают момент крушения современного экономического строя и нашу победу».

Если современные фритредеры не могут стать на точку зрения буржуазии, то они еще менее того способны понять точку зрения революционного пролетариата. Неумение занять классовую позицию обрекает их на колебание между разными точками зрения.

Это же обстоятельство является и причиной того, что Кулишер оказался неспособным понять принципиальное значение монополии внешней торговли в СССР. Он считает в этом вопросе свою задачу исчерпанной тем, что подвел нашу систему торговой политики под определенную рубрику и наклеил на нее ярлык.

Резюмируем: мы остановились лишь на одном, правда, самом главном вопросе и вынуждены прийти к следующему выводу: в рецензируемой книге заключено большое количество материала по вопросам международной торговой политики, но не разобран ни один из этих вопросов.

Нужно указать еще на сильную громоздкость «научного аппарата», сопровождающего книгу, особенно, если принять во внимание, что она предназначается в качестве учебника. Перечень литературы занимает свыше печатного листа (18 страниц) петита и охватывает, вероятно, не менее 500 навваний. Если вообще подбирать литературу по вопросам, затронутым в книге, можно было бы привести и больше названий, но нет никакого смысла давать все, что попадается под руку. При этом всегда оказывается много неважного, но упускается кое-что важное. Автор приводит, напр., авторов старинных французских коммерческих словарей начала XVIII века, из которых он цитирует по одной строчке, но зато отсутствует, напр., ряд новейших работ, посвященных отдельным вопросам. Чтобы взять первый попавшийся пример, укажем на то, что в литературе о дэмпинге нет одной из наиболее полных работ по этому вопросу — Винера, нет материалов Лиги наций, обработанных тем же Винером и Тренделенбургом. Выше мы уже указывали, что, приводя всех авторов, когда-либо что-либо говоривших о торговой политике, — от Savary des Bruslons до Соболева и от Бастиа до Зомбарта, — Кулишер позабыл о Марксе.

Erik Nölting u. Ernst Nölting. Einführung in die Theorie der Wirtschaft. Berlin 1929, S. 224.

Эрик Нельтинг и Эрнст Нельтинг. Введение в теорию хозяйства. Берлин 1929, стр. 224.

Названная книга является первою из серии «учебников для рабочих школ» («Bücher der Arbeiterschule»). Авторы ее, принимающие деятельное участие в школах и культурно-просветительных учреждениях, устроенных для рабочих, поставили себе целью дать учебник для рабочих школ. В предисловии они перечисляют трех экономистов, оказавших на них наиболее сильное влияние, — Зомбарта, Оппенгеймера и... Маркса. По словам авторов, они у Оппенгеймера «заимствовали некоторые логические формулировки», у Зомбарта — «некоторые конкретные факты», Марксу же их книга обязана «своею тенденцией и внутреннею структурою» (стр. VII). Судя по этим словам, можно было бы думать, что мы имеем дело с популярным учебником, написанным в марксистском духе. К сожалению, содержание книги убеждает нас в том, что своею основною «тенденцией» она обязана не столько Марксу, сколько Оппенгеймеру.

Мы не говорим уже о том, что у Оппенгеймера заимствован ряд важнейших понятий и положений (различие между «чистою» экономией и «политическою» экономией, подведение капиталистического отношения под понятие «монопольного» отношения и т. п.). Гораздо важнее то обстоятельство, что в центральном вопросе о стоимости рабочей силы авторы высказываются в пользу «теории монопольной заработной платы» Оппенгеймера и против «теории эквивалентности» Маркса (стр. 130—134). Авторы критикуют и отвергают положение Маркса о том, что рабочая сила продается по своей стоимости, которая равна стоимости ее воспроизводства. При этом они понимают указанное положение Маркса в высшей степени упрощенно. Они ошибочно предполагают, что Маркс не видит никакой разницы между обменом, связывающим двух простых товаропроизводителей, и обменом, связывающим капиталиста и рабочего. Они поэтому приписывают Марксу мысль, будто отношения между капиталистом и рабочим имеют место в тех же условиях, в каких имеют место отношения между простыми товаропроизводителями. «Отвлечься при объяснении прибавочной стоимости... от классовой структуры общества, пытаться понять прибавочную стоимость в сфере общества, основанного на эквивалентном обмене, — равносильно невозможной попытке отвлечься от самого существа капиталистического общества» (стр. 133—134). Само собою разумеется, что это обвинение Маркса в игнорировании «классовой структуры» общества ни на чем не основано: все учение Маркса о стоимости рабочей силы основано именно на анализе классовой структуры капиталистического общества.

Основы политической экономии. Составили Э. Я. Брегель и Р. М. Кабо, под ред. Р. М. Кабо. Второе, переработанное издание. «Книга», 1929, стр. 304.

Рецензируемая книга представляет собой хрестоматию, составленную из отрывков и извлечений: в своей теоретической части — из произведений классиков и комментаторов марксизма, в своей же конкретно-описательной части — из произведений как марксистов, так и крупнейших буржуазных экономистов. Исходя из той целевой установки, что «основная задача преподавания политической экономии сводится к тому, во-первых, чтобы за экономическими категориями научиться прощупывать твердую почву конкретных отношений и, во-вторых, уметь пользоваться этими понятиями как орудиями анализа реальных экономических отношений», — составители построили свою книгу на своеобразном сочетании конкретно-описательного материала с теоретическим. Конкретный материал представлен двояким образом: он или выделен в самостоятельные главы, или помещен внутри теоретических глав в качестве иллюстраций. Книга состоит из девяти основных глав, посвященных рассмотрению генезиса капитализма и анализу основных проблем политической экономии. Переход от одной категории к другой в общем соответствует общепринятому способу их расположения. Несмотря на то, что рецензируемая книга представляет собой, по существу, хрестоматию, она, ввиду удачной комбинации материала, может служить учебником, ибо, как правильно указывают составители, она дает непрерывное изложение каждой проблемы. В нашей учебной литературе нет недостатка в популярных курсах, однако качество этой продукции не всегда на должной высоте. Оправданием для появления настоящей книги, предназначенной главным образом для учащихся трудовой школы второй ступени, является то, что она в основном подобрана из хороших и в то же время популярных образцов марксистской литературы. Конечно, остаются неизбежные недостатки работ такого порядка — разнообразие стиля и методов изложения того или иного писателя, с одной стороны, и различная теоретическая трудность отрывков — с другой.

И. Лапидус и К. Островитянов. Политическая экономия в связи с теорией советского хозяйства. 3-е изд., Госиздат, М. 1929, стр. 490.

Самый факт выпуска третьего издания учебника по политической экономии Лапидуса и Островитянова в достаточной мере говорит в пользу их коллективного труда. Необходимо отметить, что в третьем издании рецензируемая книга подверглась

основательной переработке по сравнению с первым изданием и стереотипным вторым. Изменения коснулись главным образом теоретической части книги: теории стоимости, прибавочной стоимости, заработной платы и т. д.; глава о кризисах в корне переделана, несколько обновлен конкретный материал по теории империализма и советского хозяйства. В результате всех этих изменений и дополнений книга значительно увеличилась в своем размере, что, по нашему мнению, является ее недостатком. Книга предназначена для социально-экономического минимума вузов и совпартшкол II ступени, т. е. для учебных заведений, для которых политическая экономия не является основным предметом. Между тем, размер книги и самый характер трактовки в ней экономических проблем недостаточно соответствует поставленной себе авторами задаче. Книга может и должна быть сокращена в объеме. Прежде всего отметим, что нет никакой необходимости в том, чтобы одни и те же проблемы дублировались; это приводит лишь к ненужным повторениям и загромождению курса. Так, например, в курсе два раза трактуется теория советского хозяйства: один раз параллельно изложению отдельных категорий капиталистического хозяйства, другой раз — отдельно, в специальном X отделе: «Экономика переходного периода». Следовало бы расширить этот X отдел за счет исключения проблем советской экономии, разбросанных по всему курсу. Курс мог бы быть сокращен также и за счет некоторой пространности в изложении экономических категорий; особенно это относится к проблеме органического строения капитала, торговой прибыли и т. д.

Переходя к содержанию курса, отметим следующее. Большим достоинством книги, помимо популярности и ясности изложения, удачного в общем расположении материала, является прекрасно подобранный и методически продуманный лабораторный материал, который следует за изложением теории. Такую же учебную ценность имеют приводимые автором для проработки таблицы, вопросы и задачи к ним. Материал для чтения и вопросы к нему также должны быть признаны весьма полезным средством для углубленного изучения экономических проблем. Если прибавить, что, при всей популярности учебника, авторам в общем удалось избегнуть вульгаризации и, кроме того, связать теорию политической экономии с богатым конкретным и притом современным материалом, то придется признать, что книга Лапидуса и Островитянова в методологическом отношении действительно является шагом вперед.

Тем не менее, авторы не избегли ряда ошибочных или неясных формулировок, а также и некоторой непоследовательности в расположении материала.

Что касается первого замечания, то оно может быть иллюстрировано рядом выдержек из книги. Расплывчатое и неясное определение понятия «производственные отношения» на стр. 7 и 8 приводит авторов к утверждению, что политическая экономия изучает одинаково как технический процесс производства (отношение людей к природе), так и производственные отношения между людьми.

На стр. 36 дается определение общественно-необходимого труда или общественной стоимости в грубом средне-арифметическом толковании, стоящем в противоречии с учением Маркса, развитым в III томе «Капитала».

На стр. 49, излагая развитие формы стоимости, авторы буквально несколько строчек посвящают выяснению содержания простой формы стоимости, играющей такую важную роль при объяснении Марксом происхождения денежной формы.

На стр. 75, излагая понятие «постоянного» и «переменного» капитала, авторы не выясняют, почему постоянный капитал не может создать никакой новой стоимости, а лишь постулируют это положение.

На стр. 108 авторы подчеркивают, что «сдельная плата является платой, в наибольшей степени отвечающей духу капиталистической эксплоатации». Это, конечно, верно. Не мешало бы, однако, следуя за Марксом, оттенить и положительные черты сдельной заработной платы, отмеченные Марксом в главе о заработной плате (I том «Капитала»).

Чрезвычайно неудачен способ доказательства социалистической природы наших госпредприятий путем сравнения их с экономическими отношениями простого товарного хозяйства (стр. 120—124).

На стр. 130 авторы пишут: «В условиях капитализма тот или иной уровень заработной платы дается в результате ожесточенной борьбы между капиталистами и рабочими». Такая формулировка страдает односторонностью социальной теории распределения и стоит в полном противоречии с выведенными самими же авторами законами заработной платы (стр. 100—102).

На стр. 143 авторами дается чрезвычайно упрощенное определение органического состава капитала как «отношения постоянного капитала предприятия к переменному». Совершенно не подчеркнута указанная Марксом зависимость между техническим составом капитала и органическим составом капитала. Как известно, Маркс не всякий состав капитала по стоимости считал органическим составом.

На стр. 310 авторы, говоря о причине кризисов, в качестве одной из причин кризисов считают «недопотребление рабочих масс», которое при этом ими трактуется совсем в духе Родбертуса.

Что касается указанной непоследовательности в расположении материала, то нам кажется, что правильнее было бы, например, изложить «всеобщий закон капиталистического накопления» до теории кризисов, а не наоборот, как это имеет место у авторов. Точно так же отдел VI, трактующий проблемы кредита и банковского капитала, следовало бы слить с отделом IX, освещающим сущность финансового капитала. Между тем у авторов проблема кредита освещается до земельной ренты и теории воспроизводства, что, по нашему мнению, неправильно.

При всех отмеченных недостатках, носящих характер легко устранимых частностей, книга Лапидуса и Островитянова, несомненно, является удачно составленным учебником, отвечающим назревшим потребностям.

А. Леонтьев. Начальный курс политической экономии. Изд. 4-е, Госиздат, 1928, М. — Л., стр. 286.

Несмотря на богатое наследство и наличие значительного количества теоретических разработок отдельных вопросов политической экономии, вопрос об учебнике политической экономии до сих пор остается далеко не разрешенным.

Прежде и раньше всего не разрешен основной вопрос — вопрос о развернутом университетском курсе политической экономии, и это в значительной степени отражается на судьбе начальных подготовительных учебников.

Рецензируемый учебник выгодно отличается от всех существующих, прежде всего, своей методической определенностью. Он претендует на определенную ступень обучения — именно самую начальную. И этой задаче отвечает. Приспособлен главным образом для рабочей аудитории, но может быть вполне применим и в школах II ступени городского типа.

Учебник состоит из трех основных частей: 1) собственно политическая экономия, 2) теория империализма, война, послевоенный капитализм, 3) вопросы переходного хозяйства СССР.

Совершенно правильно выделение вопросов переходного хозяйства в особый раздел в конце учебника: этим избегается обычная ошибка в практике преподавания политической экономии, когда в курс вкрапливаются от случая к случаю отдельные вопросы из теории советского хозяйства, что не дает систематического представления о структуре советской экономики в целом.]

Конкретный материал, который необходимо было бы включить в несколько большем количестве, чем он здесь имеется, подобран вполне удачно и связан с теоретической частью учебника.

В учебнике имеется ряд неточностей, ошибок, недочетов, которые можно исправить и на которые необходимо указать. Перечислим их в порядке последовательности.

Теория товарного фетишизма изложена в 20 строках. Если автор счел необходимым ее дать, то нужно было уделить ей несколько больше места, разъяснить сущность товарного фетишизма на ряде конкретных примеров, поместить ее не в конце главы «о стоимости», а органически связать с обоснованием самого закона стоимости.

В разделе о бумажных деньгах для уяснения различия между бумажными деньгами и банкнотами необходимо было бы в нескольких словах дать представление о функциях госбанка и казначейства.

На стр. 58 на вопрос: «каким образом товарооборот приноравливается к количеству бумажных денег?» автор отвечает следующим примером: «Рабкооп выдал бон на 300 тысяч руб., а товаров у него в лавке всего на 100 тысяч руб. Если он будет продавать товар по прежним ценам, — 200 тысяч бон окажутся неоплаченными. Что тогда придется сделать? Придется назначить на товар тройные цены. Тогда все товары будут цениться в 300 тысяч руб., и все обладатели бон смогут получить за свои боны товар». Зачем брать такие невероятные примеры, когда имеется достаточно жизненных примеров из самой практики денежного обращения, хотя бы у нас в период империалистической и гражданской войны?

Доказывая, что прибыль не может получаться в обращении, а имеет своим источником исключительно производство прибавочной стоимости, автор должен был бы обратить внимание на следующее обстоятельство. Обычно в этом месте слушатели неизменно задают вопрос: «а не получается ли прибыль за счет потребителей?» Как бы ни была неправильна сама постановка вопроса, тем не менее частое его повторение говорит о том, что чего-то нехватает в объяснениях учебников.

Совсем не лишним было бы там, где это научно достижимо, тут же в учебнике показать, как абстракция «чистого капитализма» применяется для изучения реального капитализма. Это можно сделать даже в популярном учебнике, и именно в популярном учебнике оно больше всего необходимо.

Кое-что автором учебника сделано в этом отношении: у него есть специальный раздел — «мелкое производство при капитализме», но эта часть органически недостаточно связана с общим курсом.

На стр. 110, говоря о номинальной и реальной зарплате, автор ограничивается упоминанием только одного весьма «сомнительного» фактора отклонения реальной зарплаты от номинальной, это — удешевление золота, между тем как в нашей теоретической литературе считается почти общепризнанным, что стоимость золота подвергается едва заметным медленным изменениям, растягивающимся на целые десятилетия, между тем как колебания как номинальной, так и реальной зарплаты происходят в гораздо более короткие промежутки времени.

Необходимо было указать на основные факторы отклонения реальной зарплаты от номинальной, т. е. на изменение товарных цен и изменение стоимости бумажных денег.

Необходимо несколько развить изложение теории цен производства; это место оставляет у учащегося такое представление: низкое органическое строение капитала дает бо́льшую массу прибавочной ценности, чем высокое, но уравнение прибыли устраняет эту несправедливость. А у учащегося все же остается вопрос: что же является стимулом к повышению органического строения капитала и почему гибнет отсталая техника при таком привилегированном положении? Это место нуждается в значительной переработке путем введения категории сверхприбыли.

Несколько замечаний более второстепенного характера.

На стр. 96 автор пишет: «Развитие капиталистической промышленности в России начинается главным образом с 1861 г.». Этот год является, конечно, переломным, но приурочивать начало развития капиталистической промышленности именно к определенному году не следовало бы.

На стр. 128 неясно говорится об органическом строении капитала, благодаря чему у учащегося может создаться представление, что каждой отрасли производства свойственно свое органическое строение капитала; автор забывает указать, что техническое усовершенствование приводит к росту органического строения капитала внутри каждой данной отрасли производства и что развитие капитализма сопровождается общим ростом органического строения капитала.

V. ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

Восстание декабристов. Библиография. Составил Н. М. Ченцов. Редакция Н. К. Пиксанова. Центрархив, М.—Л. 1929, стр. XX + 792.

Новое монументальное издание Центрархива вполне законно может считаться крупным явлением в области русской библиографии и в области изучения революционных движений России. Вместе с тем оно до некоторой степени явление новое, так как является не просто библиографией, а в большей своей части анотированной библиографией, библиографической монографией, как называет ее в своем предисловии редактор Н. К. Пиксанов. Мы отнюдь не собираемся входить в детальное рассмотрение этого труда, остановимся лишь несколько на его плане. Нельзя не признать этот план достаточно удачным; он допускает легкую обозримость, казалось бы, трудно обозримой литературы. Неизбежные, но далеко не в очень большой степени повторения по отдельным разделам не нарушают в общем четких линий работы. Здесь мы имеем три основных больших отдела: общий, personalia и юбилейная литература. Общие отделы в свою очередь разделяются на ряд подъотделов, а некоторые из последних — на ряд отдельных проблем. Собственно третий отдел — юбилейная литература — в своем плане повторяет первые два отдела. Эта литература не попала в первые два отдела лишь вследствие выхода в свет после составления книги. Но, с другой стороны, это обособленное ее существование является вполне легальным и имеет свой raison d'être. Оно очень наглядно выделяет нашу современную научную продукцию по данному вопросу и с этой стороны обладает интересом. Мы не отмечаем кой-какие описки и ошибки чисто формального свойства и не входим в рассмотрение того, насколько полно использована вся имеющаяся по истории декабристов литература. Упоминание свыше 4 000 номеров делает книгу вполне пригодным пособием для научных изысканий в этой области. Предисловия редактора Н. К. Пиксанова и составителя Н. М. Ченцова знакомят с характером и с самим процессом работы. Обращает на себя внимание тщательное и достаточно изящное издание книги.

Восстание декабристов. Материалы по истории восстания декабристов. Под общей редакцией и с предисловием М. Н. Покровского. Том VI. — Восстание Черниговского пехотного полка — к печати подготовил Ю. Г. Оксман. Материалы Комиссии для изыскания о злоумышленных обществах, Главного штаба, Штаба 1-й армии, Военного министерства, Аудиториатского департамента, Министерства внутренних дел и Министерства юстиции. Центрархив. Госиздат, М.—Л. 1929, стр. 406.

В предисловии к этому тому «Материалов» Ю. Г. Оксман дает обзор источников и критико-библиографический обзор всех прежних публикаций материала о восстании Черниговского полка, общих оценок, популярных характеристик и опытов специальных изучений васильковских событий в русской и зарубежной печати за сто с лишком лет от «первой печатной информации» о восстании Черниговского пехотного полка, а именно приказов начальника Главного штаба от 8 и 9 января 1826 г., в которых это восстание изображалось как цепь «преступных и безумных покушений» и как торжество «безначалия, грабежей и кровопролития», до новейших публикаций. Затем воспроизводится официальная переписка о восстании Черниговского пехотного полка и о мерах к его ликвидации—от секретного отношения военного министра на имя главнокомандующего 1-й армией от 20 декабря 1825 г. об аресте братьев Муравьевых-Апостолов до конфирмации приговоров. В документе № 40 (всеподданнейший доклад Аудиториатского департамента от 10 июля 1826 г.) цитируется составленный «неистовыми возмутителями» катехизис. Во II отделе воспроизведены материалы дознания и конфирмированные приговоры по делам нижних чинов 8-й пехотной дивизии и 8-й артиллерийской бригады, а в приложениях — материалы дознания «о возмутительных катехизисах, разбросанных мятежниками по Киевской губернии», и иные материалы дознания. В примечаниях и приложениях дана тщательно составленная библиография. К изданию приложены предметный и именной указатели.

П. Парадизов. Очерки по историографии декабристов. С предисловием В. И. Невского. Изд. «Московский рабочий», М. — Л., 1928, стр. 288.

В предисловии В. И. Невский приветствует книгу П. Парадизова, «потому что она написана молодым марксистом, рассматривающим историю не как игру каких-то неизвестных сил..., а как результат действия весьма определенных факторов, известных в науке под общим названием экономики, и, стало быть, в конечном счете, как результат развития производительных сил в данной эпохе и в данном месте», и отмечает «добросовестность и тщательность, с какими он подошел к рассматриваемым им проблемам».

Изложив и заклеймив «официальную и официозную версии», «характер и историческая цена» которых «определяются уже самым их происхождением», П. Парадизов метко вскрывает основное противоречие этой версии: тайные общества изображаются то как «горсть молодых безумцев», то как «устрашающая сеть», покрывшая почти целую империю. Затем П. Парадизов рассматривает «революционную легенду о декабристах». Признавая пафос Герцена, «литературного воплотителя» этой легенды, целесообразным «с пропагандистской точки зрения» (стр. 50), П. Парадизов объясняет «преувеличения Герцена» не только его стремлением протестовать против корфовского изображения декабристов, но и обусловившей ряд фактических ошибок недостаточностью материала, находившегося в распоряжении Герцена. Но П. Парадизов вынужден признать, что, если «Герцен порой отступал от истины», напр. преувеличивая «влияние заговорщиков на аристократию», то в общем «он нарисовал все же верную картину» (стр. 56). П. Парадизов усматривает крупную заслугу Герцена в том, что он «сумел разгадать Пестеля, сумел понять и оценить его аграрный план и республиканизм». Конечно, Герцен не дал, да и не мог дать, классового анализа тайных обществ. Автор детально критикует (стр. 72 — 82) взгляд Герцена на основные причины расхождений между Пестелем и «северянами». Важнейшей ошибкой Герцена П. Парадизов считает мнение, что 14 декабря «действующая Россия доказала свое политическое совершеннолетие». Заслуживают внимания замечания П. Парадизова о наименее дворянской по своему социальному составу группе «Соединенных славян», стремившейся не к государственному перевороту, опирающемуся исключительно на армию и гвардию, а к вовлечению в восстание крестьянских масс, и указания на то, что член группы «Соединенных славян» Андреевич 2-й вел пропаганду и среди рабочих киевского арсенала (стр. 86).

В высказываниях Плеханова, изображавшего декабристов как «дворянское меньшинство, которое сумело возвыситься над сословными предрассудками и сословными интересами», П. Парадизов усматривает противоречие. По мнению П. Парадизова, «Плеханов по политическим соображениям нашел целесообразным примкнуть к революционной легенде о декабристах» (стр. 99). Плехановских декабристов П. Парадизов считает «внеклассовыми, внесословными». Усвоенная Плехановым от Герцена «легенда о жертвенном значении 14 декабря», будто бы рассчитанном исключительно на пробуждение «спящих россиян» ценою сознательного самопожертвования, не выдерживает критики. С суждением Плеханова о «непоследовательности и нецелесообразности» тактики самого восстания П. Парадизов не согласен, полагая, что не только Трубецкой, но и Рылеев залогом успеха считали именно «минование ужасов народной революции», которых сами декабристы, даже задававшиеся целью «в бурном мятеже искать свободных прав», по собственному признанию, «более всего боялись» (стр. 105). Все же П. Парадизов признает, что Плеханов «принципиально не сходит с марксистских позиций в основном вопросе — в оценке идеологии декабристов», так как «вожди заговорщиков являются как раз первыми буржуазными идеологами в России» (стр. 114), тогда как у авторов, полагающих, что «в стремлении декабристов к уничтожению крепостного права главную роль играли соображения не экономического, а этического свойства», оказывается, что «сознание декабристов определяло собой их социальное бытие» (стр. 115).

В главе IV дана обстоятельная характеристика А. Н. Пыпина, много сделавшего для введения в историческую литературу «либеральной легенды» о декабристах.

Отмечая «поистине редкую личную порядочность» Пыпина, П. Парадизов констатирует, что хотя, по признанию самого Пыпина, фейербаховская «сильная и решительная логика казалась ему гораздо более привлекательной, чем фантастика французских социалистов», Пыпина «ни в коем случае нельзя считать не только последовательным фейербахианцем, но и вообще фейербахианцем» (стр. 121). Концепцию Пыпина П. Парадизов резюмирует в словах: «В пику правительственным памфлетам он доказывает, что декабристы — борцы за правовой порядок, за свободу, за человеческое достоинство вообще... Покончив с врагами справа, Пыпин с особым рвением нападает на врагов слева и, хотя он нигде прямо не называет Герцена, но судя по той старательности, с которой он... старается доказать, что декабристы, собственно говоря, ничего общего с революцией, вооруженным восстанием не имеют, что... подлинными наследниками декабристов являются либералы новейшей формации, — нельзя не заметить, что атака здесь ведется именно против герценовского изображения декабристов» (стр. 146). Парадизов отмечает, что фракционную борьбу в тайных обществах, разногласия «Севера» и «Юга» Пыпин старается изобразить не разногласиями, выросшими на почве классовых расхождений, а разногласиями формально-политического свойства, вызванными главным образом личными свойствами людей, стоявших во главе отделов: «Люди серьезного ума, знания и убеждения» ждали осуществления своих идеалов в далеком будущем путем мирного развития, а «энтузиасты или характеры резкие и нетерпимые» — Пестель, С. Муравьев, Каховский — перешли к «страшной крайности». Приходится признать, что П. Парадизов не отметил сделанного Пыпиным в «Очерках общественного движения при Александре I» для выяснения подлинных настроений массы «сочувствовавших» тайным обществам. Вообще П. Парадизов более интересуется политическими симпатиями и антипатиями самого Пыпина, чем адэкватностью его характеристик и построений по отношению к большинству участников движения. Весьма характерно признание П. Парадизова, что Пыпин находил в своем стремлении к популяризации «либеральной легенды» «огромную поддержку у подавляющего большинства самих уцелевших декабристов».

В главе «Декабристы в исторической литературе после 1905 г.» заслуживает внимания оценка фундаментального исследования В. И. Семевского «Политические и общественные идеи декабристов». Продуманная и обоснованная характеристика В. И. Семевского, этого «историка мелкой буржуазии», «честного противника марксизма» (стр. 161 — 201), — лучшее в книге П. Парадизова. Заслуживает внимания экскурс о партии народных социалистов, для которых «Семевский был тем же, чем был Лавров для народовольцев 80-ых годов» (стр. 197). Затемнение у Семевского «коренных причин фракционной борьбы внутри тайных декабристских обществ» П. Парадизов ставит в связь с тем, что Семевский «отрицал единственно научное, материалистическое понимание истории».

Поставив на первое место среди марксистских работ о декабристах труды М. Н. Покровского, П. Парадизов отвергает классовый «анализ» декабристов, данный тов. Ольминским, нашедшим местами, «как это ни странно, общий язык с заклятыми врагами декабристов, изображавшими всех заговорщиков предателями, «коварным подлогом заманившими на площадь бессознательную солдатскую массу» (стр. 249 — 253).

В заключение П. Парадизов сопоставляет декабристов с русской эмиграцией, категорически отрицающей классовую природу декабристского движения и выдвинутых им проектов, и высмеивает «попытку политических мертвецов рядиться в костюм крупнейших революционеров прошлого».

М. М. Клевенский. И. А. Худяков, революционер и ученый (биографический очерк). «Научно-популярная библиотека» № 4. Изд. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, М. 1919, стр. 128.

Нельзя не приветствовать появление в свет первого биографического очерка о крупном революционере 1860-х годов, выдающемся члене кружка так называемых «каракозовцев». И. А. Худяков является типичнейшим представителем разночинной

радикальной молодежи 60-х годов. Известный фольклорист, выпустивший три сборника «русских сказок», И. А. Худяков с 1862 г. всецело посвятил себя составлению популярных исторических книжек для широких народных масс; Г. А. Лопатин в своих воспоминаниях об И. А. Худякове говорит, что он «пишет книжки для народных школ, книжки цензурные, но, тем не менее, говорящие, в опытных руках, о многом не особенно цензурно». И действительно, многие из них («Древняя Русь», «Рассказы о древних людях») стали впоследствии, в 1870-х годах, на-ряду с подпольной литературой, необходимым обиходом пропагандиста-народника. Знакомство в 1865 г. с поручиком Ишутиным натолкнуло Худякова на мысль о создании большой революционной организации и о постановке широкой революционной пропаганды.

Привлеченный после покушения на цареубийство Каракозова к суду вместе с другими членами кружка Ишутина, он был приговорен к ссылке на поселение в отдаленнейшие места Сибири и отправлен в Верхоянск (самое холодное место в мире). Здесь он первые годы вновь занялся любимой наукой, изучением якутского фольклора и местного края, но не выдержал ужасных условий жизни в ссылке и сошел с ума.

Книга написана с обычным для М. М. Клевенского знанием предмета; им использован не только весь известный печатный материал, но отчасти также и архивные материалы. В вопросе о том, кто был истинным вдохновителем Каракозова на цареубийство — Ишутин или Худяков, — автор, хотя и оговариваясь, что «вероятно никогда нельзя будет разрешить этот спор», в конечном итоге склоняется на сторону Ишутина.

Однако прежняя версия, установившаяся как у современников, так и в исторической науке, что этим вдохновителем был Худяков, автором не отвергнута. Во всяком случае, известно, что москвичи разыскали Каракозова в первую поездку в Петербург и отговорили его от цареубийства; когда он вторично исчез, они сделали все возможное, чтобы отыскать его, и полная растерянность и испуг царили в их пресловутой революционной организации «Ад».

Вся эта затея смахивает, при внимательном ее изучении, на страницу бульварного исторического романа, а не на попытку создать серьезную революционную организацию. Между тем, Худяков не только видался и совещался в последние дни перед цареубийством с Каракозовым, но, во всяком случае, всем своим нравственным авторитетом старшего, влиятельного товарища оказал ему нравственную поддержку, не пытаясь даже переубедить этого экзальтированного человека.

И. М. Красноперов. Записки разночинца. С предисловием Б. П. Козьмина. «Молодая гвардия», М.—Л. 1929, стр., 147.

В предисловии Б. П. Козьмин излагает «один из самых ярких и красочных эпизодов революционного движения 1860-х годов» — казанский заговор 1863 г. — и указывает на значение мемуаров И. М. Красноперова, приговоренного за участие в этом заговоре к каторжным работам на 8 лет, затем помилованного, а впоследствии работавшего в Самарском и Тверском земстве в качестве земского статистика и сотрудничавшего в прогрессивных изданиях.

В своих воспоминаниях И. М. Красноперов живо изображает сводившееся к бессмысленной зубрежке «учение» в духовном училище, благотворное влияние преподавателя А. А. Красовского (лично знавшего Добролюбова и Чернышевского, приучавшего к осмысленному систематическому чтению и дававшего для сочинений темы вроде: «Какое впечатление производит на ученика суровый и неприступно важный вид начальника школы?»), панихиду по Добролюбове, университетскую жизнь в Казани в начале 60-х годов, благотворное влияние Щапова. Затем излагаются арест автора воспоминаний, вызванный перехваченным письмом его к тому же А. А. Красовскому, в котором выражается уверенность в том, что «старому свету приближается конец, и Россия воспрянет от сна», и продолжительные тюремные мытарства И. М. Красноперова. «Записки разночинца» в самом деле дают отчетливое представление о настроениях и надеждах революционеров 60-х годов.

Примечания составлены хорошо. В примечании 45 воспроизведено интересное письмо Красноперова к Чернышевскому, содержащее в себе просьбу написать, «можно

ли найти какие-нибудь средства, чтобы проучиться в Петербургском университете, не умерев с голоду». Красноперов подчеркивает, что обращается именно к Чернышевскому, потому что он знаком ему «по своим благородным статьям». В приложениях воспроизведены подложный манифест 1863 г. и прокламация казанского революционного кружка 1862 г.

Б. П. Козьмин. Революционное подполье в эпоху белого террора. «Историко-революционная библиотека», № 1 (XLII), М. 1929, стр. 191.

Б. П. Козьмин ставит себе задачу разобраться в вопросе о том, действительно ли, согласно «обычной и укоренившейся» точке зрения на эпоху 60-х годов, после разгрома 1866 г. в России «вообще никакой революционной работы не велось и никаких революционных организаций не существовало» до возникновения кружка Нечаева.

На основании тщательнейшего исследования литературных источников и до сих пор никем не тронутых архивных материалов Б. П. Козьмин детально воспроизводит «дела» братьев Пеньковских и Элпидина, обвинявшихся в распространении прокламации «Долго давили вас, братцы...»; при этом автор отмечает неточности в литературе. Затем по делам III Отделения и следственной комиссии излагается весьма характерная для того времени деятельность «хорошо известной III Отделению нигилистки» Е. А. Солодовниковой, организовавшей, между прочим, «Аларчинские женские курсы», слушательницами которых были некоторые выдающиеся революционные деятельницы, в том числе С. Л. Перовская.

Особенно детально изложена «история начала и конца миссии И. И. Бочкарева», сблизившегося с сербской культурно-просветительной организацией «Омладиной», привлекшего этим к себе внимание русского консульства в Белграде и арестованного при возвращении в Россию. Чрезвычайно интересно описание похождений «члена I Интернационала череповецкого мещанина И. Г. Розанова», потребовавшего при аресте, чтобы с ним «обращались по-человечески», и мистифицировавшего III Отделение выдумкой о заговоре, с целью «посредством похищения кого-либо из членов императорского дома освободить Чернышевского и вытребовать, если можно, другие реформы» (стр. 60). Подробно изложен «пикантный» эпизод об обыске, произведенном в Женеве, у Бочкарева по инициативе Элпидина русскими эмигрантами, среди которых «крайнее любопытство» Бочкарева произвело переполох. Б. П. Козьмин считает установленным, что Бочкарев в самом деле явился к Элпидину «с поручением от какой-то организации или группы, существовавшей в то время в Петербурге» (стр. 111 — 112).

Затем излагается дело о подготовке покушения на Александра II в Елизаветграде в 1869 г. и характеризуется тайная организация «Сморгонская академия», члены которой были прозваны «сморгонцами» ввиду сходства их туалетов и манер с медведями, которых дрессировали в местечке Сморгони. Деятельность этой «академии» сводилась к «мечтаниям» о желательности освобождения Чернышевского и разговорам о цареубийстве. Возможность подобных разговоров Б. П. Козьмин считает «весьма вероятной», так как «мысль о цареубийстве в 1868 — 1869 гг. носилась в воздухе». Заслуживают внимания указания на связь С. Г. Нечаева с «елизаветградским делом». Важный результат тщательно документированного исследования Б. П. Козьмина — установление промежуточных звеньев между кружками Ишутина и Нечаева.

П. А. Кропоткин. Записки революционера. Том I. Седьмое (русское) издание, дополненное. Перевод с английского Дионео, с предисловием Георга Брандеса, под редакцией и с примечаниями Н. К. Лебедева. Изд. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. «Историко-революционная библиотека», кн. L — LI. М. 1929, стр. 408.

«Записки революционера» представляют, прежде всего, интерес исторический, рисуя быт крепостников-чиновников «военного и гражданского аппаратов» накануне освобождения крестьян от крепостной зависимости. Если «Записки» в этом отношении ограничены соответствующим кругозором передового московского дворянина и придворного пажа, то они, с другой стороны, очень интересны как документ автобиогра-

фический, показывающий условия зарождения анархической мысли Кропоткина на родной почве крестьянской России и развитие ее во время пребывания его на Западе. Родные картины царской России определили навсегда идеологический горизонт Кропоткина: он глядел на Европу глазами русского бунтаря-анархиста, оставшись на всю жизнь неспособным понять своеобразие исторической среды, которая должна привести к победе пролетарски-социалистической революции. Кропоткину было 56 лет, когда он писал свои «Записки», и после долгих лет проповеди анархического коммунизма он заключает второй том «Записок» таким характерным заявлением: «И теперь, на пятьдесят шестом (в английском оригинале сказано: «... in my fifty-seventh year», etc) году жизни, я еще более глубоко убежден, чем был тридцать лет тому назад, что положение Европы таково, что чисто случайное совпадение благоприятных обстоятельств может вызвать революцию, которая так же быстро распространится по всем странам, как революция 1848 г., но будет иметь притом гораздо более глубокое значение: она представит миру не простую борьбу между враждебными политическими партиями, но быстрое и решительное преобразование всего общественного строя» (Цитируется по шестому, дополненному изданию «Мосполиграфа» 1924 г., том II, стр. 387). И это «решительное преобразование всего общественного строя» будет иметь причиной «случайное совпадение благоприятных обстоятельств». Необходимо учесть к тому же, что Кропоткин писал свои «Записки» в такую пору, когда анархизм был окончательно скомпрометирован рядом индивидуальных террористических выступлений, в которых трудно было отличить, «где кончается бандит и начинается анархист». В «Записках» нет и следа того, как Кропоткин учел этот опыт; все это не вызвало у него перелома, изменения во взглядах. К механистическому толкованию общественных явлений следует прибавить усиливающийся у него с годами обывательский эмпиризм, выразившийся [в позднейшей (русской) приписке к «Запискам»] в совете молодым революционерам ограничиваться одним чтением хроники газет. К чести Кропоткина надо напомнить, что он, как ученый, не руководствовался этим анархически-обывательским эмпиризмом, будучи одним из творцов гипотезы ледникового периода в истории нашей планеты.

Настоящее, седьмое (русское), издание дополнено, как и предыдущее шестое, недостающими в английском издании местами из первоначального русского текста и позднейшими приписками на русском же языке. Эти дополнения очень интересны, увеличивают исторически-бытовой интерес «Записок» вообще. В сделанном Дионео-Шкловским переводе с английского имеются отступления от английского оригинала. Выше мы указывали на одно из таких отступлений. Есть и другие. Так, в русском переводе предисловия Георга Брандеса сказано о Кропоткине, что он «вечером, в крестьянском полушубке, отправляется в предместья, чтобы проповедывать среди крестьян революцию» (стр. 16 настоящего издания), в то время как в английском издании (London, 1899, p. IX), с которого переводил Дионео, сказано лишь: «appears... in the evening in peasants' clothes in the suburbs, as a preacher of revolution». Если эти изменения и сделаны самим Кропоткиным, который, как упоминает издатель, редактировал перевод, то указать на это различие все-таки следовало. Перепечатанные с предыдущего издания примечания порой отличаются сухостью, неотчетливостью, которая местами может быть объяснена недостаточностью наличного о том или другом лице материала.

С. Синегуб. Записки чайковца. С предисловием И. Гладнева. («Революционное движение в мемуарах современников», под ред. П. Анатольева и В. Невского). Изд. «Молодая гвардия», М. 1929, стр. 341, с портретом автора.

Нельзя не приветствовать появление в свет отдельным изданием «Записок чайковца» С. Синегуба. Записки первоначально были напечатаны еще в 1906 — 1907 гг. в журналах «Былое» (1906 г., №№ 8—10) и «Русская Мысль» (1907 г., №№ 9 — 11), а отдельным изданием выходят только теперь. Воспоминания С. Синегуба принадлежат к лучшим образцам русской революционной мемуарной литературы, — к таким, как «Записки революционера» П. Кропоткина, «Запечатленный труд» В. Н. Фигнер и

пожалуй, еще «Воспоминания» В. Дебагория-Мокриевича. В своих воспоминаниях Синегуб дает яркую картину революционного движения начала 70-х годов — этой эпохи мечтательной юности нашего революционного движения. П. А. Кропоткин в своих «Записках революционера» так характеризует своих товарищей-чайковцев:

«Никогда впоследствии не встречал я такой группы идеально чистых и нравственно выдающихся людей, как те 20 человек, которых я встретил на первых заседаниях кружка чайковцев. До сих пор я горжусь, что был принят в такую семью».

Революционному периоду деятельности С. Синегуб посвятил первую часть своих воспоминаний—«Фиктивный брак»; обе остальные части — «В руках жандармов» и «По сибирскому тракту» — посвящены тюремным впечатлениям, суду и ссылке в Сибирь на каторгу (Кара) и первым годам жизни на каторге.

Тов. И. Гладнев в предисловии к книге упрекает автора в том, что он не осветил последнего года деятельности чайковцев — «эпохи хождения в народ». Нельзя, однако, требовать от человека, делящегося лишь своими личными воспоминаниями о пережитом, чтобы он описывал те события, которые произошли на воле уже после его ареста. Непонятно также, чем руководствовалась редакция, придав наиболее важной части воспоминаний (период революционной деятельности Синегуба) заглавие «Фиктивный брак». Это событие, хотя и сыгравшее важную роль в его личной жизни, остается все-таки всего-на-всего лишь случайным эпизодом в революционной деятельности Синегуба.

В предисловии мы натыкаемся на следующее любопытное утверждение: т. И. Гладнев уверяет, что П. А. Кропоткин был товарищем детских игр Александра II. Такое утверждение указывает на недостаточное знакомство автора предисловия с описываемыми им фактами. Достаточно лишь припомнить даты рождения Александра II — 1818 г. и П. А. Кропоткина — 1842 г. Видимо И. Гладнев был введен в заблуждение следующим эпизодом (см. «Записки революционера» П. А. Кропоткина, т. I, М. 1929, стр. 48). При посещении в конце 40-х годов Москвы царской семьей, на балу, данном московским дворянством, Кропоткин... еще ребенок 6 — 7 лет, изображал в живых картинах персидского принца. Николай I подвел понравившегося ему ребенка к жене наследника (т. е. будущего Александра II), и усталый от новых впечатлений мальчик вскоре заснул, уткнувшись головой в колени жены «своего товарища детства».

Следует отметить и ряд неточностей и ошибок в примечаниях. Так, А. Д. Кувшинская и А. Д. Чарушина фигурируют в указателе как два лица, а не одно, и в примечании об А. Д. Кувшинской не оговорена эта ошибка и не указано, что она вышла замуж за Чарушина. В примечании 35 о Л. А. Тихомирове (стр. 303) приписывается В. Н. Фигнер, Н. А. Морозову и М. Н. Ошаниной попытка восстановить после 1 марта 1881 г. Исполнительный комитет. Между тем, из трех вышеуказанных лиц в действительности участвовала лишь М. Н. Ошанина с ее московской группой вместе с уцелевшими членами Исполнительного комитета М. Грачевским, Ю. Богдановичем, а арестованный на границе при попытке нелегально вернуться в Россию Н. А. Морозов не мог никак участвовать в приписываемом ему деле; уехавшая же на юг В. Н. Фигнер в этот период фактически не принимала непосредственного участия в делах Исполнительного комитета.

Примечания 62 и 107 указывают две различные даты начала Герцоговинского восстания: 1874 и 1875 гг. На самом деле восстание началось в 1875 г. (как указано в примечании 100), но русские революционеры приняли в нем участие лишь на второй год восстания, т. е. в 1876 г.

Неверно утверждение (примечание 107, стр. 321), что С. Ф. Ковалик принадлежал к незначительному, отколовшемуся от чайковцев петербургскому кружку Лермонтова. Ковалик объединял вместе с П. Войнаральским большинство тогдашних революционных кружков юга России. Оба они были наиболее влиятельными и авторитетными лицами среди революционеров начала 70-х годов.

В. И. Засулич в начале 80-х годов (указание примечания 86) — точнее, в конце 1881 г. — эмигрировала вторично, а в первый раз эмигрировала еще в 1878 г., тотчас же после своего оправдания судом, и пробыла за границей до лета 1879 г.

В примечании 65 о Худякове не указывается, что он был самой крупной революционной силой кружка каракозовцев и, повидимому, истинным вдохновителем покушения Каракозова на Александра II в 1866 г.

О Кокосове (примечание 141) следовало бы указать, что он продолжительное время был врачом на Каре.

В примечании 140 упущено указание, что девичья фамилия Н. К. Сигиды была Малаксиано, и т. д.

Книга издана хорошо и будет прочитана с большим интересом каждым интересующимся нашим революционным прошлым.

А. Корнилова-Мороз. Перовская и кружок чайковцев. «Дешевая историко-революционная библиотека». Изд. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, М. 1929, стр. 49.

В первой части этой чрезвычайно содержательной брошюры, являющейся ценным первоисточником по истории революционных групп для периода 1868 — 1878 гг., по личным воспоминаниям автора описана организация первых («Аларчинских») женских курсов в Петербурге, слушательницею которых была «скромная и молчаливая 16-летняя С. Л. Перовская», с которою автор брошюры был очень дружен. Заслуживают внимания указания на выдающиеся способности С. Л. Перовской к математике и вообще к самостоятельному умственному труду и опровержение пущенного в обращение С. М. Кравчинским «совершенно неверного представления о Перовской как о барышне, блиставшей на балах в светском обществе Петербурга». Процитировав соответственное место из «Записок революционера» П. А. Кропоткина, А. Корнилова замечает: «могу вполне удостоверить, что Перовская светской барышней никогда не была». Интересны сведения об активных участницах тогдашних революционных кружков сестрах Корниловых, О. А. Шлейснер-Натансон, о вульфовской коммуне. Во второй части излагается деятельность кружка самообразования, организованного в 1871 г. Натансоном и Чайковским, и выражается отрицательное отношение соответственных групп к «нечаевщине». В третьей части изображается деятельность кружка чайковцев.

Н. А. Чарушин. О далеком прошлом. На Каре. С предисловием Ф. Кона. Изд. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, М. 1929, стр. 109.

Воспоминания Чарушина охватывают период 1878 — 1881 гг., время его пребывания на каторге до мая 1881 г. В первые годы пребывания на Каре Чарушина отношения его с администрацией были довольно мирные, — политические, в особенности вольнокомандцы, пользовались относительной свободой. Но вскоре последовал циркуляр Лорис-Меликова, и все оказались за тюремными решетками, под замком. Это событие вызвало первую трагедию на Каре — самоубийство политического Семяновского, не вынесшего перспективы вновь очутиться за решеткой после хотя бы этой мизерной «полусвободы». За ним отравился Родин и сошла с ума политическая — Ковалевская. «Страшной тяжестью, — пишет Чарушин,— обрушились на нас эти два самоубийства и сумашествие Ковалевской. Казалось несомненным, что при новых порядках на Каре, это — лишь начало, что за ним последует продолжение и что в ближайшем же будущем жизнь на Каре превратится в одну сплошную трагедию, что действительно и случилось»...

Кроме ярких характеристик своих сотоварищей по Каре, автор «Воспоминаний» дает портреты местной администрации, в том числе — тюремного врача Кокосова, впоследствии автора очерков и рассказов из Карийской жизни, печатавшихся в журнале «Русское богатство» и вышедших отдельным изданием.

Замечание, сделанное в предисловии т. Ф. Коном, что автором «не отражены партийные разногласия среди политических на Каре», может быть принято с той оговоркой, что, конечно, с конца 70-х годов в русских революционных кружках появились различные течения революционной мысли, но отношения между членами отдельных фракций оставались еще мирными и дружественными. Вспомним хотя бы для примера

отношения в 1884 — 1886 гг. между членами первого с.-д. кружка благоевцев и народовольцами (см. воспоминания Благоева и И. И. Попова).

И. П. Белоконский. Дань времени. Воспоминания. 2-е издание, значительно дополненное и иллюстрированное рисунками и портретами. Изд. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, М. 1928, стр. 371.

Автор этих чрезвычайно интересных воспоминаний, отрывки из которых печатались в журналах и газетах, в которых он сотрудничал, еще до 1905 г., находясь, конечно, «в зависимости от цензурных условий», говорит о себе, что, «бросившись с юных дней в полые воды общественного движения, захватывался разными течениями и плыл, не отдавая себе долгое время отчета, куда я плыву и зачем» (стр. 9). У него «не было никакой программы», он «не принадлежал ни к какой партии».

В последней главе, озаглавленной: «Чем руководствовались арестовавшие и сославшие меня», И. П. Белоконский указывает выяснившиеся ему лишь через 27 — 28 лет после его ареста из опубликованного в «Былом» «Свода показаний, данных некоторыми из арестованных по делам о государственных преступлениях», мотивы, в силу которых он был арестован в ночь с 17 на 18 августа 1879 г., сослан в Восточную Сибирь, а затем ограничен в выборе места жительства и т. д.

Арест И. П. Белоконского был вызван нелепыми показаниями двух лиц, «терпшихся среди радикальной молодежи». Оба эти показания представляли собой «сплошную глупость и юмористику, пригодные для сатирических журналов, а никак не для обвинительных актов». В одном из этих показаний главным обвинением является «восхваление конокрадов», протестующих против современной жизни. В другом показании центральным пунктом обвинения является утверждение, что И. П. Белоконский, которому тогда было не более 20 лет, «слыл в революционной среде за старого социалиста» (стр. 354). Кроме того, И. П. Белоконский обвинялся в хранении «запрещенных» сочинений, каковыми оказались тетради с выдержками из Пыпина, Милля, Гельмгольца, Добролюбова и других авторов, тогда беспрепятственно выдававшихся в библиотеках. Хотя дознание не обнаружило «никаких данных», на основании которых можно было бы «формулировать принадлежность к революционному сообществу», «тем не менее он был задержан», как сказано в упомянутом «Своде показаний» (стр. 153).

Подробности обыска и ареста, тюремный режим, изумительный по беспредельному невежеству производившего дознание офицера допрос воспроизведены живо и красочно. С добродушным юмором изображены наивные юношеские увлечения автора писаревским «нигилизмом», сводившимся, при своеобразном его преломлении в провинциальной среде, к резанию лягушек (без знания анатомии) и к попытке «вскрыть кота», который «благоразумно» исцарапал «мыслящему реалисту» лицо и скрылся. Воспоминания И. П. Белоконского дают много характерных деталей и относительно других «знаков времени», которыми он «был отмечен в ранней юности», относительно «народолюбства» и «своеобразного конституционализма».

Этот «своеобразный конституционализм» И. П. Белоконского, избранного в 1878 г. депутатом для поездки в Петербург для переговоров с тамошними конституционалистами об «единении либералов и радикалов», вызвал резкое столкновение автора воспоминаний с Валерианом Осинским, тогда доказывавшим, что «нигде и никогда конституция ничего не давала народу» (стр. 103). Кроме Осинского, И. П. Белоконский имел дело со многими выдающимися революционерами: И. М. Ковальским, А. И. Желябовым и другими, и о каждом из них он приводит весьма интересные подробности.

По дороге в Сибирь и в ссылке И. П. Белоконский также соприкасался, с одной стороны, со многими революционерами и по разным мотивам сочувствовавшими ссыльным лицами, с другой стороны — с типичными представителями тогдашних властей. Живые образы и тех, и других делают талантливо написанные воспоминания И. П. Белоконского ценным источником для лиц, интересующихся историей революционного движения в России.

А. А. Кункль. Покушение Соловьева. «Научно-популярная библиотека». Изд. Всесоюзного общества политкаторжан, М. 1929, стр. 110.

Появление в свет брошюры А. Кункля совпало с 50-летием покушения А. Соловьева на жизнь Александра II (2/14 апреля 1879 г.). Содержание ее шире, чем это можно было ожидать по заглавию. Это — первая попытка дать полную биографию видного революционера 70-х годов прошлого столетия. До сих пор, кроме анонимно изданных за границей, в Женеве, в 1882 г. «Воспоминаний об А. Соловьеве» Ю. Богдановича и обстоятельной, ярко написанной В. Н. Фигнер биографической статьи в 41-м томе «Энциклопедического словаря» бр. Гранат (пропущенной Кунклем в библиографии, приложенной к книге), не было отдельных работ об А. Соловьеве (кроме нескольких журнальных статей). Кункль использовал для своей работы не только печатный материал, но также «Дознания» и отчет о процессе Соловьева и др. архивные материалы.

В истории русского революционного движения покушение Соловьева сыграло исключительную роль. Разногласия в партии «Земли и воли» между террористами и народниками-пропагандистами в связи с покушением настолько обострились, что потребовался съезд, который и был созван в Воронеже, причем перед съездом террористы совещались между собой в Липецке. На съезде «Земля и воля» раскололась на две партии: «Народную волю» (террористы) и «Черный передел» (пропагандисты-деревенщики). Останавливаясь на этом расколе (глава VII «От пропаганды к террору»), автор недостаточно учел влияние, оказанное на развитие революционной тактики южанами, революционерами-бунтарями, еще в 1876 — 1877 г. проповедывавшими необходимость пропаганды делом — посредством бунтов и индивидуального террора. Первым проявлением центрального террора было покушение 24 января (ст.ст.) 1878 г. члена кружка киевских бунтарей В. И. Засулич на Ф. Ф. Трепова. Автор совершенно не отметил также влияния П. Ткачева и его группы «Набат». Кроме того, в брошюре, предназначенной для широких слоев читателя, следовало бы делать, хотя бы в выносках или примечаниях, характеристику упоминаемых в тексте лиц.

Народовольцы 80-х и 90-х годов. Труды кружка народовольцев при Всесоюзном обществе политкаторжан и ссыльно-поселенцев, вып. II, М. 1929, стр. 222.

Народовольческие сборники ставят своею целью собирание материалов по истории народовольчества в послемартовский (1881 г.) период, который остается до сих пор почти неисследованным и неизвестным в литературе по истории русского революционного движения. До появления в свет первого сборника — «Народовольцы после 1 марта 1881 г.» (М. 1928) — все известные материалы ограничивались напечатанными в «Былом» 1906 — 1907 гг. «Воспоминаниями» Баха, Тана-Богораза и С. Иванова и статьями Пешекерова и И. И. Майнова (псевдоним — Волков) о работе народовольцев среди рабочих и появившимися в современных журналах несколькими статьями: Р. Кантора, «Воспоминания»; Новополина, «Последние усилия» («Пути революции», 1926 г., № 2 — 3 [5 — 6]); В. Сухомлина, «Из эпохи упадка Народной воли» («Каторга и ссылка» за 1926) и др.

Содержание второго сборника имеет почти исключительно мемуарный характер; исключением являются: небольшой некролог, посвященный недавно умершей видной деятельнице «Народной воли» С. А. Борейшо-Ивановой, и две исследовательские статьи, составленные по архивным материалам: Л. Берман, «Дополнение к статье М. П. Шебалина» (отрывки из показаний обвиняемых по «делу двенадцати») и Р. П. Кантора, «О Дерптской типографии «Народной воли» (впервые точно устанавливается, что причиной провала Дерптской типографии была провокация Гекельмана-Ландесена, а не случайность, как думали до сих пор). Статья П. А. Бодаева — «Н. М. Флеров и «подготовительная» группа «Народной воли» и заметка В. М. Крутовского дают существенные дополнения к статьям И. И. Попова и М. П. Шебалина из первого сборника о деятельности петербургской народовольческой организации 1882 — 1884 гг. и пропаганде среди рабочих. Статьи М. А. Брагинского, «Из воспоминаний о военно-революционной организации» (1884 — 1886 гг.), и Л. В. Фрейфельд, «Из жизни народовольческих организаций конца 1880-х годов», освещают совершенно

неизвестную в литературе деятельность революционных военных кружков второй половины 80-х годов и их связи с неудачной организационной попыткой С. Гинсбург в 1889 — 1890 гг. восстановить партию «Народной воли» в общероссийском масштабе и возобновить центральный террор. Статьи В. П. Денисенко, «Харьковская группа «Народной воли» (1885 — 1887)», и З. Когана, «Тульская типография партии «Народной воли», являются ценным дополнением к малочисленным материалам, опубликованным в печати («Воспоминаниям» Тана-Богораза, статьям Кантора и Макаревича в журнале «Путь революции» и к статьям А. Н. Шехтер-Минор, А. А. Кулакова и М. М. Полякова, напечатанным в первом сборнике — «Народовольцы после 1 марта 1881 г.»).

Большой исторический интерес представляют письма по истории «Народной воли» Р. А. Иванова, которые он писал в Шлиссельбурге П. В. Карповичу, с предисловием Б. Н-ского и В. Н. Фигнер, в которых он дает яркую картину полного развала «Народной воли» в послемартовский (1881 г.) период и устремления новых деятелей к союзу с либералами. Эти признания, написанные под свежим впечатлением недавнего поражения, имеют больший объективный исторический вес, чем более оптимистическая картина, данная им позднее в своих воспоминаниях о том же периоде. Живо и интересно знакомит читателя с «революционными буднями» повседневной работы и жизни в подпольной типографии рабочий, участник народовольческой Лахтинской типографии, Н. Е. Смирнов — «Черты из жизни Лахтинской типографии». В общем рецензируемый сборник явится ценным материалом и пособием для каждого изучающего русское революционное движение второй половины 80-х годов.

Григорий Гершуни. Из недавнего прошлого. С предисловием В. И. Невского. Изд. «Молодая гвардия», Л. 1928, стр 246.

Выпущенная издательством «Молодая гвардия» книжка представляет сокращенное переиздание мемуаров организатора партии с.-р. Г. Гершуни, в свое время (1908 г.) опубликованных в Париже, а затем выпускавшихся и в России. В предисловии объясняется, почему пролетарское издательство решилось предложить современному рабочему читателю книгу мелкобуржуазного революционера и зачинателя ныне враждебной рабочему классу партии. Так как в царское время эта партия была революционной и сумела «сплотить мелкобуржуазные революционные элементы», то она «неоднократно выдвигала на арену политической борьбы с самодержавием подлинных революционеров, беззаветно жертвовавших своей жизнью во имя интересов рабочих и крестьян» (точнее говоря — как им казалось, рабочих и крестьян, ибо объективным содержанием их борьбы была политическая свобода, обеспечивавшая свободное развитие капитализма, — это показало поведение партии с.-р. после Октябрьской революции). Поэтому даже при отрицательном отношении к программе и тактике с.-р. «все это не исключает того, чтобы почерпнуть при чтении таких воспоминаний, как воспоминания Гершуни, большое духовное наслаждение и ненависть к такому строю, где насилие, гнет, эксплоатация, тюрьма, чуть не всеобщее предательство и провокация были основной системой управления, т. е. к такому строю, где во главе государства стоит представитель дворянства и буржуазии».

И действительно, воспоминания Гершуни с естественно присущим им налетом героического романтизма начальной поры революционного движения должны производить сильное и облагораживающее впечатление на души юных читателей, знающих о революционной борьбе только по наслышке, но за молодостью лет еще не успевших принять в ней личное участие. Как бы ни была безобразна самая обстановка процесса Гершуни вследствие предательства одних (Качура и семья Григорьевых) и вынужденного молчания других, в том числе главного героя процесса, — который, кстати, весьма невразумительно излагает причины своего молчания, — но само по себе изображение небольшой группы решительных людей, бросивших во имя народного освобождения смелый вызов грозному противнику, да еще столь бессовестному и безжалостному, как российский царизм, готовых претерпеть за свои убеждения любые страдания вплоть до мучительной смерти, благотворно действует на читателя, тем более, что Гершуни

не был лишен литературного таланта, а некоторые его описания и изображаемые им сцены набросаны рукою мастера. Переживания узника, как указывает предисловие к книжке, «описаны превосходно: умирать за свободу, за дело рабочих и крестьян, за правое дело трудящихся масс — радостно, но смерть в застенке, в смрадной закуте-тюрьме, под рукой озверелого палача — не легка. И вот почему такое сильное впечатление производит на фоне этих мук и переживаний то могучее влияние, которое оказывает на узника, не знающего, в чем дело, но по тысяче изменившихся мелочей тюремной жизни понимающего, что гигант, борющийся за стенами каземата, потрясает и этот самый каземат».

При всех своих достоинствах и недостатках книга Гершуни является историческим документом. Если мы хотим, чтобы молодежь знакомилась по ней не только с фактами из истории партии с.-р. (кстати, в этом отношении книга дает немного), но и с психологией деятелей этой партии, с их образом мышления, с их специфическими настроениями и душевными переживаниями, с их чаяниями и пр., то мы должны, разумеется, дать ей этот исторический документ в его подлинном виде. Между тем, редакция книги почему-то решила произвести в ней произвольные сокращения, в значительной степени меняющие ее тон, особый эсеровский привкус. Эти сокращения не так уж велики, чтобы удешевить книгу (это могло бы еще служить для них оправданием), но при всей их незначительности (в большинстве случаев, хотя иногда попадаются и сравнительно крупные) этих сокращений набралось достаточно для того, чтобы если не исказить, то изменить общую физиономию книжки. Мы заметили 26 таких сокращений на следующих страницах рассматриваемого русского издания (в скобках приводим соответствующие страницы парижского издания 1908 г.): 13 (1, 5 — 7, 8), 19 (17), 24 (24), 35 (41), 37 (44), 41 (49), 41 (50) два пропуска, 42 (52), 42 — 43 (53 — 54), 44 (56), 46 — 47 (60 — 67), 48 (69), 49 (70), 49 (71 — 74), 49 (74 — 75), 63 (95), 64 (96 — 97), 68 (103), 71 (108), 79 — 80 (119 — 120), 82 (122 — 123), 84 (127 — 128), 90 (135), 129 (191 — 193). Пропуск имеется и в приложенном к книге отрывке «После побега», принадлежащем Е. Сазонову (стр. 206).

При этом сокращению, а иногда и искажению подвергнуты некоторые серьезные места. То, что выброшены посвящение Гершуни, а также его прощальное слово при расставании шлиссельбуржцев, еще куда ни шло, хотя уместность такого сокращения спорна. Но то, что выброшены места о Трусевиче (41), о неосведомленности жандармов (41), о заявлении Гершуни прокурору судебной палаты (44), о лживости показаний Григорьева и Качуры (42 — 43), о подготовке покушения на Победоносцева (стр. 60 и сл. парижского издания, кстати — весьма характерные для легкомыслия, с которым предпринималось это дело), то, что искажено место о переживаниях после отмены смертного приговора (63), выброшено важное место о характере тогдашнего террора (64), сделаны пропуски в описании переживаний при входе в Шлиссельбург и в камеру (82, 84) и многое другое, — это уже значительно хуже. Кроме произвольных пропусков, сделанных неизвестно кем, но вряд ли лицом опытным и компетентным, произведено и другое изменение: примечания автора, имевшиеся в оригинале, введены в текст, и притом не все и тоже с сокращениями. Такой центральный в известном смысле для воспоминаний Гершуни момент, как характер показаний Качуры, причина его «покаяния» и вообще обстановка покушения на Оболенского, связанная с приемами Гершуни при подборе людей для террора, вопрос, в достаточной мере заминаемый самим автором, в издании «Молодой гвардии» окончательно запутан, смят и лишен всяких контуров и красок (48 — 49). Словом, строго говоря, перед нами не столько воспоминания Гершуни, сколько документ, составленный на их основании неизвестным лицом и хотя во многих случаях стоящий близко к подлиннику, но местами сильно от него отличающийся.

Содержание мемуаров Гершуни общеизвестно. Они начинаются с его ареста в Киеве в мае 1903 г.; затем идут Петропавловская крепость, суд, смертный приговор, помилование, Шлиссельбург, Москва, Акатуй и побег из последнего в 1906 г. Здесь не столько факты, сколько личные переживания автора. Но эти переживания также имеют немалое значение в виду того места, которое в свое время занимал Гершуни

*

в партии с.-р., одним из создателей которой он является. С этой точки зрения многие его размышления весьма полезны для понимания дальнейшей судьбы партии с.-р. Пройдем мимо фактических неточностей в некоторых сообщениях Гершуни вроде его указаний на выдающуюся роль Качуры в екатеринославских рабочих кружках («кумир и гордость рабочих кружков», стр. 31 и 50), о чем не говорят другие авторы. Отнесем на счет тюремных настроений странные заявления революционера полицианту Макарову, товарищу директора Департамента полиции: «Может быть, вы и в самом деле честный человек» (стр. 36 и 57). Не станем подчеркивать наивностей вроде: «Вешать-то, видно, не сладко», — проносится злорадная мысль» (стр. 54), — мысль, возникшая только на том основании, что у военных судей после ночного совещания были истомленные, измученные лица. Все это, пожалуй, мелочи, хотя и не лишенные своего значения для общей картины. Но следующее место, говорящее о политических взглядах автора, слишком характерно и приоткрывает завесу над грядущими судьбами по существу буржуазной партии с.-р.

Узнав в сентябре 1905 г. о том, что правительство пошло на уступки, что учреждается Государственная дума (булыгинская), вводится «конституция» и т. п., Гершуни предается следующим размышлениям (приводим это место с сокращениями): «И уже действительно в России можно будет жить? Уже не нужно будет убивать?.. Уже не нужно будет умирать за убийства?.. Истерзанная родина не требует уже больше жертв? Кроткие и любящие не вынуждены уже будут брать в руки кровавый меч?.. Слово правды и справедливости заменило, наконец, бойцам за счастье и свободу трудящихся револьвер и бомбу?.. Забвение! Забвение!.. Голоду, холоду, векам рабства и угнетения, тьме и невежеству, грабежу и насилию, всем преступлениям сытой и злобной власти над народом — забвение» (стр. 102 — 103).

Это, может быть, очень красиво и благородно, но с политической точки зрения более чем убого. Итак, с введением конституции, будь даже не булыгинской, а настоящей, активной борьбе за народное счастье конец?! Голоду, холоду и пр. конец?! Воззрение, типичное для буржуазного демократа, но никак не для революционного социалиста. Стоя на этой позиции, преемники Гершуни и объединились с буржуазией для борьбы с освободившимся пролетариатом.

К книжке приложены примечания. Некоторые из них излишни или слишком многословны, зато другие невразумительно лаконичны. Напр., на стр. 205 Н. К. Руссель назван «гаванским сенатором». Но, во-первых, должно быть «гавайским», а не «гаванским», а, во-вторых, не объяснено, кто же такой Руссель (зато объясняются слова Щедрин, Гюго, иезуит, Александр III и т. п.).

Вера Фигнер. Полное собрание сочинений в шести томах. Том II. Запечатленный труд. Часть вторая. Изд. 2-е, пересмотренное. Изд. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, М. 1928, стр. 289.

«Глава, открывающая эту книгу — День первый, — тот первый день безнадежного, бесправного состояния, когда из Петропавловской крепости я была переведена в Шлиссельбург, вылилась у меня сразу, без всяких поправок», — говорит автор «Запечатленного труда», скромно отводящий своей книге место только на-ряду с «Моими темницами» Сильвио Пеликко. На самом деле «Запечатленный труд», несомненно, нельзя не поставить на первом месте в ряду литературных произведений сколько-нибудь аналогичного содержания, и притом не только ввиду того исключительного интереса, которого эта книга, с первого слова до последнего, не может не вызывать, но и ввиду первоклассного таланта автора. Вера Николаевна Фигнер обладает в высшей степени даром реального изображения психики не только своих товарищей по заточению, революционеров различных формаций, но всех тех, с кем ей приходилось соприкасаться в эти ужасные годы. Пред читателем проходят не абстракции, а живые индивидуальности.

«Запечатленный труд» принадлежит к немногим книгам, в которых форма адэкватна содержанию, чувствуется, что нет ни слова лишнего. Что же касается содержания, то «Запечатленный труд» всего лучше дает возможность вникнуть, вчувствоваться

в действительную психику героев «Народной воли». Для тогдашнего настроения автора «Запечатленного труда» и ее товарищей по Шлиссельбургу чрезвычайно характерен приводимый Верой Николаевной Фигнер гордый ответ одного из узников сановному посетителю: «Остаюсь при убеждении, что только политическая свобода даст России возможность развиваться и процветать».

В. Н. Фигнер. Член исполнительного комитета партии «Народная воля» Михаил Федорович Фроленко. «Дешевая библиотека журнала «Каторга и ссылка». Изд. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, М. 1928, стр. 23.

В. Н. Фигнер рисует со свойственным ей литературным талантом образ «основательного, невозмутимого, самоотверженного и спокойного М. Ф. Фроленко», «необыкновенно скромного» человека, героизм которого «состоит в том, чтобы становиться в положения огромного риска, хладнокровно и отважно совершать самые опасные дела, относясь притом к совершению их, как к самому обыденному поступку», человека, подвиги которого, «осуществленные единоличными силами, с громадным риском для себя и без малейшего риска чужой жизнью..., навсегда останутся одною из самых блестящих страниц нашей революционной истории».

В. Н. Фигнер. Член Исполнительного комитета партии «Народная воля» Николай Александрович Морозов. Изд. 2-е. «Дешевая библиотека журнала «Каторга и ссылка». Изд. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, М., стр. 31.

В этой брошюре В. Н. Фигнер излагает литературную и политическую деятельность своего сподвижника по «Народной воле», Н. А. Морозова, «энтузиаста и романтика, характерную, полную прелести своеобразность умственного склада которого составляет слияние простосердечной поэзии народа с последними выводами ученого» (стр. 9 — 10). Изложение проникнуто глубокой симпатией к Н. А. Морозову, с которым В. Н. Фигнер «стояла плечом к плечу при всех изменчивых условиях жизни на свободе и в тюрьме» с тех пор, «когда прелестным юношей-ригористом он впервые приехал в Швейцарию», где В. Н. училась тогда в университете.

В. Н. Фигнер. Процесс «50-ти» 1877 г. Изд. 2-е. «Дешевая библиотека-журнала «Каторга и ссылка». Изд. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, М. 1928, стр. 32.

«Ни один процесс не был таким стройным, ни в одном не было такой идеалистической цельности, как в этом», — констатирует В. Н. Фигнер. Выяснив огромное агитационное значение политических процессов при самодержавии и отметив особенности процесса «50-ти», в том числе участие в революционной организации группы рабочих, «в которой находились такие выдающиеся люди, как П. Алексеев, Ф. Егоров, С. Агапов и Н. Васильев», В. Н. Фигнер подчеркивает, что «внутренняя сторона» процесса «50-ти» «осталась нераскрытой на суде» (стр. 9). Затем излагаются возникновение «ядра, составлявшего центральную, наиболее интересную часть процесса», и эволюция входивших в это ядро цюрихских студенток, сперва образовавших «женский ферейн с наивною целью в отсутствии мужчин научиться логически говорить», а затем перешедших от «желания служить народу в качестве врачей к решению перенести социалистические учения в его среду» и, «согласно с идеями того времени о святости физического труда, который никого не эксплоатирует, но сам эксплоатируется всеми», постановивших, что «пропагандист должен занимать положение рабочего» (стр. 10). В. Н. Фигнер характеризует революционное настроение героев процесса «50-ти», их высокие нравственные требования по отношению к самим себе, жажду подвижничества и даже мученичества. Заслуживает внимания указание В. Н. Фигнер на то, что организация считала городских рабочих средой, наиболее подходящей для социалистической пропаганды «вовсе не по тем мотивам, которыми впоследствии руководилась наша социал-демократия», так как «классовая точка зрения совершенно отсутствовала у членов московской

организации. Она обращала свои взоры на деревню и думала опираться на крестьянство... и рабочие являлись для них лишь посредствующим звеном для проведения социалистических и революционных идей в деревню» (стр. 14 — 15). Охарактеризовав организацию и указав на «бакунинский характер» всей ее программы, В. Н. Фигнер описывает «крах» организации, следствие и самый суд, кульминационным пунктом которого были знаменитые речи С. Бардиной и П. Алексеева. Брошюра В. Н. Фигнер дает возможность вчувствоваться в психологию участников процесса «50-ти» и революционеров 1874 — 1875 годов, глубокое отличие которой от боевого настроения народовольцев 1879 — 1880 годов она выясняет, говоря о трагической судьбе С. И. Бардиной. Для распространения в массах правильных представлений об истории русского революционного движения полезны именно такие брошюры, продуманные и прочувствованные. К брошюре приложена «библиографическая справка» — указатель литературы о процессе «50-ти».

В. Н. Фигнер. Михаил Васильевич Новорусский (1861 — 1925). Изд. 2-е. Дешевая библиотека журнала «Каторга и ссылка». Изд. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, М. 1928, стр. 16.

В. Н. Фигнер рисует привлекательный образ «вышедшего из среды того низшего сельского духовенства, жизнь которого по материальным и моральным условиям мало чем отличалась от жизни нашего крестьянина», революционера-шлиссельбуржца, приехавшего в 1882 г. в Петербург «с тайным намерением принять иноческий сан», оставленного в 1886 г. при Духовной академии для приготовления к занятию кафедры, предоставившего, по просьбе А. И. Ульянова, в феврале 1887 г. свою квартиру для изготовления динамита, а затем арестованного по указанию Канчера.

Прибыв в Шлиссельбург «человеком не сформированным и совсем не подготовленным к участи, которая, подобно лавине, обрушилась на него, М. В. Новорусский, как сам он говорит, «успел получить политическое воспитание только в Шлиссельбурге благодаря необыкновенной любезности П. Н. Дурново, ковавшего тогда карьеру на наших спинах и отправившего меня туда дозреть и сформироваться» (стр. 8). «Гармонически сочетая умственный и физический труд», М. В. Новорусский основательно изучил за 18½ лет заключения естественные и общественные науки и несколько ремесл и даже стал замечательным коллекционером по ботанике, энтомологии и минералогии. По выходе на свободу М. В. Новорусский, отдавшись культурно-просветительной деятельности, в самом деле «произвел совершенно необычайное количество работы», так что «иной за всю свою жизнь не мог столько сделать, сколько М. В. сделал после того, как вышел из своего более чем 18-летнего заключения».

М. Ю. Ашенбреннер. Военно-революционная организация партии «Народная воля». Изд. 2-е. «Дешевая библиотека журнала «Каторга и ссылка». Изд. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, М. 1928, стр. 32.

Брошюра М. Ю. Ашенбреннера является важнейшим первоисточником по истории народовольческой военной организации. Автор выясняет идеологию участников этой организации, отмечая влияние нелегальных и изъятых из обращения книг. Заслуживает внимания, что в числе книг, которые, «конечно, не лежали у меня под спудом», названы I том «Капитала» и статьи Зибера. В брошюре М. Ю. Ашенбреннера отчетливо указан переход от первоначальной программы «содействия каждому освободительному выступлению» к «более решительной тактике» и к «широким замыслам», о которых ничего не подозревал выдавший военную организацию Дегаев.

А. В. Якимова. Покушение на Александра II. (Воспоминания.) «Дешевая библиотека журнала «Каторга и ссылка». Изд. 2-е, испр. Изд. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, М. 1928, стр. 16.

А. В. Якимова (Кобозева), принимавшая непосредственнейшее участие в организации покушения на Александра II в качестве хозяйки знаменитого сырного магазина, из которого велся подкоп под Малую Садовую, «кратко восстанавливает в па-

мяти» дело 1 марта 1881 г., так как «молодое поколение, мало знакомое с историей революционного движения и, в частности, с делом 1 марта 1881 г., может быть легко вводимо в заблуждение рассказами о разных небылицах». Для всех, интересующихся историей революционного движения в России, воспоминания А. В. Якимовой представляют громадный интерес, так как в них дана отчетливая формулировка мотивов упорного преследования Александра II Исполнительным комитетом партии «Народная воля» и излагается ряд деталей относительно подкопа на Малой Садовой.

М. Ф. Фроленко. «Милость». (Из воспоминаний об Алексеевском равелине.) Изд. 2-е. «Дешевая библиотека журнала «Каторга и ссылка». Изд. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, М. 1928, стр. 32.

По процессу 20-ти народовольцев в 1882 г. М. Ф. Фроленко был приговорен к смертной казни. «Милость» заключалась в замене смертной казни каторжными работами без срока. Ужасы Алексеевского равелина, в котором М. Ф. Фроленко пробыл до 31 июля 1884 г., изображены с потрясающей наглядностью. Для настроения автора характерно, что, когда он старался «убить время» в равелине, у него «в голове начали воздвигаться и устраиваться разные фабрики и заводы», причем «везде проводились мысли, вычитанные когда-то у Фурье, Сен-Симона, Кабе» (стр. 17).

А. Капгер. Верхоянская ссылка. С приложением воспоминаний Я. Белого. Издание 2-е. «Дешевая библиотека журнала «Каторга и ссылка». Изд. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, М. 1928, стр. 30.

А. Капгер, сосланная в Верхоянск в 1889 г., отчетливо воспроизводит ужасы дороги в неведомый «город», о котором «мы знали только, что он — за полярным кругом и что там — наинизшая температура в мире», и странные впечатления от неьиданных условий жизни и от товарищей, которые «дичали», «свихивались» от кошмарного во всех отношениях верхоянского быта, оказывавшего до такой степени разлагающее влияние на психику, что, «думаю, ни один из нас не ушел из Верхоянска без большего или меньшего душевного надлома». Я. Белый наглядно изображает беспощадную эксплоатацию инородцев верхоянскими обывателями, спаивавшими и одурачивавшими дикарей.

А. Ермаков. Обуховская оборона. «Дешевая библиотека журнала «Каторга и ссылка» № 13 — 14. Изд. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, М. 1928, стр. 53.

А. И. Ермаков, участник «Обуховской обороны» (7 мая 1901 г.), приговоренный к пяти годам каторжных работ, изображает условия работы на Обуховском заводе, революционную пропаганду и агитацию в нелегальных кружках, приготовления к празднованию 1 мая, столкновения с полицией и излагает переговоры с администрацией завода, свой арест, допрос и переживания в одиночном заключении. Воспоминания А. И. Ермакова, к которым приложены выдержка из статьи В. И. Ленина об «Обуховской обороне» в «Искре», прокламация Петербургского комитета РСДРП о приговоре по этому делу и резолюция Международной социалистической конференции в Брюсселе 30 декабря 1901 г., дают современному читателю наглядное представление о тогдашних маевках.

Л. В. Ергина. С. А. Иванова-Борейшо, член Исполнительного комитета партии «Народная воля». «Дешевая историко-революционная библиотека», № 3. Изд. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, М. 1929, стр. 31.

В брошюре Л. В. Ергиной живо охарактеризована среда, в которой прошло детство С. А. Ивановой, — семья, в которой «вопросы воспитания сводились к вопросу о питании», и отмечены главные стадии процесса превращения «бойкой девочки с пытливым умом в борца», достойного партии «Народной воли», которая приняла ее в свои ряды. За увлечением Диккенсом и Жорж-Занд последовали поиски новой жизни и «новых людей», работа в типографии известного революционера И. Н. Мышкина, духовное

созревание во время первого тюремного заключения и затем в «революционном университете»—в Доме предварительного заключения перед процессом 193-х, побег из Кеми, работа в подпольной типографии «Народной воли», каторжные работы и поселение.

М. П. Сажин. Знакомство с В. Г. Короленко. «Дешевая библиотека журнала «Каторга и ссылка». Изд. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, М. 1928, стр. 16.

М. П. Сажин рассказывает о своем знакомстве с В. Г. Короленко, с которым он впервые встретился в сентябре 1881 г. в иркутской пересыльной тюрьме. Интересны передаваемые М. П. Сажиным со слов Короленко впечатления, произведенные убийством генерала Мезенцева в петербургских либеральных кругах: сперва — восхищение революционной смелостью, затем, когда начались массовые аресты и стеснения либеральной печати, порицание революционеров.

Л. И. Мамет. Группа «Освобождение труда». Популярный очерк. Издание 2-е. «Дешевая библиотека журнала «Каторга и ссылка». Изд. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, М. 1928, стр. 27.

Этот популярный очерк посвящен изложению деятельности и выяснению значения группы «Освобождение труда» в истории рабочего социализма. Задача выполнена в общем удовлетворительно, отмечены наиболее существенные заслуги группы «Освобождение труда» и, в частности, Г. В. Плеханова. Но в популярной брошюре следовало бы не ограничиться упоминанием о том, что Г. В. Плеханов был членом организации «Земля и воля» и группы «Черный передел», а дать сжатую характеристику этих последних. Может быть, не лишним было бы отметить также важнейшие из намечавшихся уже 1880-х годах разногласий по программным и тактическим вопросам между группой «Освобождение труда» и соприкасавшимися с нею лицами и группировками.

Н. А. Бухбиндер. Эпоха «Искры». Изд. 2-е. «Дешевая библиотека журнала «Каторга и ссылка». Изд. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, М. 1928, стр. 28.

Отметив рост промышленности в России в 1890-х и 1900-х годах и охарактеризовав положение рабочих, Н. А. Бухбиндер излагает важнейшие моменты в развитии русской социал-демократии. Характеризуя «экономизм», Н. А. Бухбиндер недостаточно подчеркивает свойственную его выразителям тенденцию выдавать местные уклоны за общеобязательную норму. В главе IV, специально посвященной «Искре», приходится отметить едва ли оправдываемую краткостью крайнюю абстрактность, чрезмерную схематичность изложения: цитируются лишь общие положения, принципиальные директивы, но не дано конкретных указаний, по которым обычный современный читатель, для которого «эпоха «Искры» — «преданья старины глубокой», мог бы составить себе сколько-нибудь конкретное представление о том, как эти общие директивы применялись на практике. Самая борьба против экономизма изложена слишком кратко и отвлеченно. Упоминание о «долгой, страстной и ожесточенной» полемике «Искры» против «Бунда» также сделано в чрезмерно абстрактной форме. Еще более существенный пробел брошюры Н. А. Бухбиндера заключается в том, что он совершенно умалчивает о довольно существенных, едва скрываемых до поры до времени трениях и разногласиях в самой «Искре», которые — уже в Мюнхене — предвещали дальнейшие конфликты.

VI. ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ФОРМ

Ф. Саньяк. Гражданское законодательство французской революции (1789 — 1804). Перевод О. А. Старосельской-Никитиной. Под редакцией Н. И. Челяпова. Предисловие П. И. Стучка. Изд. Коммунистической академии, М. 1928, стр. 374.

Отметив, что Саньяк — писатель «чисто буржуазный» и что при изучении его труда следует «учитывать его буржуазное естество», П. И. Стучка, автор предисловия к переводу этой «первой и пока единственной капитальной работы по истории гражданского законодательства французской революции», констатирует, что, не стоя на точке зрения классовой борьбы, Саньяк «недостаточно ярко характеризует ход революции, но классовый антагонизм ему не чужд». П. И. Стучка подчеркивает, что эта «капитальнейшая работа из области революции права должна служить настольною книгою всякого юриста, мнящего себя революционером», и что «основательное изучение этой работы должно быть обязательным как для всякого вузовца, так и для преподавателей вузов».

Это значение книги Саньяка обусловливается тем, что, использовав богатый материал по земельному вопросу, Саньяк обстоятельно излагает ход развития права на земельную собственность, что делает его работу «особенно ценной для нас, переживших как раз наиболее глубокую аграрную революцию». Заслуживает внимания указание автора предисловия к русскому изданию на то, что если «Тиссье имеет в виду лишь результат — Кодекс Наполеона, Саньяк излагает диалектику борьбы за этот Кодекс» (стр. 6).

Саньяк констатирует в своем предисловии равнодушие юристов и историков к гражданскому законодательству революции, положившей в области гражданского правопорядка основание современной Франции. Юристы «сознательно игнорируют» право революции, называя его «промежуточным правом», и не задаваясь вопросом о том, чем оно обогатило «право 1804 года». В отличие от римского права, развитие которого шло на протяжении десяти веков, «в эпоху революции право приобретает неслыханную гибкость; в полном соответствии с подвижными идеями и чувствами эпохи оно изменяется с поразительной быстротой. Это — непрерывная борьба принципов и интересов, приобретающая драматический характер».

Задаваясь целью дать «опыт истории общественных отношений», Саньяк выясняет, какое влияние на распределение имуществ стремились оказать деятели революции, воимя каких теорий, какими способами они боролись. В результате автору удается «в значительной степени осветить столь мало исследованный до тех пор главный социальный вопрос, связанный с борьбой против старого порядка землевладения», на котором сосредоточиваются «самые значительные интересы, самые сильные страсти эпохи».

Разделяя гражданское право революции на два периода, из которых первый — от 1789 по 1795 г. — является эпохой творчества, непрерывного движения вперед, а второй — от 1795 по 1804 г. — периодом относительной реакции, Саньяк рассматривает в каждом из этих периодов сперва отношения собственности, затем отношения личные и семейные, а в заключении дает обзор всей эволюции гражданского права во Франции от 1789 до 1804 г., подчеркивая «актуальный интерес такого исторического исследования».

Указав на пестроту в области обычного права и гражданских законов в самой централизованной из западно-европейских монархий, в которой королевская власть, закованная в цепь формальных договоров, не могла предпринять ничего серьезного на пути законодательного единства, Саньяк констатирует, что в 1789 г. большинство французов еще энергично провозглашает свой партикуляризм. Требование единства законодательства раздавалось редко. Провинции соглашаются отказаться от своих кутюмов лишь после того, как действительная власть перешла к Национальному собранию, поспешившему декретировать, что будет издан единый кодекс гражданских законов. Затем Саньяк излагает безуспешное сопротивление сеньеров, сторонников римского права, духовенства, провинций тем практическим реформам, которых требовало осуществление общего принципа единства гражданского законодательства.

В главе «Принципы, преобразующие гражданское право», заслуживают внимания указания на то, как индивидуалистическое и «государственное» философские течения, «укрепившись, перемешивались и, часто противореча друг другу в XVIII веке, продолжают распространяться и разрастаться в эпоху революции» (стр. 35); как в 1791 г. и особенно в 1793 г. теория естественных прав человека уже не обладает

могуществом счастливых дней 1789 г. (стр. 37): «остаются уже только общественные права» (стр. 38). Важнее всего то, что, согласно теории Камюса, Мирабо и всех законодателей Конвента, «собственность является не естественным правом, предшествующим государству, но созданием общества». При этом «революционеры дают этому традиционному принципу такое широкое приложение, которого он никогда не имел... Государство может регулировать, видоизменять, даже уничтожать собственность, следуя интересам общества, которые стоят выше всех других» (стр. 41). Конечно, революционеры 1793 г. стремятся не к тому, чтобы государство овладело имуществом всех граждан и объявило его национальным, не к «полной нивелировке», но к постепенному уничтожению слишком большого фактического неравенства, к «золотой середине для всех» (стр. 42). Консервативным началом, умеряющим увлечение философией, оказываются юридические познания и привычки революционных законодателей, долго изучавших и применявших на практике положительное право.

Истинным создателем французского гражданского кодекса Саньяк признает учрежденный 2 октября и организованный 14 октября 1792 г. Законодательный комитет («Комитет гражданского, уголовного и феодального законодательства») Конвента, выполнявший наиболее значительную работу после Комитета общественного спасения. Фактически объединяя в себе, под контролем Конвента, власть законодательную, исполнительную и судебную, подготовляя гражданские и уголовные законы и редактируя все политические законы, организуя судебную власть и административные органы и наблюдая за исполнением законов этими властями и органами, толкуя законы, давая, в ответ на петиции, юридические консультации и беспрестанно кассируя вынесенные приговоры, Законодательный комитет, являвшийся, как выясняется из изучения его делопроизводства, «настоящим трибуналом, поставленным над кассационным трибуналом», последовательно рассмотрел различные отделы гражданского права.

Перечислив те стадии, через которые прошла выработка гражданского кодекса, и охарактеризовав пять следовавших один за другим проектов, из которых только последний был обнародован, Саньяк подчеркивает, что «постоянная смена идей и настроений сделала то, что нравившееся в прошлом году переставало нравиться в следующем» (стр. 52). Детальное выяснение этой связи законодательства со «сменой идей и настроений» потребует от историков французской революции исследований, специально посвященных смене идей и настроений большинства Конвента, а именно той партии Равнины, которая до сих пор рассматривается лишь мимоходом.

В главе «Земельная собственность в 1789 г.» переводчик указывает не известную Саньяку основную работу Лучицкого. В тщательно документированной главе «Земельный порядок и Учредительное собрание» выясняется неприемлемость для всех заинтересованных законодательства Учредительного собрания, исходившего «из чисто школьного, совершенно не соответствовавшего действительности различия прав личных и прав реальных» (стр. 117), воображавшего, что оно проводит «точную демаркационную линию между узурпированными и законными правами, и возбуждавшего негодование крестьян и надежды сеньеров реакционными декретами 1790 г. Различие между системами Учредительного и Законодательного собраний Саньяк метко характеризует словами: «Учредительное собрание презюмировало законность сеньериальных прав, Законодательное — исходит из предположения захвата их» (стр. 121). Сжато резюмировано и законодательство Конвента, благодаря которому крестьянин сделался безвозмездно свободным и абсолютным собственником земли. Саньяк отмечает существенное отличие этой «наиболее радикальной революции, какую пережила Франция за тысячу лет», от «лишь в слабой степени» подражавших французской революции европейских государств, в которых при освобождении крестьян в XIX веке крестьянские наделы были урезаны и «гражданская революция привела не столько к действительному освобождению крестьян, сколько к усилению могущества крупных земельных собственников» (стр. 132).

Далее следует анализ корпоративной собственности. Отчетливо рассматривается борьба между, с одной стороны, «филантропическими чувствами, вызванными обнищанием деревни», с другой стороны — «неотвязною мыслью финансистов, видящих

только нужды фиска и интересы государственного казначейства», и «суровыми принципами физиократов, провозглашающих, что крупные имения производительнее мелких». Можно было бы еще указать на обострившийся как раз накануне 9 термидора весьма характерный конфликт между представителями диаметрально противоположных взглядов на задачи государства при распродаже национальных имуществ, а именно Робеспьером и Камбоном. В заключение Саньяк вынужден констатировать, что «распределение имений между буржуазией и крестьянством было очень различно... Обобщенного вывода относительно всей Франции сделать еще невозможно» (стр. 161). Но важнейший результат несомненен: овладев крупными «или, по крайней мере, более крупными, чем имения самых богатых крестьян», имениями, буржуазия стала «бесспорной владычицей Франции». Можно было бы указать на соответствие этого результата прогнозу, установленному сознательнейшим из вождей революционной буржуазии — Барнавом. Саньяк подчеркивает, что этот результат шел вразрез с принципами революции. Но жадность нового правящего класса, потребности государства и обстоятельства, при которых развивалась революция, оказались сильнее принципов (стр. 162). Затем детально рассматривается «новый земельный порядок»: право собственности, отношения земледельца к собственности, причем относительно договоров о передаче собственности многое заимствовано из римского права; система наследственного права, в котором обнаруживаются борьба против как феодального, так и римского права и возвращение к традиции обычного права. Заслуживает внимания изложение спора об обратной силе наследственных законов. Заключение первой книги приходится признать лучшей формулировкой социальных результатов французской революции. Саньяк подчеркивает, что «революция в области поземельных отношений изменила самые общественные настроения» (стр. 205).

Во второй книге детально рассматривается революционное законодательство о лицах и семье, причем особое внимание уделяется правам женщины и логически вытекающему из взгляда на брак, как на гражданский договор, разводу. Саньяк подчеркивает, что в своем требовании развода революционеры «любят становиться на общественную точку зрения» (стр. 237). В главе о семейном праве отмечается отмена института приданого, косвенным способом уничтожения которого явилось постановление: «Если приданое учреждается, оно не гарантируется ипотекой». Благодаря исчезновению гарантии неотчуждения устранялись препятствия для свободного обращения имуществ (стр. 246). Саньяк отмечает борьбу между требовавшими уничтожениия власти мужа, установления общего управления общими имуществами и «восстановления женщин в их естественных правах» Кутоном, Дантоном, Демуленом и отвергавшими систему Комитета во имя свободы договоров «юристами» (стр. 249). По отклонении всех предложений Комитета, «правовые традиции торжествуют. Абсолютное равенство в супружеских отношениях исчезло, как сон. Старое право еще слишком тяготеет над новым» (стр. 250).

Во второй части рассматривается период с 1795 по 1804 г., для которого характерно стремление «вернуться к прежним законам, чтобы восстановить авторитет в семье и власть в государстве даже в ущерб равенству, а иногда даже, чтобы реставрировать остатки старого поземельного порядка». Первым торжеством реакционных тенденций явилось устранение из законодательства революционного принципа обратного действия закона. Рассматривая реакцию против земельного законодательства революции, Саньяк констатирует «позорное крушение» последовательных попыток эпохи директории, консульства и империи выступить против законодательства Конвента. Не удалось восстановить и «вечные невыкупаемые договоры», т. е. один из самых характерных видов договоров старого земельного порядка; хотя Камбасерес отрекался от революционного законодательства, одержало верх мнение первого консула, Порталиса и Тронше; законодатели «считали, что, уклоняясь от революционной традиции, они вызовут общее недовольство, не достигнув взамен его никакой пользы для государства» (стр. 289). Неудачной оказалась и попытка «потревожить приобретателей национальных имуществ».

Большим успехом увенчалось стремление изменить правила, регулирующие

передачу собственности, но с особенной силой реакция сказывается в области наследственного права: торжествуют взгляды защитников учения о естественном происхождении собственности и завещания. В семейном праве в 1804 г. «безудержно и беспощадно» обнаруживается «стремление вернуться назад» (стр. 294): отстаивается замкнутость законной семьи, умаляются права внебрачных детей, укрепляется «на прочных основаниях» власть отца, равенство полов в браке является для законодателя «уже только утопией», устанавливается не только зависимое положение женщины, но и ее гражданская неправоспособность» (стр. 307); укрепляются ослабленные революцией связи между супругами, право требовать развода ограничивается, причем супруги неравны в отношении права требовать развода, и эти «ретроградные положения мотивируются законодателем при помощи спокойных и холодных рассуждений, которые дают понять всю силу реакции» (стр. 310). Если революция старалась «освободить всех членов семьи, на которых прежде право смотрело как на существа низшего порядка», то Кодекс 1804 г. «вновь низводит их на прежнее положение» (стр. 313). В заключение Саньяк дает обзор эволюции гражданского права революции.

Главная заслуга Саньяка заключается в том, что он рассматривает «промежуточное» революционное право в процессе его становления, отмечает стадии борьбы за новое право. В приложениях даны архивные документы, относящиеся к поземельным правам, из которых особенно характерны документы под рубрикой «Буржуа и обыватели» и документы по вопросу о разводе и о внебрачных детях, библиография и предметный указатель. Перевод сделан точно; следует отметить терминологию. Для историков-марксистов книга Саньяка ставит ряд проблем, разрешение которых является неотложной задачей.

Hilaire Belloc. Danton. A study. With a new preface. London, Nisbeth and C° Ltd., 1928, p. XVII + 367.

Г. Беллок. Дантон. Этюд. С новым предисловием. Лондон, 1928, стр. XVII + 367.

В предисловии ко второму изданию этого этюда о Дантоне Г. Беллок признает, что, когда он писал эту книгу, первое издание которой вышло в 1899 г., он не обладал большой эрудицией и что его суждения, быть может, не соответствуют действительности. Но и во втором издании автор не сделал улучшений, которых, казалось бы, требовали бы нынешние достижения.

Беллок продолжает признавать незыблемыми авторитетами именно тех творцов дантонистской легенды — Олара, Робине, — многие из выводов и утверждений которых поколеблены обстоятельными исследованиями А. Матьеза.

В первой главе Беллок выражает свою точку зрения на «революционное движение в целом». Французская революция представляется Беллоку «по существу возвращением, внезапным и насильственным, к нормальному состоянию, к условиям, являющимся необходимой основой здоровья для всякого политического объединения». Беллок ограничивается общими фразами, он не дает сколько-нибудь серьезного классового анализа французского общества. Эбер кажется ему единственным выдающимся представителем городских рабочих (стр. 19); он не подозревает существования Арнонвилля, который, во всяком случае, более заслуживает чести быть признанным представителем городских рабочих, чем отец Дюшен.

Этой общей точке зрения на французскую революцию соответствует и характер изложения в дальнейших главах. Беллок не идет дальше поверхностного прагматизма, переход власти от одной группировки к другой он объясняет личными конфликтами, которые далеко не всегда изложены объективно. Напр., Беллок умалчивает об инициативе Билльо Варенна, возлагая всю ответственность за арест дантонистов на Робеспьера. Роль Дантона в Комитете общественного спасения не выясняется, не отмечаются и такие несомненные заслуги Дантона, как его выступление в дискуссии об организации всеобщего обучения в защиту бесплатности первоначального образования. И в заключительной, 8-й, главе «Робеспьер» Беллок не дает не только классового, но и вообще сколько-нибудь серьезного объяснения популярности Робеспьера, его «полновластия

и его падения, ограничиваясь общими фразами. В сущности приемы Беллока как историка нельзя назвать шагом вперед по сравнению с приемами Ламартина.

Hilaire Belloc. Robespierre. A study. With a new introduction. London, Nisbeth and C° Ltd., 1927, p. XIX + 387.

Г. Беллок. Робеспьер. Этюд. С новым предисловием. Лондон, стр. XIX + + 387.

Во введении ко второму изданию этого этюда о Робеспьере, первое издание которого вышло в 1901 г., Беллок подчеркивает, что, хотя его взгляды на политические принципы французской революции остались неизменными, в его суждениях относительно их применимости к человеческому обществу произошло большое изменение: «Когда я писал эту книгу, я разделял общее заблуждение, что не только возможно, но и вполне естественно совместить представительные учреждения с демократией. Теперь я убедился в том, что парламенты являются отрицанием демократии».

Затем Беллок излагает свои взгляды на задачи историка. По его мнению, историк должен указывать простые, непосредственные, понятные большинству мотивы деятелей. «Иными словами — такая история, которую можно читать, есть мелодрама» (стр. VIII). Образчиками историков, популярность которых обусловлена тем, что они «откровенно не заботились об истине», Беллок считает Маколея, Мишле. Но, продолжает Беллок, этого рода «простые мелодраматические приемы могут применяться не ко всем историческим деятелям: они применимы к Дантону, к Сен-Жюсту, но не к Робеспьеру ввиду необычайности его мотивов».

Затем Беллок указывает на недопустимость обычного, производимого по отношению к Робеспьеру упрощения, в результате которого Робеспьер представляется узким фанатиком-террористом, гибель которого вызвана реакцией против террора. Беллок констатирует, что при тщательном изучении документов, выясняется, что Робеспьер не был ни инициатором, ни руководителем террора. Поскольку вообще можно считать отдельное лицо руководителем террора, Беллок признает таковым Карно как главного организатора отчаянного сопротивления нашествию врагов.

Все же книгу Беллока о Робеспьере приходится признать гораздо более продуманным трудом, чем книгу о Дантоне: Беллок дает себе труд прочесть источники и многое из литературы предмета. В его книге есть меткие замечания. Но, не внося во второе издание никаких существенных поправок, Беллок лишил себя возможности использовать материал, собранный Матьезом.

Основным недостатком Беллока продолжает оставаться систематическое уклонение от классового анализа. Напр., на стр. 273 Беллок говорит о «союзе Робеспьера с Парижем», не указывая, какие именно слои населения Парижа он имеет в виду. Конфликт с дантонистами изложен объективнее и обстоятельнее, чем в этюде о Дантоне. Сколько-нибудь удовлетворительного выяснения причин 9 термидора Беллок не дает.

Хрестоматия по социально-экономической истории Европы в новое и новейшее время. (История в источниках.) Под редакцией В. П. Волгина. Госиздат, М. 1929, стр. 551.

Задача составителей этой хрестоматии заключалась не в том, чтобы дать «иллюстративный материал параллельно общему курсу истории Западной Европы», а в том, чтобы «дать учащемуся, преимущественно высшей школы, конкретный материал для более углубленной разработки того или другого вопроса, исторического комментирования источника и критики его при занятиях семинарского типа» (стр. 9). Выполнение этого задания приходится признать неодинаково удачным по отношению к различным основным проблемам, включенным в состав хрестоматии.

Уже самое заглавие: «Хрестоматия по социально-экономической истории Европы в новое и новейшее время», вызывает недоумение: в «Истории в источниках» не приводится документов, относящихся к периоду времени после 1799 г., и нет никаких указаний относительно того, единственный ли это или только первый том серии.

С внешней стороны книга издана чрезвычайно небрежно. На стр. 8 напечатано «Gauronne» вместо «Garonne», «Eure en Loir» вместо «Eure et Loir»; на стр. 313 — «Луи Бланк» и т. д.

Выражения «финансовый капитал» и «синдикаты» по отношению к XVI веку являются необоснованной модернизацией. Отделы, относящиеся к огораживаниям в Англии в XVI веке, к восстанию Кета в Норфольке, к промышленности и торговле, к рабочему классу и социальному законодательству Англии XVI и XVII веков, дают, в самом деле, богатый и тщательно подобранный материал для проработки. Что касается отдела «Аграрное законодательство французской революции и французское крестьянство по бумагам феодальных комитетов», то, прежде всего, указания на «громоздкость» революционного законодательства по аграрному вопросу и на то, что «самое главное уже имеется» в других хрестоматиях, вряд ли в достаточной степени мотивируют признаваемый самим составителем этого отдела существенный пробел, вызванный тем, что составитель «сознательно опустил само революционное законодательство по аграрному вопросу» (стр. 480). В переводе документов, взятых из коллекции, изданной Саньяком и Кароном, не везде указано, кому именно адресованы приводимые письма. Перевод документов то без надобности слишком буквален, — напр.: «Нынешняя деревня видит себя принужденной забрасывать земли» (стр. 526) или: «Все эти новшества касательно обмера происходят от злоупотребления, введенного безрассудно и воровски мастерами» (стр. 527), «Белильщики и те жалуются на эту давнишнюю и несправедливую крайность» (стр. 527), — то, наоборот, без надобности неточен, напр. в документе № 243 «trop longtemps» передано «столь долго». На стр. 480 упоминается о существовании на русском языке «капитального труда академика Е. Тарле» без указания на появление новейших французских работ, побуждающих к пересмотру некоторых из выводов Е. Тарле (напр. Ballot, «L'Introduction du machinisme dans l'industrie française», 1923). Приведенный на стр. 520 отрывок о городе Труа и труаском промышленном округе не имеет научного значения, поскольку остается неясным, о какой именно отрасли текстильной промышленности идет речь в начале отрывка. Следовало сделать соответственное примечание.

Социальная история средневековья. (История в источниках.) Том второй. Деревня и город позднего средневековья. Под редакцией Е. А. Косминского. Госиздат, М.—Л., 1927, стр. 439.

Подобно первому тому «Социальной истории средневековья», и этот второй том является чрезвычайно ценным пособием как для учащихся вузов, так и для всех, изучающих социальную историю. В первом отделе на тщательно подобранном конкретном материале выясняется юридическое положение различных категорий французского крестьянства в XII — XIV веках, выясняется процесс освобождения от крепостной зависимости, изображается бедственное положение крестьян накануне Жакерии и приводятся сообщения хроник о Жакерии и «разрешительные грамоты», выданные некоторым участникам восстания. Второй отдел посвящен английской деревне в XI — XIV веках. Богатый конкретный материл, данный в этом отделе, должен «рассеять у учащихся упрощенное представление об единообразном процессе аграрного развития для всей Англии» и способствовать достижению надлежащей осторожности в обращении с цифрами, извлекаемыми из средневековых источников. Приводимые описи вилл «заставят ограничить и осложнить слишком упрощенные представления о манориальной системе». Третий отдел посвящен рабочему законодательству и восстанию Уота Тайлера. Указана с критическими комментариями литература вопроса о коммутации вилланских работ перед «Черной смертью» и о влиянии «Черной смерти» на рост заработной платы. Последние четыре отдела посвящены средневековому городу: французским городам в XII веке, французским цехам в XIII — XIV веках, парижской революции 1356 — 1358 гг. и немецкому городу в XIV — XV веках. Следует отметить продуманный выбор приводимых источников, сжатую характеристику памятников, указания, способствующие ориентировке в сложных источниках, выдержанность терминологии и безукоризненность переводов.

Sisley Huddleston. France. («The Modern World»). London, Ernest Benn Ltd., 1926, p. 613.

Сайли Хеддлстон. Франция. («Новый мир»), Лондон, изд. Эрнеста Бенна, 1926, стр. 613.

Сайли Хеддлстон обещает, «согласно общему плану серии «Новый мир», в состав которой входит его книга о Франции, «выяснить те исторические силы, которые играли роль при образовании Франции», и выражает свою уверенность в том, что, «прослеживая ход политических, дипломатических, социальных и экономических событий от римского владычества до нынешних затруднений», он дал верное изображение французского народа.

В главе «Что такое Франция» приводятся статистические данные и излагаются общие, не отличающиеся особой глубиной соображения о национальном характере французов, о том, что «каждый француз является выразителем противоречивых тенденций», о прессе и юстиции, об армии и флоте. По мнению С. Хеддлстон, «Франция никогда не станет вновь первоклассной морской державой» (стр. 38). Во второй главе характеризуется французская колониальная политика. С. Хеддлстон выражает свое неодобрение теории «непримиримых доктринеров» (социалистов), «усматривавших в колонизации отрицание исповедуемых ими гуманитарных идей и требовавших равенства всех людей и всех рас, каков бы ни был их умственный и культурный уровень» (стр. 47), и подчеркивает, что «следовало бы уделять больше внимания производству. Не должно существовать противоречия между материальными выгодами, которых вправе ожидать Франция, и благородной задачей, заключающейся в распространении благотворной цивилизации» (стр. 49.)

С. Хеддлстон весьма высокого мнения о достижениях французских колонизаторов в Западной Африке: «Улучшение моральных и материальных условий жизни было предметом неусыпных забот властей. Общественной гигиене и воспитанию, техническому образованию, уничтожению варварских обычаев, развитию земледелия и промышленности уделялось очень много внимания»(стр. 57). К сожалению, С. Хеддлстон не останавливается на вопросе о том, в какой связи с этими «неусыпными заботами» о развитии производства находится рост смертности среди туземного населения.

В главах «Значение монархии», «Результаты революции» и «Бонапартизм и плебисцитарная диктатура» дан беглый и поверхностный обзор французской истории. В главе «Экономическое и финансовое развитие» приводятся некоторые статистические данные. Не давая связного изложения истории рабочего движения во Франции, С. Хеддлстон признает, что заработная плата во Франции «относительно низка», что обеспечение престарелых «все еще неудовлетворительно», но что все-таки «положение рабочих, несомненно, значительно улучшилось за последние годы». В доказательство этого утверждения он указывает на сберегательные кассы, улучшение организации призрения бедных и т. д., которые «значительно изменили положение рабочих» (стр. 224). Французские финансы С. Хеддлстон считает весьма неудовлетворительными «главным образом вследствие фискального невежества французов» (стр. 245). Во второй книге — «Период между двумя войнами» — С. Хеддлстон называет Парижскую Коммуну «Одним из прискорбнейших эпизодов во французской истории». Рассуждения С.Хеддлстона о французской философии чрезвычайно поверхностны. Сравнительно недурны главы «Республиканская политика» и «Республиканская дипломатия». Изложив ход мировой войны и историю вопроса о репарациях, С. Хеддлстон дает характеристику партий и лиц, внепарламентских сил и некоторых политиков.

VII. ИСТОРИЯ СОЦИАЛИЗМА и РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

А. Кузнецов. Социализм и коммунизм. «Библиотека рабочего-пропагандиста». Госиздат, М. — Л., 1929, стр. 143.

Не претендуя на научную оригинальность, эта хорошо написанная книжка имеет целью быть справочником рабочего-пропагандиста. Пропагандисту средней квалификации книжка дает то основное, что надлежит знать каждому сознательному коммунисту.

В этих целях автор сосредоточил весь материал вокруг главных теоретических вопросов, имеющих сугубо практическое значение. Таковы главы о переходной эпохе социалистического переустройства общества и о социалистическом переустройстве деревни, о строительстве социализма в одной стране. Глава «Социализм и социал-демократия наших дней» показывает теоретические пути развития социал-демократии (преимущественно германской) от ортодоксальной, марксистски-выдержанной твердой линии классовой борьбы к предвосхищенному Бернштейном оппортунистическому реформизму.

Хороши приложенные к книге контрольные вопросы, однако их следовало бы умножить и дифференцировать. Указатель литературы незначителен. Правда, автор имел в виду указать только «основной минимум, знакомство с которым абсолютно необходимо рабочему-пропагандисту». Но целесообразно ли ограничивать кругозор пропагандиста, берущегося за такую ответственную работу, указанием (общим числом) 14 полезных книжек? Кстати, автор отсылает к главе «Очерк теории» в «Анти-Дюринге». Правильнее было бы отослать читателя к брошюре «Развитие социализма от утопии к науке», в которую вошла и названная глава «Анти-Дюринга».

Карл Маркс в личной жизни. Материалы собраны и переведены с немецкого языка под ред. С. Девдариани (Сана). Книга I. Тифлис, 1928, Изд. «Шрома».

А. Курский. Как жил и работал Карл Маркс. Госиздат, М.—Л. 1928, стр. 32.

У нас чувствуется острый недостаток в научной и в то же время популярной биографии Маркса, но написать такую биографию совсем не так легко, как это кажется иным, и не легко по очень многим причинам. Значит ли это, что мы должны быть нетребовательными и пробел в хорошей биографии заполнять пока разного рода халтурой, сборниками и т. п., изготовленными наскоро путем клея и ножниц—способ, так широко практикуемый у нас за последние годы?! Если такое laisser faire было ошибочно или по недосмотру допущено в отношении Ленина, то мы должны хоть Маркса уберечь от подобного оперирования.

Что же собой представляет первая из рецензируемых книжек? В какой мере она отвечает своему заглавию? Девдариани следующим образом разрешил эту задачу. Рассказав на полстраничке о «детстве, отрочестве и юношестве Маркса» и доведя его до обручения с Женни фон-Вестфален, редактор считает свое самостоятельное творчество законченным и переходит к склеиванию клочков из переписки Маркса. И так личная жизнь Маркса начинается с отрывков писем Маркса к отцу и ответных писем к нему отца, относящихся к студенческому периоду Маркса 1837 г. Затем скачок к 1842 г., где даны клочки из писем Маркса к Руге. Далее дан отрывок из воспоминаний Анненкова о Марксе, относящихся к 1846 г.

Этим заканчивается работа редактора по «самостоятельному изысканию» писем и документов, относящихся к биографии Маркса. После этого редактор взял четырехтомную переписку Маркса и Энгельса и с помощью ножниц безжалостно и наугад вырезывал отрывки из этих писем, пересыпая их, правда редко, каким-нибудь письмом Маркса к Лассалю или Фрейлигграту!

Неудивительно после этого, что редактор с большой уверенностью утешает себя тем, что «получается картина жизни Маркса мало известная или совсем не известная даже тем, кто хорошо знаком с его учением». Мы можем уверить нашего «добросовестного» редактора, что много картин жизни Маркса хорошо известны и мало знакомым с учением Маркса, так как добрая часть отрывков, которые он склеил, были давно переведены на русский язык и не раз напечатаны. Редактор выдает их за новое только потому, что он считает предрассудком указывать источник, откуда сделаны вырезки. Мы можем это сделать вместо редактора. 1) Письмо Маркса к отцу (и отрывки из писем отца к Марксу) были приведены Мерингом в введении к «Литературному наследству». То же письмо приведено и в «Юношеских годах К. Маркса», являющихся отрывком из этого введения Меринга; наконец, полностью письмо к отцу появилось в I томе собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, под ред. Д. Рязанова, Гиз, 1923. Девда-

риани приводит письмо в сокращенном виде, как и Меринг, но для перевода он использовал издания Д. Рязанова (без каких бы то ни было указаний источника). 2) Письма Маркса к Руге (1842 — 1843) по-русски появились полностью в I томе Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, под ред. Д. Рязанова, Гиз, 1923, откуда и взяты три отрывочка Девдариани. Из воспоминаний Анненкова приводится отрывок, который появлялся несколько раз, начиная с «Вестника Европы» за 1880 г. Мы могли бы этот перечень продолжить, но, думаем, и этого достаточно, чтобы доказать отсутствие надобности в новом переиздании отдельных отрывков из писем Маркса.

Никакой цельной картины жизни Маркса не получается оттого, что редактор преподносит нам обрывки переписки Маркса и Энгельса. Несомненно, Энгельс был самым близким другом Маркса, и в письмах к Энгельсу Маркс касался всего, что его лично волновало, радовало и т. д., но Энгельс был не только интимным другом, но и ближайшим сотрудником и соратником Маркса; именно поэтому письма Маркса к Энгельсу носят пестрый характер: личное перемешано там с общественным, люди, крупные политические события, маленькие радости, экономические кризисы, партийные дела, встречи, сплетни, — все чередуется и смешивается, как в калейдоскопе. Переписку Маркса и Энгельса можно давать лишь целиком, и тогда каждый читатель поймет ее и найдет в ней то, что будет искать. В таком искаженном виде, в который она приведена редактором (путем выдергивания отдельных фраз, нелепых кромсаний и сокращений писем), она не только не полезна, но вредна, потому что непонятна. Часто упоминаемое лицо в одном письме дано, в другом — «отрезано». Все тут без начала и без конца. В заключение укажем, что вся книжка издана небрежно, пестрит типографскими ошибками; даже надписи к приложенным к книге фотографиями скажены: так, например, вместо Элеонора Эвелинг напечатано: Элеонора Эволин.

Небольшая книжечка А. Курского представляет собой популярную брошюрку, которая распадается на следующие главы: 1) Годы учения и начало общественной деятельности Маркса, 2) Маркс во Франции, 3) Знакомство Маркса и Энгельса, 4) Высылка Маркса из Франции и его жизнь в Бельгии, 5) Союз коммунистов, 6) Коммунистический манифест, 7) Революция 1848 г., 8) Суд над Марксом, 9) Период после революции 1848 г., 10) Суд над коммунистами, 11) Жизнь Маркса в Лондоне: занятия, семья, 12) Маркс и Интернационал, 13) Маркс и Парижская Коммуна, 14) Последние годы и 15) Маркс и Ленин.

Естественно, что сказать обо всем этом на 32 страницах мудрено, поэтому некоторые отделы больше говорят своим заглавием, чем содержанием. Все же мало подготовленному и совершенно незнакомому с Марксом читателю она могла бы дать необходимые биографические сведения. Но вся беда в том, что автор не избежал многих фактических ошибок. На некоторые из них мы считаем нужным указать. Так, на стр. 4 говорится: «По окончании гимназии Маркс уехал в Берлин для продолжения образования в университете». В действительности же Маркс поступил сначала в Боннский университет, а оттуда в результате больших споров с отцом добился перевода в Берлинский университет.

Несмотря на то, что автор приводит иногда разные мелочи, он совершенно не упомянул о том, что Маркс именно в Париже совместно с А. Руге издавал «Deutsch-Französische Jahrbücher». Затем, по автору, выходит, что Маркс переехал в Париж руководить Союзом справедливых в 1847 г. (см. стр. 10), в то время как Маркс прожил в Брюсселе с начала 1845 г. до марта 1848 г.

Далее, на стр. 17, автор утверждает, что по процессу Союза коммунистов «лишь несколько рабочих было осуждено». Это не совсем соответствует действительности. Были осуждены и интеллигенты вроде Бюргерса, Беккера и др.

Думаю, что и сделанных указаний достаточно для того, чтобы видеть, что автор не совсем твердо знал предмет, о котором взялся писать.

Dr. Lydia Müller. Der Kommunismus der mährischen Wiedertäufer. Leipzig, M. Heinsius Nachf. Eger und Sievers, 1927, S. 123 («Schriften des Vereins für Reformationsgeschichte», Jg. 45., Heft 1., № 142).

Д-р Лидия Мюллер. Коммунизм моравских перекрещенцев. Лейпциг 1927.

Коммунистическая община моравских братьев с давних времен привлекает к себе внимание историков, экономистов и др. исследователей. Основанная в 1529 г. тирольским проповедником Яковом Гуттером, она, единственная из всех коммунистических сект, возникших в эпоху реформации, сохранила, несмотря на жестокие преследования в разных странах, и по сей день свою замкнутую, построенную на религиозных началах организацию коммунистического производства и распределения и в этом году может праздновать 400-летний юбилей своего существования. По истории этой общины имеется, кроме хроники самого братства, ряд научных трудов — работы Иосифа фон-Бека, И. Лозерта, Р. Волькана и Р. Лифмана. Все они посвящены исследованию религиозных корней, внутренней жизни и хозяйственной организации общины. Слабее всего до сего времени был освещен как раз первый вопрос — о происхождении коммунистических идей гуттерцев. Заполнить этот пробел ставит себе задачей рецензируемая книга Мюллер.

Нужно согласиться с автором, что анализ религиозных воззрений основателей Моравского братства и роли коммунизма в организации этой общины является необходимой предпосылкой для правильной оценки всего движения гуттерцев. Мюллер исследует в качестве основного источника, ставшего ныне каноном братства, самое крупное произведение одного из его основателей, — «Die Rechenschaft» Петра Ридемана. Автор разбирает этот ценный и мало исследованный документ с точки зрения отношения Ридемана к Библии, реформации и христианской церкви вообще. Небезынтересно, что Ридеман определил частную собственность как «воровство и грех». Но вообще гуттерцы, как и все средневековые коммунистические секты, почерпали свою идеологию из первобытного христианства: образцом и для них служит описанная в «Деяниях апостолов» первая христианская община в Иерусалиме, — с той, однако, весьма существенной разницей, что там был лишь коммунизм потребления, гуттерцы же, состоявшие в громадном большинстве из ремесленников и крестьян, ввели и коммунизм производства. К сожалению, Мюллер, для установления идейных источников гуттерства, ограничилась почти исключительно одним лишь анализом произведения Ридемана. Она только вскользь упоминает, что есть и гипотеза о влиянии на моравских братьев вальденсов. На самом деле контингент членов общины, признавший Якова Гуттера своим вождем, состоял главным образом из чехо-моравских братьев вальденсского толка, усвоивших себе от гусситов-таборитов принцип безусловной имущественной общности и соответственное ему патриархально-коммунальное хозяйство. Вступив со своими приверженцами-тирольцами в вальденсскую общину г. Аустерлица, Гуттер внес некоторые новые элементы из идейного арсенала крайнего крыла крестьянского движения эпохи реформации.

Вторая часть книги Мюллер посвящена истории братства, его организации, расцвету, распаду, реорганизации и теперешнему состоянию. Перед нами развертывается известная по хронике гуттерцев картина преследования их общины австрийским правительством, длившегося более двух столетий (1535 — 1757), их выселение в Крайну и Венгрию, затем в Трансильванию, насильственное возвращение части братьев в католичество (в Саббатише и Лебаре в Венгрии) и, наконец, во время русско-турецкой войны их переселение в Россию, куда они были приглашены графом Петром Румянцевым-Задунайским в его поместье Вишенки Кролевецкого уезда Черниговской губ. (1770 г.). В России братство пробыло свыше 100 лет (до 1874 г.). К сожалению, автор уделяет этому периоду, чрезвычайно важному для внутреннего развития общины, всего лишь одну (!) страницу, — вероятно за отсутствием материала. Во всяком случае, Мюллер не использовала очень подробной истории братства в России, написанной еще в 1869 г. А. Клаусом («Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России», вып. I. СПБ, 1869, стр. 554. О Радичевской колонии—стр. 24—55. — Перев. на немецкий яз. в 1887 г.). Из книги А. Клауса мы узнаем, что гуттерская колония в России процветала и вызывала огромный интерес в русской общественности. Так, статский советник Контениус наблюдал семью из 200 душ, имевшую общее

хозяйство и находившуюся под церковным управлением. Братство, кроме хлебопашества, занималось гончарным производством, сбывало большое количество муравленной посуды; среди них были распространены мастерства: кожевенное, слесарное, столярное, токарное, кузнечное, шляпное и ткацкое. Тонкие полотна, выделывавшиеся братством, по качеству ничем не уступали голландским. В то время община была занята увеличением своих фруктовых садов и, насадив уже до 1 000 двух и трехгодовалых шелковиц, имела в виду завести «регулярную шелковичную плантацию» до 5 000 деревьев» (А. Клаус, Наши колонии, стр. 34). Но в первых десятилетиях XIX века в общине начались раздоры, приведшие к ее распаду. В 1842 г. гуттерцы переселяются в Мелитопольский округ, основав две колонии — Гуттерталь и Иоганнесру — и перейдя на частное землепользование по типу менонитских хозяйств. В 1874 г., наконец, после введения всеобщей воинской повинности в России, братство, отказываясь носить оружие из-за религиозных убеждений, переселилось в Северную Америку, где оно, по данным Мюллер, в 1926 г. состояло из пяти братских коммунистических хозяйств в Соединенных Штатах и 24-х в Канаде с общей численностью 3 015 душ членов.

Margarete Pril. Die Theorie des kommunistichen Anarchismus nach Peter Kropotkin. Dissertation. Berlin 1926, S. 69.

Маргарита Приль. Теория коммунистического анархизма по Петру Кропоткину. Диссертация. Берлин 1926, стр. 69.

Автор ставит себе задачу дать изложение и критику социальных взглядов Кропоткина, но работа его показывает полную беспомощность эклектически-немарксистского анализа в истолковании и критике идей анархизма.

Прежде всего — непонимание основного: автор смешивает «пропаганду действием» с революцией (стр. 6 сл.), уверяет нас в «теоретической ясности» (стр. 7) взглядов Кропоткина, восхищается «инстинктивным отвращением» его «естественно-простой» мысли к конструкциям диалектического метода Маркса. Полное непонимание марксизма обнаруживается особенно рельефно в утверждении о постулируемом будто бы Марксом диалектическом ряде: первобытный коммунизм, капитализм, социалистическое общество, — как тезис, антитезис, синтез; хвалит автор Кропоткина еще и за то, что он не удовлетворяется марксистским «чисто объективным объяснением исторического процесса» и ищет объяснения вымирания средневековых городов в развитии идей (стр. 12).

Между тем, общество, как известно, рисуется Кропоткину сборищем индивидуумов, свободно объединяющихся в силу заложенной в них извека «солидарности человеческого рода». Политическая экономия должна заняться прежде всего изучением потребностей человека, и тогда политическая экономия «из простого описания фактов превращается в настоящую наук у, стоящую наравне с физиологией, — науку, которую можно определить как изучение потребностей человечества и средств удовлетворения их с наименьшей бесполезной потерей человеческих сил. «Ее следовало бы назвать физиологией общества». («Завоевание хлеба», М. 1919 г., стр. 130. — Курсив Кропоткина). В этой кропоткинской «физиологии общества» общественное в действительности образуется лишь из механического соединения потребностей отдельных индивидуумов. Эти субъективно-индивидуалистические положения взяты из богатого арсенала утопического социализма первой половины XIX века. Для марксиста они — пройденный этап: почти за полвека до того, как Кропоткин написал (1902 г.) свое «Завоевание хлеба», Маркс заложил основы материалистического понимания истории.

Автор диссертации объясняет субъективизм Кропоткина как «психологически понятную реакцию» на объективизм Маркса и марксистов. Но вопрос заключается в том, обладает ли эта «психологическая реакция» научной ценностью.

Автор диссертации ставит Кропоткину в заслугу, что он отвергает «рикардо-марксовскую конструкцию времени» в качестве масштаба стоимости продукта труда. На непоследовательность и неустойчивость политико-экономических взглядов Кропоткина указывал уже Плеханов в своей работе «Анархизм и социализм».

*

Кропоткин проявляет полное непонимание сущности марксовского учения о стоимости, противопоставляя теории Маркса факт более высокой оплаты труда инженера, врача. Автор диссертации, столь же мало понимающий учение Маркса, говорит о дуализме в теории заработной платы, ссылаясь при этом на главу о законе капиталистического накопления в первом томе «Капитала». На самом же деле Маркс говорит в этой главе лишь о вызываемых наличием резервной армии колебаниях заработной платы. Дальше следуют столь же лишенные теоретической ценности замечания Кропоткина о сбережениях как факторе образования капитала. Весь разбор экономического «учения» Кропоткина у автора диссертации необоснован и противоречив: он, с одной стороны, уверяет нас в превосходстве Кропоткина над Марксом, выразившемся в том, что первый вплел индивидуально-этические элементы в объективно-научные положения политической экономии; с другой стороны (вполне резонно), подчеркивает ошибочность положений Кропоткина, вытекающих из смешения объективного с субъективным (стр. 63).

Сопоставляя анархистскую теорию с советской действительностью, автор делает ряд бессмысленных утверждений, вроде того, что «фабрично-заводская промышленность так же чужда русскому духу, как и большевизм».

Признавая в заключение слабость политико-экономических воззрений Кропоткина, автор диссертации видит значение учения Кропоткина в «преодолении исторического материализма» (стр. 64) учением о «взаимной помощи как факторе эволюции». Это учение автор глубокомысленно противопоставляет учению о классовой борьбе как факторе общественного развития.

Таким образом, работа эта лишний раз обнаруживает полную неспособность буржуазно-индивидуалистической «социологии» понять анархистское течение в социалистической мысли.

Nicolai-Fredrik Grube. Die Theorie des revolutionären französischen Syndikalismus. Dissertation. Freiburg i. Br. 1927, S. 6 + 67.

Николай-Фредрик Грубе. Теория революционного французского синдикализма. Диссертация. Фрейбург в Брейсгау 1927, стр. 6 + 67.

Автор диссертации добросовестно изучил небогатую теоретическими произведениями синдикалистскую литературу. Он также очень усердно изучал марксистскую литературу о синдикализме, которая, видимо, помогла ему ориентироваться в основных проблемах синдикалистской теории и движения. Но если марксистская литература научила его группировать отдельные положения из теории синдикализма, одно ознакомление с нею (и использование ее для этих частных целей) было, очевидно, бессильно научить его действительному научному пониманию синдикализма. Так, он удачно сгруппировал положения о классовой борьбе, о пропаганде действием, о всеобщей забастовке и о социалистическом идеале как руководящем принципе целеустремленности классовой борьбы. Но сделал он это так, что в результате получается единое стройное синдикалистское мировоззрение, чего в действительности нет. Достигается это тем, что сознательно сглаживаются различия в теориях отдельных французских писателей. Так, этизирующая тенденция Сореля, стоящего несколько особняком в синдикалистском движении, тоже вводится им в систему, которую он называет теорией французского революционного синдикализма. Чувствуется во всей работе непосредственное влияние Зомбарта, который в своей двухтомной книге «Der proletarische Sozialismus» рассматривает синдикализм как нечто цельное в себе, порожденное «кельтскими духом», выводимым им из infirmitas gallica Гая Юлия Цезаря. Но в то время как Зомбарт, очевидно под прямым воздействием марксистского понимания синдикалистских теорий, все же упоминает, по крайней мере, о мелкобуржуазных социальных корнях синдикализма, автор диссертации и этого не сделал, часто уснащая свою критику обывательски-морализирующими возражениями. Диссертация может служить лишь справочником для первоначального ознакомления с теорией синдикализма.

Paul Kampffmeyer. Unter dem Sozialistengesetz. Berlin, Dietz, 1928.

Пауль Кампфмейер. Эпоха закона против социалистов. Берлин 1928.

Из всей огромной мемуарной и иной литературы, вышедшей в Германии в связи с 50-летним «юбилеем» исключительного закона против германской социал-демократической партии, книга Кампфмейера выделяется, прежде всего, обстоятельным освещением и анализом исторического фона до и во время действия исключительного закона. Кампфмейер изучил — и в этом основная ценность его книги — ряд неизвестных архивных и печатных материалов, прежде всего актов Прусского тайного государственного архива, неопубликованных материалов из центрального архива германской с.-д. партии и ряда статей и других печатных работ, в настоящее время мало доступных. Впервые в литературе подробно освещается деятельность германской тайной полиции в ее борьбе с социалистами и попытки организации своего рода «полицейского интернационала» для борьбы с «социализмом-нигилизмом».

Кампфмейер начинает свое изложение с преследования социал-демократии во время франко-прусской войны и доказывает, что еще задолго до покушений Геделя и Нобилинга правительство Бисмарка обращалось с социалистами, как с людьми, стоящими вне закона. Оба покушения рассматриваются — и совершенно правильно — как ничего общего с социал-демократией не имеющие, а лишь использованные правительством как удобный предлог для запугивания буржуазных партий и проведения уже давно задуманного закона. Дальше автор освещает позиции разных партий и их отношение к проектам исключительного закона, преследованию рабочих и служащих-социалистов и подробно останавливается на борьбе парламентской фракции партии с.-д. с Бисмарком. Кампфмейер — ревизионист. Он всячески старается доказать, как глубоко ошибалось правительство, когда оно обвиняло социал-демократию в подготовке насильственного переворота. Он цитирует Готскую программу и особенно настойчиво указывает на заявления Либкнехта, что с.-д. партия борется за эмансипацию рабочего класса «внутри современного общества и всеми законными средствами» (стр. 67). Кампфмейер обрушивается также на Бисмарка, старавшегося якобы противопоставить Лассаля партии, указывая на то, что последний, в сущности, был монархистом, чуждым республиканских идей. Бисмарк обличается в том, что он будто бы отрицал свои переговоры с Лассалем, а из опубликованной переписки последнего в Бисмарком, — пишет автор, — видно, что эти переговоры имели место. Насколько нам известно, Бисмарк упрекал именно социал-демократов в том, что они оказались такими несговорчивыми, и указал на свои беседы с Лассалем.

Из главы о «Полицейском интернационале» мы узнаем, что германская полиция после покушения Нобилинга искала нити какого-то таинственного интернационала нигилистов. Было предположение, что Нобилинг имел сообщников в Швейцарии; немецкий консул в Швейцарии, Бахман, сообщил, что ему удалось при помощи русского священника Попова найти главу нигилистов — Суховского. Сразу же были предприняты шаги, чтобы швейцарская почта просматривала все письма подозрительных лиц, и в Петербург был послан запрос, не существует ли связь между немецкими социалистами и нигилистами. Ответ был отрицательный. Несмотря на это, германская полиция держала целый штат шпионов в Швейцарии, Австро-Венгрии, Париже и Лондоне. Доносы так и сыпались со всех концов: то — будто Лавров в Париже является центром Интернационала, то — будто Маркс сотнями посылает своих агитаторов в Германию. Большое значение имеет донос Вольфа, бывшего секретаря Мадзини, от 13 — 15 июня 1878 г. из Лондона о Первом Интернационале и донос доктора Юха, издателя лондонской немецкой газеты «Герман», состоявшего уже с 1859 г. на пайке у германской полиции. Интересен также отчет полицейского комиссара Кригера, посланного в 1878 г. в Париж для просмотра конфискованных при аресте Карла Гирша бумаг; Кампфмейер приводит наиболее значительные выдержки из писем Маркса, Энгельса, Ауэра, Гейба, жены и дочерей Маркса, Либкнехта и Ф.-А. Зорге. Полиция имела своих агентов даже и среди самих социалистов. Можно с уверенностью сказать, что почти на всех тайных конгрессах, совещаниях и т. д. присутствовал среди участников и ставленник полиции. Так, гамбургская тайная конференция

13 октября 1878 г., как выяснилось теперь, была предана полиции с.-д. редактором Р.-А. Вольфом.

Книга Кампфмейера безусловно ценна в отношении выявления ряда новых деталей и проблем истории закона против социалистов, но в основной своей части она написана как апология ревизионизма; особенно превозносятся автором ошибки Либкнехта, как, напр., следующее место из его речи в рейхстаге в марте 1879 г.: «Если исключительный закон будет принят, мы его, конечно, будем соблюдать, так как наша партия есть реформистская партия в строжайшем смысле этого слова, а не партия, стремящаяся к насильственной революции, которая вообще является вздором (Unsinn)» (стр. 157).

VIII. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Очерки по истории русской критики. Под редакцией А. В. Луначарского и Вал. Полянского. Том первый. Госиздат, М.—Л. 1929, стр. 331.

Задавшись целью «сделать первый опыт марксистской увязки литературно-критической мысли с эпохой, к которой относятся отдельные ее этапы», авторы сборника «постарались... давать более или менее целостные и неразрывные картины русской критической мысли, не допуская себя сбиться на отдельные монографии» (стр. 3).

В первом очерке А. Луначарский рассматривает русскую критику от Ломоносова до предшественников Белинского. После общих соображений о значении критики и о ее социальном характере А. Луначарский формулирует основные задачи марксистской критики, подчеркивая заслуги Плеханова, «классические, почти всегда совершенно верные анализы» которого «кладутся здесь основой дальнейшей работы» (стр. 8.) Затем он дает общую характеристику русской критики в период, который можно назвать «детским, а в последней стадии в лучшем случае отроческим». Заслуживает внимания определение «внутреннего смысла западничества», заключавшегося, по мнению А. Луначарского, «именно в том, чтобы перенять сильные стороны «врага», так как «всякая дворянско-буржуазная меркантильно-военная банда, носящая название государства, не могла не смотреть... на иностранца, как на врага» (стр. 18). Статья А. Луначарского изобилует подобными выразительными афоризмами. Следует отметить, что в своих оценках литературных деятелей рассматриваемого им периода А. Луначарский чужд схематизма, что он всегда соблюдает историческую перспективу и отмечает не только важнейшие заслуги таких писателей, как Ломоносов, Крылов, Карамзин и Мераляков, но и «неожиданную тонкость и правильность суждений» Сумарокова и т. д. Рисуя «бледные облики» русских писателей XVIII века, А. Луначарский всюду ставит своей задачей «разглядеть определенное классовое подразделение», напр. черты «почти сознательной антибуржуазности» представителя дворянской культуры Сумарокова, проявившиеся в его борьбе против «слезной комедии» (стр. 49).

Ценность обстоятельных очерков покойного Н. Рожкова о 30-х, 40-х и 50-х годах отмечена в предисловии к «Очеркам». П. Коган дал меткие характеристики Полевого и Надеждина. В. Полянский удачно справился с трудной задачей дать адэкватную характеристику Белинского. В. Фриче выясняет место Вал. Майкова как представителя промышленной буржуазии и Ап. Григорьева как идеолога русской торговой буржуазии среди идейно-литературных течений. Н. Бельчиков дает обстоятельную характеристику идейно-литературной позиции Анненкова, Дружинина и Дудышкина. Внимание, отводимое этим эклектикам, оправдывается тем, что именно они наиболее характерны для общественно-литературной среды «50-х годов», на тусклом фоне которых тем ярче вырисовываются «Эстетические отношения искусства к действительности», против которых они так ожесточенно и так неудачно боролись.

Существеннейшим пробелом «Очерков» приходится признать то, что в них не рассматривается деятельность А. С. Пушкина как литературного критика, а только приводятся его отзывы о писателях XVIII века, и характеризуется «пушкинский либерализм».

Я. А. Назаренко. История русской литературы XIX века. Издание 8-е, переработанное. Госиздат, М. — Л. 1919, стр. 407.

Названная книга, как говорится в предисловии, представляет собою «учебное пособие, возникшее в значительной степени на рабочих факультетах, в Ленинградском коммунистическом университете, преимущественно в рабочих аудиториях», для которых она и предназначается. Автор пишет: «Я стремился установить связь произведения с социальными факторами и причинами, создавшими литературный памятник, выяснить его роль и значение в классовой борьбе; проследить в литературе отражение классовой борьбы, общественных идей». В русской литературе XIX века он намечает три стиля: «дворянско-поместный стиль от Державина до Фета, дворянско-буржуазный от Герцена до Достоевского, буржуазно-демократический от народников до Горького». Конкретными образцами того, как автор осуществляет поставленную им себе задачу, является, примерно, следующая характеристика «социального значения» творчества Пушкина: «В «Сценах из рыцарских времен» и в «Скупом рыцаре» Пушкин создает многозначный символ капитализма, обобщающий образ буржуазной культуры — со всей ее жестокостью, пороками, нищетой, расточительностью и всеобщей продажностью»... (стр. 65). Итак, Пушкин, по Назаренко, — «созидатель символов капитализма». До какого вульгарного упрощенчества марксистского метода нужно дойти, чтобы в образе феодального скряги, способного, самое большее, стать ростовщиком, узреть «обобщающий образ буржуазной культуры» капитализма. Кольцов попадает у Назаренко в раздел «дворянско-поместный стиль». Впрочем, повидимому, разделение на дворянско-поместный, дворянско-буржуазный и буржуазно-демократический стили проведено автором только в оглавлении, ибо, как можно убедиться из характеристик отдельных писателей, хотя бы того же Кольцова, автор не в состоянии подтвердить на фактическом разборе творчества писателя отнесение его к тому или иному стилю.

Автор ставит на одну доску Чернышевского, Добролюбова и Писарева, очевидно, не понимая социального различия между такими течениями, как писаревщина, с одной стороны, и революционный материализм Чернышевского и Добролюбова — с другой, и берет на себя смелость утверждать, что «незадолго до смерти Писарев подумывал о популяризации учения Карла Маркса в беллетристической форме». Конечно, дело не в отдельных промахах и обмолвках автора, — приведенные примеры представляют образец такого глубокого непонимания сущности марксистской методологии и легкомысленного обращения с материалом, что можно только удивляться, как подобные руководства, предназначенные для пользования рабфаковцами, выдерживают восемь изданий, являясь по существу пародией на марксизм.

И с внешней стороны автор остается верен себе: язык крайне неряшлив, если не малограмотен; напр., встречаются такие выражения: «абсолютное государство» (стр. 12), «Жуковский переводит из английского элегию», или фраза: «XVIII век перевернул Европу» (стр. 21) и т. п.

Эта неряшливость — далеко не случайное явление, она по существу выражает те сумбурные положения, которые автором преподносятся молодой аудитории как плод его «марксистского анализа». Сущность марксистской методологии Я. А. Назаренко сводится к чисто механическому и произвольному использованию литературно-исторических схем В. Ф. Переверзева и Соловьева-Андреевича. «Недовольство старым, сознание грехов современных, искреннее, но туманное стремление к лучшему будущему, растерянность перед массой противоречивых взглядов, непоколебимая уверенность в необходимости найти исход из этих противоречий, сознание своей слабости перед высокой задачей, часто повторяющийся упадок духа и, наконец, гнев на внешние условия, стеснявшие и без того уже стесненную мысль», — вот слова автора, которые более удачны в применении к его собственному произведению, чем для характеристики «цикла идей и чувств 30-х годов», отображенных в поэзии Лермонтова (стр. 79).

Грибоедов, его жизнь и гибель (в мемуарах современников). Редакция и примечания Зин. Давыдова. Изд. «Красной газеты», Л. 1929, стр. 351.

А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. Редакция и предисловие Н. К. Пиксанова, примечания И. С. Зильберштейна. Изд. «Федерация», М. 1929, стр. 343.

«Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны» — так заканчивает А. С. Пушкин свой рассказ о встрече с телом Грибоедова (из «Путешествия в Арзрум»). Горькие слова поэта были справедливы, но, как оказалось, не совсем. Об А. С. Грибоедове появилось довольно большое количество воспоминаний и заметок, только были они разбросаны в различного рода журналах, газетах и т. д. И теперь к 100-летнему юбилею поэта Москва и Ленинград несколько восполнили этот пробел двумя сборниками, в которых объединили, хотя и далеко не с достаточной полнотой, этот разбросанный до сих пор материал. Сборники близки по содержанию, объему и формату, но в то же время отчасти и дополняют друг друга. В московском сборнике, под редакцией Н. К. Пиксанова, помещено несколько большее количество воспоминаний: так, мы имеем здесь «Литературные призраки» Булгарина, воспоминания Соковнина, Каратыгиной, Вяземского, К. Полевого; более полные отрывки из воспоминаний Григорьева, очерк Бороздина о Нине Грибоедовой и так называемые несобранные рассказы о Грибоедове — записи, по большей части, из вторых рук. Всего этого материала или совсем нет в ленинградском сборнике, или он очень отрывочно помещен в примечаниях. Но зато в последнем помещены дающие интересные подробности о трагическом происшествии, гибели поэта, вновь исправленная и дополненная по французскому тексту «Реляция происшествий, предварявших и сопровождавших убиение членов последнего российского посольства в Персии» (рассказ персидского мирзы, опубликованный в 1830 году во французском журнале «Nouvelles Annales des Voyages et des Sciences Géographiques»); донесения Мальцева, секретаря посольства, единственного уцелевшего из всей русской миссии, и, под инициалами Г. А., «Смерть вазир-мухтара» (полномочного посла), рассказ Амбрацума, курьера Грибоедова. Не приходится говорить, насколько интересны и полезны оба сборника, к тому же снабженные соответствующими комментариями, для изучения личности и деятельности Грибоедова. Остается только пожелать скорейшего выхода более полного собрания материалов в издании Академии наук, собрания, подготовленного к печати Н. К. Пиксановым, компетентным специалистом в данной области. Еще два слова об издании. Внешность ленинградского сборника более изящна, — обложка, переплет и бумага лучше; московский же сборник привлекает интересным, неопубликованным до сих пор портретом Грибоедова в отрочестве.

А. С. Грибоедов в Персии. 1818 — 1823 гг. (По новым документам.) Изд. «Жизнь и знание», М. (без указ. г.), стр. 118.

Небольшая, изящно изданная книжка заключает в себе три служебных донесения и шесть писем Грибоедова: донесения и три письма к С. И. Мазаровичу, поверенному в русских делах в Персии, при котором Грибоедов состоял секретарем; два письма А. И. Рыхлевскому, комиссару русского посольства при А. П. Ермолове, и одно письмо П. И. Ермолову, командиру Грузинского гренадерского полка. Весь этот материал занимает 55 страниц — французский текст рядом с русским переводом. Письмам предшествуют 38 страниц обстоятельного предисловия, принадлежащего О. И. Ионовой, а за письмами — 21 страница примечаний, составленных ею же. Предисловие дает интересную характеристику публикуемого небольшого, но весьма ценного материала, и к нему мы отсылаем читателя. Материал дает нам представление о Грибоедове, как о человеке и прежде всего как о дипломате, а последнее особенно интересно, так как в литературе о Грибоедове эта сторона его деятельности почти не затрагивалась.

Книжка оживлена рядом иллюстраций — портретами Грибоедова, Аббаса-мирзы, наследника персидского престола, особенно враждебного Грибоедову, и др., а также автографами некоторых писем.

Юрий Тынянов. Смерть Вазир-Мухтара. Изд. «Прибой», Л. 1929, стр. 551.

Новая книга о Грибоедове — новый литературный жанр, романизированная биография.

Вазир-Мухтар — полномочный царский министр в Персии, А. С. Грибоедов. Так приветствовал его 9 сентября 1828 г. в Тифлисе посланный шаха персидского, Абдул-Касим-хан: «Notre cher et estimé Vazir-Mouchtar». Встреча эта описывается на стр. 343 книги. До этого мы видим просто А. С. Грибоедова, знаменитого автора «Горя от ума», с Туркменчайским договором в кармане по пути — сначала в Москве, затем в Петербурге; затем, по получении нового назначения, опять в дороге — с остановками на станциях и в Тифлисе. Грибоедов не любит Персию, и лишь стесненные материальные обстоятельства вновь заставляют его туда возвратиться. 30 января 1829 г., всего лишь через несколько месяцев по возвращении, он убит в Тегеране разъяренной толпой, поднявшей «джахат», священную войну против иноверных. Смущенное персидское правительство шлет в Петербург одного из сыновей шаха с извинениями. Там его ласкают и все прощают. А тело Грибоедова, изуродованное и вырытое из земли, везут в Тифлис. В дороге встреча с Пушкиным: «Что везете?» — «Грибоеда».

Таково содержание книги. В ней много деталей, фактических данных. Эта сторона книги говорит о тщательном изучении материала и искусном его использовании. Автор часто цитирует подлинные слова и выражения отдельных лиц и иногда даже слишком близко держится уже опубликованного материала: так, сцена смерти Вазир-Мухтара есть лишь несколько измененный рассказ некоего персиянина, опубликованный в 1830 г. в журнале «Nouvelles Annales des Voyages et des Sciences Géographiques» и в 1858 г. помещенный в сборнике Е. Серчевского «А. С. Грибоедов и его сочинения».

Замысел автора интересен, но осуществление его все же нельзя назвать удачным. Схематизация и стилизация, столь излюбленные автором как художественные формы для живого, конкретно-исторического материала, дают впечатление чего-то крайне искусственного, какого-то вывиха, не свойственного эпохе.

В заключение отметим, снова обратившись к содержанию, оттененный автором факт большого общественного значения — факт косвенного участия английской миссии в убийстве русского представителя. По этому поводу вспомним, что в свое время, из-за политических соображений, это обстоятельство не было расследовано. Уже много позже этот вопрос вновь поднялся в нашей печати: ст. А. Берже «Смерть Грибоедова» («Русская старина», 1872 г., т. VI, стр. 163—207) и отклики на нее в современной прессе. Обследованные А. Берже, председателем Кавказской археографической комиссии, документальные данные говорят в пользу этой догадки. Нельзя не привести записанный им рассказ некоего генерала Арцруни, состоявшего при преемнике Грибоедова, кн. Долгоруком. Арцруни пришлось беседовать с Мамед-Хусейн-ханом — персидским представителем при русском посланнике — о войне с русскими, об истреблении русской миссии. «Разве не известно целому миру, что мы были вовлечены в нее [войну] происками англичан?» — спросил хан и рассказал следующее: «Однажды чортова жена со своим ребенком сидела неподалеку от большой дороги, в кустах. Вдруг они увидели идущего по направлению к ним крестьянина с тяжелой ношею на спине. Поравнявшись с местом, где сидели черти, он споткнулся о случившийся на дороге большой камень и упал; а когда приподнялся, с сердцем произнес: «Будь ты, чорт, проклят!» Слова эти были услышаны чертенком, который тут же, обратясь к матери, сказал: «Как люди несправедливы: они бранят нас там, где нас нет; мы так далеки от камня, а все же виноваты». «Ты, молчи, — отвечала мать, — хотя мы и далеки, но хвост мой спрятан там, под камнем»... «Так, — заключил Мамед-Хусейн-хан, — было и в деле Грибоедова: англичане, хотя и жили в Тавризе, но хвост их все же был скрыт в русской миссии в Тегеране». Любопытная легенда и остроумное сравнение.

Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. Вступительная статья, редакция и примечания С. А. Переселенкова, с 52 иллюстрациями. Изд. «Academia», Л. 1929, стр. 544.

С. А. Переселенков дает в предисловии к воспоминаниям Н. А. Тучковой-Огаревой в общем правильную характеристику автора этих воспоминаний, «наделавшего», по собственному признанию, «столько горя» Герцену, Огареву и себе, создавшего вокруг Герцена обстановку, которую сам Огарев приравнивал в своем произведении «Бедлам, или день из нашей жизни» к «обстановке сумасшедшего дома». Столь же правильной приходится признать и суждение С. А. Переселенкова о значении «Воспоминаний» Н. А. Тучковой-Огаревой, дающих «ценный и довольно яркий материал для характеристики помещичьей и провинциальной жизни конца XVIII и первой половины XIX века и отчасти для истории крепостных крестьян» и о «целом ряде лиц и событий, типичных для своей эпохи», а также о «повседневной обстановке», окружавшей Герцена и Огарева.

В этом отношении «Воспоминания» Н. А. Тучковой являются ценным дополнением к книге Герцена «Былое и думы». Но, как опять-таки правильно отмечает С. А. Переселенков, Н. А. Тучкова-Огарева в сущности была далека не только от настроения революционных деятелей 60-х и 70-х годов, но даже и от Герцена и Огарева. Кроме приводимых С. А. Переселенковым доказательств о поверхностном понимании Н. А. Тучковой-Огаревой наиболее близких к ней лиц, о том же свидетельствует хотя бы то, что для характеристики роли Герцена в кружках 40-х годов она не находит сказать ничего, кроме того, что Герцен создал кружок западников в противовес кружку славянофилов. И дальнейшие конфликты Н. А. Тучкова-Огарева понимала или крайне поверхностно, или как-то по-своему, упуская из виду именно самое существенное. Весьма характерно, напр., ее изложение мотивов приезда Чернышевского в Лондон для переговоров с Герценом. Кроме того, в «Воспоминаниях» встречается множество неточных указаний, в том числе хронологических, которые редактору приходится оговаривать и исправлять в примечаниях. С. А. Переселенков объясняет эти неточности тем, что память изменила автору, но ряд неточностей, несомненно, способствует большей драматичности изложения; напр., утверждение, что петрашевцы были арестованы как раз накануне Пасхи, подчеркивает значение предостережения, данного Кавелину и Огареву Н. А. Тучковой, которой они были обязаны своим «спасением», и т. п.

Тем не менее «Воспоминания» Н. А. Тучковой-Огаревой — важный источник для истории русской зарубежной печати, и переиздать их следовало, тем более что в прежних изданиях в угоду цензуре выпускались «неудобные» места, напр. упоминания о том, как Н. А. Тучкова-Огарева несла на демонстрации в Риме знамя, о расстрелах в июньские дни 1848 года в Париже, о посещении Герцена Ростовцевым и т. д. Тщательно составленные примечания и указатель имен облегчают пользование «Воспоминаниями».

А. О. Смирнова. Записки, дневник, воспоминания, письма. Со статьями и примечаниями Л. В. Крестовой, под редакцией М. А. Цявловского. Изд. «Федерация», М. 1929, стр. 448.

В биографическом очерке, начатом М. А. Голубцовой и оконченном Л. В. Крестовой, излагается жизнь А. О. Смирновой, урожденной Россети (Россет), воспетой Пушкиным, Жуковским, Туманским, Лермонтовым и другими поэтами и поддерживавшей тесную связь с Гоголем и со многими другими выдающимися русскими писателями. По своему общественному положению А. О. Россети была фрейлиной при императорском дворе, а затем вышла замуж за калужского губернатора Н. М. Смирнова. Она отличалась тонким литературным вкусом, развившимся благодаря раннему ознакомлению с иностранными литературами и постоянному обмену мыслями с корифеями русской литературы, интересовавшимися ее суждениями о своих и чужих произведениях. Пушкин говорит в одном из посвященных «черноокой Россети» стихотворений, что она сохранила среди большого света и двора «взгляд холодный, простое сердце, ум свободный», и отмечает делавшую ее «придворных витязей грозою» способность писать «прямо набело шутки злости самой черной». Только в конце 70-х годов, после тяжелой болезни и множества огорчений, А. О. Смирнова, в 40-е годы приведшая яс-

ностью ума в восторг Белинского, настолько утратила чуткость, что с одинаковой резкостью выражалась, с одной стороны, «о всех этих Сосулич», а с другой стороны, и о всех министрах, которым «платят большое содержание, а эти свиньи ничего не делают» (стр. 156).

Близко соприкасаясь с царской семьей, А. О. Россети-Смирнова не щадит и ее членов. Вот, напр., как она передает первое впечатление, произведенное на Николая I известием о торжестве революции в Берлине. Когда императрица-выразила сожаление о «своем бедном брате» (прусском короле), Николай I воскликнул: «Нечего говорить о вашем трусливом брате, когда все рушится в Европе, когда она в огне и в России может также наступить передряга». А увидав Гримма, читавшего императрице «Фауста», Николай I сказал: «А, вы смеете читать эту безбожную книгу перед моими детьми!.. Это ваши отчаянные головы Шиллер, Гете и подобные подлецы, которые подготовили теперешнюю кутерьму» (стр. 263). Не менее характерен и отзыв Николая I о Гоголе: оказалось, он не знал, что Гоголь — автор «Мертвых душ» и приписывал их Соллогубу (стр. 283). Воспоминания А. О. Смирновой о близких к ней Жуковском, Пушкине и Гоголе и ее переписка представляют большой интерес для всех, занимающихся историей русской литературы. В приложениях даны обстоятельный анализ так называемых «Записок А. О. Смирновой», автором которых является ее дочь О. Н. Смирнова, тщательно составленные примечания и указатель имен.

В. Ф. Одоевский. Романтические повести. Предисловие, вступительная статья и редакция Ореста Цехновицер. Изд. «Прибой», Л. 1929, стр. 397.

Русский шеллингианец, писатель и композитор, энциклопедически образованный, общественный деятель и исправный чиновник, В. Ф. Одоевский был любопытнейшей фигурой в истории русской культуры первой половины прошлого века и характернейшей для эпохи 30-х годов. «Моя юность протекала в ту эпоху, когда метафизика была такою же общею атмосферою, как ныне политические науки. Мы верили в возможность такой абсолютной теории, посредством которой возможно было бы строить (мы говорили — конструировать) все явления природы, точно так, как теперь верят в возможность такой социальной формы, которая бы вполне удовлетворяла всем потребностям человека» («Русские ночи», 1913 г., стр. 8). «Вопросы чисто философские, экономические, житейские, народные, ныне нас занимающие, занимали людей и тогда». «Новому поколению не худо знать, как понимались эти вопросы поколением, ему предшествовавшим, как и с чем оно боролось и чем страдало; как вырабатывались и хорошие и плохие материалы, доставшиеся на труд новым деятелям. История человеческой работы принадлежит человечеству» (Ibid, стр. 22). С исторической точки зрения должны подойти к Одоевскому и мы. В своей деятельности он стремился к энциклопедизму, называя свой энциклопедизм органическим, так как «одно дело вырастает из другого органическим путем, как из корня вырастает лист, из листа цветок, из цветка плод» (Ibid., стр. 8). Он стремился к цельному знанию и говорил: «Здесь не моя вина, — здесь вина века, в котором мы живем и который, если не нашел, то, по крайней мере, ищет воссоединения всех раздробленных частей знания» (Ibid., стр. 12). С помощью философии Шеллинга он думал найти эту цельность. «В начале XIX века Шеллинг был тем же, чем Христофор Коломб в XV: он открыл человеку неизвестную часть его мира, о которой существовали только какие-то баснословные предания, — его душу! Как Христофор Коломб, он нашел не то, что искал; как Христофор Коломб, он возбудил надежды неисполнимые. Но, как Христофор Коломб, он дал новое направление деятельности человека! Все бросились в эту чудную, роскошную страну, кто возбужденный примером отважного мореплавателя, кто ради науки, кто из любопытства, кто для поживы. Одни вынесли оттуда много сокровищ, другие лишь обезьян да попугаев, но многое и потонуло». И Одоевский от идеализма шеллинговой философии перешел к реалистическому миропониманию. Почему? Да потому что, как он говорил, камертон изменился», внешняя среда стала другою. «Наши ли наши мысли даже в минуту их зарождения? Не суть ли они в нас живая химическая переработка начал

внешних и разносложных: духа эпохи вообще и среды, в которой мы живем, впечатлений детства, беседы с современниками, исторических событий,—словом всего, что нас окружает?.. Трудно отделаться от семьи, от народа—еще труднее; от человечества—вовсе невозможно; каждый человек—волей или неволей—его представитель, особливо человек пишущий; большой или малый талант — все равно; между ним и человечеством устанавливается электрический ток, — слабый или сильный, смотря по представителю, но беспрерывный, неумолимый» (Ibid., стр. 6). Но почему же «камертон изменился»? Вступление России в капиталистическую фазу развития, усиление мощи новых социальных слоев, выступление на сцену так называемого разночинца создают новые интересы и новые настроения. Об Одоевском этой позднейшей эпохи рецензируемая книга представления не дает. Она есть сборник литературно-художественных произведений Одоевского 30-х годов. Значение ее преимущественно историко-литературное. Вряд ли, вопреки заявлению редактора, можно считать эти повести не устаревшими для нашего времени: их крайний романтизм слишком далек от нашей эпохи, хотя художественная значимость произведения от этого и не умаляется. Заявление редактора о том, что указанные произведения «остро отображают» «настроения эпохи: возрастание значения капитала и индустрии, сдачу старым барством своих позиций промышленникам, новую роль разночинца и проч.», вызывает недоумение,— откуда все это? В 20-е — 30-е годы определяющими настроениями эпохи были настроения дворянские; старое барство своих позиций не только еще не сдавало, но как раз в эти годы думало о закреплении их. И романтические повести рисуют быт или высшего общества, или музыкантов и артистов.

Большинство рассказов данного сборника взяты из собрания сочинений Одоевского 1844 г.; два рассказа — «Последний квартет Бетховена» и «Себастиан Бах» — взяты из «Русских ночей» его же, в изд. 1913 г.; два рассказа — «Opere del Cavaliere Giambattista Piranesi» и «Катя» — из альманахов 30-х годов: «Северные цветы» и «Новоселье»; Утопия «4348-й год» взята из рукописей автора.

Обратим внимание на название сборника: «Романтические повести». Оно вводит читателя в заблуждение, как принадлежащее будто бы самому автору, между тем как это — творчество редактора сборника. По этому поводу вспоминается сам Одоевский: «Покусившийся хоть раз, как говорилось в старину, п р е д а т ь себя тиснению с той самой минуты становится публичной собственностью, которую всякий может т р а к т о в а т ь как ему угодно. Но этот т р а к т а м е н т не только дает право публичному человеку, но даже налагает на него обязанность когда-нибудь публично же и объясниться». И Одоевский объясняется, высказываясь против бесцеремонного обращения с «публичной собственностью». «Мне казался довольно забавным этот особый род нового издания моих со инений» (ср. «Русские ночи», 1913 г., стр. 12) (правда, он имел в виду прямые заимствования, искажения и т. д.; в нашем случае, конечно, бесцеремонность гораздо более деликатного свойства).

Повестям предшествуют предисловие и «вступительная статья» редактора. В предисловии мы имеем попытку социологического объяснения романтизма вообще и, в частности, творчества Одоевского. Автор вспоминает и Зомбарта, и Маркса, но, к сожалению, забывает о марксистской отчетливости и логичности мышления. Вступительной статьи мы совсем не нашли. Очерк «Силуэт» с подзаголовком «вступительная статья» (стр. 25 — 98) довольно значителен по объему и даже интересен, но в значительной своей части это просто искусная мозаика из воспоминаний целого ряда современников и высказываний самого Одоевского, переплетенных фразами редактора. Лишь вторая глава «В эпохе» принадлежит, собственно, перу редактора. Считать такой очерк вступительной статьей есть известного рода недоразумение. Не является ли это следствием отсутствия кавычек, которые, конечно, очень испестрили бы текст, но которые дали бы точную картину творчества редактора? Ссылки на примечания вследствие своей неопределенности этому не помогают. «Здесь я стремился разорвать узаконенные рамки документа и заставить его говорить самого за себя», говорит редактор в предисловии. Но лишь сверив текст с документом, вы поймете, что это — свидетельство документа, а не «творчество» автора очерка, — так незаметна

граница между концом цитаты и фразой редактора. Насколько удачно использован в главе третьей «Записная книжка» — высказывания Одоевского — рукописный материал, судить не можем вследствие незнакомства с ним; сожалеем только об отсутствии хронологических дат, для такого материала чрезвычайно важных. В подлинном очерке редактора «В эпохе» личность Одоевского зарисована с достаточной рельефностью. Внешность издания, обложка, печать и бумага хороши.

Урания. Тютчевский альманах. 1803 — 1928. Под редакцией Е. П. Казанович. Вступительная статья Л. В. Пумпянского. Изд. «Прибой», Л. 1928, стр. 314.

В 1928 г. исполнилось 125 лет со дня рождения Ф. И. Тютчева. Этот день в советской общественности отмечен был двумя праздничными событиями: 22 июля в музее-усадьбе «Мураново» имени Тютчева музейным подотделом МОНО была открыта выставка, посвященная творчеству и жизни поэта, и к осени 1928 г. Госиздат выпустил рецензируемый здесь альманах.

Альманах состоит из ряда статей, посвященных, как сообщает редактор в кратком предисловии, во-первых, вопросам творчества («14 декабря 1825 г.» Георгия Чулкова; «Тютчев — переводчик Гете» К. Писарева; «Поэзия Ф. И. Тютчева», вступительная статья Л. В. Пумпянского) и идеологии Тютчева («Из мюнхенских встреч Ф. И. Тютчева» Е. Казанович); во-вторых, — его жизни и различным взаимоотношениям в ней («Ф. И. Тютчев и его дети»). Кроме того, в книге дан ряд неопубликованных писем самого Тютчева к разным лицам. Начатая в «Тютчевском сборнике» 1923 г. (изд. «Былое») библиография о Тютчеве и доведенная там до 1923 г. в настоящем альманахе продолжена до 1928 г. С внешней стороны альманах издан прекрасно.

Не останавливаясь на статьях, сообщениях и заметках чисто биографического или историко-литературного характера, рассмотрим лишь две статьи: «Поэзия Ф. И. Тютчева» Л. В. Пумпянского и «Из мюнхенских встреч Ф. И. Тютчева» Е. Казанович. Трудно судить по статье Пумпянского, к какой методологической школе он себя причисляет. За формализмом он признает большие заслуги, но в целом он его, повидимому, отвергает. Методология же самого автора вызывает немало сомнений. Так, стараясь доказать «утверждение о циклизме как главном методе поэзии Тютчева» (стр. 18), автор пишет: «Если читатель с предложенной нами точки зрения подвергнет обзору все стихотворения Тютчева, он будет поражен числом аналогий, параллелей, повторений, вернее сплошностью этих параллелей, всеобщим их характером, благодаря которому у Тютчева нет ни одного высказывания, быть может, даже ни одного значащего стиха, который не был бы окружен родственной атмосферой других высказываний и стихов, принадлежащих к тому же тематическому гнезду» (стр. 15). После этого автор переходит к отысканию идейного содержания этих циклов. И тут ему кажется, что «в особенности следует иметь в виду центральные циклы — ночь, хаос и сумерки, в которых полнее всего изложено шеллингианское учение о двусмысленности природы и человека» (стр. 16). Утверждение довольно интересное, но доказательства? «Анализировать по существу, — говорит автор, — не входит сейчас в наши задачи» (стр. 16). Далее не только констатируется влияние Шеллинга, но и Шопенгауэра на метафизику Тютчева, и делается вывод, что «система Тютчева есть отдельный листок громадного разветвленного дерева германской романтической метафизики» (стр. 29). Автором отмечается тютчевская «дуалистическая концепция истории, интересное соединение славянофильства с неоплатонической доктриной искупления», но анализа и этой проблемы в книге не дано. Итак, автор делает ряд безусловно интересных для анализа творчества Тютчева замечаний, но не доказывает их. И если он в конце статьи приходит к выводу, что поэзия Тютчева представляет соединение «Шеллинга с Державиным» (стр. 56), то и этому положению недостает глубокого социологического обоснования.

Анализу идеологии поэта посвящена также статья Е. Казанович «Из мюнхенских встреч Ф. И. Тютчева» (1840 г.). Поводом и источником для нее послужил дневник известного немецкого ученого Я. Ф. Фальмерайера, опубликованный (неполностью) в 1913 г. в его двухтомном собрании сочинений. Сперва Е. Казанович рисует нам

общественную жизнь Мюнхена во время первых 11 лет пребывания Тютчева в этом городе (1822 — 1833), которые «были едва ли не лучшей порой его жизни» (стр. 125). Этот период рисуется как эра «короля-поэта»(!). Странное впечатление производят общеполитические размышления автора. Наполеон оказывается «врагом всех европейских народов» (стр. 128), и едва ли не в «те именно годы завязались против России те предательские политические узлы всяческих интриг и ненависти, которые привели к бедствию Крымской войны» (стр. 139). Всю историю подготовки этой войны Е. Казанович, в сущности, сводит к интригам.

Перейдем, однако, к встречам Фальмерайера с Тютчевым. Выясняется, что они встречались довольно часто и беседовали на восточные темы. Фальмерайер к этому времени (1842 — 1843 гг.) был уже известным публицистом и ученым, создателем и страстным защитником много нашумевшей теории славянского происхождения новоэллинов. Естественно, что царское правительство старалось привлечь его на свою сторону и купить его перо для пропаганды русских завоевательных идей на Востоке. Посредничество в этом деле взял на себя Тютчев. В дневнике Фальмерайера, в записи от 11 февраля 1843 г., читаем: «Вечером пил у Тютчева чай; продолжительный секретный разговор и формальные предложения защищать пером ** дело на Западе, т. е. выдвигать правильную постановку восточного вопроса в противовес Западу, как и до сих пор, не насилуя своего убеждения. Беннкендорф решит в следующем году дальнейшее» (стр. 152). Что под звездочками надо понимать «русское» дело, в этом нет никакого сомнения. Посредничество Тютчева не увенчалось успехом. Фальмерайер, как известно, выступил против русской экспансии. В 1848 — 1849 гг. он принимал участие в левом демократическом движении, был избран членом франкфуртского парламента и после его ликвидации в Штуттгарте жил в эмиграции, а в 50-х годах вернулся в Германию.

Вся статья Е. Казанович производит весьма странное впечатление. Если бы на альманахе не стоял год издания 1928 и фирма Госиздата, можно было бы подумать, что она написана в 50-х годах. Не менее странным является утверждение автора, что в русской литературе «всего один раз встретилось нам это имя (Фальмерайер) в заметке о гр. А. И. Остермане-Толстом, написанной в 1868 г. в Женеве» (стр. 154). А между тем теория славянского происхождения новоэллинов всегда вызывала интерес, что вполне естественно, в русских ученых кругах. Укажем на работу А. Васильева «Славяне в Греции» с подробной литературой о Фальмерайере («Византийский временник», V, стр. 626 — 670), на статьи Палаузова в «Москвитянине» (1850 г., № 20 и 22), Орбинского (в «Журнале министерства народного просвещения», LXXXIII, стр. 94 — 112), А. Гильфердинга (в «Русской беседе», 1859 г., IV) и др. и, наконец, на работу М. Петровского «К вопросу о генезисе теории Фальмерайера» в «Журнале министерства народного просвещения» (Новая серия, часть XLVIII, ноябрь 1913 г., стр. 104 — 149). Как видно, имя Фальмерайера вовсе не является таким неизвестным в России. Но Е. Казанович не знает и другого, более существенного факта, связанного с именем Фальмерайера и восточным вопросом, а именно — влияния его теории на взгляды Маркса и Энгельса. Дело в том, что, когда Марксу и Энгельсу пришлось трактовать в «Нью-иоркской трибуне» и в печати уркартистов вопросы Ближнего Востока, отношения Турции к России, то они столкнулись с туркофильской точкой зрения Уркарта, с одной стороны, и с романтической идеализацией греков времен Байрона — с другой. На освещение этих вопросов Марксом и Энгельсом указал Д. Б. Рязанов. В известных примечаниях к X тому Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (Госиздат, 1924) он пишет: «От романтических иллюзий, видевших в каждом греке героя, Маркс и Энгельс были «исцелены» не Уркартом, а Фальмерайером, которого они оба высоко ценили... Сочинения Фальмерайера окончательно убили иллюзию, будто в восставших греках «можно еще узнать эллинов, по крайней мере, времен Павзания и Плиния». Он доказал, что древние обитатели Греции вымерли вследствие разнообразных бедствий и исчезли окончательно за исключением небольших их остатков. Фальмерайеру же принадлежит знаменитая теория, что современные греки происходят главным образом от славян (стр. 518). Повторяем: после того как в русской марксистской литературе был

хорошо освещен так называемый восточный вопрос 50-х годов, на 12-м году советской власти странно читать размышления о миссии Тютчева, как они даны в альманахе, изданном Госиздатом.

Н. Бельчиков. Н. А. Некрасов в литературе за годы революции. 1917 — 1929 гг. Госиздат, М. — Л. 1929, стр. 82 + II.

В наши дни возросшего интереса к Н. А. Некрасову — певцу горя и печали народных — нельзя не приветствовать новой работы о нем. Дело с библиографией о Н. А. Некрасове, как указывает сам составитель в своем предисловии, обстоит у нас далеко не благополучно. До сих пор в библиографическом отношении обследована литература лишь до 1908 г. Между тем за последние двадцать лет литература о Некрасове количественно и качественно значительно выросла. Этот пробел стремится восполнить своей работой Н. Бельчиков. Собранный им материал составитель разделил на две основные части: «Сочинения и переписка Н. А. Некрасова» и «Литература об Н. А. Некрасове», причем литература за 1928 г. выделена в особый раздел. Недоумение вызывает I отдел 2-й части — «Статьи и очерки общего характера». Что под ним подразумевает составитель? Не отдел ли «Varia»? Известно, что сочинениями общего характера для каждого отдельного лица являются труды биографические, имеющие своей целью дать полный, исчерпывающий образ данного лица во всех его разнообразнейших проявлениях (личность, творчество, общественная деятельность и т. д.). Между тем составитель поместил в свой «Общий отдел», с одной стороны, статьи и заметки биографического характера (по большей части юбилейные, наиболее поверхностные и беглые), а с другой стороны — статьи об отдельных мотивах и элементах творчества поэта, уже никакого отношения к «статьям общего характера» не имеющие, благодаря чему обескровил отдел «Статьи и очерки о творчестве». «Общий отдел» содержит около 100 названий, повторяющихся в других отделах, чем составитель излишне загромоздил ненужными повторениями вторую часть своей работы, содержащую всего 350 номеров.

Таким образом, без всякого ущерба для работы «Общий отдел» литературы об Н. А. Некрасове мог бы быть выброшен составителем, отчего его работа только выиграла бы и приобрела действительную научную стройность. Первым в таком случае был бы отдел «Биографические очерки и статьи», т. е. «Общий отдел» по библиографической терминологии.

Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие. Том второй. Письма. Под редакцией и с примечаниями Н. А. Алексеева и проф. А. П. Скафтымова. Госиздат, М. — Л. 1928, стр. 607.

Во втором томе «Литературного наследия» Н. Г. Чернышевского напечатаны его письма к родным 1838 — 1862 гг., письма к разным лицам 1846 — 1862 гг., письма из Петропавловской крепости 1862 — 1864 гг., материалы к делу Чернышевского и его заявления властям из Петропавловской крепости 1861 — 1864 гг. и задержанные письма из Сибири 1864 — 1882 гг. Переписка Чернышевского является существенным дополнением к напечатанным в первом томе «Из автобиографии» и дневнику 1848 — 1853 годов.

В письмах к родным, бо́льшую часть которых составляют письма к родителям, проявляется свойственная великому писателю деликатность по отношению к людям, с которыми ему приходилось так или иначе соприкасаться, заботливость о комфорте других и безразличие к своему собственному благополучию. Письма к Н. Д. и А. Е. Пыпиным и приписки к А. Н. Пыпину свидетельствуют о настойчивости, которую Чернышевский проявлял в тех случаях, когда дело шло о том, чтобы предотвратить людей, будущностью которых он дорожил, от необдуманных шагов вроде поступления в университет на казенное содержание, «которое после иногда очень тяжело приходится» (стр. 134 и сл.).

Хотя Чернышевский был очень осторожен в своей переписке, избегая без надобности задевать склад мысли и навыки своих корреспондентов, в его студенческих письмах встречаются ценные указания относительно развития его мировоззрения. Уже в

письме от 30 августа 1846 г. он обращает внимание своей двоюродной сестры на романы Сю, целью которых, «говорят», является «изображение бедствий земледельческого класса во Франции, бедности, невежества и угнетения его и изложение средств помочь этому» (стр. 40). В письме к той же двоюродной сестре, опять-таки по поводу романов Сю, Чернышевский говорит о разных способах действовать на «палачей низших классов» (стр. 46). Сопоставление формальной логики с логикой Гегеля и со здравым смыслом (стр. 37) свидетельствует о раннем усвоении Чернышевским правильной точки зрения на отношение диалектики к формальной логике. Чернышевского живо интересует вопрос о том, почему до сих пор русские не внесли ничего своего в науку, а наука не внесла ничего в жизнь русских (стр. 43). Вопреки своей обычной осторожности в выражениях Чернышевский указывает, что наши знаменитости «не в дружбе с правительством», приводя в пример, между прочим, Искандера (стр. 65).

В письме от 29 ноября 1849 г. Чернышевский выражает свое убеждение в том, что «теперь политическая экономия, то есть то и другое, как приложение философии, и вместе главные опоры, источники для философии, стоит теперь во главе всех наук. Без политической экономии теперь нельзя шагу ступить в научном мире. И это не то, что мода...» (стр. 147).

В письме от 31 января 1850 г. Чернышевский очень осторожно отзывается о деле Петрашевского, подчеркивая, однако, что «мало вероятия, чтобы что-нибудь было подобное декабрьскому замыслу» (стр. 159). Однако в «Дневнике» Чернышевский писал: «Я никогда не усумнился бы вмешиваться в их общество и со временем, конечно, вмешался бы».

Письма Чернышевского дают много указаний относительно серьезности его научных занятий в университете. Он был основательно подготовлен к тому, чтобы специализироваться и писать диссертацию не только по славянским языкам или русской словесности, но и по истории и по философии, которою, в сущности, всегда интересовался более всего. Но проф. Фишер отклонил его от писания диссертации на тему о Лейбнице, сказав с живостью: «Нет, не пишите, не советую, время неудобное». Изложив этот разговор, Чернышевский добавляет: «После этого, кажется, не нужно комментариев к тому, каково ныне время» (стр. 164).

Из университетских товарищей Чернышевский скорее всего и более всего сблизился с М. И. Михайловым, о котором часто упоминается в письмах.

Интересны сообщения Чернышевского в письмах к отцу о своей диссертации, о ее защите и дальнейшей судьбе, о необходимости писать статьи по эстетике «с большою осторожностью, чтобы они могли появиться в печати» (стр. 192), о редактировании «Военного сборника».

На основании писем отца Н. Г. Чернышевского к нему автор примечания на стр. 287 устанавливает с точностью время поездки Н. Г. Чернышевского за границу для свидания с Герценом и Огаревым.

Из писем к разным лицам наиболее содержательны письма к Некрасову и к Добролюбову. В письмах к Некрасову Чернышевский подробно обосновывает свою точку зрения на его творчество. Эти письма резко противоречат общераспространенному предрассудку об узости взглядов Чернышевского на искусство: Чернышевский ценил в Некрасове лирика еще более, чем идейного поэта. В письмах к Добролюбову и от Добролюбова много интересных данных.

Материалы к делу Чернышевского и его заявления властям из Петропавловской крепости и напечатанные в приложениях записки Чернышевского к вилюйским и якутским властям характерны для образа действия высших, средних и низших властей по отношению к Чернышевскому.

В задержанных письмах из Сибири много важных указаний и сообщений как относительно самого Чернышевского, так и относительно ряда лиц, с которыми он так или иначе соприкасался.

В длинных письмах Н. Г. Чернышевского к его сыновьям (в 1878 г.) важнее всего настойчивое подчеркивание, что философия, а не математика, есть основная наука, что для Чернышевского, специалиста по истории философии (стр. 562), важно не то,

прав ли Коперник, или Ньютон, или Лаплас, а «лишь то, что прав Левкипп, или, — чтобы говорить о современной Лапласу науке, — что прав Гольбах», что «истина, которую разъяснял Левкипп, шире и глубже...» и что «Гольбах прав независимо от того, правы ли Коперник, и Галилей, и Кеплер, и Ньютон, и Лаплас» (стр. 557).

В письме к Ольге Сократовне от 15 марта 1878 г. очень характерен отзыв Чернышевского о Лассале, которого он умышленно не называет по имени.

Д. И. Писарев. Библиотека писателей для школы и юношества. Под редакцией Е. Ф. Никитиной. IV серия: «Русские критики в марксистском освещении». Кооперативное издательство «Никитинские субботники», М. 1929, стр. 416.

Этот сборник открывается хронологической таблицей жизни и творчества Д. И. Писарева, в которой имеются неточности. Писарев поступил в гимназию не в 1851, а в 1852 г. и окончил гимназию не с золотой, а с первою серебряною медалью. В статье Евг. Соловьева (Андреевича), взятой из «Очерков из истории русской литературы», дана меткая характеристика проповедника «мыслящего реализма», которому, «в сущности, оставалось сделать один только шаг, чтобы дойти до «потребляющей ближних своих» личности Штирнера или даже до сверхчеловека Ницше», но который «этого шага не сделал», так как «должен был считаться с идеей общественной пользы и интересов массы» (стр. 15). Евг. Соловьев в самом деле дает представление о «неувядаемой прелести» сочинений Писарева, о «главном обаянии», которое заключалось «в той юной силе, которая бьет в нем ключом» и благодаря которой «мы и теперь с непонятным наслаждением перечитываем его статьи, готовые шаг за шагом опровергать их содержание». В отличие от авторов, стремящихся изобразить Писарева обладателем и выразителем законченного миросозерцания, Е. Соловьев правильно подчеркивает, что Писарев, «подчиняясь внутреннему непреоборимому импульсу, как в бреду записывал свои мысли, стремясь охватить своими умом все, готовый на борьбу со всеми препятствиями» (стр. 32).

В. Переверзев изображает «нигилизм Писарева в социологическом освещении» и дает оценку эстетических взглядов Писарева. Отметив, что «о нигилизме и писаревщине до сих пор еще нет дельного, сколько-нибудь серьезного объективно-исторического исследования» и что «ходячее объяснение писаревщины тем, что вторая половина 60-х годов... сопровождалась понижением гражданской общественной мысли, перемещением интереса в сторону вопросов лично-этических..., является совершенно детским» (стр. 45), В. Переверзев утверждает, что «общественный индифферентизм Писарева в действительности — чистейшая выдумка». Стараясь выяснить, на какой общественный класс опираются идейные построения Писарева, на кого рассчитана его программа, В. Переверзев приходит к выводу, что «писаревщина, это — ставка на индустриализм, Писарев, это — идеолог промышленного капитализма..., пламенный идеализатор классов промышленно-капиталистического общества... Все его надежды покоятся на образованном предпринимателе и технической интеллигенции» (стр. 50), причем «противоречия индустриального строя, антагонизм труда и капитала не осознаются Писаревым». Философскую ориентацию Писарева В. Переверзев приводит в связь с «социально-экономической ориентацией на индустрию» и определяет материализм Писарева как «смутный, неопределенный, не выделившийся из туманности эмпиризма научный материализм» который автор считает «достаточно крепким, чтобы бороться, и не без успеха, с метафизическим материализмом «Современника» (стр. 60). Отличие точки зрения Писарева от взглядов «Современника» В. Переверзев сводит к различию между «производственно-утилитарной точкой зрения» и «потребительским утилитаризмом, на котором базируется Антонович» (стр. 61). Писаревское «разрушение эстетики» характеризуется не как доведение до крайностей воззрений Чернышевского и его школы, а как «утилитарно-экономическая позиция», в отличие от «утилитарно-антропологической». Выражая убеждение, что «путь к разрешению проблемы голодных и раздетых лежит через высоко развитую технику индустриализма», писаревский нигилизм, по мнению В. Переверзева, предвосхищал будущие построения марксизма, был зачаточной формулировкой будущей системы научного материализма

и научного социализма» (стр. 67). Эстетику «антропологистов», т. е. не только Антоновича, но и Чернышевского, В. Переверзев считает приводящей к «метафизическому обоснованию эстетики», при котором от материализма сохраняется только его шелуха, «идеалистической системой в мундире материализма». Затем в сборнике перепечатаны стр. 349 — 359 из V тома Сочинений Плеханова («Белинский, Чернышевский и Писарев») и три статьи Писарева («Реалисты», «Цветы невинного юмора», «Пушкин и Белинский»).

В. Кирпотин. Радикальный разночинец Д. И. Писарев. Ленинградский научно-исследовательский институт марксизма. Изд. «Прибой», [Л.] 1929, стр. 249.

Указав на несправедливость и неточность употребляемого «даже и в наше время, даже историками-марксистами» термина «нигилизм», не содержащего в себе «ничего определенного ни в идейном отношении, ни в социальном», В. Кирпотин подчеркивает, что Писарев имел не только разрушительную, отрицательную программу, но и положительную, выяснение которой «позволяет нам уточнить картину идейных и социальных группировок шестидесятых годов» и «вводит нас в начальные стадии идейного развития последующих десятилетий» (стр. 5). К сожалению, стараясь воспроизвести подлинный облик «мыслящего реалиста» Писарева, В. Кирпотин прибегает к произвольным конструкциям, к тенденциозным преувеличениям. Напр., уже в первой главе, подчеркивая резкий контраст между «благонравием» гимназиста Писарева и дальнейшей его эволюцией, В. Кирпотин чрезмерно сгущает краски, утверждая, что Писарев «к экзаменам готовился усердно, поведения был примерного, радовал сердца своего гимназического начальства» (стр. 8). Но в аттестате Д. И. Писарева, извлеченном Е. Казанович из архивов 3-й С.-Петербургской гимназии, бросается в глаза, что, при круглой пятерке по всем предметам, именно в выпускном классе поведение оценено только четверкой, а это вовсе не свидетельствует о том, что гимназическое начальство в самом деле восхищалось «благонравием» Д. И. Писарева. Не менее характерно, что и «способности» Писарева оценены пятеркой, а его прилежание—только четверкой, почему ему и дали не золотую, а только серебряную медаль. На стр. 19 Чернышевский и Добролюбов неправильно причисляются к «выходцам из низшего духовенства». Говоря о различии между точками зрения Писарева и Чернышевского, В. Кирпотин не отмечает по существу различных влияний на выработку их миросозерцаний: как ни плоха была семинарская «философия», она все же вырабатывала известную привычку к формальной логичности и даже к своеобразной диалектике, которая и отличала журналистов с семинарским образованием от не имевших никакой философской подготовки тогдашних «разночинцев» из дворян. Затем мировоззрение Чернышевского, как свидетельствует его дневник, складывалось в значительной степени под непосредственным влиянием жадно читаемых сообщений о революционных событиях 1848 г., которые для Писарева представляли собою уже давно прошедшее. Наконец, в отличие от бестолково метавшегося в университетские годы Писарева, Чернышевский, еще будучи студентом, выработал привычку к серьезным систематическим занятиям. Этим в значительной степени объясняется, что Чернышевского не могли удовлетворять ни Конт с Боклем, ни вульгарный материализм, которым увлекался Писарев, который, однако, незадолго перед смертью выражал намерение серьезно приняться за изучение Спинозы в подлиннике. Приводя пренебрежительные и весьма легкомысленные отзывы Писарева о диалектике, не следует упускать из виду, что они являлись лишь отзвуком суждений тогдашних немецких «передовых» кругов. Сближение точки зрения Писарева с миросозерцанием Лаврова по существу несостоятельно: автор «Исторических писем» исходил из совершенно иных философских предпосылок. В главе «Писарев и социализм» обойдена молчанием столь характерная для Писарева статья «Пчелы». Утверждение, что «Писарев был якобинцем в русских условиях», ни на чем не основано. Совершенно не учтено, что, проповедуя тогдашней радикальной молодежи серьезный умственный труд, Писарев не мог не иметь в виду уже начинавшую довольно явственно сказываться тенденцию, вскоре нашедшую свое выражение в известном лозунге: предо-

ставим науку будущим поколениям! Этой тенденции, от которой Писарев не мог ждать ничего хорошего, он сознательно противопоставлял программу, отчасти осуществлявшуюся впоследствии кружком чайковцев, систематически распространявшим серьезные «хорошие» книги. Если бы В. Кирпотин в самом деле «вводил» в «начальные стадии идейного развития последующих десятилетий», он не уклонялся бы от сопоставления писаревщины с уже зарождавшимися бакунизмом и ткачевщиной. Утверждение, что «радикализм Писарева в области литературы и искусства является обратной стороной занятой им, начиная с 1862 г., умеренной общественно-социальной позиции» (стр. 199), — произвольная конструкция. Но общий вывод В. Кирпотина — «уровень русской общественной мысли, теоретический уровень русского социализма снижался. Публика стала предъявлять спрос на теоретическую пищу несколько полегче, чем ее давал Чернышевский» — совершенно правилен. Но следовало отчетливее подчеркнуть, что, требуя честности мышления, борясь против фразерства, Писарев посильно боролся против понижения интеллектуального уровня своих читателей.

А. Островский. Тургенев в записках современников. Издательство писателей в Ленинграде, Л. 1929, стр. [14] + 445.

В этой книге Островского, как и в ряде других книг этого же рода, напр. его же книге «Молодой Толстой в записях современников», мы имеем дело с особым методом обработки историко-литературного материала. Можно всемерно приветствовать попытку дать образ писателя, каким он представлялся его современникам, документально оправданный. Казалось бы, что, когда автор заранее отказывается от личных суждений и ограничивается только цитатами из чужих произведений, выражающих мнения современников, их отзывы и их рассказы о фактах действительных или мнимых, то этим самым уже обеспечена максимальная объективность. На деле же получается совсем не так, потому что не только выбор цитат, но и их сопоставление и месторасположение в значительной мере предрешают и навязывают определенный вывод, которым составитель намеренно или даже непреднамеренно руководился. В данном сборнике бросается в глаза затушевывание того разлада, который имел место между «отцами и детьми», между радикалами и либералами, разлада, который был существом освободительной эпохи. Основной недостаток книги в том и заключается, что составитель ее, повидимому чуждый классовой точки зрения или не умеющий ее проводить в своих работах, если он ее исповедует, не озаботился расположить свой довольно богатый материал так, чтобы мы увидели Тургенева в его живой среде — и Тургенева подлинного, а не подкрашенного розовенькой водицей общечеловеческой гуманности, доброты и отзывчивости. Достаточно сказать, что составитель, совершенно не смущаясь, обесцветил донельзя такую красочную и злую характеристику, какую дала Тургеневу Головачева-Панаева в своих воспоминаниях. И даже больше того, «Современник» и его руководители в их розни с Тургеневым представлены в чрезвычайно неприглядном свете, тогда как историческая правда, а тем паче правда социальная, была на стороне не Тургенева, а именно деятелей «Современника». Тургенев под пером составителя вырисовывается жертвенной овечкой, невинно оболганной. Между тем уже по столкновениям с Толстым, как мы видим из цитат составителя, Тургенев, несмотря на свое безволие и кротость, умел быть достаточно напористым и даже наглым при защите своих либеральных сантиментов. В действительности же был прав Толстой, когда возмущался ханжеским воспитанием дочери Тургенева: «Разряженная девушка, держащая на коленях грязные и зловонные лохмотья, играет неискреннюю театральную сцену». И уж никак ничем нельзя оправдать бесцеремонный грубый выпад Тургенева, заявившего Толстому: «Я вам дам в рожу!» А между тем и здесь Тургенев, по составителю, очень мил. За описанием сцены ссоры с Толстым следует ряд цитат, оправдывающих Тургенева. В одной из цитат говорится о том, что «порывчатое чувство [любви у Толстого] встречает одно кроткое, добродушное равнодушие у Тургенева», в следующей цитате выходка Тургенева объясняется «его старой привычкой... отвечать ядовитыми замечаниями на всякую речь, которая ему не нравилась, а таких речей было немало у Л. Н. Толстого в последних сношениях его с Тургеневым». Составитель

*

не умеет отделить литературный образ Тургенева от его житейского образа. Он просто не понимает внутренних противоречий этого во многих отношениях замечательного человека и, подслащивая его характеристику, скрадывая отрицательные моменты, он не только обесценивает свой труд, но фальсифицирует и Тургенева, и заодно его современников. Как можно пройти мимо той розни между радикалами и либералами, в которой Тургенев был активным лицом, обойти беспощадное высмеивание «Современником» всех либералов, к лагерю которых принадлежал и Тургенев, высмеивание, продолженное с мужеством и ярким талантом Щедриным. Разве оно исторически не оправдано?

«Записки современников» о Тургеневе могут быть представлены в истинном свете лишь тем, кто твердо проводит в своем анализе классовую точку зрения, кто усвоил ту простую истину, что нет современников вообще, а есть современники и современники.

Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1860—1891. Записи прошлого. Воспоминания и письма под редакцией С. Бахрушина и М. Цявловского. Изд. М. и С. Сабашниковых, М. 1928, стр. 211.

Автор предисловия к впервые издаваемым дневникам С. А. Толстой, М. Цявловский отмечает «первостепенное значение» этих дневников для биографии и истории творчества Толстого и рекомендует осторожность при пользовании ими, предостерегая от «ложных построений», которые мог бы сделать читатель, не принимающий во внимание «признаний» С. А. Толстой вроде хотя бы, напр., записи от 31 июля 1868 г., в которой прямо сказано: «Я пишу журнал всегда, когда мы ссоримся».

«Отрывок из девичьих дневников С. А. «Поездка к Троице» хорошо рисует, — как отмечает автор предисловия, — буржуазно-патриархальный быт семьи Берс, во многом определивший жизненные идеалы С. А.»

«Записи разные для справок» дают много материалов для «жизни умственной» Л. Н., конечно «насколько» С. А. была «способна следить за ней». Ссора и примирение Л. Н. с Тургеневым воспроизведены весьма красочно.

В «дневнике» С. А. чрезвычайно характерно помеченное 23 ноября 1862 г. признание: «Он мне гадок со своим народом. Я чувствую, что или я, т. е. я — пока представительница семьи, или народ с горячею любовью к нему Л. Это — эгоизм. Пускай... Конечно, я бездельная, да я не по природе такая, а еще не знаю, главное, не убедилась, в чем и где дело. Он нетерпелив и злится» (стр. 57). Что касается записей, относящихся к личным отношениям между С. А. и Л. Н., С. А. то подводит переживания Л. Н. под какую-нибудь этикетку, то признает, что «жизнь его внутренняя так сложна..., что я не могу на все смотреть разумно». В «записи» от 25 октября 1886 г. С. А. подчеркивает, что «все..., особенно Л. Н..., навязывают мне роль бича. Свалив всю тяжесть и ответственность детей, хозяйства, всех денежных дел..., всего хозяйства и всего материального, пользуясь всем этим больше, чем я сама, одетые в добродетель, приходят ко мне с казенным, холодным, уже вперед взятым на себя видом..., требуют... того неопределенного, непосильного отречения от собственности, от убеждений, от образования и благосостояния детей, которого не в состоянии исполнить не только я..., но и тысячи людей, даже убежденных в истинности этих убеждений» (стр. 132, 133). Семейные конфликты в жизни Л. Н. в значительной степени вытекали именно из требования «неопределенного» отречения от житейских благ, ставившего С. А. в положение «вечной виноватости без вины» (стр. 134). Толстовских новых христиан С. А. находит «притворно-слащавыми», о «толстоистах» выражается: «Как мало симпатичны все типы, приверженные учению Льва Николаевича! Ни одного нормального человека» (стр. 145). Прочитав дневники Л. Н., С. А. вынесла впечатление, что во всех их «проглядывает самообожание». К дневникам С. А. приложены тщательно составленные примечания.

П. Д. Боборыкин. За полвека. Мои воспоминания. Редакция, предисловие и примечания Б. П. Козьмина. Изд. «Земля и фабрика», М.— Л. 1929, стр. 383.

Б. П. Козьмин правильно характеризует в предисловии к воспоминаниям Боборыкина достоинства и недостатки этого чрезмерно плодовитого автора как беллетриста и как мемуариста и указывает на «бессознательное искажение исторической истины и сознательное затушевывание некоторых моментов, неприятных в том или ином отношении для автора мемуаров».

Сам Боборыкин заявляет, что его записки «будут итогами писателя по существу», что «ядром» в них «будет по преимуществу писательский мир и все, что с ним соприкасается, и вообще жизнь русской интеллигенции, насколько я к ней приглядывался и разделял ее судьбы» (стр. 12), и обещает, что «гораздо больше речь пойдет о тех, с кем я встречался, чем о себе самом».

Это обещание автор мемуаров сдержал. От «излишних оборотов на себя» он воздерживается, но «итогами» жизни русской интеллигенции его мемуары назвать нельзя прежде всего потому, что П. Д. Боборыкин не разделял судеб воинствующей русской интеллигенции изображаемой им эпохи.

Наиболее содержательными, красочными оказываются главы воспоминаний, относящиеся к «крупным силам в мужском и женском персонале» театров, к быту казанского и особенно дерптского студенчества, мастерски изображенному еще в первом и в сущности наиболее заслуживающем внимания романе Боборыкина «В путь-дорогу», в котором еще нет той трафаретности, «протокольности», которые правильно отмечала в его более поздних произведениях критика.

«Общий уровень» молодежи 60-х годов охарактеризован бледно, общими фразами. Подчеркивая, что увлечение естествознанием, точной наукой, «протесты против метафизики, всяких предрассудков и традиционных верований... не могли не вызывать» его «сочувствия», что уже к окончанию курса в Дерпте он уже сам держался мировоззрения, за которое ратовали «Современник» и «Русское слово», П. Д. Боборыкин до конца дней не понял, что это «сочувствие» и это «мировоззрение» обязывали.

То, что, характеризуя только что умершего Добролюбова, Чернышевский выступил пред публикой не во фраке, а в пиджаке, в цветном галстухе, и «тон», которым Чернышевский говорил с публикой, так сильно подействовали на Боборыкина, что он сам вынужден признать задним числом, что тон его фельетона о Чернышевском «мог показаться исходящим от принципиального противника всего того, чем тогда «Современник» и его вдохновитель увлекали революционную молодежь» (стр. 207 — 208).

Из писателей, с которыми встречался П. Д. Боборыкин, рельефней всего изображены беллетристы, особенно Писемский. Эмиграция и отдельные ее представители изображены бледными красками. Боборыкин протоколирует наиболее бросавшиеся в глаза постороннему наблюдателю черточки, не разбираясь в сути дела.

В. В. Руднев. Горький-революционер. Госиздат, М. — Л. 1929, стр. 125.

Находя, что «политические взгляды Горького были часто противоречивы и почти всегда слабо обставлены», но «в основном они последовательны и объединены неизменным идеалом Горького», В. В. Руднев подчеркивает, что «немного... найдется художников, личная жизнь и общественная деятельность которых так тесно переплетались бы с их творчеством» (стр. 4). В некоторых тенденциях Горького, напр. в его «осознанном индивидуализме», В. В. Руднев усматривает «продукт мелкобуржуазной стихии».

Идеология политических течений, с которыми молодому Горькому приходилось прежде всего ознакомиться, резюмирована чересчур схематично. Неясно, что именно имеет в виду автор, говоря о неподготовленности Горького к изучению «Адама Смита (?!) с примечаниями Чернышевского» (стр. 10). Характеризуя казанский период политической работы Горького, В. В. Руднев подчеркивает, что именно в этот период в Горьком уже обнаружились представляющиеся ему столь характерными для Горького, при всех последующих переменах в его политических настроениях и взглядах, «стремление обеспечить себе независимость суждений, слишком

предупредительное отстаивание своей свободы мысли»... Для Горького периода 1887 — 1892 гг. автор признает характеристику, данную тогдашнему Горькому генералом Познанским — «удобная почва для содействия неблагодарному люду»,— при всей ее «витиеватой угловатости», в общем верной (стр. 33).

И после 1901 г., когда Горький «близко сливался» в своей общественно-революционной деятельности с социал-демократической партией, «бурный революционный темперамент заставлял Горького иногда метаться, впадая в противоречия с тактикой партии» (стр. 43). Значение Горького этого периода В. В. Руднев усматривает не только в революционизировании тех общественных слоев, которым предстояло сыграть положительную роль в грядущей революции, но и в том, что он «заставлял интеллигенцию, скрывающую свою буржуазную сущность под маской радикального благородства, сбрасывать эту маску» (стр. 55). Разрыв писателя-революционера «с определенной частью интеллигенции» приурочен к пьесе «Дачники».

В. В. Руднев отмечает плодотворность нижегородского периода 1900-х годов для творчества Горького: «... все его познание до-революционной рабочей среды в ее непосредственной жизненной обстановке закончилось на этом периоде, так как в 1905 г. Горький был выбит из колеи..., а возвратился из-за границы к наблюдению рабочего уже в обстановке мировой войны 1914 г.» Хорошо изложен благородный образ действий Горького накануне и после 9 января. Затем отмечено, что «мы не видим, чтобы Горький стремился разобраться в кипучих спорах большевиков и меньшевиков». Хорошо изложены выступления Горького за границей. Период наибольшего сближения Горького с партией большевиков, «прорезываемый» приблизительно двухлетней полосой «уклонов» Горького», не следует рассматривать «как полное признание Горьким всех теоретических положений большевизма в ленинском их толковании». Затем отмечена «примиренческая линия» Горького во время «некоей драки между большевиками по вопросу о философии», во время которой Горький, как утверждает В. В. Руднев, «оказался в лагере философии упадочничества». «Историческую и социологическую экскурсию Горького», его статью «Разрушение личности» в 1909 г. В. В. Руднев находит «не выдержанной марксистски, слабой в методологическом отношении».

Верно воспроизведены сенсация, вызванная внезапным возвращением Горького в Россию в конце 1913 г., и травля Горького, откликом которой явился ряд доносов, в том числе безграмотное прошение одной «вдовы» из Иркутска. Позицию Горького в 1917 г. В. В. Руднев объясняет отсутствием глубокой органической связи с революционным крылом марксизма, вследствие которого Горький «оказался во власти противоречий». В. В. Руднев отмечает, что Горький призывал к немедленной культурной революции в то время, когда «в гуще пролетариата ковалась воля Октября». Основной дефект в мировоззрении Горького, что «художник взял, как всегда, перевес над мыслителем». Формулировку расхождения с партией В. В. Руднев считает, «при всей внешней ясности, все же содержащей много непонятного и недосказанного» (стр. 118). В заключение В. В. Руднев констатирует, что «революция открыла широкий простор для роста и развития индивидуальности» и что Горький в 1928 г. признал это

H. G. Wells. The World of William Clissold. A novel at a new angle. 3 vol. London 1926, ed. Ernest Benn Ltd. 1926.

Г. Дж. Уэльс. Мир Вильяма Клиссольда.

Большой психологический роман Уэльса, героя которого, Вильяма Клиссольда, автор называет «образчиком современного либерализма» (specimen of modern liberalism), затрагивает также вопросы марксизма; § 8 второго тома носит громкое заглавие «Психоанализ Карла Маркса». «Его (Маркса) доктрины много обсуждались, но, насколько мне известно, до сих пор к ним не применялись методы психоанализа», правильно замечает Уэльс. Читатель ожидает, что Уэльс применит к личности Маркса фрейдовский психоаналитический метод, но его ожидает сильное разочарование. Добрая половина главы полна банальных жалоб на «преследования» интеллигенции в Советской России, автор пережевывает несколько вульгарно-психологических фраз, заимствованных из худших произведений буржуазной литературы о Марксе,

о мстительных чувствах Маркса, плохом состоянии его здоровья (болезнь печени), его высокомерном аристократизме и т. д.: напр., «его труд проникнут инстинктивной злобой робкого человека к широкой, свободной, влиятельной индивидуальной жизни». Общая характеристика Маркса у Уэльса прямо «уничтожающая». «Для меня он является источником и началом одного из самых распространенных и наиболее опасных неправильных представлений, одного из самых поверхностных и злополучных упрощений, от которых когда-либо страдал мир... Это он отравил и ожесточил социализм». Подобные утверждения в комментариях не нуждаются.

IX. ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

И. Ф. Куразов. Введение в методологию педагогики. Изд. «Прибой», Л. 1929, стр. 75.

В кризис, переживаемый циклом психологических знаний, была вовлечена и педагогика. Объяснялось это той же биологической односторонностью тех, кто отрицал за психологией право на существование в виде особой дисциплины с особым объектом изучения. Автор справедливо восстает против упразднителей педагогики, которые заявляли, будто вопросы воспитания исчерпываются отдельными науками: биологией, социологией, физиологией. Но не отрицает ведь никто права на существование науки биологии, на долю которой выпадают общие теоретические вопросы; не упраздняется же медицина как таковая, потому что она пользуется данными анатомии, физиологии, бактериологии и т. д. Педагогика, правильно замечает автор книги, пользуется данными других наук как строительным материалом для возводимого ею здания, но наряду с этим собственная работа педагогики состоит в том, чтобы претворить в конкретно-индивидуальной обработке общественного человека изменения, происшедшие или намечающиеся в тенденции общественного развития. Автор как бы упускает из виду эту социальную обусловленность педагогического воздействия на человека; из его определения предмета педагогики (стр. 43) следует первичность педагогического воздействия для «максимального выявления роли активной деятельности человека в общественной трансформации и форм наиболее продуктивной объективации действий людей» (стр. 43). Эта ложная установка повинна в том слишком смелом утверждении, будто «данные рефлексологии о механизме поведения, о законах и формах рефлекторной деятельности дают в стократ более ценный материал, чем все европейские исследования по субъективной психологии» (стр. 51). Это означает непонимание того, что односторонний биологизм повинен в третировании педагогики не в меньшей мере, чем в наступлении рефлексологии на психологию. Заявление, что «рефлексологические данные характеризуют средние величины поведения общественного человека» (стр. 52), показывает, что автор не уяснил себе, что рефлексология знает лишь механизм нервно-мышечной деятельности, а не человека как такового, и что педагогика, как и психология, имеет право на существование именно потому, что она имеет дело с конкретным общественным человеком. Автор сетует на то, что «педагогика до сих пор еще не приобрела цельного научного метода, а потому и не могла создать своей стройной системы понятий. Главной причиной этого является отсутствие в педагогике логического, теоретического метода познания, тогда как логика есть сущность всякой науки» (стр. 61). Это абстрактно-логическое понимание сущности науки не может считаться правильным. Для науки в целом действителен метод диалектического материализма. Точное определение предмета, ясное сознание метода исследования выведут педагогику на путь науки. Отметив практические задачи (числом 16) педагогического эксперимента, автор правильно указывает, что этот «перечень задач педагогического эксперимента наглядно убеждает в его принципиальном отличии от эксперимента рефлексологического». Но это означает только, что автор большее внимание уделяет практическим потребностям педагогики, чем изучению ее объекта и метода. «Рефлексология, — говорит автор, — исследует организм, как он есть, а педагогика исследует общественного человека, каким он должен быть, на основе законов общественного развития» (стр. 70). Что касается рефлексологии, то это утверждение

неверно: об этом уже было сказано выше; исследовать же общественного человека, каким он должен быть, немного мудрено. Глава о марксистском понятии воспитания вполне удачна.

Проф. Б. Б. Комаровский. Диалектика развития научно-педагогической мысли. Изд. «Работник просвещения», М. 1929, стр. 96.

Основная задача рецензируемой книги — «поставить в порядок дня главные проблемы методологии марксистской мысли» в области педагогики. Решению этой задачи автор предпосылает анализ методологических принципов основных педагогических систем в историческом разрезе и знакомит с методологическими различиями педагогических течений в Советском союзе. Автор различает в истории педагогики три течения: идеалистическое, позитивистское и марксистское. Основным критерием классификации педагогических систем для него служит позиция разбираемой системы в вопросе о взаимоотношениях педагогики и философии. Из трех названных выше педагогических течений позитивистское он считает свободным от метафизических и трансцендентных предпосылок, тогда как остальные два опираются на идеалистическую и материалистическую философию. Однако философская «беспартийность» позитивистского течения, в сущности, весьма сомнительна. Позитивистское или, лучше сказать, эмпирическое течение остается на позициях дуализма, на которых стояла и идеалистическая философия со времен Платона - Аристотеля. Вот пример: автор полагает, что «отсутствие широкого философского мировоззрения лишает педагогику Монтессори той социальной установки, которую легко было бы осуществить даже при ее методе трактовки» (стр. 16). Без мировоззрения, без основных философских предпосылок никакая научная работа невозможна. Всякий, отказывающийся иметь свою философию, вынужден строить на основании философии традиционной. Утверждать, что «монтессорианский метод прост и научно построен», ибо он дает «разложение процессов на элементы, повторность действий и дозировку», — неправильно, ибо научность не исчерпывается анализом. Что эмпиристы имеют каждый свою философию (религиозно-дуалистическую, по преимуществу) доказывает пример Стенли Холла, который, по свидетельству автора же, руководствуется «метафизикой религиозно-мистического характера». На поверку выходит, что конструкция автора нуждается в поправке. Марксистская педагогика должна вести борьбу со всякими дуалистическими уклонами во имя монистического материализма. Даваемое автором определение марксистской педагогики как науки, изучающей процесс воспитания человека в обществе и указывающей пути и средства перевоспитания его для подготовки к будущим формам социальной жизни, — удачно. Фактический (исторический и современный) материал изложен автором правильно, но неприемлема основная его установка, находящая свое выражение в тезисе: «Марксистская педагогика по своей природе является философской. Это не мешает ей строиться на основе положительных наук и применять, где только возможно, метод эксперимента». Ценность марксистской философии в том прежде всего и заключается, что она в диалектическом методе дает основные положения, — фундамент, на котором может возводиться здание отдельной научной дисциплины, — и в частности в том, что эта диалектика выросла в самом процессе борьбы научного, монистически-материалистического мышления с дуалистической философией.

Г. Ю. Малис. Пути психологии. Л. 1929, стр. 134. Склад издания: Изд-во «Работник просвещения» (Кабинет психологической и педологической консультации Ленинградского областного дома работников просвещения).

Названная в заголовке книжка имела назначением, как об этом говорит предисловие президиума Кабинета психологической и педологической консультации Ленинградского областного дома работников просвещения, дать «философское обоснование путей и методов научной психологии» в рамках общей задачи построения психологической и педологической работы на точно очерченном марксистском фундаменте. В кризисе, переживаемом ныне психологической мыслью, подобное предприятие имеет огромное значение, но беда в том, что автор вовсе не понял всей серьезности и ответственно-

сти поставленной ему задачи. Это усугубляется тем обстоятельством, что книга вовсе лишена того, что можно было бы назвать философской структурой, что вместо посильного углубления в подлежащую разрешению проблему автор отделывается нагромождением (часто неудачным) цитат из Маркса, Энгельса и Ленина.

Уже во введении, богатом вычурной фразеологией, звучит индивидуалистическая нотка об излюбленном человеческом «я». Поставленный на определенное место в общественном отправлении жизни, человек также скован в попытках творческого оформления своего «я» (стр. 7). В предвидении «освобождения человечества из под гнета исторической необходимости» автор требует «оздоровления психики борющегося за свое счастье человека» для осуществления перехода к новым формам общественной жизни. Это о з д о р о в л е н и е должно привести к «окончательному освобождению человека от власти его биологического «я», и в этих высоких целях автор обещает переоценку «с такой настойчивостью выдвигаемого современностью естественно-научного эмпиризма» (стр. 9). В деле философски-методологического обоснования науки вообще и психологии в особенности, — по причине ее тесной связи с философской мыслью до нашего времени включительно, — огромное значение имеет правильная историко-философская ориентировка, а между тем ее-то и нехватает автору. Так, например, он заявляет, что «недооценка роли личности в общественном отправлении ее жизни... вызвала к жизни взгляды Фогта, Бюхнера и... современных рефлексологов» (стр. 15). Декарту он ставит в заслугу «установление материалистического метода исследования» (стр. 11), а Спинозе он милостиво уделяет установление «системы истинно-материалистического миропонимания» (стр. 16), причем слова «миропонимание» и «метод» он употребляет безо всякого разбору. На стр. 72 автор говорит о «вышедшем в свет в 1677 г. «Учении о душе» Бенедикта Спинозы». Это в достаточной степени свидетельствует об историко-философских познаниях автора книжки. Сам же автор находится во власти дуализма эмпирической психологии, по которой психическое исчерпывается сознательно протекающими процессами. Поэтому для него «материальный субстрат состояний сознания» образуется «с у м м о й физиологических фактов» (стр. 22); о психике, как свойстве, присущем органически-единому, целостному существу, он не имеет представления. Этот дуализм он продолжает до дуализма индивидуального и социального. «Как определенный предмет, становясь товаром, не приобретает никаких новых вещественных свойств, так и занимающая определенное место в системе производственных отношений личность никаким физическим соответствующим этому месту изменениям не подвергается» (стр. 26 сл.). Как из этой стационарности индивидуального вытекают изменения социального характера, если следовать положению Маркса, что люди сами делают свою историю, понять нельзя. И вся эта путаница дается в главе «Очерк развития современной рефлексологии».

В последующих двух главах автор занят критикой рефлексологии. В этой критике имеются отдельные верные положения, но все это тонет в неразберихе основных понятий.

Упомянутый уже выше дуалистический параллелизм индивидуального и социального особенно четко обнаруживается в главе «Психология и биология». Автор тут прямо различает параллельно протекающие эндогенные процессы индивидуально-биологического и экзогенные процессы социального порядка, действующие на первые «через механизмы сознания». Вполне последовательно поэтому его утверждение, будто социальная психика, психика коллектива, есть нечто от дьявола идеализма.

Г. Хаханьян. О с н о в ы в о е н н о й п с и х о л о г и и. Со вступительной статьей Ю. П. Ф р о л о в а. Госиздат, Отдел военной литературы, М. — Л. 1929, стр. 320.

Книга не только снабжена вступительной статьей (введением), озаглавленной «Метод условных рефлексов и его значение для естествознания и физиологии труда», но и предисловием редакции, в котором говорится буквально следующее: «Автор дает обильный материал по психо-рефлексологическим проблемам, иллюстрируя его самыми разнообразными источниками, связанными с изучением как индивидуальной, так и коллективной психологии». Что хотела сказать редакция этим длинным предложением, сказать трудно. Зато дальше определеннее: «... в использовании материала

проглядывает идеологический эклектизм»; или вот еще: книга «представляет далеко не совершенную попытку построения военной психологии, — местами неприемлемую идеологически и обладающую некоторыми научными неточностями». Эта при «научных неточностях» только «несовершенная попытка» выпускается в свет как «серьезная попытка постановки проблемы построения новой психологии». Трудно сказать, кого следует больше винить: автора ли неудачной книги, который оправдывается тем, что трудно военным работникам заниматься психологическими проблемами «из-за отсутствия соответствующего времени и подготовки», или редакцию, успокаивающую свою совесть подобным предисловием. Эта чрезвычайно слабая книга по военной психологии снабжена еще к тому вступительной статьей (о ней ниже), в которой сказано, что «военная психология не нужна и даже вредна» (стр. 38). В одном нужно отдать справедливость автору: он сознает, что для того, чтобы обосновать военную психологию, недостаточно одного знакомства с военно-трудовыми процессами и поверхностных экскурсов в область рефлексологии и фрейдизма. Но зачем же было тогда браться за дело неумеючи? Автор книги жалуется на отсутствие «стройной системы общей психологии в марксистском освещении», которая облегчила бы ему работу в области военной психологии. Это так. Но возможность и успешность отдельных частных попыток утверждения научного изучения психики личности в отдельных областях ее проявления не исключены, но лишь при учете закономерности функционирования целого. Где этого нет, там всякая такая попытка осуждена на неудачу. Автор избрал путь атомистического анализа и осудил себя поэтому на полную беспомощность в тех случаях, когда дело касается таких подозрительных для него вещей, как «дух армии». Вместо этого он выделяет в психологии бойца те биологические элементы, одно преобладание которых в поведении воина означает уже разложение армии или, по крайней мере, выпадение данного индивидуума из армейской единицы. Таково содержание главы «Страх и паника». Он без разбора приводит примеры страха, «перепуга» разбитых, разрозненных частей армии и людей, потерпевших от землетрясения, сводит все биологические изменения в физиологических отправлениях исключительно к явлениям страха. Длинные рассуждения о социальной и классовой психологии не находятся ни в какой связи с дальнейшим, где подчас довольно путанные рассуждения об условных рефлексах должны, — так того хочет автор, — объяснить все. После этого единственный залог действенности армейской единицы должно, если последовательно рассуждать, видеть в хорошо подобранном командном составе. Приближаемся к старому правилу Наполеона: «лучше армия овец, руководимая львом, чем армия львов, руководимая овцой». Немножко запоздавшим был бы спор против таких нелепых положений. Но самое нелепое во всем этом заключается в том, что игнорируется вовсе отличие одной армии от другой. Если отвлечься от того, что не имеет прямого отношения к психологии, то нужно сказать, что в данной книге собрано много психологического материала, но теоретических основ изучения этого материала книга не дает. Зачем понадобилось еще особое предисловие, введение об условных рефлексах, — сказать трудно. Автор предисловия заявляет: «путь к изучению функций человека-бойца лежит не через психологию, а через физиологию». Автор книги, как и автор предисловия, сводит изучение поведения воина к изучению изолированно взятых функций, и второй, отрицающий психологию, уже более последователен, чем первый, который сохраняет одно только ее название.

К. Н. Корнилов. Современное состояние психологии в СССР. Статья в «Проблемах современной психологии». Ученые записки Института экспериментальной психологии, том III, изд. «Работник просвещения», М. 1928.

Московскому институту экспериментальной психологии принадлежит большая заслуга: он в долгой и упорной борьбе одолел идеалистическую психологию челпановской школы и дал отпор покушениям физиологии и рефлексологии на самое существование психологической науки как таковой. В процессе развития старой психологии под общим началом психофизической теории конституировалось, как вполне законное, параллельное существование двух методов изучения психологии человека —

субъективно-интроспективного и объективно-физиологического. С течением времени умозрительные положения первого превратились в излишний придаток к результатам анализа второго. Неудивительно, что в период назревшего кризиса психологии (с конца прошлого столетия) физиология не раз пыталась «упразднить» психологию, заняв ее место. В России эту попытку предприняла рефлексология. Рефлексология, по существу, хотела остаться физиологической «психологией без души». Ее грех, грех механистического понимания природы вообще, заключался в том, что целостная психика подменялась физиологическим изучением рефлексов. Но так как закономерность целого не исчерпывается закономерностью составляющих его частей, то рефлексология оставалась на позициях непродуманного и неглубокого дуализма: Московский институт экспериментальной психологии, как сказано, не дал себя захлестнуть рефлексологической волной. Нельзя, однако, сказать, чтобы методологические положения Института, как они нашли свое выражение в вышедших трех сборниках его, отличались особой отчетливостью. Это доказывает и названная в заголовке статья. Во-первых, по вопросу о методе психологической работы. Автор повторяет высказывавшееся им уже ранее положение, что «марксистская психология должна быть диалектическим синтезом субъективной и объективной психологии». Субъективную психологию он сохраняет как «самонаблюдение под контролем объективных методов». Если последнее слово (верификация) принадлежит объективному методу, то не может быть речи о самостоятельном, но лишь о подчиненно-служебном существовании субъективного метода. Затем — по вопросу о предмете психологии. Автор статьи защищает существование психики и сознания. В другом месте он поясняет, что психика есть свойство высокоорганизованной материи. Вопрос должен быть поставлен так: что является носителем психики человека: отдельные ли изолированные рефлексы или единое, целостное существо — человек? Психология и имеет предметом изучение закономерности этого целостного образования. Она имеет также задачей выяснить, каким образом и в какой мере закономерность целого находит свое отражение в модификации закономерности частных процессов — рефлексов — под углом зрения физиологии. В работах Института экспериментальной психологии заметна также оторванность наших психологов от глубокого брожения психологии на Западе, особенно в Германии. В статьях по вопросам методологии этому брожению не уделяется вовсе никакого внимания.

А. П. Пинкевич. Марксистская педагогическая хрестоматия XIX — XX веков. Часть вторая. Государственное издательство. М. — Л. 1928, стр. 302.

Задача этой чрезвычайно содержательной книги заключается в том, чтобы «показать своеобразие советской педагогики во всех областях». Имея в виду «принципиальную сторону, а не технику», составитель «Марксистской педагогической хрестоматии» ограничивался лишь самым необходимым и дал в ряде отделов «лишь самые общие принципиальные статьи», проводя «кое-какой конкретно-практический материал» лишь в некоторых случаях, а именно в главах, посвященных труду в школе, пионер-движению и т. п.

Считаясь с тем, что среди студентов «все чаще и чаще встречаются люди, совершенно не имеющие никаких непосредственных впечатлений от до-революционной школы», составитель хрестоматии поместил статью из книги Н. В. Чехова «Типы русской школы в их историческом развитии», в которой удачно охарактеризована «система или, вернее, бессистемность до-революционной школы» ко времени революции 1917 года. Изображаемая в этой статье «совершенно-исключительная, единственная в мире картина неимоверного разнообразия типов учебных заведений» в самом деле является красноречивым свидетельством огромности революции, совершенной после Октября и в области народного просвещения» (стр. 103).

Хрестоматия дает массу ценных указаний как по основным принципам культурно-просветительной политики советской власти, задача которой состоит в том, чтобы «построить школу, точно отвечающую экономическим и социальным условиям данного времени», так и относительно деталей практического осуществления этих руководящих

принципов в дошкольном воспитании и трудовой школе. Заслуживают внимания указания на особенности строя новой школы: 1) связь с жизнью; 2) активный метод; 3) внутренний строй и самоуправление учащихся; 4) руководство педагогов, построенное на знании психологии юношеского возраста. В статье о «безрелигиозном воспитании» дан ряд ценных практических советов и «общее напоминание и ВЛКСМ, и школе, что, если она не даст подростку ничего в смысле красоты и эмоциональных переживаний, она сама толкнет его на искание ощущений в какой-то другой форме и в антисоциальной области» (стр. 103).

Красной нитью через все статьи марксистской хрестоматии проходит гениальная мысль Маркса о том, что «из фабричной системы вырастает зародыш воспитания будущего, которое для всех детей с известного возраста соединит производительный труд с обучением и гимнастикой, причем это будет не только методом повышения общественного производства, но и единственным методом создания всесторонне развитых людей».

X. ИЗДАНИЯ ИНСТИТУТА К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Под редакцией Д. Рязанова, т. III Институт К. Маркса и Ф. Энгельса, Госиздат. М. — Л. 1929.

Материал настоящего тома группируется вокруг «Святого семейства», «Положения рабочего класса в Англии», охватывая хронологически вторую половину 1844 г. и первую треть 1845 г. Кроме отмеченных двух основных произведений указанного периода, читатель найдет богатый материал для полной характеристики взглядов Маркса и Энгельса по вопросам философии, политики, экономии в этот краткий, но крайне интересный период их духовного развития. Если I том сочинений Маркса и Энгельса дает материал для развернутой характеристики Маркса-гегельянца, то настоящий том характеризует тот переходный этап в философском развитии Маркса и Энгельса, который связан с увлечением философией Фейербаха. Прослеживая философскую эволюцию Маркса, Плеханов справедливо связал этот второй этап философского пути Маркса с конкретно-абстрактным человеком Фейербаха (Сочинения, т. XVIII, стр. 333.). Правда, уже «Критика гегелевской философии права», данная в I томе сочинений, характеризует отход Маркса от увлечения гегельянством и дает основы материалистической критики Гегеля, тем не менее только в этом томе мы находим материал, характеризующий дальнейшее развитие и завершение этой критики. И несмотря на то, что уже в «Критике философии права» Маркс идет значительно дальше Фейербаха, весь материал III тома прекрасно иллюстрирует большое влияние Фейербаха на духовное развитие Маркса и Энгельса. Свою зависимость от Фейербаха Маркс подчеркнул не только тем, что задачей «Святого семейства» поставил защиту «реального гуманизма» от спекуляций Бруно Бауэра, но и непосредственной высокой оценкой «Предварительных тезисов к реформе философии» и «Основ философии будущего». «В них одних, — по мнению Маркса, — со времени «Феноменологии» и «Логики» Гегеля заключена действительная (философская и антифилософская) теоретическая революция в философии». Так писал Маркс в предисловии к одной неоконченной работе того времени (см. настоящий том, стр. XV). Но этот период увлечения Фейербахом является в то же время периодом его преодоления. «Святое семейство» показывает, что Маркс, опираясь еще на Фейербаха, по существу уже подготовляет свои знаменитые тезисы о Фейербахе, знаменующие полную от него эмансипацию и являющиеся, по словам Энгельса, «гениальным зародышем» нового мировоззрения. Выработку отдельных сторон материалистического понимания истории можно прекрасно проследить на протяжении всей работы над «Святым семейством». Но лишь в «тезисах» мы находим сжатое методологическое решение всех основных вопросов нового исторического мировоззрения.

В предисловии к настоящему тому редактор осветил позицию В. Белинского по отношению к роману Эжена Сю «Парижские тайны» и отметил, «что критика этого романа и его автора напоминает по своей ядовитости и резкости некоторые замечания

Маркса». Отрицательная оценка этого романа и Марксом, и Белинским не случайна. Она является косвенным показателем некоторой близости их теоретических взглядов. Оба они прошли школу Гегеля и увлекались Фейербахом. Эта идейная близость, являющаяся показателем высокого теоретического уровня передовых представителей русской общественной мысли 40-х гг., видна не только в этом. «Парижский Ярбюхер» («Немецко-французские летописи»), в котором начали свое сотрудничество Маркс и Энгельс, был достаточно хорошо у нас известен.

Наконец, в этом томе в приложении читатель найдет конспект мемуаров якобинца Левассера, составленный Марксом в связи с изучением французской революции. Этот конспект, свидетельствующий о симпатиях Маркса к якобинцам, превратился в «обвинительный акт против жирондистов». Переписка Белинского дает возможность с точностью установить, что и ему сквозь призму буржуазной истории, восхвалявшей Жиронду, удалось определить истинное лицо этой партии, что заставило его отдать все свои симпатии якобинцам.

Но за этими элементами сходства не должны быть упущены и крупные различия. Как раз материал настоящего тома показывает ту бездну, которая уже в 1845 г. отделяла взгляды обоих основоположников марксизма, с одной стороны, и взгляды Белинского — с другой. «Святое семейство» и книга Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» являются такими произведениями, до которых не поднялись и не могли подняться русские люди 40-х годов. В частности Белинский, не преодолев своего увлечения Фейербахом, остался на просветительской точке зрения, в то время как Маркс, начав преодоление Фейербаха, еще в самом начале своего им увлечения, к середине 1845 г., заложил основы нового мировоззрения. Но если Энгельс причину непоследовательности материализма Фейербаха видел прежде всего в тех отсталых условиях, в которых приходилось жить последнему, то русские условия несут бесспорно гораздо большую ответственность за отсталость взглядов Белинского. Условия же, в которые попали Маркс и Энгельс, бесспорно способствовали развитию их мировоззрения.

В значительной степени благодаря этим «условиям» Маркс и Энгельс смогли подняться до теоретического осознания интересов передового класса современного общества. Но не только об «условиях» должна итти, разумеется, речь, когда мы хотим понять теоретическое превосходство позиции Маркса и Энгельса в споре с Бруно Бауэром. Главы, написанные Марксом в «Святом семействе», и подготовительные работы к «Святому семейству», которые читатель найдет в приложении, прекрасно показывают, как далеко шел Маркс по сравнению даже с Энгельсом. Страницы, посвященные «сражению» с французским материализмом и с французской революцией, страницы, посвященные критике гегелевского «понятия», входят целиком в инвентарь марксова учения. Напомним, что Маркс в письме к Энгельсу от 12 апреля 1867 г. по поводу «Святого семейства» писал следующее: «Я был приятно поражен, когда убедился, что нам нечего стыдиться этой работы, хотя поклонение Фейербаху теперь кажется очень смешным».

Плеханов, справедливо назвал «Святое семейство» «важнейшим философским документом» второго периода философского развития Маркса. К сожалению, этот «документ» до выхода в свет настоящего тома был почти недоступен русскому читателю. Изданный в 1908 г. в Одессе во II томе русского перевода «Литературного наследия» Фр. Меринга, он давно исчез с книжных полок.

Книге Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» сравнительно повезло. Она недавно была переиздана в серии «Исследования по истории пролетариата и его классовой борьбы», выходящей под общей редакцией Д. Б. Рязанова,—обстоятельство, прекрасно подчеркивающее, что книга Энгельса не утратила своего специально-исторического значения и по сей день.

Мы уже не говорим о крупном теоретическом интересе, который представляет эта работа. В предисловии, написанном через 47 лет после выхода первого издания, Энгельс в следующих словах характеризовал ее значение: «Едва ли необходимо заметить, что общая теоретическая точка зрения этой книги — в философском, экономическом и политическом отношениях — вряд ли совпадает с моей нынешней точкой

зрения... Моя книга представляет лишь одну из фаз его (научного социализма) развития. И подобно тому как человеческий зародыш на самых ранних ступенях своего развития проходит органическую стадию, представляемую нашими предками — рыбами, так и эта книга обнаруживает везде следы происхождения от одного из своих предков — немецкой классической философии»... К этой характеристике едва ли что-нибудь нужно добавлять; отметим лишь, что самая установка и материал исследования Энгельса в сильнейшей степени способствовали освобождению от «абстрактного человека» Фейербаха и выработке нового мировоззрения. Проследить элементы этого мировоззрения — задача крайне заманчивая.

Наивные увлечения Энгельса идеей мирного осуществления коммунизма, особенно отчетливо видные по его эльберфельдским речам (полностью публикуемым впервые) и по статье «Описание возникших в новейшее время коммунистических колоний», в книге «Положение рабочего класса в Англии» преодолены почти полностью. «Современная промышленность, — пишет здесь Энгельс, — разделила все население на два противоположных лагеря — рабочих и капиталистов» (стр. 314 настоящего тома). А в качестве выводов из исследования Энгельс замечает следующее: «Война бедных против богатых, которая ведется теперь уже косвенно и в виде отдельных стачек, получит в Англии всеобщий и прямой характер. Мирный выход из создавшегося положения уже невозможен: слишком поздно» (стр. 573). В «обращении к рабочему классу Великобритании» сказано не менее отчетливо, что интересы средних классов «диаметрально противоположны вашим, хотя они постоянно утверждают противное». Для заключительной характеристики работы Энгельса отметим ту установку, из которой он исходил. «Положение рабочего класса, — писал Энгельс в предисловии, — есть действительная основа всех социальных движений современности, будучи высшим и наиболее обнаженным проявлением наших современных социальных бедствий». От этой установки прямой путь к «Манифесту Коммунистической партии».

Ряд мелких статей, речей и заметок Маркса и Энгельса за этот период прекрасно дополняют и иллюстрируют тот богатый теоретический материал, который содержится в отмеченных двух основных произведениях. Особый интерес представляют «Подготовительные работы для «Святого семейства», впервые опубликованные в III книге «Архива Маркса и Энгельса». Они дают новый материал по вопросу об отношении Маркса в этот период его развития к Гегелю.

К. Каутский. Сочинения, Под редакцией Д. Рязанова. Том I. Экономические работы. Часть 1. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. «Библиотека научного социализма». Под общей редакцией Д. Рязанова. Госиздат, М.—Л. 1929, стр. VIII + 394.

Рецензируемый том сочинений К. Каутского содержит его ранние экономические работы. В своем первом большом произведении «Влияние размножения населения на общественный прогресс» Каутский по целому ряду существенных вопросов выступает как противник Маркса. Благодаря сближению с Энгельсом, которое в период 1885—1890 гг. имело характер постоянного общения, К. Каутский порвал со своим эклектическим миросозерцанием и эволюционировал к марксизму, чтобы в дальнейшем снова сделать попытку «пересмотра» его основных положений.

Рецензируемый том состоит из четырех отделов.

Первый отдел—«Экономическая система К. Маркса» — заключает в себе две работы: «Экономическое учение К. Маркса» и «Нищета философии» и «Капитал». «Экономическое учение К. Маркса» пользуется заслуженной мировой известностью как популярное изложение I тома «Капитала», являющееся в то же время блестящим введением в изучение «Капитала». Если эта работа и по сей день сохранила свою свежесть и ценность, то тем более велико было ее значение в период ее появления. В своем предисловии Д. Рязанов указывает, что к началу 80-х годов уже существовало несколько опытов популяризации экономической системы Маркса — Моста, Домела-Ньювенгуйса, Кафиеро. Однако все эти работы, точно так же, как и известная книга Девилля, носили скорее характер извлечений и не отражали особенностей метода

К. Маркса. «Экономическое учение К. Маркса» и восполнило этот существенный пробел. Повторяем, что эта работа К. Каутского не потеряла своего значения и по сей день ввиду своей, в основном правильной, методологической установки.

Во второй работе этого отдела — «Нищета философии» и «Капитал» — Каутский дает анализ «Нищеты философии» и II тома «Капитала». Каутского не столько интересует Прудон, сколько особенности метода Маркса, которые нашли свое отражение в «Нищете философии». По Каутскому, Маркс внес экономику, материализм в историю, но также и историю в экономику (стр. 219). Интересны замечания Каутского об экономических категориях Маркса, о классиках и др. Каутский отмечает также, что в «Нищете философии» Маркс впервые ставит социализм в связь с экономической наукой и рабочим движением. Во второй части той же статьи, посвященной II тому «Капитала», Каутский дает целый ряд интересных замечаний методологического характера о категориях «Капитала», о труде, определяющем стоимость. Каутский дает также изложение различных фигур процесса кругооборота капитала. Проблема воспроизводства и обращения всего общественного капитала в этой работе не нашла своего отражения.

Второй отдел — «О Родбертусе» — состоит из 4 статей: «Капитал» Родбертуса», «Ответ», «Последнее слово», «Из наследства Родбертуса». Эти статьи Каутского имели крупное значение в период своего появления ввиду большого влияния Родбертуса на целый ряд выдающихся социал-демократических литераторов, пытавшихся синтезировать Маркса с Родбертусом (Шрамм, Кварк и Шиппель). В этих статьях Каутский не только критикует метод Родбертуса, но, с другой стороны, за социалистическими декламациями этого писателя вскрывает его подлинную сущность консервативного утописта. Статьи имеют и по сей день крупный интерес ввиду незначительности марксистской литературы, посвященной Родбертусу.

Третий отдел — «О Брентано» — состоит из двух статей: «Как Брентано уничтожает Маркса» и «Брентановский ребус для марксистов». Если первая статья имеет интерес исторический, как отражение одного из этих этапов идеологической борьбы марксизма с враждебной ему буржуазной экономической мыслью, то вторая статья, посвященная анализу отношения учения о стоимости у Маркса к торговой прибыли, не потеряла своего теоретического значения и сейчас. Отдел «Характеристика капиталистического хозяйства» состоит из одной статьи «Расхищение производительных сил при капиталистическом способе производства». Содержание этой статьи соответствует ее заглавию. Значительная часть содержания рецензируемого тома впервые появляется на русском языке. Том снабжен предисловием Д. Рязанова, в котором сообщается целый ряд фактов о попытках популяризовать «Капитал». Рецензируемый том должен стать предметом изучения всякого интересующегося марксизмом.

А. Матьез. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. Авторизованный перевод с французского. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. Исследования по истории пролетариата и его классовой борьбы. Вып. IV, Госиздат, М. — Л. 1928, стр. 467.

Авторы предисловия к русскому изданию исследования Матьеза о борьбе с дороговизной и социальном движении в эпоху террора, Д. Рязанов и Ц. Фридлянд, выясняют, что, хотя Матьез вовсе не является марксистом, его книга представляет «ценнейший вклад в марксистскую историю Великой французской революции», вследствие чего она и включена в социально-историческую библиотеку, посвященную истории пролетариата» («Исследования по истории пролетариата и его классовой борьбы»).

Матьез не только собрал с «удивительною тщательностью и с особым чутьем подлинного историка, умеющего в мельчайшем факте увидеть то, что делает его типичным для классовой борьбы», массу материала, но и мастерски использовал этот материал, осветив, в связи с рассмотрением продовольственной проблемы, множество важнейших вопросов и, главное, наметив ряд тем для монографических исследований, в которых открывается обширная область для плодотворнейшего применения марксистского метода.

Упомянув о том, что делало правительство для устранения призрака голода при

старом порядке, Матьез излагает резкие нападки физиократов и экономистов на регламентацию и объясняет успех этих нападок среди имущих классов тем, что эти классы «прекрасно понимали, что свобода торговли увеличит их могущество» (стр. 13). Затем излагается образ действия Учредительного собрания, которому скоро пришлось убедиться в том, что «легче законодательствовать на бумаге, чем заставить применять законы», отменявшие регламентацию.

Далее детально выясняется, как в 1792 г. при сахарном кризисе в Париже и при хлебном кризисе, охватившем всю Францию, «под видом антагонизма партий проявился антагонизм классов, под видом различия доктрин—различие интересов» (стр. 26), и излагаются попытка установления народом весной 1792 г. нормировки и попытка регламентации во время первого нашествия. Особого внимания заслуживает впервые изданный Матьезом приказ об экстраординарных мерах для обеспечения армии продовольствием от 4 сентября 1792 г. за подписью пяти министров. Вызванная этим приказом полемика между Роланом и Дантоном «наглядно показывает разницу между социальной политикой жирондистов и монтаньяров».

Наиболее содержательна вторая часть книги Матьеза, озаглавленная «Бешеные и дороговизна». Агитация Бешеных и борьба против них якобинцев, расходившихся с ними «даже в основе экономической проблемы» и вынужденных лавировать..., возбуждать подозрения против Жака Ру, сохраняя в то же время связь с санкюлотами, делая вид, что они защищают их интересы; противоречивость социальной программы Шометта, эволюция в социальной политике монтаньяров, разнородность групп, боровшихся против Жиронды — разобраны детально. Матьез впервые выясняет, почему как раз после торжества программы Бешеных начинается быстрое падение их роли как партии, популярность которой унаследовали до тех пор ожесточенно боровшиеся с Ру и с его единомышленниками эбертисты, которых постигла та же участь. В главах «Экономическая диктатура комитета Общественного спасения», «Борьба с голодом», «Реквизиция зерна», «Ограничение потребления» и «Подавление спекуляции» изложена политика революционного правительства. Сам Матьез подчеркивает, что для того, чтобы проследить по всей Франции историю применения закона против спекуляции, необходимы обширные исследования.

Общий вывод Матьеза: законодательство эпохи террора было навязано законодателю против его воли; применение революционных законов затруднялось глухим сопротивлением большинства Конвента, «Равнины», и было «выражением борьбы классов в то время, когда эта борьба еще не объявляла себя открыто таковой» (стр. 400).

Выяснив, что продовольственный кризис «с фатальной неизбежностью питал борьбу партий», Матьез дает взаимно исключающие одно другое объяснения падения эбертистов. С одной стороны, он утверждает, что именно «натравливание мелкого люда» на «всех тех, кто имеет что-либо для продажи», «должно было стоить Эберу головы» (стр. 406); с другой стороны, он вынужден признать, что «эбертисты пали не вследствие своей экономической политики» (стр. 417).

В главе «Третий максимум» излагаются меры, принятые революционным правительством для того, чтобы «исцелить торговлю, а не убивать ее»: пересмотр экономического законодательства, упразднение революционной армии, разрешения на вывоз, отмена реквизиционных зон, покровительство торговле, смягчение репрессий и самого максимума.

В главе «Таксы заработной платы» Матьез ограничивается «обрисовкой главных контуров», так как «научная разработка этой темы еще только едва началась» и может быть «исчерпывающим образом выполнена только с помощью отдельных монографий».

«Внезапное» падение Робеспьера и его правительства Матьез вынужден объяснять равнодушием большинства парижских рабочих, раздраженных таксами заработной платы, к политической борьбе, разыгравшейся 9 термидора. Но, констатирует Матьез, в этот день «рабочие играли роль обманутых». В заключение выясняется роль инфляции, с помощью которой «буржуазия, которая едва не была экспроприирована во II году, победила своих внешних и внутренних врагов... и на целое столетие приручила беднейшие классы народа» (стр. 458).

Письма Маркса к Кугельману. Перевод М. И. Ульяновой. Предисловие Н. Ленина. Со вступительной статьей Э. Цобеля и примечаниями Ц. Фридлянда. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. «Библиотека марксиста», под редакцией Д. Рязанова. Выпуск XV, стр. XXIV + 134.

Для ознакомления с личностью Маркса и его теоретическими взглядами исключительно ценный материал представляет его переписка. В этой многотомной переписке перед читателем проходит галлерея выдающихся деятелей современного Марксу рабочего движения, в ней дается оценка многим представителям науки той эпохи, в ней освещается целый ряд событий того времени и, что важнее всего, в ней ставится целый ряд проблем теории и практики марксизма. Большой интерес в собрании писем Маркса представляет собой его переписка с Кугельманом. В этих письмах содержится богатый биографический материал, относящийся к тому периоду жизни Маркса, когда создавался «Капитал»; интересные данные по истории I Интернационала; брошенные вскользь, но вместе с тем существенно важные замечания по коренным проблемам философии и политической экономии. Но венцом писем к Кугельману, как говорит Ленин, является оценка Марксом Коммуны. В своем письме от 17 апреля 1871 г. Маркс писал: «Творить мировую историю было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо благоприятных обстоятельств». И далее: «Борьба рабочего класса с классом капиталистов и государством, представляющим его интересы, вступила, благодаря Парижской коммуне, в новую фазу. Как бы ни кончилось дело непосредственно на этот раз, новый исходный пункт всемирно-исторической важности все-таки завоеван» (стр. 99—100). Как говорит Ленин в предисловии к «Письмам», имеющем самостоятельный интерес ввиду параллели, проводимой им между Марксом и Плехановым,—«Маркс умел оценить и то, что бывают моменты в истории, когда отчаянная борьба масс даже за безнадежное дело необходима во имя дальнейшего воспитания этих масс и подготовки их к следующей борьбе» (стр. XXIV). Следует отметить напечатанное в этом издании под № 3 письмо, направленное против «реальной политики» Лассаля. Опубликовав в 1902 г. письма Маркса к Кугельману, Каутский этого письма не напечатал. В настоящем издании все письма даны без пропусков на основании оригиналов; кроме того, целый ряд писем здесь напечатан впервые. Книга снабжена вступительной статьей Э. Цобеля, в которой автор сообщает интересные биографические данные о Кугельмане и в результате анализа его миросозерцания приходит к выводу, что Кугельман был утопическим социалистом (стр. XV). Настоящее издание снабжено также примечаниями, в сжатой форме знакомящими с целым рядом имен, упоминаемых в тексте. «Письма Маркса к Кугельману» должны быть объектом тщательного изучения нашего марксистского актива.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Революция и контр-революция в Германии. Со вступительной статьей Э. Цобеля. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса, «Библиотека марксиста», под редакцией Д. Рязанова. Вып. XVIII, Госиздат, М.—Л. 1929, стр. XXIV + 148.

Основоположники научного социализма ковали теорию пролетарской революции в обстановке революционной борьбы, непосредственными участниками которой они оба были. В период последовавшей за революцией 1848 г. реакции из-под пера Маркса и Энгельса вышли работы, которые представляют богатый ценными обобщениями итог классовой борьбы на континенте Европы. Первый опыт этого рода представляет написанная Марксом «Классовая борьба во Франции от 1848 до 1850 гг.» В предисловии к этой работе (1895 г.) Энгельс говорит, что, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, при которых приходится писать современнику описываемых событий, «Маркс, благодаря своему основательному знакомству с экономическим положением Франции до февральской революции и с ее политической историей после этой революции, изложил события того времени с таким пониманием внутренней связи, которого мы не находим ни у одного даже из позднейших писателей». Второй по времени работой, написанной Энгельсом, но составлявшей плод совместной работы обоих творцов теории

научного социализма в «Новой рейнской газете», являются статьи о революции в Германии, печатавшиеся в «New York Tribune» (Нью-йоркской трибуне) в промежутке 1851 — 1852 гг. Последующие звенья этой цепи работ составляют марксовское «Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта» и «Гражданская война во Франции в 1871 г.» Широкий охват революционной борьбы на континенте, который дан в названных работах, обусловлен интернациональным характером теории классовой борьбы. Применение теории научного социализма к объяснению сложного содержания событий, развернувшихся на территории Германии после революционного взрыва 1848 г. и в период последовавшей затем реакции, обратило данное Энгельсом изложение событий в незаменимый документ, дающий руководящие указания революционеру при выработке пролетарской тактики и линии борьбы с партиями крупной и мелкой буржуазии. «Революция и контр-революция в Германии» сыграла также крупную роль в деле ориентирования в сложной обстановке классовой борьбы и идеологического оформления тактики русских революционеров (1905 и 1917 гг.), которые могли проверять правильность своих действий опытом германской революции 1848 г. Первое русское издание «Революции и контр-революции в Германии» вышло в 1901 г. в Лондоне, затем книга издавалась несколько раз в период 1905 — 1906 гг., позже она вошла в III том Собрания сочинений Маркса и Энгельса, изд. Госиздата, 1922 г., а затем в 1925 г. она вышла под редакцией Степанова. Настоящее издание, подготовленное Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса, представляет тщательно проверенный перевод, снабженный предисловием т. Цобеля, дающим подробную историю возникновения статей для «New York Tribune», и примечаниями, помогающими читателю уяснить себе историческую обстановку германской революции 1848 г.

Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии в 1844 г. Вступительная статья и указатель проф. Е. Косминского. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. «Исследования по истории пролетариата и его классовой борьбы», под общей редакцией Д. Рязанова. Вып. III, Госиздат, М.—Л., стр. 376.

В своих статьях о социалистическом движении на континенте Европы, напечатанных в оуэнистском «New Moral World» (Новый нравственный мир) от 4 и 18 ноября 1843 г., Энгельс указывал (по схеме, заимствованной у Моисея Гесса), что англичане пришли к коммунизму практическим путем; французы пришли к тому же убеждению политическим путем, убедившись в недостаточности политической свободы и равенства; немцы же, говорит он, вышли на дорогу к коммунизму, пробираясь к нему теоретическим путем через философию. «Но это расхождение, — заключал Энгельс, — совсем не значительно и отнюдь не может препятствовать доброму согласию между социальными реформаторами разных стран». Теоретическое расхождение утопически-социалистических систем Сен-Симона, Фурье и Оуэна в действительности было довольно значительным, но Энгельсом уже в этих статьях руководило стремление выявить в социалистических теориях то, что общезначимо, общеприложимо ко всем странам капиталистической Европы; уже в этом периоде у него преобладал интерес к рабочему движению Англии, привлекавшей его особое внимание четкостью своей классовой дифференциации, практической установкой борьбы рабочего класса. «Положение рабочего класса в Англии» показывает нам, как близкое ознакомление с английским рабочим движением в эпоху расцвета чартизма имело последствием, что опыт борьбы рабочего класса во Франции, Германии и Англии был синтезирован Энгельсом в формуле борьбы рабочего класса за социальную революцию, за социалистическое переустройство современного общества. Классовая борьба—такова та реальная почва, общезначимый для всех стран факт, который делает социализм международной теорией. Международное объединение социалистического движения разных стран стало возможно лишь на основе теории научного социализма.

«Положение рабочего класса в Англии» вышло весной 1845 г. Позднее (в 1887 г.) Энгельс озаглавил американское издание книги следующим образом: «Положение рабочего класса в Англии в 1844 г.». Не желая «стирать печать юности» с работы, заключающей в себе свое достоинства и недостатки молодости автора», Энгельс, тем не

менее, хотел отметить ситуацию близкой социальной революции (в Англии 40-х годов прошлого столетия), которая наложила в известной мере печать на книгу, и подчеркнул новым заглавием исторический характер книги. Но Энгельс не просто изображает положение рабочего класса, каким оно было в то время; он показывает еще динамику развития рабочего класса и его превращения в собственного (и всех угнетенных слоев общества) освободителя от капиталистического ига. Книга представляет поэтому огромный интерес как этап в общей цепи формирования теории исторического материализма. Главы книги, рисующие рабочее движение, дают мастерской анализ чартистского движения, показывают практически-обусловленную логическую необходимость перехода преданных рабочему классу главарей к коммунизму. Заявление Энгельса, что «коммунизм является делом не одних рабочих, а всего человечества» (стр. 301), его вера в коммунистов от философии, принципиально-логически примыкающих к коммунистическому движению,— все это напоминает нам еще об Энгельсе — левом гегельянце, стоящем на почве «реального гуманизма».

В период 1905—1906 гг. вышло (на русском языке) четыре издания «Положения рабочего класса в Англии». Некоторые из них не приводят обращения Энгельса к рабочему классу Англии, предисловий к американскому и немецкому изданиям, да и самый перевод страдает недостатками. В издании Института К. Маркса и Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии в 1844 г.» дано в тщательном переводе и снабжено вступительной статьей и указателем проф. Косминского. Проф. Косминский устанавливает источники, коими пользовался Энгельс, работая над книгой. В частности, автор статьи занимается также вопросом, поднятым Андлером и подхваченным анархистами (Pierre Ramus). о том, будто «Положение рабочего класса в Англии» есть лишь плагиат с работы Бюре (E. B u r e t, De la misère des classes laborieuses en Angleterre et en France, etc. 1840.—2 vol.)

Г. Плеханов. А н а р х и з м и с о ц и а л и з м. Предисловие и примечания С. К р а с н о г о. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. «Библиотека марксиста», под редакцией Д. Р я з а н о в а. Вып. XVI. Госиздат. М. — Л. 1929, стр. VIII + 124.

В начале 90-х годов прошлого столетия анархисты на время сосредоточили на себе внимание рядом террористических актов, которые часто трудно было отличить от заурядных разбойничье-бандитских нападений. Об анархизме и анархистах было тогда написано очень много. Бо́льшая часть этой литературы принадлежала либо самим анархистам, либо буржуазным писателям. Работы последних показали совершенную беспомощность буржуазно-индивидуалистического понимания движущих сил развития общества в борьбе с покоящимся на индивидуализме же анархистским идеалом.

При таких обстоятельствах партийное издательство германской социал-демократии «Vorwärts» предложило Плеханову написать брошюру об анархизме. Написанная по-французски брошюра была переведена Эдуардом Бернштейном на немецкий язык и увидела впервые свет в 1894 г. (По-русски она была напечатана лишь в 1906 г.) Основная, блестяще выполненная задача, которую поставил себе Плеханов, заключалась в том, чтобы показать, что столь разнообразная в своих видоизменениях теория анархизма в существе своем принадлежит по времени к пройденному этапу общественной мысли: к эпохе до-научной, утопической мысли, упирающейся в механическое естествознание и построенной на индивидуалистической теории философии истории. В первых двух главах Плеханов выясняет основные положения научного социализма в противоположность утопизму его предшественников. Затем, в очерке «исторического развития анархической доктрины», Плеханов излагает социальную философию Штирнера, «чистый и беспримесный субъективный идеализм»; далее следует Прудон («отец анархии», по рекомендации Кропоткина и других), «самый типичный представитель социализма мелкой буржуазии», начинающий с упразднения государства «в идее» и заблудившийся между радикализмом и консерватизмом. В Бакунине Плеханов видит «декадента утопизма», ратовавшего за «коллективизм» в противоположность коммунизму, являвшегося в сущности лишь «прудонистом, фальсифицированным примесью коммунизма». За этим следуют эпигоны (индивидуалисты и коммунисты):

*

Кропоткин, Элизэ Реклю, Грав, Тэкер. Плеханов показывает всю теоретическую несостоятельность их эмпирического эклектизма. В главе о тактике Плеханов вскрывает весь вред, который наносит организованному пролетарскому движению анархистская тактика, приведшая к тому, что сами анархисты подчас не в состоянии были отличить, «где кончается бандит и начинается анархист». Сравнительно мало останавливается Плеханов на выяснении общественно-экономических корней анархизма, ограничиваясь лишь раскрытием идеологически-преемственной связи его с пройденным этапом утопически-социалистической мысли.

В издании Института К. Маркса и Ф. Энгельса брошюра снабжена предисловием и примечаниями С. Красного; предисловие говорит о роли Плеханова в истории развития марксистской мысли, примечания же помогают читателю восстановить картину эпохи написания работы.

Предшественники современного социализма в отрывках из их произведений. Часть I. Составил В. П. Волгин. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. Госиздат, М. — Л. 1928, стр. 309.

Из произведений древних мыслителей, оказавших влияние на утопистов нового времени, даны отрывки из «Государства» Платона, «Священной хроники» Эвгемера, «Солнечного острова» Ямбула, «Метаморфоз» Овидия и писем Сенеки к Люцилию.

Затем дан отрывок из Иосифа Флавия, характеризующий порядок до-христианской потребительско-коммунистической общины есеев, а также отрывки из «Деяний апостолов», из «Апокалипсиса», из Климента Александрийского и из «отцов церкви», на основании которых можно составить себе представление о христианском «коммунизме». Из утопистов нового времени представлены Мор и Кампанелла. Хорошо представлен коммунизм эпохи английской революции. Отрывки из Корнелиса и Беллерса дают представление о «кооперативных проектах XVII века». Французский социализм XVII века представлен отрывками из «Завещания» Мелье, из Морелли, Мабли и Буасселя. Полнее всего представлены Бабеф и бабувизм. Наконец, социалистические идеи в Англии представлены отрывками из произведений Спенса, Голла и Годвина.

К хрестоматии приложена «библиография», в которой указаны источники. Книга В. П. Волгина дает читателю возможность ознакомиться с основными этапами в развитии социалистической мысли.

ИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

КОЛЛЕКЦИЯ ПИСЕМ ЛЮДВИГА ФЕЙЕРБАХА

В архиве Института имеется коллекция неизданных писем знаменитого философа-материалиста Л. Фейербаха. Она состоит из 5 писем (1837—1841) к издателю «Галлеских летописей» Арнольду Руге, 158 писем к известному радикальному немецкому издателю 40-х годов Отто Виганду, затем одного письма к врачу и другу Фейербаха Ф.-В. Гейденрейху (1843) и одного письма в редакцию штуттгартского журнала «Morgenblatt für die gebildeten Stände» (1833).

В теоретическом отношении наибольший интерес представляют 5 писем к Руге. Из опубликованных писем последнего к Фейербаху мы узнаем, как он старался отвлечь нашего философа от сотрудничества в старогегельянских «Берлинских летописях», что ему и удалось. Известно, что Фейербах относился очень отрицательно ко всякой публицистической деятельности; но о своем сотрудничестве в органе младогегельянцев он пишет в (опубликованном) письме к своему другу Христиану Каппу (25 февраля 1840 г.): «Я благодарен Руге, что он побудил и стимулировал меня к высказыванию и развитию мыслей, которые без него остались бы невысказанными». Кроме теоретически важных мыслей о философии религии и о философии Гегеля вообще, развитых особенно отчетливо в письме от 27 февраля 1841 г. в связи с изданием «Сущности христианства», в письмах (5 декабря 1837 г.; 13 августа 1839 г.; февраль 1841 г.; 27 февраля 1841 г.; 19 марта 1841 г.) встречаются небезынтересные отклики брукбергского отшельника на волновавшие тогда немецкое общество философские споры между Генрихом Лео и гегельянцами и на назначение Шеллинга в Берлин. «Меня удивило бы, — пишет Фейербах Руге в феврале 1841 г., — если бы мюнхенская ночная сова дала себя перевести в Берлин». Из этих же писем мы узнаем, что Фейербах писал своему другу Карлу Риделю статью «О чуде» для нюрнбергского журнала «Атеней».

Но особенно ценный вклад в биографию Фейербаха представляют 158 писем к О. Виганду. Некоторые из них уже опубликованы с большими пропусками и ошибками К. Грюном (5 писем) [1] и В. Болином [2].

Посредником между Фейербахом и Вигандом был Руге. По инициативе последнего Виганд с 1839 г. обращается к известному тогда уже философу с предложением издать его сочинения. Это предложение было для Фейербаха тем более кстати, что Виганд обещал ему хотя и очень скромный, но все же для того времени приличный гонорар. Письма 1841 г. трактуют, главным образом, об издании «Сущности христианства». Выясняются интересные детали о происхождении работы и заглавия, печатании и т. п. Оказывается также, что Виганд или Руге, который читал корректуру, исправил кое-что. В письмах 1842 г. говорится о втором издании «Сущности христианства», причем здесь уже начинается борьба, ставшая впоследствии хронической и приводившая неоднократно к временному разрыву автора с издателем, — борьба за гонорар.

---

[1] Karl Grün, L. Feuerbach in seinem Briefwechsel und Nachlass sowie in seiner philosophischen Charakterentwicklung. Bd. I. Leipzig und Heidelberg 1874.

[2] Wilh. Bolin, Ausgewählte Briefe von und an L. Feuerbach. Bd. II. Leipzig 1904.

Не лишены интереса отдельные отклики Фейербаха в письмах 40-х годов на события во «внешнем мире». Так, он сообщает Виганду, с каким восторгом он читал второй том «Posaune» Бруно Бауэра. В письмах начала 1845 г. говорится о посещении его Германом Криге; 7 февраля 1845 г. Фейербах сообщает о впечатлении произведенном на него известием о высылке сотрудников «Vorwärts'a» из Парижа. «Бедный Маркс, — пишет он, — достоин всемерной поддержки» (впрочем, это единственное упоминание имени Маркса во всей переписке 1839 — 1855 гг.). В другом письме, от 25 февраля 1845 г., говорится: «Я сейчас вообще серьезно ничем не занимаюсь, кроме — содрогайтесь — коммунизма. Только ему я надеюсь посвятить свое перо, как только покончу с теперешней своей работой». С этого времени «коммунистический анахорет Брукберга» — как он себя сам называет — живет оторванно от всей окружающей жизни, подготовляя для Виганда первые томы своего полного собрания сочинений (10 томов, 1846 — 1866). И когда Виганд в ноябре 1847 г. просит его написать что-нибудь для его журнала «Epigonen», Фейербах отказывается (хотя потом и послал статью), говоря, что он ничего общего не хочет иметь со сбродом литераторов, вроде Бауэров, Флоренкура, Науверка, Юлиуса, Штирнера и др., ибо «я не эгоист, а коммунист, и мне антипатичны все литературные клубы и салоны».

Чрезвычайно интересны письма 1848 — 1850 гг. (частично опубликованные В. Болином), в которых отражается отношение Фейербаха к германской революции. Кандидатура его (на выборах в Ансбахе) в ландтаг провалилась, несмотря на поддержку ее окрестным дворянством, ввиду сильной травли со стороны духовенства и филистерства. Фейербах скоро переезжает во Франкфурт, где он в продолжение лета посещает заседания парламента. Здесь же он возобновляет знакомство с И. Ронге, А. Руге, К. Риделем и знакомится с К. Фогтом, Л. Бамбергером и др. Письма из Франкфурта говорят об энтузиазме, вызванном речью Г. Блюма, о разочаровании Фейербаха в Национальном собрании, о половинчатом поведении демократов. Все сильнее звучит струна тоски по Брукбергу. Австрийские демократы пригласили его читать лекции в Вене зимою 1848 — 1849 гг.; гейдельбергские студенты звали его к себе. У них он читал, как известно, лекции о сущности религии (30 лекций были напечатаны в 1851 г., а одна запрещена цензурой). Осенью 1849 г. философ опять сделался брукбергским анахоретом: он возымел отвращение к политике 48/49 гг. и, чтобы уйти от «жалкой современности», как он пишет Виганду, он занимается античной древностью. Впрочем, он весьма плохо отзывается о «бывших именах» и, в частности, о Руге, «слишком скомпрометировавшем себя в последние годы». В последующее время Фейербах занят изданием литературного наследства своего отца. И, наконец, в последней части писем 1852 г., где в нескольких местах уже говорится о предполагаемом переезде в Америку, упоминается также Молешотт и сотрудничество последнего в изданиях Виганда. Следует еще отметить ряд писем, в которых Фейербах предлагает Виганду издание работ некоторых его друзей — по поэзии, философии и естествознанию; небезынтересны суждения, высказанные попутно, при характеристике предлагаемых работ.

Ф. Шиллер.

ИНОСТРАННАЯ ПЕЧАТЬ ОБ ИНСТИТУТЕ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

(С 1 июня 1927 г. до начала 1929 г., с некоторыми дополнениями, не вошедшими в первую часть библиографии, см. «Летописи марксизма», кн. IV, 1927 г.)

I. Статьи и заметки общего характера.

II. Статьи и заметки об изданиях института маркса и энгельса: a) Marx-Engels Gesamtausgabe, Bd. I/1. 1927; d) Marx-Engels Archiv, Bd. I. 1926; c) Marx-Engels Archiv, Bd. II. 1928; b) прочие издания Института.

III. Выставки музея института маркса и энгельса: a) «жизнь и деятельность маркса и энгельса» (постоянная выставка с); к 28 февраля 1928; к 80-летию коммунистического манифеста); b) «французская революция» (временная выставка; 27 мая—25 октября 1927 г.); c) «парижская коммуна» (временная выставка; 28 июня 1928 г. — 15 апреля 1929 г.).

IV. Varia.

I. СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

1. **Marx-Shugi,** Vol. II, № 5, 1925. Marx-Engels Kenkujo no jigyo.
Подробное описание деятельности И-та, отдельных кабинетов и музея.
2. **Egon Erwin Kisch,** Zaren, Popen, Bolschewiken. — Erich Reiss Vlg., Berlin, 1927, p. 129 — 135.
Целая глава книги под заглавием «И-т М. и Э.» посвящена описанию И-та.
3. **Наковалня,** седмично литературно-научно списание. Брой 72, 21 Април 1927, стр. 3 — 4. — Г. Бакалов, Институт Марксъ и Енгелсъ.
См. продолжение № 4. Ср. также с № 9.
4. **Наковалня,** Брой 73, 1 Май 1927, стр. 6. — Г. Бакалов, И-т Марксъ и Енгелсъ.
См. начало в № 3. Ср. также № 9.
5. **Leipziger Volkszeitung,** 7. VI. 1927. — Egon Erwin Kisch, Jahrmarkt des Buches in Moskau (Из книги автора «Zaren, Popen, Bolschewiken»).
«Книжный базар в Москве». Несколько слов об изданиях И-та, продававшихся на книжном базаре в Москве летом 1926 г.
6. **Neue Berliner,** 25. VI. 1927. — Egon Erwin Kisch, Jahrmarkt des Buches in Moskau.
Перепечатка предыдущего номера.
7. **The Daily Worker,** New York 1. VIII. 1927. — J. Louis Engdahl, Marx-Engels Institute in Moscow on aid in Exposing the Renegades to Marxism.
Говорится о работе И-та по восстановлению истинного облика М. и Э., путем критического и неискаженного издания их сочинений.
8. **Daily Worker,** New York 2. VIII. 1927. — J. Louis Engdahl, Marx-Engels Institute invades New York in its Hunt for Labor's Treasure.
(«И-т М. и Э. в своей погоне по всему Нью-Йорку за сокровищами по истории труда»). «Большевистская революция в России создала новый вид охоты за литературными сокровищами из наследия М. и Э. Но так как в некоторых случаях «советское золото» было отвергнуто, то пришлось

обратиться к фотографированию. Тысячи страниц «Нью-иоркской трибуны», заснятые в Америке, были отправлены в Москву, где под руководством экспертов-марксистов производится установление статей, написанных Марксом». Вторая часть очерка посвящена описанию американского отдела И-та. Выражается надежда, что этот небольшой отдел будет расти вместе с распространением коммунизма в Америке.

9. **La Vie Economique des Soviets,** Paris. Revue bimensuelle illustrée. № 54—55, 5. VIII. 1927, p. 10 — 12. — G. Bakalov, L'Institut Marx-Engels à Moscou.
Ср. ту же статью автора на болгарском языке, №№ 3 и 4.
10. **Revue Historique,** Paris. 52-e année, tome CLVI, Sept. Oct. 1927, p. 170 — 171. — Georges Bourgin (Notes bibliographiques).
В отделе «библиографических заметок» перечислен ряд изданий И-та, между прочим I том немецкого «Архива», I полутом полного собрания сочинений М. и Э. и книга Д. Рязанова о Марксе и Энгельсе.
11. **Uj Elöre,** vasárnapi melléklet. New York. November 1927. — Balogh János, A Marx-Engels Institute jelentösége és feladata.
Статья преимущественно дает описание книжных богатств И-та. Ср. № 20.
12. **Tribüne,** Magdeburg. 4. Nov. 1927. Neue Aufgaben für das K. Marx-F. Engels-Institut in Moskau.
(«Новые задачи И-та М. и Э. в Москве»). Приводится постановление Центрального Исполнительного комитета к 10-летию Октябрьской революции, по которому на И-т М. и Э. возлагается издание серии памятников по истории международной классовой борьбы пролетариата и создание интернационального научно-исследовательского центра для изучения истории рабочего движения и социализма.
13. **Egon Erwin Kisch,** Der rasende Reporter in Russland. — Erich-Reiss-Verlag, Berlin.
(«Неистовый репортер в России»).
14. **Rheinische Zeitung,** Köln. 23. Nov. 1927. — Egon Erwin Kisch, Das Marx-Engels-Institut in Moskau.
См. № 13.
15. **Alouws Rotterdamsche Courant,** Rotterdam. — Hier en daar een greep uit de indrukken van een feestganger.
В анонимной статье о русских впечатлениях один абзац посвящен И-ту М и Э.
16. **Neue Freie Presse,** Wien (Morgenblatt). № 22700, 27. Nov. 1927. — C. Benedek, Kulturpolitik in Sowjetrussland. Gespräch mit Volkskomissar Lunatscharsky.
(«Культурная политика в Советской России. — Беседа с наркомом просвещения Луначарским»).
17. **National-Zeitung,** Basel. 1927, №№ 564, 569, 573. — Prof. Dr. Stephan Bauer (Basel), Reiseeindrücke aus Moskau.
(«Московские путевые впечатления».)
«... Одним из прекраснейших институтов является тот, во главе которого стоит Д. Рязанов, издатель сочинений М. и Э., а именно И-т М. и Э., обширное здание, таящее в себе выдающиеся книжные сокровища по национальной экономии, к которому стекаются ученые всех стран».
18. **Munkás,** Budapest. Ef. XVIII, № 273, december 2. 1927. — Balogh János, A Marx-Engels intézet jelentösége és feladata.
Перепечатка № 11.
19. **Munkás,** Budapest. Ef. XVIII, № 274, december 4. 1927. — Balogh, János. A Marx-Engels intézet jelentösége és feladata.
Продолжение предыдущего номера.
20. **Volksstimme,** Magdeburg. 6. XII. 1927 — Egon Erwin Kisch, Das Marx-Engels-Institut in Moskau.
См. № 14.
21. **Volksstimme,** Chemnitz. 9. XII. 1927. — Egon Erwin Kisch, Das Marx-Engels-Institut in Moskau.
См. № 14.
22. **Stormklockan,** Stockholm. Julnummer 1927, p. 8 — 9. — Ture Nerman, Marxismens världsmuseum och vapenkammare. Marx-Engels-Institut i Moskva skildrat för Stormklockan.
(«Мировой Музей и арсенал марксизма».) Большая статья о развитии деятельности И-та и об его отдельных собраниях. (С иллюстрациями.)
23. **Vorwärts,** Berliner Volksblatt, Zentralorgan der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. 44. Jg., № 609, Sonntag 25. Dezember 1927 (Morgenausgabe). — Egon Erwin Kisch, Das Marx-Engels-Institut in Moskau.
См. № 14.
24. **Volksrecht,** Zürich. Jg. 30, № 305, 1927. — Egon Erwin Kisch, Das Marx-Engels-Institut in Moskau.
См. № 14.
25. **Arbeiter-Zeitung,** Winterthur. 31. XII. 1927. — Egon Erwin Kisch. Das Marx-Engels-Institut in Moskau.
См. № 14.
26. **Le Monde Slave,** Paris. Revue mensuelle. Nouv. série, 5. A. (Tome I), № 1, janvier 1928, p. 120 — 123. — «La Science et les institutions scientifiques dans l'URSS».
(«Наука и научные учреждения в СССР».) Статья составлена на основании сообщения Э. Цобеля в 7-й книге «Печать и революция», 1927 г.

27. **The Economic History Review,** Ld. Vol. I, № 2, January 1928, p. 232. — E. A. Kosminsky, Russian Work on English Economic History.
В конце статьи Е. Косминского «Русские труды по экономической истории Англии» одна страница посвящена И-ту М. и Э.: «Необходимо отметить, что Россия впервые обладает учреждением, специально занимающимся изучением истории Англии; это — английский кабинет И-та М. и Э. Этот И-т был создан для изучения, а также для распространения теории и практики научного социализма, созданного и формулированного Марксом и Энгельсом. Задача эта была поставлена очень широко, так что И-т вскоре вырос в центр по изучению социальной истории вообще. Его энергичный создатель проф. Рязанов собрал в несколько лет большое количество книг, рукописей, фотографий, газет, гравюр и пр.; им приобретены целые библиотеки, и каждый русский ученый, желающий работать по истории Европы или Америки, может бо́льшую часть своей работы, — если не всю целиком, — завершить в самом И-те».
28. **Pfalzische Freie Presse,** Kaiserslautern. 3. Januar 1928. — Egon Erwin Kisch, Das Marx-Engels-Institut in Moskau.
См. № 14.
29. **Beobachter am Main,** Aschaffenburg. 4. I. 1928. — Ein Riesenarchiv des Bolschewismus.
См. № 30.
30. **Oldenburgische Landeszeitung,** 4. Januar 1928. — Ein Riesenarchiv des Bolschewismus, Das Marx-Engels-Institut in Moskau. 30 000 Bände über Deutschland. Eine wertvolle philosophische Bibliothek. 55 000 Photographien wissenschaftlichen Quellenmaterials.
(«Величайший архив большевизма — И-т М. и Э. в Москве. 30 000 томов о Германии. Ценная философская библиотека. 55 000 снимков научно-исследовательского материала»). Статья эта, появившаяся в провинциальном германском органе печати, оперируя не соответствующими действительности цифрами, говорит о «несметных» сокровищах И-та М. и Э., «этой крепости большевистской идеологии». Далее читаем, что И-т, «помещающийся во дворце б. вел. князя Сергея Александровича..., готовит научные силы для преподавания в народных школах..., а седобородый ученый Дмитрий (sic!) Рязанов с утра до вечера сидит в архиве И-та, где подготовляет новые труды И-та». Все остальное в таком же роде.
31. **Breslauer Neueste Nachrichten,** 5. I. 1928.— Ein Riesenarchiv des Bolschewismus.
См. № 30.
32. **Westphälisches Tageblatt,** Hagen. 6. I. 1928. — Ein Riesenarchiv des Bolschewismus.
См. № 30.
33. **Der Bund,** Bern. 6. I. 1928. — Ein Riesenarchiv des Bolschewismus, Das Marx-Engels-Institut in Moskau.
См. № 30.
34. **Berner Tagewacht,** 6. Januar 1928. — ml, Das Marx-Engels-Institut in Moskau.
См. № 30.
35. **Dresdner Anzeiger** (Morgenausgabe). 6. 1. 1928. — Ein Riesenarchiv des Bolschewismus.
См. № 30.
36. **Volkswacht für Schlesien,** Breslau. 7. I. 1928. — Ein Riesenarchiv des Bolschewismus.
См. № 30.
37. **Oberlausitzer Dorfzeitung und Tageblatt,** Neugersdorf (Sachsen). 10. Januar 1928. — Ein Riesenarchiv des Bolschewismus.
См. № 30.
38. **Memeler Dampfboot,** 11. I. 1928.— Ein Riesenarchiv des Bolschewismus.
См. № 30.
39. **Deutsches Volksblatt,** Stuttgart. 20. I. 1928. — Egon Erwin Kisch, Das Marx-Engels-Institut in Moskau.
Перепечатка № 14.
40. **Die Quelle,** Wochenbeilage der Volkszeitung für Unterhaltung & Wissen. Heidelberg. № 3, 21. I. 1928. — Egon Erwin Kisch. Das Marx-Engels-Institut in Moskau.
См. № 14.
41. **Sächsische Arbeiter-Zeitung,** Lpz. 10. Februar 1928. — Josef Dorsky, Das Marx-Engels-Institut in Moskau.
Свою пространную статью с описанием работ И-та и его отдельных кабинетов автор заканчивает следующими словами: «Работа, производимая в И-те М. и Э., относится к лучшим и наиболее блестящим страницам советского строительства».
42. **Historische Zeitschrift,** München & Berl. Bd. 137, H. 3, 1928, p. 498 — 501. — Georg Lenz, Das Marx-Engels-Institut in Moskau.
Ср. № 126.
43. **Katalog des Sowjet-Pavillons auf der Internationalen Presse-Ausstellung,** Köln, 1928, pp. 99 — 100.
Две страницы каталога русского павильона на выставке «Пресса» в Кельне посвящены описанию И-та.
44. **Minerva-Zeitschrift,** Nachrichten für die gelehrte Welt. Jg. IV, H. 8, Juli 1928, p. 151.
В отделе хроники — небольшая за-

метка, передающая содержание статьи Г. Ленца об И-те. См. № 43.

45. **Zeitungswissenschaft,** Berlin. Monatschrift für internationale Zeitungsforschung, Jg. III, № 11, 15. Nov. 1928, p. 163. — Walter Auerbach, (Köln) Über notwendige Vorarbeiten zur Geschichte der deutschen Arbeiterpresse. «Финансовое положение не позволяет соц.-дем. архиву в Берлине и И-ту социальных исследований во Франкфурте приобретать все ценные материалы по истории рабочего движения. Редчайшие материалы переправляются в И-т М. и Э. в Москве, где уже имеются многочисленные собрания редких газет и журналов».

46. **Bibliographie des Rechts und Staatswissenschaften,** Berlin. Jg. XXXVII, 1928/29, Hf. 2, 1. Dezemer, p. 39 — 41. — Prof. Dr. Gustav Mayer (Berlin), Das Marx Engels-Institut in Moskau.
«Как свидетельствует уже самое название, этот единственный в своем роде Институт ставит себе задачу способствовать исследованию жизни Маркса и Энгельса, их трудов и влияния их в области мысли и политики. Проф. Рязанов, основавший этот Институт и поныне являющийся его руководителем, задался целью создать в нем Архив и Библиотеку, которые должны дать возможность приступить к выполнению колоссальной и крайне необходимой задачи, заключающейся в том, чтобы прежде всего собрать воедино все уже напечатанные во многих странах и на многих языках книги, журнальные и газетные статьи..., а затем и сохранившиеся... рукописи Маркса и Энгельса в монументальном полном издании...
«Опираясь на многообъемлющее знание предмета и материала, Институт Маркса и Энгельса составил библиотеку по истории социализма, которая производит прямо монументальное впечатление. Заслуживает особого внимания и способ размещения этой колосальной библиотеки». Следует описание отдельных кабинетов и Музея Института.

47. **Manchester Guardian,** 26. I. 1929. — Moscow collecting Literature of Socialism.
«Институт Маркса и Энгельса в Москве, создающий в своей специальной области огромную библиотеку, которая обещает стать единственной в своем роде, через несколько лет будет обладать самым обширным собранием материалов по истории рабочего класса и демократических движений. Пользуясь поддержкой советского правительства, он в этом отношении побьет, пожалуй, Америку. Уже теперь в Институте имеется одно из лучших собраний английских материалов по чартизму..., по эпохе ранних английских республиканцев, революций 1848 года, Парижской коммуне и т. д.»

48. **Eisenacher Volkszeitung,** № 34, 9. Februar 1929. — Egon Erwin Kisch, Das Marx-Engels Institut in Moskau.
См. № 14.

49. **Kölnische Zeitung,** 18. Febr. 1929. — Alfred Salmony, Geisteswissenschaftliche Anstalten in Räterussland. («Научные учреждения Советской России»). «Уже один внешний вид И-та М. и Э. дает понять, что это — одно из самых привилегированных учреждений Советского союза. Его задачей является при помощи изучения текстов и первоисточников построение марксизма как науки, при этом не в его практическом применении — для этого имеются другие учреждения, — но в его историческом развитии... Библиотека И-та является одной из богатейших и великолепнейших в своем роде». Далее упоминаются: метод фотокопирования необходимых документов, постоянный обмен актами с Прусским государственным архивом, ряд картотек и именных указателей в научно-справочном отделе И-та, целый штат иностранных корреспондентов и представителей в главнейших архивных центрах Европы.

50. **The Hindu, Madras,** 20. II. 1929. — Moscow collecting Literature of Socialism.
См. № 48.

51. **Frankfurter Zeitung,** Jg. LXXIII, № 18, 5. Mai 1929. — Dr. A. Feiler, Proletarisches Sein. Aus dem Tagebuch einer russischen Reise («Пролетарское бытие. Из поездки по России»). Краткое упоминание об И-те М. и Э.

II. СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ ОБ ИЗДАНИЯХ ИНСТИТУТА МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА

a) Marx-Engels Gesamtausgabe, Bd. I/1, 1927

52. **Warera,** 1926, Vol. VIII, № 2. — Kushida, Tamizo. Marx-Engels zenshu International ban no kanko.
(«Полное собрание сочинений М. и Э.») Единственная рецензия на японском языке о первом полутоме полного собрания сочинений М. и Э.

53. **Preussische Jahrbücher,** Berlin. 1927, H. 2, p. 237 — 241. — W. Neumann, Marx-Engels-Gesamtausgabe.
«... Как бы к шестидесятилетнему юбилею выхода в свет первого тома

«Капитала», И-т М. и Э. в Москве затевает издание полного собрания сочинений обоих социалистических Диоскуров... Хочется думать, что план этого грандиозного издания послужит к чести издателя и издательства и что после его завершения марксоведение станет на действительно твердую почву».

54. **Börsenblatt f. d. deutschen Buchhandel,** Lpz. Jg. XCIV, 94, № 164, 16. VII. 1927. Объявление о появлении в свет первого полутома полного собрания сочинений М. и Э.

55. **Internationale Presse-Korrespondenz,** Berlin. № 76, 29 Juli. 1927, p. 1633 — 1634. — D. Rjazanov (Moskau), Was enthält die Marx-Engels-Gesamtausgabe?
Перепечатка отдельных мест из предисловия Д. Б. Рязанова к I полутому о задачах и плане издания.

56. **Literaturblatt,** Beilage zur Frankfurter Zeitung. Jg. LX, № 31, 31. VII. 1927. В отделе «Новых книг» отмечено появление первого полутома.

57. **Die Aktion,** Berlin, Jg. XVII, H. 4—6 (Abgeschlossen im August 1927), p. 115. — Marx-Engels - Gesamtausgabe. Bd. I. Erster Halbband.
Маленькая — по замечанию редакции, лишь предварительная — заметка о появлении 1-го полутома. Высказывается пожелание, чтобы все издание скорее вышло в свет.

58. **Internationale Presse-Korrespondenz,** Berlin. — Jg. VII, № 77, 2. VIII. 1927, p. 1663 — 1664. — Marx-Engels - Gesamtausgabe. Die Vorgeschichte der Marx-Engels - Gesamtausgabe.
(«История подготовительной работы по изданию сочинений М. и Э.») Цитируются соответствующие места из предисловия Д. Рязанова к первому полутому.

59. **Prager Presse,** 4. VIII. 1927. — e. r. Karl Marx, Werke und Schriften.
«Прекрасно изданный первый полутом заставляет нас ожидать многого и от последующих томов. Унизительным для немецкой социал-демократии должно быть сознание того, что Москва, а не те, кто являются хранителями наследия М. и Э., начала это дело».

60. **Internat. Presse-Korrespondenz,** Berlin. Jg. VII, № 79, 5. VIII. 1927, p. 1722. — Marx-Engels-Gesamtausgabe. Die Doktordissertation.
(«Докторская диссертация».)

61. **Internat. Presse-Korrespondenz,** Berlin. Jg. VII, № 80, 9. VIII. 1927, p. 1745 — 1746. — Marx-Engels-Gesamtausgabe. «Wilde Lieder». Artikel aus «Anecdota».
(«Неистовые песни». Статьи из «Anecdota».)

62. **Internat. Presse-Korrespondenz,** Berlin. Jg. VII, № 81, 12. VIII. 1927' p. 1764 — 1765. — Marx-Engels-Gesamtausgabe. Die Artikel von Marx in der «Rheinischen Zeitung».
«Статьи Маркса в «Новой рейнской газете».)

63. **Die Rote Fahne,** Berlin. 16. VIII. 1927. — Hermann Duncker, 60 Jahre: des «Kapital» von Karl Marx. Ein Erinnerungsblatt zum Abschluss des 1. Bandes des «Kapital» am 16. Aug. 1867.
(«60 лет «Капитала» Карла Маркса. В память окончания первого тома 16 августа 1867 г.») «Новое издание сочинений М. и Э., издаваемое И-том М. и Э. в Москве, принесет еще много неожиданного».

64. **Internat. Presse-Korrespondenz,** Berlin. Jg. VII, № 83, 15. VIII. 1927, p. 1820 — 1821. — Marx-Engels-Gesamtausgabe. Aus den «Deutschen Jahrbüchern». Kritik des Hegelschen Staatsrechts.
(«Из «Немецких Ежегодников». «Критика государственного права Гегеля».)

65. **Internat. Presse-Korrespondenz,** Berlin. Jg. VII, № 84, 19. VIII, 1927, p. 1840 — 1841. — Marx-Engels-Gesamtausgabe. Briefwechsel zwischen Marx, Ruge, Bakunin & Feuerbach.
(«Переписка между Марксом, Руге, Бакуниным и Фейербахом.»)

66. **Die Welt am Abend** Berlin. 20. VIII. 1927. — D. Rjasanov (Moskau), Marx - Engels - Gesamtausgabe v. D. Rjasanov (Moskau).
Словами Д. Рязанова из его предисловия говорится о плане и задачах издания.

67. **Sozialdemokrat,** Prag. Zentralorgan d. deutschen soz.-dem. Arbeiterpartei in der Tschechoslovakischen Republik. Jg. VII, № 195, 21. VIII. 1927. — E. St. [Emil Strauss], Marx-Engels-Gesammelte Werke.
«И-т М. и Э. в Москве — центр современной марксистской науки в России — предпринял колоссальное издание полного собрания сочинений М. и Э., необходимость которого признает даже буржуазная наука. Это издание останется в течение десятилетий одним из значительнейших литературных достижений марксистской школы».

68. **Internat. Presse-Korrespondenz,** Berlin. Jg. VII, № 85, 23. VIII. 1927, p. 1864 — 1865. — Marx-Engels-Gesamtausgabe. «Zur Judenfrage».
(«К. Маркс о еврейском вопросе»).

69. **Vorwärts,** Reichenberg, Jg. XXXIX, № 200, 26. VIII. 1927, S. 2. — Eine wissenschaftliche Grosstat. Die Gesamtausgabe v. Marx & Engels.
(«Большое научное дело. Полное собрание сочинений М. и Э.»). В рецен-

зии находится, помимо обычных похвалы тщательности, научности и полноте издания, одно интересное пожелание. Анонимный автор предлагает для произведений М. и Э., написанных на французском и английском языках, давать специальные приложения с переводом этих текстов на немецкий язык. То же — и по отношению к более длинным иностранным цитатам. Заканчивается статья так: «Настоящее издание было бы неосуществимо без Советского союза, создавшего очаг пролетарской культуры, — широко известный И-т М. и Э. Издатели, во главе с тов. Рязановым, заслуживают благодарность всего международного рабочего класса».

70. **Internat. Presse-Korrespondenz,** Berlin. Jg. VII, № 86, 26. VIII. 1927, p. 1878. — Marx-Engels-Gesamtausgabe. «Einleitung zur Kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie». («Предисловие к критике философии права Гегеля»).

71. **Schmollers Jahrbuch,** Leipzig. LI, I, S. 156. (808).
В «поступивших книгах» отмечается первый полутом полного собрания сочинений М. и Э.

72. **Literarisches Zentralblatt f. Deutschland.** Jg. LXXVIII, № 16, 31. VIII 1927, p. 1324. — Marx, Karl, Werke u. Schriften bis Anfang 1844. Frkft. a. M. Marx-Engels-Archiv 1927.
Краткий обзор содержания первого полутома.

73. **Der Atheist,** Wien. Jg. IX, 1. September 1927, p. 15. — A. Seehof, Die erste Gesamtausgabe der Werke von Karl Marx und Friedrich Engels.
Говорится об огромной подготовительной работе к этому действительно полному изданию сочинений М. и Э. Следует перечень содержания первого полутома.

74. **Die Internationale,** Berlin. Jg. X, H. 18, Sept. 1927, p. 574 — 576. — Fried, Marx-Engels Gesamtausgabe.
О целях и задачах издания говорится словами самого Рязанова. Далее идет разбор содержания I полутома.

75. **Die Rote Fahne,** Berlin. 21. IX. 1927. — K. Schmückle, Der erste Band der Marx-Engels-Gesamtausgabe.
Автором изложены цели и задачи издания с ссылками на предисловие к I полутому. Упоминается о подготовке к печати II полутома. См. продолжение, № 76.

76. **Die Rote Fahne,** Berlin. 28. IX. 1927. — K. Schmückle. II. Der erste Band der Marx-Engels-Gesamtausgabe.
Подробный разбор содержания I полутома.

77. **Sächsische Arbeiter-Zeitung,** 30. IX. 1927. — Schmückle. Der erste Band d. Marx-Engels-Gesamtausgabe.
Сокращенная перепечатка №№ 75 и 76.

78. **History,** Ld. Vol. XII, №. 47, Oct. 1927, p. 288. — «New Books & New Editions».
В отделе «Новые книги и издания» — извещение о появлении первого полутома.

79. **Arbeit und Wirtschaft,** Jg. V, Heft 19, I. Okt. 1927, p. 832. — J. Hannek, Bildungswesen. Bücherbesprechungen.
Коротенькая заметка в отделе обзора книг: «... Самое значительное литературное явление последнего времени ...»

80. **Die Rote Fahne,** Berlin. 7. X. 1927. — K. Schmückle, Der erste Band d. Marx-Engels-Gesamtausgabe.
См. начало этой статьи в №№ 75 и 76.

81. **Frankfurter Zeitung,** Jg. LX, № 4. 23. Oktober 1927. Literaturblatt, Beilage. — Kr., Marx-Engels-Gesamtausgabe...
«Первый полутом дает представление о той грандиозной задаче, которую поставил перед собой И-т М. и Э. Издатель наметил себе программу, о трудностях которой трудно теперь еще дать себе ясное представление, Часть наследия основателей новейшего социализма еще совсем неизвестна или до сих пор была недоступна исследованию. Старое издание Меринга весьма неполно. Между тем Рязанову удалось найти ряд ранее неизвестных статей М. и Э. К изданию международного собрания сочинений М. и Э. его побудила работа над рукописным наследием М. и Э., а также новые исследования неопубликованных материалов, хранящихся в соц.-дем. архиве в Берлине.»

82. Dr. Hans **Preiss,** Internationale Buchhandlung, Berlin. — Auswahlverzeichnis von Neuerscheinungen bezw. Lagerneuigkeiten, № 14. Wichtigste Neuerscheinungen: Marx-Engels-Gesamtausgabe.
В каталоге фирмы Ганса Прейсса, Берлин, в рубрике «Важнейшие новинки» находим и первый полутом.

83. **Klassenkampf,** Halle. 29. Okt. 1927 — August Thalheimer, Der erste Band d. Marx-Engels-Gesamtausgabe (С портретом Рязанова).
С «большим удовлетворением и радостью» автор сообщает о появлении первого полутома. «В этом томе, объемом около 700 страниц, заключено огромное количество труда по сбору материала, критической его обработке, установлению научно-

безупречного текста, исторической классификации и дополнений к тексту.
«Вся неутомимая деятельность самого издателя Д. Рязанова была предпосылкой к осуществлению этого издания... Более половины страниц этого тома совершенно новы; я назову в первую очередь «Критику философии права Гегеля», работу, имеющую выдающийся теоретический интерес для характеристики молодого Маркса... Далее, предварительные работы М. к диссертации..., исправленное и дополненное, по сравнению с Мерингом, издание статей в «Рейнской газете»... Значительным в историческом отношении является то, что эта почетная обязанность выпала на долю русской коммунистической партии и Советскому государству, а не германской социал-демократии, что имеет глубокое внутреннее значение». Ср. №№ 84 и 87.

84. **Hamburger Volkszeitung,** 31. Okt. 1927.—August Thalheimer, Marx-Engels - Gesamtausgabe. I. Band.
Перепечатка предыдущего номера.

85. **Der Kampf,** Wien. Jg. XX, Heft 11, November 1927, p. 538 — 539. — Otto Bauer, Karl Marx-Friedrich Engels, Historisch-Kritische Gesamtausgabe. Bd. I, Abt. I.
Начало рецензии посвящено тщательному разбору содержания тома с приведением выдержек из предисловия. В заключительной ее части — следующее замечание: «Рязанов в этом томе дал весьма существенные дополнения к изданию Меринга... Марксоведы могут быть благодарны за него Рязанову... Но нашей молодежи мы настоятельно советуем начинать изучение молодого Маркса с издания Меринга, но не Рязанова. Этот том не должен вытеснить из рук нашей молодежи прежнее издание Меринга».

86. **Jung - sozialistische Blätter,** Berlin. Jg. VI, Heft 11, Nov. 1927, p. 339 — 341. — Marx - Engels - Gesamtausgabe. Aus dem Vorwort v. D. Rjazanov.
Цитаты из предисловия Рязанова.

87. **Arbeiter - Zeitung,** Aachen. 3. Nov. 1927. — August Thalheimer. Der erste Bd. der Marx - Engels - Gesamtausgabe.
Перепечатка № 83.

88. **Sächsische Arbeiterzeitung,** Lpz. 11. Nov. 1927. — August Thalheimer, Der erste Band d. Marx - Engels-Gesamtausgabe.
То же, что предыдущий номер.

89. **Sociology and Social Research.**—Los Angelos, California. Vol. XII, № 2, Nov. — Dec. 1927, p. 184. — E. S. B[ogardus], Marx - Engels - Gesamtausgabe, Bd. I, Erste Abt.
Маленькая заметка о содержании I полутома.

90. Ἀρχεῖον οἰκονομικῶν καὶ κοινωνικῶν ἐπιδτημῶν. Ἀθῆναι. Vol. VII, 1927, p. 68 — 70. — D. Kalitsunakis, Karl Marx-Friedr. Engels, Historisch-kritische Gesamtausgabe... Bd. I.
Краткий очерк истории прежних изданий М. и Э. Разбор содержания I полутома. Особое внимание уделено диссертации М.

91. **Magazin der Wirtschaft,** Berlin. 15. Dez. 1927, p. 1905.
В обзоре литературы за год читаем: «появившийся первый полутом содержит докторскую диссертацию М. и его полемические статьи кельнского периода. Очень ценной является перепечатка его статей из «Немецко-французских летописей» и других небольших работ, написанных Марксом в период перехода его к историческому материализму».

92. **La Vie Ouvrière,** Paris. 9-e année, № 444, 16 Déc. 1927. — Lucien Henry, Les oeuvres et les écrits de Marx jusqu'à 1844.
Подробный разбор тома по отделам. См. продолжение, № 93.

93. **La Vie Ouvrière,** Paris. 9-e année, № 445, 23 Déc. 1927. — Lucien Henry, Les oeuvres et les écrits de Marx jusqu'à 1844.
См. начало, № 92.

94. **Volksrecht,** Aussig. 23. XII. 1927. — zl. Marx-Engels, Sämtliche Werke, Bd. I, I. Halbband.
«Первый, только - что появившийся полутом по своей внешности, содержанию и объему может быть помещен в первые ряды больших научно-исторических изданий. Всякая библиотека, в особенности рабочая, должна позаботиться о его приобретении».

95. **Literarischer Handweiser. Freiburg.** I. Heft, 1927/28, p. 50. — Dr. Bernhard Pfister (Würzburg), Karl Marx und Friedrich Engels, Historisch-kritische Gesamtausgabe... Bd. I, Abt. I.
«И-т М. и Э. в Москве первый осмеливается издать полное собрание сочинений М. и Э. с целью создать объективную основу для научного исследования марксизма... Изданию собрания сочинений М. и Э., как русскому, так и немецкому, способствует блестяще организованная библиотека Института, а также наилучшие технические, организационные и материальные вспомогательные средства. Основой издания является абсолютная объективность».

96. **American Historical Review,** New York, vol. XXXIII, 1928. — M. H. Cochrane, Marx-Engels-Gesamtausgabe.
«Благодаря изданию полного собра-

ния сочинений М. и Э. весь мир ученых делается должником И-та М. и Э. Задача этого издания огромна и сопряжена с необычайными трудностями».

97. **Rhein-Mainische Volkszeitung,** Frankfurt a/M (Buch- & Zeitschrift-Literarische Beilage). Jg. LVIII, № I, Januar 1928.—Th. Steinbüchel (Giessen), Karl Marx-Friedrich Engels, Historisch-kritische Gesamtausgabe.
Статья повторяет о первом полутоме в общих чертах все сказанное уж ранее. Сравнивая его с изданием Меринга, автор заявляет, что «данное издание отодвигает заслуженное издание Меринга в тень настолько, что оно уже не может более служить для научных целей».

98. **Weltwirtschaftliches Archiv.** Zeitschrift des Instituts f. Weltwirtschaft & Seeverkehr an d. Universität Kiel. Vlg. Fischer, Jena. Bd. XXVII, Heft. 1, Jan. 1928, p. 72. — Marx, Karl, Werke und Schriften bis Anfang 1844, nebst Briefen u. Dokumenten.
Сообщение о появлении в продаже первого полутома.

99. **Monistische Monatshefte,** Hamburg. Januar-Heft 1928, p. 11 — 16. — O. Jenssen (Gera), Von Hegel zu Marx! («От Гегеля к Марксу»).
В статье находим следующее замечание: «Первый полутом собрания сочинений М. и Э., который Рязанов произвел на свет после долгих трудов и мук, дает понятие о том, как неполно, несмотря на прекрасное введение, было издание Меринга».

100. **Giornale degli Economisti e Rivista di Statistica,** Roma. Anno XLIII, Gennaio 1928, № 1, p. 76 — 77.—f. p., Marx - Engels - Gesamtausgabe. B. I/1.
Приводятся выдержки из введения Д. Б. Рязанова по вопросу о плане издания. Полутом сравнивается с прежними неполными изданиями. «Уже по этому первому тому, великолепно изданному, можно судить о значении произведенных И-том монументальных раскопок».

101. **Arbeiter-Zeitung für Schlesien und Oberschlesien,** Breslau. Jg. X, № 10, 12. Jan. 1928, I. Beilage, p. 1 — 2. — Kurt Nixdorff (zurzeit Moskau), Die Marx-Engels-Gesamtausgabe.
В введении к статье указываются причины возникновения интереса к теоретическому марксизму, благодаря чему особенно остро чувствуется недостаток в полном собрании сочинений М. и Э. Следует изложение плана издания, которое «занимает достойное место на-ряду с лучшими академическими изданиями Запада». Заканчивается статья обстоятельным разбором содержания I полутома.

102. **Revue de l'Institut de Sociologie,** A. VIII, № 1, janvier-mars 1928, p. 248.
Заметка озаглавлена: «Почему И-т М. и Э. в Москве предпринял издание полного собрания сочинений двух пионеров социализма?».—«Издавая... историческое и критическое собрание сочинений М. и Э., Рязанов тем самым думает удовлетворить потребность нынешнего времени».

103. **Die Gesellschaft,** Berlin. Jg. V, № 2, Febr. 1928, p. 174 — 180. — Benedikt Kautsky, Die Werke von Marx und Engels.
Весьма благоприятный отзыв о первом полутоме.

104. **Preussische Jahrbücher,** Berlin. Bd. CCXI, № 2, Febr. 1928, p. 237 — 241.— W. Neumann, Marx-Engels-Gesamtausgabe, Bd. I.
Небольшая заметка в отделе рецензий о первом полутоме. Там же говорится и о второй книге «Архива».

105. **Kölnische Volkszeitung** (Literarische Blätter), 9. Febr. 1928. — Dr. Joseph Klersch, Karl Marx-Friedrich Engels, Historisch-kritische Gesamtausgabe, Werke, Schriften, Briefe...
«Можно быть почти уверенным, что данное издание, если оно будет действительно закончено, явится вполне исчерпывающим и будет единственным международным пособием для цитирования М. и Э. Уже по одному этому мы, немцы, должны радоваться, что издание появляется в Германии и на родном языке М. и Э».

106. **Sächsische Arbeiter-Zeitung,** Lpz. 17. II. 1928. — Paul Böttcher, Marxistische Literatur d. Gegenwart. Die Erben des Kommunistischen Manifests.
(«Современная марксистская литература. Наследники «Коммунистического манифеста»). «Социал-демократические издания сочинений М. и Э. неоднократно искажали смысл марксистского учения. Поэтому совершенно необходимо дать рабочему классу полный и неискаженный текст произведений М. и Э. И-т М. и Э. уже имеет большие заслуги в деле очищения произведений марксизма от реформистских искажений».

107. **Rheinische Zeitung,** Köln. Das Neue Werden, Kulturpolitische Beilage der «Rh. Ztg.», Erscheint alle 14. Tage. 23. Febr. 1928. — W. Stern, Eine Marx-Engels-Gesamtausgabe.
Одно из крупнейших исследовательских изданий новейшего времени, научные результаты которого находят себе освещение также и на страницах немецкого «Архива М. и Э.»

108. **Die Bücherwarte,** Berlin. Jg. III, Heft 3, März 1928, p. 88 — 89. — Maximilian Lange, K. Marx & Fr. Engels. Historisch-kritische Gesamtausgabe. Bd. I, I Halbband.
Сравнение настоящего издания со старым меринговским: «Рязанов в

этом полутоме уничтожил все пропуски прежних изданий. Опубликованы не только все произведения М. от 1841 до 1844 г., но 15 печатных листов тома содержат доселе неопубликованные материалы из наслания М. Все сказанное, однако, не умаляет значения издания Меринга, которое несомненно имеет свои преимущества для тех, кто, не специализируясь в марксоведении, просто хочет иметь общее представление о развитии марксизма. Издание же И-та, благодаря своей полноте, совершенно незаменимо для каждого ученого».

109. **Berichte der deutschen Hochschule für Politik,** Berlin. Band V, Heft 7, 1928, p. 103. — K. T., Marx-Engels Gesamtausgabe, Bd. I/1.
Краткое перечисление содержания полутома.

110. **Annalen der Philosophie,** Leipzig 17. März 1928. Bd. VII Heft I, p. 7. — d t, Marx-Engels: Karl Marx-Friedrich Engels. Historisch-kritische Gesamtausgabe.
Небольшая заметка с выдержками из предисловия Д. Б. Рязанова о методе и задачах издания.

111. **Kölnische Zeitung,** Köln. № 159, 20. III. 1928. — Dr. Richard Wichterich, Karl Marx-Friedrich Engels, Historisch-kritische Gesamtausgabe.
Говорится о строго научной подготовке издания, о прекрасно оборудованной библиотеке И-та и о штате научных сотрудников в России и за границей. Далее, цитируется предисловие Д. Б. Рязанова, и следует перечень содержания полутома. Выражается пожелание скорого издания второго полутома, в который войдут документы, письма и примечания.

112. **Weltwirtschaftliches Archiv,** Kiel. Band XXVII, Heft 2, April 1928.—ne: Marx, Karl, Werke & Schriften bis Anfang 1844, Bd. I/1.
Краткий обзор содержания.

113. **Archiv für Rechts- und Wirtschaftsphilosophie,** Berlin. Bd. XXI, Heft 3, April 1928, p. 490.—W. Sauer (Königsberg i. Pr.), Karl Marx-Friedrich Engels, Historisch-kritische Gesamtausgabe, B. I/1.
«Необходимость полного собрания сочинений М. и Э. не подлежит никакому сомнению. Цель настоящего издания — дать возможность широкого изучения М. и Э. План настолько грандиозен, что мы можем только надеяться, что издание с историко-критической стороны не обманет наши ожидания». Следует подробное описание плана издания по разделам.

114. **Deutsche Allgemeine Zeitung,** Berlin. 18. April. 1928. — Dr. T. B., Ein Marx-Engels-Archiv,' Bd. I & II.
Под заглавием «Архив М. и Э., т. I и II» автор на самом деле дает рецензию на первый полутом полного собрания сочинений М. и Э. Содержание рецензии дает право утверждать, что автор ее ни разу не держал в руках ни одного из этих изданий.

115. **Forschungen zur preussischen und brandenburgischen Geschichte,** Leipzig. Bd. XL, Heft 2, p. 398 — 399. — Sch., Karl Marx, Werke und Schriften bis Anfang 1844 nebst Briefen und Dokumenten.
«Благодаря исследовательскому таланту и чутью издателя, удалось найти богатый, неизвестный ранее материал. Рязанов имеет полную возможность совершенно отодвинуть в тень издание Меринга... Настоящий том составлен с большой тщательностью».

116. **Die neue Erziehung,** Berlin. Jg. X, H. 5, Mai, 1928, p. 395.—Oestreich, Karl Marx-Friedrich Engels-Gesamtausgabe.
«Вышедший в свет полутом заставляет с радостью ожидать появления полного собрания сочинений. Каждая общественная библиотека должна считать своей почетной обязанностью подписаться на это издание».

117. **Zeitschrift für Bücherfreunde,** Lpz. N. F. Jg. 20, 1928, H. 3, p. 125. — G(eorg) [Witkowski], Karl Marx und Friedrich Engels, Historisch-kritische Gesamtausgabe.
«Данный том свидетельствует нам, что марксистская наука получила, наконец, давно желанное пособие в его наилучшей форме..., т. к. издание Меринга уже не могло отвечать на серьезный запрос читателя. Внешний вид тома вполне соответствует грандиозности всего начинания; он стоит на высоте современной германской книжной техники».

118. **Münchener Neueste Nachrichten,** 13. Mai 1928. — Ottokar Lorenz, Marx-Engels-Gesamtausgabe.
Говоря словами предисловия Д. Б. Рязанова о давно назревшей потребности в полном собрании сочинений М. и Э., автор в заключение сожалеет лишь о том, что не найденные до сих пор сборники юношеских стихов Маркса не вошли в содержание первого полутома.

119. **Stuttgarter Neues Tageblatt,** № 8, Mai 1928 — pn, Die Jugendgedichte von Karl Marx.
Выражается сожаление, что первый полутом, вопреки ожиданиям, не содержит юношеских стихов Маркса.

120. **Neue Leipziger Zeitung,** 22. Mai 1928, p. 18.
В отделе «Поступивших книг» отмечен первый полутом.

121. **Oberschlesischer Wanderer,** Gleiwitz.— pn, Karl Marx, Jugendgedichte.
Перепечатка № 119.

122. **Literarische Welt,** Berlin. 25. Juni 1928. — W. H., Journalismus in Buchform. Eine unverbindliche Auswahl.
«Рязанов в И-те М. и Э. в Москве подготовляет исчерпывающее собрание всех сочинений М. и Э.»

123. **Bayerischer Kurier und Münchener Fremdenblatt,** München, 25. Juni 1928, № 23 (Literarische Beilage). — Dr. Muhler, Karl Marx. Ein Wort zu den Marx-Biographien.
Перечисляя ряд прежних изданий сочинений Маркса, автор особое внимание уделяет плану будущего издания И-та и разбору первого вышедшего полутома.

124. **Szádadunk,** Budapest. III. Évfolyam, 6. — 7. szám, 1928, Jun. — Jul., p. 385 — 387. — Ormos, Ede, A teljes Marx-Engels (Полное собрание сочинений М. и Э.)
Рецензия говорит между прочим о том, что «русская научная литература этим изданием выполняет старинный долг всего сознательного рабочего движения».

125. **Revue des Questions Historiques,** Paris. 56-e année, № 3, 1-er Juillet 1928, p. 242. — E. G. L., Karl Marx, Werke und Schriften, Bd. I/1.
«Единственное сожаление, которое мы выражаем, заключается в том, что цитаты, встречающиеся в произведениях Маркса, не всегда точно указаны и, следовательно, не могут быть проверены».

126. **Augsburger Postzeitung,** Literarische Beilage, 11. Juli 1928. — Dr. Bernhard Pfister, Karl Marx-Friedrich Engels Gesamtausgabe.
Перепечатка № 43 в слегка видоизмененном и сокращенном виде.

127. **Deutsche Techniker-Zeitung,** Berlin. Jg. X, № 28, 13. Juli 1928, p. 363.
Извещение о выходе в свет первого полутома.

127/a. **Pfälzische Freie Presse,** Kaiserslautern. 14. Juli 1928. — Karl-Marx und die «Augsburger Postzeitung».
Анонимная статья «Карл Маркс и Аугсбургская почтовая газета»; автор, приводя цитаты из статьи Пфистера (см. №126), замечает, что в реакционно настроенной прессе Баварии даже слегка сочувственная марксизму статья может появиться лишь скрыто, в каком-нибудь приложении к газете, имеющей небольшой круг читателей.

128. **Literarisches Zentralblatt,** Leipzig. 15. Juli 1928. — Lenz, Georg, Das Marx-Engels-Institut in Moskau.
Сжатое изложение № 43.

129. **The Classical Quarterly,** London. Vol. XXII, №№ 3, 4, July — October 1928, p. 205 — 206. — Cyril Bailey, Karl Marx on Greek Atomism.
Тщательный разбор докторской диссертации Маркса, напечатанной в I полутоме международного собрания сочинений.

130. **Historische Zeitschrift,** München und Berlin 1928, Bd. 139, H. 2, p. 331 — 336. — Gustav Mayer, Karl Marx, Friedrich Engels, Historisch-kritische Gesamtausgabe. Bd. I/1.
В статье говорится об «общем плане 50-томного собр. соч. М. и Э., предпринятого известным историком проф. Д. Рязановым», а также дается подробный разбор содержания первого полутома.

131. **Badischer Beobachter,** Karlsruhe. Literarisch - wissenschaftliche Beilage «Kunst und Wissen». № 39, 26. September 1928, p. 3. — Dr. Bernhard Pfister, Karl Marx und Friedrich Engels.
Перепечатка № 126.

132. **Revue Internationale de Sociologie,** Paris, 36-e année, № IX — X, Sept. — Oct. 1928, p. 531 — 541. — Gaston Richard, Les premières oeuvres de Karl Marx.
Говоря, что И-т М. и Э., во главе с Рязановым, делает лишь первую попытку выполнить свой моральный долг, издавая полное собрание сочинений М. и Э., автор почти на десяти страницах подвергает критическому разбору содержание тома, — в первую очередь «Диссертацию» и «Критику гегелевской философии права».

133. **History,** New York, Vol. XIII, № 51, October 1928, p. 283. — E. H., The Historisch - kritische Gesamtausgabe of the writings and letters of K. Marx and Fr. Engels. Bd. I/1.
Небольшая заметка, в которой цитируется предисловие Д. Б. Рязанова.

134. **Neue Leipziger Zeitung,** 4. X. 1928. — Dr. A. P., Für und wider den Marxismus.
(«За и против марксизма»). Выражая сомнение в ценности переиздания Дицом «Новой рейнской газеты» и называя это «салонным коммунизмом», автор, напротив, приветствует выпускаемое И-том полное собрание сочинений М. и Э. на немецком и русском языках, а также «Архив М. и Э.» Особое внимание уделено первому полутому собрания сочинений.

135. **Scientia,** Bologna. Annus XXII, Vol. XLIV, № 199, p. 361 — 362. — Camillo Sapino, Pavia, Universita.
Краткая, но весьма благожелательная заметка о первом полутоме.

136. **Die Welt am Abend,** Berlin. 13. Dezember 1928. — Fritz Ruck, Neue marxistische Literatur.
(«Новая марксистская литература»). «Нельзя забывать среди крупных изданий последних месяцев первый полутом сочинений М. и Э., изданный в Москве И-том М. и Э.».

137. **Klassenkampf,** Halle. 21. Dez. 1928. —

Neue marxistische Literatur. («Новая марксистская литература»).
«Полное собрание сочинений М. и Э., если судить по первому полутому, обещает стать основным, стандартным произведением марксистской теории».

b) Marx-Engels Archiv, Bd. I, 1926

138. Ἀρχεῖον τῶν οἰκονομικῶν καὶ κοινωνικῶν ἐπιστημῶν, Ἀθῆναι. Vol. VII, p. 32—33. — D. Kalitsukalis, Marx-Engels-Archiv, Bd. I.
«Чтобы облегчить издание полного собрания сочинений М. и Э., «Архив М. и Э.» печатает неизданные рукописи М. и Э., отвечая в то же время и на запросы международной общественности в области марксоведения. Задачей журнала является отображение возникновения, развития и распространения марксизма, а также теории и практики его».
139. **History,** London. The Quarterly Journal of the Historical Association. Vol. XII № 47, October 1927, p. 279. — E. H. The Marx-Engels-Archiv, Band I.
«Темой этого журнала, как говорит Рязанов в своем предисловии, является «история марксизма в его теории и практике». Все сотрудники,— по всей вероятности русские, за исключением одного англичанина (!),— выполнили свою работу с огромной эрудицией и тщательностью. Английский читатель будет заинтересован, узнав, что ряд работ (Hammond, Knowles, Rosenblatt и др.) тщательно рецензированы на-ряду с другими. Гвоздем книги является, конечно, опубликованная впервые первая часть «Немецкой идеологии».
140. **Zeitschrift f. d. gesamte Staatswissenschaft,** Tübingen. Bd. LXXXII, H. 3, 1927, p. 551 ff. & 556 ff. — Gottfried Salomon, Die Saint-Simonisten.
Две небольшие заметки о статье В. Волгина о Сен-Симоне.
141. **Der Kampf,** Wien. Jg. XX, H. 3, März 1927, S. 139 — 140. — Bruno Frei, Marxismus.
Статья целиком посвящена разбору статьи Деборина «Диалектика у Канта».
142. **Kommunistische Arbeiter-Zeitung,** Berlin. Organ der Kommunistischen Arbeiterpartei Deutschlands. Jg. VI, № 9, September 1927, — Staat und Proletariat (aus der «Deutschen Ideologie»).
Передовая статья газеты («Государство и пролетариат») посвящена целиком разбору «Немецкой идеологии».
143. **Die Bücherwarte,** Ztschr. f. sozialistische Buchkritik, Berlin. Jg. II, Heft 10, Oktober 1927, p. 296. — Max Adler, Marxismus als Gesellschaftswissenschaft.
«Для полного понимания мировоззрения М. и Э. особенно важно изучение их работ, опубликованных впервые в первом томе Архива М. и Э.»
144. **Sozialistische Monatshefte,** Berlin. Heft 11, November 1927, p. 937 — 939. — Conrad Schmidt, Marx-Engels-Archiv, Bd. I.
Несмотря на заглавие, статья главным образом содержит разбор первого полутома собрания сочинений М. и Э. Об «Архиве» упоминается лишь вскользь.
145. **Soziale Praxis & Archiv für Volkswohlfahrt,** Berlin. Jg. XXXVI, № 46. 27. Nov. 1927, p. 1166.
Сжатое изложение содержания.
146. **Social-Demokraten,** Stockholm. 29. Nov. 1927. — A. E — g, De tre genombrotten («Три революции»).
Говорится о письмах В. Засулич к Марксу, опубликованных Д. Б. Рязановым.
147. **Annalen der Philosophie und philosophischen Kritik,** Leipzig. 1927, Bd. 6, II. 9/10, p. 161. — B., Marx-Engels-Archiv.
«Журнал преимущественно исторического характера для изучения теории и практики марксизма».
148. **Mensch en Maatschappij,** Amsterdam. Tweemaandelijksch Tiedschrift. 1. Maart 1928, IV Jaargang, № 2, p. 166 — 167. — J. Valkhoff, Marx-Engels-Archiv.
Очень подробное изложение содержания тома.
149. **Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik,** Tübingen. 1928. Band LIX, 2. Heft, p. 429 — 431. — Gustav Mayer, Marx-Engels-Archiv, Bd. I & II.
В своей большой и очень обстоятельной рецензии проф. Майер говорит следующее: «Новый журнал, издаваемый директором И-та М. и Э. проф. Рязановым с большой осмотрительностью и пониманием дела, может выступить наравне с «Архивом по истории социализма и рабочего движения», издаваемым К. Грюнбергом, как товарищ по работе в одной и той же области. Неоспоримой услугой для каждого исследователя является опубликование в «Архиве» всех наиболее важных, ненапечатанных ранее произведений из духовного наследия М. и Э. Полностью все они должны войти впоследствии в полное собрание сочинений, издаваемое И-том. Вообще нужно признать, что научный штат И-та, состоящий главным образом из молодых немецких и австрийских ученых, которых Рязанов сгруппировал вокруг своего журнала, с большим чутьем вскрывает все мало-мальски доступные источники в этой области и старается основательно исчерпать их... Если

рецензенту разрешается сделать одно замечание, то я предложил бы «Архиву» выпускать в будущем систематические обзоры важнейшей русской литературы по марксизму, как это уже делалось им в области иностранной литературы».

150. **Der Atheist,** Wien. Jg. II, № 4, I. IV, 1928, p. 5—7.—Ernst Böse (Magdeburg), Marx & Feuerbach. Die erste Darstellung d. materialistischen Geschichtsauffassung.
(«Маркс и Фейербах. Первое изложение материалистического понимания истории».) «Огромный интерес для марксистской науки представляет знакомство с первым подробным изложением исторического материализма... благодаря опубликованию в «Архиве М. и Э.» неизвестного ранее фрагмента из «Немецкой идеологии».

150/a. **Sozialistische Monatshefte,** Berlin. 1928, Heft 7, Juli, p. 628. — Conrad Schmidt, Dialektik.
В обзоре, посвященном новейшей литературе по диалектическому материализму, дается оценка статьи А. Деборина «Диалектика у Канта».

151. **Vierteljahrsschrift für Sozial - und Wirtschaftsgeschichte,** Stuttgart. Bd. XXI, 1 & 2 Heft, 1928, p. 176—177.—G. v. Below, Marx-Engels-Archiv... Особое внимание уделено разбору части «Немецкой идеологии», посвященной Фейербаху.

c) Marx-Engels Archiv, Bd. II, 1928

152. **Die literarische Welt,** Berlin. 6. Januar 1928, p. 5.
Объявление о втором томе Архива.

153. **Prager Presse,** 7. Jan. 1928. Marx-Engels-Archiv, Bd. II.
Подробный разбор содержания тома.

154. **Internationale Presse-Korrespondenz,** Berlin. Jg. VIII, № 7, 20. I. 1928, p. 137—138.—L. F. B., Der zweite Band d. Marx-Engels - Archivs.
Рецензия почти целиком посвящена разбору статьи Е. Тарле о лионском восстании. См. продолжение № 155.

155. **Internationale Presse-Korrespondenz,** Berlin. Jg. VIII, № 8, 24. I. 1928, p. 159—160.—L. F. B., Band II des Marx-Engels - Archivs.
См. начало № 154.

156. **Leipziger Volkszeitung,** I. Beilage zu № 21, 25. I. 1928.
Упоминание второго тома «Архива» в отделе «Поступивших книг».

157. **Internationale Presse-Korrespondenz,** Berlin. Jg. VIII, № 9, 1928, p. 186—187. — L. F. B., Marx - Engels - Archiv. Engels, Dialektik & Natur.
Разбор «Диалектики природы» Энгельса.

158. **Die Rote Fahne,** 31. I. 1928. — A. Thalheimer, Der zweite Band des Marx - Engels - Archivs.
«Центральное место в томе занимают энгельсовские наброски и заметки к «Диалектике природы»... Текст их первоначально появился в русском издании «Архива» и был трудно доступен немецкому читателю. Предисловие Рязанова, — на что мы особенно обращаем внимание, — дает... пространное изложение истории занятий М. и Э. естественными науками... Всех этих замечаний довольно, чтобы указать пролетарскому читателю, какую помощь он может почерпнуть из данной работы Э. для более глубокого понимания диалектического материализма». В довершение автор прямо указывает те страницы и главы, которые, по его мнению, рабочему читателю необходимо проштудировать в первую очередь.

159. **Revue de l'Institut de Sociologie,** Bruxelles. № 3, Janvier—Mars 1928.
Коротенькая заметка о появлении «Архива». Перечень содержания.

160. **Preussische Jahrbücher,** Berlin. Bd. CCXI, H. 2. Februar 1928, p. 266 ff.
В статье, озаглавленной «Неизвестные письма молодого Лассаля», — ссылка на опубликованные И-том неизданные письма Лассаля. Некоторые письма цитируются полностью.

161. **Freiheit,** Düsseldorf. Tageszeitung für Rheinland und Westphalen. Jg. XI, № 30, 4. II. 1928, Feuilleton-Beilage.—K[urt] N[ixdorff], — Der zweite Band des «Marx-Engels-Archivs».
«При медленном темпе издания полного собрания сочинений М. и Э., которое займет, как недавно сообщил Рязанов в своей речи, около десяти лет, появление этого журнала, тоже издаваемого Рязановым, с нетерпением ожидается немецкими марксистами, так как добрая часть его посвящена опубликованию еще не напечатанных рукописей М. и Э. Рукопись «Диалектики природы» Энгельса долгие десятилетия пылилась в письменном столе Э. Бернштейна, который под влиянием советов буржуазных ученых считал ее «устаревшей». Теперь, когда эти статьи, наконец, сделались доступны общественности, можно быть уверенным, что они найдут широкий интерес со стороны всех рабочих, интересующихся вопросами теории. Значение этих работ еще увеличивается благодаря тому, что... они являются, наравне с некоторыми главами из «Анти-Дюринга», единственным подробным изложением взглядов основоположников научного социализма на проблемы естествознания».

162. **Frankfurter Zeitung,** 5. Febr. 1928.—Объявление о появлении тома. Дан перечень содержания.

163. **Arbeit & Wirtschaft,** Wien, 15. III. 1928. — J. Hannak.
Коротенькая заметка о содержании книги.

164. **Neue Züricher Zeitung**, № 530 (Mittagsausgabe), 22. III. 1928, Blatt 8. — A[lfred] St[ern], Marx-Engels-Archiv, Bd. II.
Подробный обзор содержания.

165. **Die Einheit,** Berlin. Jg. III, Heft 7, 31. März 1928. — Arthur Seehof, Marx-Engels-Archiv, Bd. II.
«Только что появился второй том прекрасно изданного Д. Рязановым «Архива», содержащий главным образом работы Энгельса по естествознанию». Несмотря на то, что, по мнению специалистов, естественно-научная философия Энгельса несколько «устарела», автор рецензии находит, что «внимательное изучение «Диалектики природы» Энгельса совершенно необходимо и даже неизбежно для изучения и понимания марксизма. Особого внимания заслуживают собранные Э. Цобелем рецензии Энгельса на «Капитал» и превосходная глава из книги Тарле, которую следовало бы как можно скорее издать целиком на немецком языке. Интересны и мелкие сообщения о Г. Вебере, четырех письмах Лассаля и пр».

166. **Die Internationale,** Berlin. Jg. XI, Heft 7, 1. April 1928, p. 223 — 224. — A. Fried, Marx-Engels-Archiv, Band II.
Обзор содержания. Пожелание, чтобы этот том был во всех рабочих библиотеках.

167. **Annalen der Philosophie und philosophischen Kritik,** Leipzig. Bd. VII, 1928. H. 4/5. — B., Marx-Engels-Archiv.
Краткий перечень содержания.

168. **Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie,** 1928, H. 2, p. 239 — 244. — Alfred Meusel, Marx-Engels-Archiv, Bd. II.

169. **American Historical Review,** July 1928, p. 871 — 872. — Marx-Engels-Archiv, Zeitschrift des Marx-Engels-Institut in Moskau. Hrsg. v. D. Rjazanov. Bd. II.
«Второй том «Архива», как и его предшественник, ставит себе целью закрепить равноценные места в храме славы для обоих основоположников коммунизма. Настоящий том посвящен главным образом Фр. Энгельсу...»

170. **Historische Zeitschrift,** München & Berlin, 1928, Bd. CXXXIX, p. 395 — 396. — H. Hezfeld (Halle a. S.), Marx-Engels-Archiv, Bd. II.
Дан краткий разбор содержания с точки зрения интереса для историка. На первый план выделена статья Тарле о лионском восстании, далее «Диалектика» Энгельса, заметки о рецензиях на «Капитал» и пр.

171. **Der Kampf,** Wien. Jg. XXI, Heft 12, Dezember 1928, p. 627.
Упоминание 2-го тома «Архива» в отделе поступивших книг.

d) Прочие издания Института

172. **Die Rote Fahne,** Berlin. 1. V 1927. — b. t., Neuerscheinungen der Marxistischen Bibliothek. (Rubrik: Bücherschau.)
«В конце апреля появился и VII выпуск «Библиотеки марксиста» — «18-ое Брюмера» К. Маркса. Руководитель И-та М. и Э. тов. Рязанов издал эту работу, дополнив ее текст по первому изданию «18-го Брюмера». Этот выпуск «Б. м.», как и все остальные, рассчитан главным образом на рабочего читателя. Обширные примечания и именные указатели значительно облегчают проработку книги».

173. **Aachener Volksfreund,** 11. VIII. 1927. — R. D. De Man (aus d. französischen übersetzt durch Friedr. Fuhlrott), Belgischer Brief. Brüssel, 9. VIII.
Об издании в Москве 24 томов полного собрания сочинений М. и Э. на русском языке.

174. **Vossische Zeitung,** Berlin. 4. März 1928. — «Государственное изд-во, по поручению И-та М. и Э., подготовляет к печати полное собрание сочинений М. и Э. на русском языке. Издание рассчитано на 27 томов и появится в количестве 20 000 экземпляров».

175. **Vossische Zeitung,** Berlin. Morgenausgabe. 14. III. 1928.
Сообщение о выходе в свет I тома полного русского собрания сочинений М. и Э.

176. **Vossische Zeitung,** Berlin. Morgenausgabe. 6. V. 1928. — Eine russische Hegel-Ausgabe.
«Первое 15-томное издание сочинений Гегеля на русском языке подготовляется И-том М. и Э. и будет закончено в 1931 г. к столетию со дня смерти Гегеля».

177. **Die Rote Fahne,** Berlin. 14. August 1928. — Karl Marx als Denker, Mensch und Revolutionär.
Небольшая рецензия на немецкий перевод IV выпуска «Библиотеки марксиста».

III. ВЫСТАВКИ МУЗЕЯ ИНСТИТУТА МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА

а) «Жизнь и деятельность Маркса и Энгельса»

(постоянная выставка, открыта 28 февраля 1928 г. к 80-тилетию «Коммунистического манифеста»).

178. **Dělnická Osvěta,** Praha, Ročnik XIV, Sesyt 10, Prosinec 1928, p. 400.
Небольшая заметка об открытии выставки.

179. **Rudé právo,** Praha. Číslo 265. 8. XII. 1928, p. 2 — 3. — Život a dilo Marxovo a Engelsovo na moskevské vystavě Marx-Engelsova ústavu.
(«Жизнь и деятельность М. и Э. на московской выставке И-та М. и Э.».)

180. **Unter dem Banner des Marxismus,** Berlin. Heft 3(6), Juni 1928, p. 346 — 356. — E. Czobel, Die Marx - Engels - Ausstellung in Moskau.
Перепечатка статьи из 7-ой книги «Печать и революция», 1927 г.

181. **Düsseldorfer Freiheit,** 7. Juli 1928. — Die Marx - Engels - Ausstellung in Moskau. Von unserem Moskauer Sonderberichterstatter K. R.
Полагая, что «выставка, посвященная жизни и деятельности М. и Э., является событием, интересующим не только Москву, но и всех, кто в курсе мирового движения марксизма», автор дает исчерпывающее описание выставки по залам.

182. **Der Abend,** Wien. № 196 (Beilage), 25. August 1928, p. 9 — 10. — Bruno Frei, Karl Marx in Wien. (С иллюстрациями.)
«Карл Маркс в Вене». Автор передает свои впечатления от посещения И-та, «где, кроме наследия М. и Э. и их соратников, собирается все, имеющее отношение к рабочему движению до 1914 г.». Особенно подробно он останавливается на описании венского периода жизни М., представленного музеем И-та М. и Э.

183. **Das Neue Russland,** Berlin. Jg. V, 1928, Doppelheft 9/10, p. 32 — 35. — Dr. Hugo Huppert, Das Museum des Marx-Engels - Instituts. (С иллюстрациями.)
Большая статья, дающая подробное описание выставки.

184. **Mezzogiorno,** Napoli. 17. sett. 1928. — Guido Puccio, La Duplice Funzione di Mosca. (Dal nostro inviato speciale.)
Небольшой отрывок под заглавием «Встреча с Филиппом Турати» посвящен впечатлению от посещения выставки М. и Э.

185. **Internationale Presse-Korrespondenz,** Berlin. Jg. VIII, № 128, 16. Nov. 1928, p. 2558 — 2559. — Edmondo Peluso (Moskau), Das Leben und das Werk Marx' und Engels' im Lichte einer Ausstellung.
Большая статья, появившаяся также на французском и английском языках, дает наглядное представление об огромном материале, собранном в девяти залах выставки.

186. **Die Welt am Abend,** Berlin. 23. November 1928. — Marx - Engels - Ausstellung.
«План этой живой и оригинальной выставки зиждется на книге Рязанова «Маркс и Энгельс». Необычайно удачно выбранный из сокровищ И-та материал дает не только живую биографию М. и Э., но и целую историю рабочего движения в Европе».

187. **La Vie Ouvrière,** Paris. 14. Decembre 1928. — Edmondo Peluso, A l'Institut Marx-Engels. Toute une époque de l'histoire prolétarienne à la lumière d'une exposition.
Перепечатка № 185.

188. **Internationale Presse-Korrespondenz,** Berlin. Jg. VIII, № 139, 14. Dez. 1928, p. 2778 — 2780. — Johannes Wertheim (Wien), Unter dem Banner des Marxismus. Heft 6.
В рецензии на шестую книгу немецкого издания «Под знаменем марксизма» дано изложение статьи Э. Цобеля о выставке, ср. № 180.

189. **Daily Worker,** New York. December 14 - th, 1928. — Edmondo Peluso (Moscow), Depict Life, Works of Marx and Engels. Moscow Institute illustrates Development of thought of two great communist teachers.
Перепечатка № 185.

190. **L'Humanité,** Paris. 6 janvier 1929. — Edmondo Peluso. La vie et l'oeuvre de Marx et d'Engels à la lumière d'une exposition.
Перепечатка № 185.

191. **Il Lavoro Fascista,** Roma. 20. II. 1929. — Alberto Thomas alle prese con la Russia.
В статье о своих русских впечатлениях Альбер Тома пишет:... «Я был в И-те М. и Э., где видел сотни дефилирующих посетителей, группы крестьян под руководством хорошо информированных руководителей».

192. **La Sentinelle,** Chaux-de-Fonds. 21 Février 1929. — Le voyage d'Albert Thomas. Impressions de Moscou.
То же, что № 191.

193. **La Révolution Prolétarienne,** Paris. 1-er Mars 1929. — Albert Thomas et la Russie.
Перепечатка № 191.

194. **La Bulgarie,** Sofia. 11. III. 1929. — Albert Thomas, Ce que j'ai vu en Russie.
Перепечатка № 191.

195. **Internationale Presse-Korrespondenz,**

Berlin. 1929. Jg. IX, № 25, p. 558. Ein Interview Albert Thomas über die Sowjetunion.
Немецкий перевод статьи № 191.

b) «Выставка по истории Великой французской революции»

(27 мая — 25 октября 1927 г.)

196. **Frankfurter Zeitung,** 20. Juni 1927. — Dr. L. S., Babeuf im Marx-Engels-Institut. Zur Ausstellung von Dokumenten der französichen Revolution in Moskau.
«Целый ряд выставленных подлинных рукописей Бабефа, в том числе и его большое письмо, написанное из тюрьмы, равняют выставку М. и Э. с музеем Карнавале».
197. **The Daily Worker,** N. Y. 28. VII. 1927. — J. Louis Engdahl, The French Revolution of 1789 on view in Moscow at Marx-Engels Institute.
Отмечается необычайное количество экспонатов.
198. **Annales Historiques de la Révolution Francaise,** Reims. № 30, cinquième a., № 6, Nov. — Déc. 1928, p. 597 — 598. — «L'Exposition russe de la Révolution française».
Автор анонимной заметки «поражен, с каким знанием дела и вкусом организована выставка И-та по истории Великой французской революции, давшая возможность заглянуть в богатые фонды революционной историографии И-та». Упоминаются документы по заговору Бабефа, которых нет даже в Национальном архиве в Париже, и необычайно разнообразная и богатая коллекция эстампов.

c) Выставка по истории Парижской Коммуны

(28 июня 1928 г. — 15 апреля 1929 г.)

199. **Information,** Paris. 9 août 1928. — Expositions moscovites, La Commune de Paris.
Небольшая заметка о плане выставки.

IV. VARIA

200. **F. C. Weiskopf,** Umsteigen ins 21. Jahrhundert (Episoden von einer Reise durch die Sowjetunion). Malik Vlg., Berlin, S. 147 — 151.
В одной из глав книги говорится об И-те М. и Э.
201. **Berliner Tageblatt,** 26. VI. 1927 (Morgen-Ausgabe). — Paul Scheffer, Staatsraison. Die Exekutionen und Verhaftungen in der Sowjetunion. (Von unserem Korrespondenten.).
Несколько слов о том, что в доме расстрелянного б. кн. Долгорукова теперь помещается И-т М. и Э.
202. **The Daily Worker,** N. Y. — L. Engdahl, Young sculptor begins to express the aspirations of revolution in marble.
О работах молодого скульптора М. Рукавишникова, находящихся в Музее И-та М. и Э.: бюстах Маркса, Марата и др.
203. **Népszava,** Budapest. 14. Okt. 1927. — В анонимной статье «Я выписал книгу» автор рассказывает о трудностях, чинимых цензурой при пропуске немецкого «Архива М. и Э.» в Венгрию.
204. Karl Anton Prinz **Rohan,** Moskau. Ein Skizzenbuch aus Sowjetrussland, Verl. G. Braun. Karlsruhe, p. 95.
Несколько слов по поводу посещения И-та.
205. **De socialistische Gids,** Amsterdam. Jg. XIII, № 2, Februari 1928, p. 150 — «Het nieuwe boek van Kautsky» door Karl Kautsky.
В статье, посвященной книге Каутского, упоминается о «монументальном» издании сочинений М. и Э.
206. **Der Klassenkampf,** Berlin. Jg. II, 15. Februar 1928, № 4, p. 110 — 113. — Ursus, Socialistische Neudrucke.
Упоминается полное собрание сочинений М. и Э., предпринятое И-том, побудившее фирму Дитц переиздать «Новую рейнскую газету». Высказывается пожелание, чтобы тот же Дитц издал «Анти-Дюринга» со всеми дополнениями, опубликованными Д. Б. Рязановым. Упоминается и серия «Библиотека марксиста».
207. **Frankfurter Zeitung und Handelsblatt,** Zweites Morgenblatt. Jg. LXXII, № 145, 25. II. 1928. — Arthur Holitscher, Ein Gang durch den Welthandel.
В своем рассказе Артур Голитчер, говоря о погоне библиофилов за редкими изданиями, упоминает о том, что редкий, хотя неполный экземпляр книги Фурье о человеческом инстинкте, как противнике равенства, имеется в библиотеке И-та М. и Э.
208. **Klassenkampf,** Halle. 27. II. 1928. — Ido-Vorträge durch den Komintern-Sender.
О предполагаемых докладах по радио для Европы. Доклад об И-те М. и Э, товарища Фогта.

209. **Bulletin of the New York Public Library** vol. XXXII, № 5. May 1928, p. 295.
В «Отчете директора» говорится об обмене книгами между Нью-йоркской публичной библиотекой и И-том М. и Э.

210. **The Modern Quarterly,** Baltimore. A magazine of the Newer Spirit. Vol. IV, May-Aug. 1928, p. 395.
В заметке упоминается о шагах, предпринятых И-том в деле разыскания родственников Маркса в Голландии.

211. **Vorwärts,** Berlin. 4. Juni 1928. — G. P., Sozialistische Erstdrucke.
«Недавно учрежденная Палата рабочих и служащих в Вене может, пожалуй, выдержать сравнение с большими социалистическими библиотеками, как напр. библиотекой партийного соц.-дем. архива, франкфуртского И-та социальных исследований и И-та М. и Э. в Москве».

212. **Sunday Worker,** London. July 29-th, 1928. — Thomas Cornwall (Edinburgh), Marx-Engels Complete. A reader's suggestion to Martin Lawrence.
О необходимости издания полного собрания сочинений М. и Э. на английском языке.

213. **Sunday Worker,** Ld. No 181, August 26-th 1928, p. 6. — The Works of Marx.
О подготовке полного собрания сочинений М. и Э. на английском языке при содействии И-та М. и Э.

214. **Vossische Zeitung,** Berlin. 9. Dezember 1928 — old, Die Marx-Biographie eines Kantianers. Karl Vorländers Nachlass-Werk.
Рецензия подчеркивает важность материалов, предоставленных И-том М. и Э. для настоящей биографии Маркса.

215. **Le Cri de Paris,** 6 janvier 1929. — «Grand prêtre bolcheviste».
О деятельности директора И-та М. и Э. Д. Б. Рязанова.

216. **Dimineata,** Bucarest. 31. I. 1929. — Archivele ruseçti («Русские Архивы»).
Курьезная заметка о том, что И-т М. и Э. якобы опротестовал завещание бывшего вел. кн. Николая Николаевича, в котором он разрешает напечатать свои мемуары лишь 90 лет спустя после своей смерти. «И-т М. и Э. в Москве заявляет, что исторические исследования не могут быть запрещены волей вел. князя. И-т требует передачи ему этих мемуаров. Правительство будет решать этот вопрос».

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

СТАТЬИ и ИССЛЕДОВАНИЯ.

Г. Бакалов. Христо Ботев и Сергей Нечаев 3
Б. Николаевский. Взгляды М. А. Бакунина на положение дел в России в 1849 г. 38

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА.

Письмо Флеровского К. Марксу. С предисловием Д. Б. Рязанова. . . . 55

МАТЕРИАЛЫ и СООБЩЕНИЯ.

Две статьи Г. В. Плеханова из болгарского «Социалиста». С предисловием В. Ваганяна. 63
Анонимная брошюра М. А. Бакунина «Положение в России». С предисловием Б. Николаевского. 72
Письма М. А. Бакунина к брату Александру и к Н. И. Тургеневу. С предисловием Ю. С. 93

КРИТИКА, ОБЗОРЫ и РЕЦЕНЗИИ.

А. Реуэль. Обзор статей по теоретической политической экономии, в журнале «Под знаменем марксизма» за 1922 — 1927 гг. 99

Рецензии

I. Диалектический материализм и история философии 120
II. Исторический материализм 133
III. Марксизм и религия 141
IV. Политическая экономия 151
V. История революционного движения в России. 168
VI. История общественных форм 184
VII. История социализма и рабочего движения. 191
VIII. История литературы 198
IX. Психология и педагогика 215
X. Издания Института К. Маркса и Ф. Энгельса 220

ИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА.

Коллекция писем Л. Фейербаха. (Сообщение Ф. Шиллера) 229
Иностранная печать об Институте К. Маркса и Ф. Энгельса. (Сообщение Н. Страховой) 231

ПЕРЕЧЕНЬ КНИГ И СТАТЕЙ, РЕЦЕНЗИРОВАННЫХ В № IX—X «ЛЕТОПИСЕЙ МАРКСИЗМА»

На русском языке: стр.

Аксельрод-Ортодокс, Л. И. — В защиту диалектического материализма. Против схоластики . . 126
Ашенбреннер, М. Ю. — Военно-революционная организация партии «Народная Воля» 182

Барбюсс, Анри. — Иисус против Христа 141
Белоконский, И. П. — Дань времени. Воспоминания 176
Бельчиков, Н. — Н. А. Некрасов в литературе за годы революции. 1917 — 1929 207
Боборыкин, Н. Д. — За полвека. Мои воспоминания 212
Брегель, Э. Я. и Кабо, Р. М. — Основы политической экономии. 164
Бухбиндер, Н. А. — Эпоха «Искры» 184

Волгин, В. П. — Предшественники современного социализма в отрывках из их произведений 228
Вороницын, И. — А. И. Герцен и религия 145
Восстание декабристов. Материалы, под ред. М. Н. Покровского. Т. VI. Восстание Черниговского полка 168

Гершуни, Григорий. — Из недавнего прошлого 178
Гредескул, Н. проф. — Происхождение человека от обезьяны . . 141
Грекулов, Е. Ф. — Из истории святой инквизиции в России . . . 149
Грибоедов, его жизнь и гибель (в мемуарах современников). Редакц. и примечания Зин. Давыдова . . 199
Грибоедов в воспоминаниях современников. Редакц. и предисловие Н. К. Пиксанова 200
Грибоедов в Персии. 1818 — 1823 гг. (по новым документам) 200
Гришин М.—Марксизм и ленинизм. 128
Губерман, С. — К теории капиталистического рынка и кризиса . . 151
Ергина, Л. В. — Иванова-Борейшо, член Исполнительного комитета партии «Народная Воля» 183
Ермаков, А. — Обуховская оборона 183

Завадовский, Б. — Существует ли душа? 150

Кандидов, Борис. — Монастыри-музеи и антирелигиозная пропаганда 149
Капгер, А. — Верхоянская ссылка. 183
Карл Маркс в личной жизни. Материалы, собр. и перевед. под редакцией С. Девдариани (Сана). Кн. I 192
Каутский, К. — Сочинения, под ред. Д. Рязанова, т. I. Экономические работы. Часть 1-я 222
Кирпотин, В. — Радикальный разночинец Д. И. Писарев 210
Клевенский, М. М. — И. А. Худяков, революционер и ученый (биограф. соч.) 170
Клибанов, Ал. — Классовое лицо современного сектантства. . . . 146
Козьмин, Б. П. — Революционное подполье в эпоху белого террора 172
Комаровский, Б. Б. проф. — Диалектика развития научно-педагогической мысли 216
Корнилов, К. Н. — Современное состояние психологии в СССР (статья в «Пробл. совр. психологии»). 218
Корнилова-Мороз, А. — Перовская и кружок чайковцев . . . 175
Красноперов, И. М. — Записки разночинца 171
Кропоткин, П. А. — Записки революционера. Том I 172
Кузнецов, А. — Социализм и коммунизм 191
Кулишер, И. М. — Основные вопросы международной торговой политики 160
Кункль, А. А. — Покушение Соловьева 177
Куразов, И. Ф. — Введение в методологию педагогики 215
Курский, А. — Как жил и работал Карл Маркс 192

Лапидус, И. и Островитянов, К. — Политическая экономия в связи с теорией советского хозяйства 164
Ленинский сборник. IX 120
Леонтьев, А. — Начальный курс политич. экономии 166
Лозинский, С. Г. проф. — Папа римский в роли спекулянта 146
Луначарский, А. В. — Личность Христа в современной науке и литературе (Об «Иисусе» Анри Барбюса) 142

Малис, Г. Ю. — Пути психологии 216
Мамет, Л. П. — Группа «Освобождение труда» 184
Маркс, К. и Энгельс, Ф. — Сочинения, под редакц. Д. Рязанова, т. III 220
Маркс, К. и Энгельс, Ф. — Революция и контр-революция в Германии 225

СТР.

Маркс, К. — Письма к Кугельману. Перевод М. И. Ульяновой. Предисловие Н. Ленина 225
Матьез, А. — Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора 223

Назаренко, Я. А. — История русской литературы XIX в. 199
Народовольцы 80-х и 90-х годов. Труды кружка народовольцев при Всес. Общ. политкаторжан и ссыльнопоселенцев, вып. II 177

Одоевский, В. Ф. — Романтические повести. 203
Оранский, С. А. — Основные вопросы марксистской социологии, т. I 133
Островский, А. — Тургенев в записках современников 211
Очерки по истории русской критики, под редакцией А. В. Луначарского и Вал. Полянского. Т. I 198

Парадизов, П. — Очерки по историографии декабристов 169
Пинкевич, А. А. — Марксистская педагогическая хрестоматия XIX — XX вв. Часть 2-я 219
Плеханов, Г. — Анархизм и социализм 227
Писарев, Д. И. Под ред. Е. Ф. Никитиной 209
Покровский, Г. А. — Буржуазия и религия 144
Покровский, Г. А. — Мученик богоискательства (Ф. Достоевский и религия) 144
Попов, К. А. — К. Маркс и Ф. Энгельс о крестьянстве в пролетарской революции 135
Путинцев, Ф. — Духоборье . . . 148
Путинцев, Ф. — Политическая роль сектантства 147
Путинцев, Ф. — Сектантство и антирелигиозная пропаганда 147

Руднев, В. В. — Горький - революционер 213

Сажин, М. П. — Знакомство с В. Г. Короленко 184
Саньяк, Ф. — Гражданское законодательство французской революции 184
Сарабьянов, Вл. — Марксизм и религия 143
Синегуб, С. — Записки чайковца. 173
Смирнова, А. С.—Записки, дневник, воспоминания, письма 202
Социальная история средневековья: (История в источниках.) Т. II. Деревня и город позднего средневековья. Под ред. Е. А. Косминского. 190
Степанов, И. — Диалектический материализм и деборинская школа 124
Столяров, А. — Субъективизм механистов и проблема качества . . 123

Танхилевич, О. — Маркс и Энгельс о крестьянстве. 135
Толстая, С. А. — Дневники 1860 — 1891 212
Тучкова-Огарева, Н. А. — Воспоминания 201
Тынянов, Юрий. — Смерть Вазир-Мухтара 201

Урания. Тютчевский альманах. 1803 — 1928 205
Учебник для рабочих антирелигиозных кружков 150

Фигнер, Вера. — Полное собр. сочинений в шести томах. Том II . . . 180
Фигнер, В. Н. — Михаил Васильевич Новорусский (1861 — 1925). 182
Фигнер, В. Н. — Член исполнительного комитета партии «Народная Воля» Михаил Федорович Фроленко 181
Фигнер, В. Н. — Член исполнительного комитета партии «Народная Воля» Николай Александрович Морозов 181
Фигнер, В. Н. — Процесс «50-ти» 1877 г. 181
Фингерт, В. и Ширвиндт, М. Краткий учебник исторического материализма 139
Фроленко, М. Ф — «Милость» (Из воспоминаний об Алексеевском равелине) 183

Хаханьян, Г. — Основы военной психологии 217
Хрестоматия по социально-экономической истории Европы в новое и новейшее время (История в источниках) под ред. В. П. Волгина. 189

Чарушин, Н. А. — О далеком прошлом. На Каре 175
Чеботарев, С. Н. проф. — Закат религии 149
Ченцов, Н. М. (сост.). — Восстание декабристов. Библиография . . 168
Чернышевский, Н. Г. — Литературное наследие. Том II 207

Энгельс, Ф. — Положение рабочего класса в Англии в 1844 г. . . 226

Якимова, А. В. — Покушение на Александра II (Воспоминания) . . 182
Ярцев, А. — Секта евангельских христиан 148

СТР.

На иностранных языках:

Bauch, Bruno. — Goethe und Philosophie 133
Belloc. Hilaire. — Danton 188
Belloc, Hilaire. — Robespierre . . . 189
Borries, Kurt.—Kant als Politiker. 131

Engländer, Oskar.—Böhm-Bawerk und Marx 155

Goedeckemeyer, Albert. — Die Weltanschauung von Marx und Engels 129
Graziadei, Antonio.—Kapital und Kolonien 158
Grube, Nicolai-Frederik.—Die Theorie des revolutionären französischen Syndikalismus 196
Haack, Karl. — Fichte und Deutschlands Wiedergeburt. 132
Hartwig, Theodor — Logisches, genetisches und dialektisches Denken.— «Monistische Monatshefte». 130
Hartwig, Theodor. — Zur Dialektik der Dialektik. — «Monistische Monatshefte» 130
Huddleston, Sisley. — France . . 191

Janeff, Janko. — Das Irrationale in Hegels Rationalismus 132

СТР.

Lamberz, Hermann. — Carey und Dühring 156

Kampffmeyer. — Unter dem Sozialistengesetz 196

Müller, Lydia. — Der Kommunismus der mährischen Wiedertäufer . 193

Nölting Erik. u. Nölting, Ernst. — Einführung in die Theorie der Wirtchaft 163

Olschki, Leonardo. — Geschichte der neusprachlichen wissenschaftlichen Literatur. Dritter Band. Galilei und seine Zeit 130

Pril, Margarete. — Die Theorie des kommunistischen Anarchismus nach Peter Kropotkin 195

Spinoza. — The correspondence . . 131
Strassburg, Bassia. — Untersuchungen über das Wesen und die Natur der Differential-und Monopolrente 153

Wells, H. G. — The World of William Clissold 214

Ответственный
редактор Д. РЯЗАНОВ.

ЗАМЕЧЕННАЯ ОПЕЧАТКА:

Стран.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
56	23-я сверху	О. Н. Поляков	Н. П. Поляков

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА
(Записки Института К. Маркса и Ф. Энгельса)

КНИГА ПЕРВАЯ От редакции. — **Статьи и исследования.** Д. Рязанов. Военное дело и марксизм. — А. Деборин. Новый поход против марксизма. — Г. Штейн. Карл Маркс и мозельские крестьяне. — **Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса.** Ф. Энгельс. К. Маркс о капитале. — К. Маркс. Борьба якобинцев с жирондистами. — **Из переписки К. Маркса и Ф. Энгельса.** К. Маркс. — Франкелю и Варлену. — Ф. Энгельс. — Лафаргу. — Два письма Энгельса к болгарам. — **Из истории марксизма в России.** Г. Плеханов. Речь на конгрессе в Париже в 1889 г. — Его же. Письма к Геду. — Его же. Анкета. — Б. Николаевский. Ленин в Берлине в 1895 г. — Е. Гуревич. Из воспоминаний. Мой перевод „Капитала." — **Критика и рецензии. — Сообщения кабинетов Института.** — Fichteana в Кабинете философии. — Труды английских экономистов XVII века (1582—1708). — Собрание рукописей, относящихся к Парижск. Комм. 1871 г. Стр. 159. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ВТОРАЯ **Статьи и исследования.** А. Деборин. Наши разногласия. — Г. Бакалов. Русские друзья Христо Ботева. — **Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса.** К. Маркс. „Бакунин: Государственность и анархия". — **Письма и документы.** П. Лафарг. Письма к Николаю — ону. — М. Бакунин. Письма к А. Руге. — **Критика и рецензии. — Сообщения кабинетов Института.** Труды английских экономистов XVII в. (1582—1708). — Сочинения А. Клоотса в Кабинете истории Франции. — Сочинения Р. Оуэна в Кабинете истории социализма. Стр. 180. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ТРЕТЬЯ **Статьи и исследования.** А. Деборин. Спинозизм и марксизм. — Д. Рязанов. Маркс и Энгельс о браке и семье. — **Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса. К.** Маркс. Письма об Индии. — И. Гумбель. О математических рукописях К. Маркса. — **Письма и документы.** Б. Николаевский. К истории петербургской социал-демократической группы стариков. — А. Воден. На заре „легального марксизма". — М. Бакунин. Письма к графине Е. В. Салиас. — **Критика и рецензии. — Сообщения кабинетов Института.** Стр. 160. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ **К 60-летию первого тома „Капитала".** Ф. Энгельс. Четыре рецензии на „Капитал" Маркса. — Г. В. Плеханов. Философские и социальные воззрения К. Маркса. — Его же. О так называемом кризисе в школе Маркса. — **Статьи и исследования.** М. Дынник. От примирения с действительностью к апологии разрушения. — **Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса.** Ф. Энгельс. Англия. — Из черновой тетради К. Маркса. — **Материалы и сообщения.** Из архивных материалов о Марксе. — Доклад гр. Лорис-Меликова Александру III о Плеханове. — Неизданное стихотворение И. С. Тургенева. — Письма М. А. Бакунина к польским корреспондентам. — А. Воден. На заре „легального марксизма". — **Критика и рецензии. — Письмо в редакцию. — Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса.** Постановление ЦИК СССР. — Из доклада Наркома по просвещению. — Сообщение Д. Б. Рязанова об Институте К. Маркса и Ф. Энгельса. — Иностранная печать об Институте К. Маркса и Ф. Энгельса. Стр. 160. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ПЯТАЯ **Статьи и доклады.** Д. Рязанов. Деятельность Института К. Маркса и Ф. Энгельса и его ближайшие задачи. — **Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса.** Письма К. Маркса и Ф. Энгельса к П. Л. Лаврову. — **К 10-летию со дня смерти Г. В. Плеханова.** Г. В. Плеханов. Два слова читателям-рабочим. — Г. Бакалов. Г. В. Плеханов в Болгарии. — М. М. Ковалевский о книге Бельтова. — **Материалы и сообщения.** Письма М. А. Бакунина к Коссиловскому. — Х. Раппопорт. Воспоминания о Фридрихе Энгельсе. — **Критика и рецензии. — Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса.** К. Шмюкле. Первый том международного издания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. — Выставка по истории Великой французской революции. Стр. 155. Ц. 1 р. 25 к.

КНИГА ШЕСТАЯ **Новые данные к вопросу Маркс — Лассаль.** Переписка Лассаля с Бисмарком. — **Статьи и исследования.** Ю. Стеклов. Западные влияния в мировоззрении Н. Г. Чернышевского. — Д. Рязанов. Новые данные о русских приятелях Маркса и Энгельса. — **Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса.** К. Маркс. Памфлеты Бруно Бауэра о русском конфликте. — Из переписки К. Маркса с М. Ковалевским. — **Материалы и сообщения.** Письмо Н. И. Сазонова к Г. Гервегу. — П. Аксельрод. Группа „Освобождение труда" (Неопубликованные главы из второго тома „Воспоминаний".) — **Критика и рецензии. — Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса.** Выставка Маркса и Энгельса. — Читальный зал за 1923—1927 гг. Стр. 175. Ц. 1 р. 25 к.

КНИГА СЕДЬМАЯ—ВОСЬМАЯ **К столетней годовщине со дня рождения Н. Г. Чернышевского.** А. Деборин. Философские взгляды Н. Г. Чернышевского. — И. Рубин. Чернышевский как экономист. — Ц. Фридлянд. Н. Г. Чернышевский как историк. — Д. Рязанов. Маркс и Чернышевский. — **Из литературного наследства К. Маркса и Ф. Энгельса.** Письмо Г. Лопатина к Ф. Энгельсу. — Письмо Ф. Энгельса к неизвестному о русских делах. — **Материалы и сообщения.** И. Книжник-Ветров. Героиня Парижской коммуны 1871 г. Е. Л. Тумановская („Елизавета Дмитриева"). — Два письма Н. Г. Чернышевского к сыновьям. — Из переписки М. А. Бакунина (Письма к В. Ф. Лучинину и К. И. Демонтовичу). — Письмо Жорж Занд к М. А. Бакунину. — **Критика, обзоры, и рецензии.** Д. Рязанов. Ответ на „Открытое письмо" В. Полонского. — Е. Каганович. Обзор статей по теоретической политической экономии, помещенных в „Вестнике Коммунистической академии" за 1922—1927 гг. — Рецензии. — **Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса.** Коллекция рукописей из литературного наследства Ф.-Домелы Ньювенгуйса. — „Парижская коммуна 1871 г." Стр. 271. Ц. 2 р.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ ГОСИЗДАТА

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год — 4 книги — 4 руб.

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ:

Москва, Центр, Ильинка, 3, Госиздат, в отделения и магазины.

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

АРХИВ
К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Под редакцией Д. РЯЗАНОВА

Круг задач „Архива" определяется задачами самого Института Маркса и Энгельса. Это — изучение генезиса, развития и распространения идей научного социализма, иными словами — истории марксизма, его теории и практики. В исполнение этих задач „Архив" печатает исследования и документы по истории международного рабочего движения, генетике и истории марксизма, диалектического материализма, публикует рукописи Маркса и Энгельса, а также материалы к их биографии, обзоры современной литературы о Марксе и Энгельсе и о марксизме.

КНИГА I. М. 1924. Стр. 497. Ц. 4 р.

Содержание: От редакции. — **Отдел I. Статьи и исследования:** А. Деборин. Очерки по истории диалектики. Очерк I. Диалектика у Канта. — Э. Цобель. К истории Союза коммунистов. Кельнская община Союза до мартовской революции. — Д. Рязанов. Международное товарищество рабочих. Возникновение Первого Интернационала. — **Отдел II. Из неопубликованных рукописей Маркса и Энгельса.** К. Маркс и Ф. Энгельс о Фейербахе: Предисловие редактора. Тезисы о Фейербахе. Проект предисловия к „Немецкой идеологии". Фейербах (Идеалистическая и материалистическая точки зрения). — Д. Рязанов. Введение Энгельса к „Классовой борьбе во Франции". — **Отдел III. Из переписки Маркса и Энгельса.** В. Засулич и К. Маркс. — Письма Ф. Энгельса к Э. Бернштейну. — **Отдел IV. Критика и рецензии.** А. Удальцов. К теории классов у Маркса и Энгельса. — А. Неусыхин. Новый опыт построения систематической истории хозяйства. — Ф. Ротштейн. Новая литература о чартизме. — Ник. Карев. Маркс и Гегель. — И. Луппол и Гр. Баммель. Кант или Маркс. — Г. Тымянский. Исторический материализм. — И. Рубин. Политическая экономия. — Э. Цобель. История.

КНИГА II. С портретом Ф. Энгельса на отдельном листе. М. — Л. 1925. Стр. XXXII + 504. Ц. 6 р.

Содержание: Фр. Энгельс. Диалектика природы (немецкий и русский тексты); с предисловием Д. Рязанова. **Приложение:** Вариант введения к „Анти-Дюрингу". Zitatenanhang. Список цитированных произведений. Указатель имен. — **Приложение:** Иностранная литература о Марксе, Энгельсе и марксизме (1914 — 1925). Библиографический опыт. Сост. Э. Цобель и П. Гайду.

КНИГА III. М. — Л. 1927. Стр. 521. Ц. 5 р.

Содержание: Отдел I. Статьи и исследования. А. Деборин. Очерки по истории диалектики. Очерк II. Диалектика у Фихте. — Е. Тарле. Лионское рабочее восстание. — **Отдел II. Из литературного наследства Маркса и Энгельса.** Д. Рязанов. От „Рейнской газеты" до „Святого семейства" (вступительная статья). — К. Маркс. Критика философии права Гегеля. — К. Маркс. Подготовительные работы для „Святого семейства". — Гимназические работы К. Маркса (с предисловием К. Грюнберга). — **Отдел III. Материалы и сообщения.** К. Грюнберг. Бруно Гильдебранд о коммунистическом просветительном рабочем союзе в Лондоне. — Р. Постгейт. Документы Первого Интернационала. — Е. Косминский. Книга протоколов Генерального совета Первого Интернационала. (1866 — 1869). Дополнение к сообщению Р. Постгейта. — Ф. Шиллер. Георг Вебер, сотрудник парижского „Vorwärts". Письма М. А. Бакунина к Альберу Ришару. С предисловием и примечаниями Ю. Стеклова. — **Отдел IV. Критика и рецензии.** И. Луппол. Интерпретация марксизма в Америке. — А. Гуральский. Проблема революции в новейшей социологии. — Е. Косминский. Английский рабочий в эпоху промышленного переворота. — Г. Лукач. Новая биография М. Гесса. — В. Волгин. Исторический памфлет против коммунизма. **Рецензии.** Г. Баммель. Демокрит и Платон. — А. Тальгеймер. К вопросу о социологическом методе. — И. Рубин. Из новой литературы о марксовой теории денег. — С. Лурье. Социализм в древности. — Г. Зайдель. Один из предшественников Маркса. — Ц. Фридлянд. Новое исследование о Парижской Коммуне.

КНИГА IV. М. 1929. Стр. 514. Ц. 4 р. 50 к.

Содержание: Отдел I. Статьи и исследования. В. Максимовский. Вико и его теория общественных круговоротов. — И. Рубин. К истории текста первой главы „Капитала" К. Маркса. — В. Волгин. Социологические взгляды Фурье. — М. Домманже. Социальная критика в сочинениях Виктора Консидерана. — Ф. Потемкин. Причины восстания лионских рабочих в 1831 г. — **Отдел II. Из литературного наследства Маркса и Энгельса.** — К. Маркс и Ф. Энгельс. Из „Немецкой идеологии". (С пред. Д. Рязанова). — Ф. Энгельс. Конспект первого тома „Капитала". (С предисл. Д. Рязанова.) — К. Маркс. Выписки из Макиавелли. Со вступительной статьей В. Максимовского. — **Отдел III. Материалы и сообщения.** Б. Николаевский. Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса. — Ф. Потемкин. Промышленная революция во Франции по новейшим работам. — Е. Косминский. Энгельс и Бюре. — **Отдел IV. Критика и рецензии.** И. Рубин. Новый „Анти-Маркс". — **Рецензии.** Исторический материализм. Политическая экономия. История социализма и рабочего движения. — Письма в редакцию.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ ГОСИЗДАТА

ИНСТИТУТ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Д. РЯЗАНОВА

Настоящее издание собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса является первым на русском языке. В него войдут все сколько-нибудь значительные произведения Маркса и Энгельса. Впервые будут опубликованы полностью переписка между К. Марксом и Ф. Энгельсом и ряд неизданных рукописей.

Предположительный объем издания 27 томов, включая переписку между К. Марксом и Ф. Энгельсом, три тома их писем к другим адресатам и все экономические исследования.

Выход всего издания рассчитан на три года.

Издание печатается на хорошей бумаге и в коленкоровом переплете с золотым тиснением.

Средний объем каждого тома сорок печатных листов.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: задаток — шесть рублей и при высылке каждого тома — 2 руб. 75 коп. Пересылка за счет подписчика.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

*ТОМ I. *К. Маркс.* Исследования, статьи, письма. 1837 — 1844 гг.
*ТОМ II. *Ф. Энгельс.* Статьи, письма. 1838 — 1845 гг.
*ТОМ III. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Исследования, статьи. 1844 — 1845 гг.
ТОМ IV. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Немецкая идеология.
*ТОМ V. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Исследования, статьи. 1845 — 1848 гг.
ТОМ VI. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Статьи. 1848 — 1849 гг.
ТОМ VII. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Статьи. 1849 — 1851 гг.
ТОМ VIII. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Статьи и корреспонденции 1852 — 1854 гг.
ТОМ IX. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Статьи и корреспонденции. 1854 — 1856 гг.
ТОМ X. *К. Маркс.* Crédit mobilier. История англо-русского союза.
ТОМ XI. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Господин Фогт. Военные статьи.
ТОМ XII. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Статьи эпохи Интернационала.
ТОМ XIII. *Ф. Энгельс.* Философские работы. Отдельные статьи.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

ТОМЫ XIV — XX. *Экономические исследования.*

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

*ТОМ XXI. *Переписка Маркса - Энгельса.* 1844 — 1853 гг.
*ТОМ XXII. *Переписка Маркса - Энгельса.* 1854 — 1860 гг.
ТОМ XXIII. *Переписка Маркса - Энгельса.* 1861 — 1867 гг.
ТОМ XXIV. *Переписка Маркса - Энгельса.* 1868 — 1883 гг.
ТОМЫ XXV — XXVII. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Письма Маркса и Энгельса.

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

Указатели предметный и именной.

* Звездочкой отмечены томы, вышедшие в свет.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ПЕРИОДСЕКТОРОМ ГОСИЗДАТА

МОСКВА, Центр, Ильинка, 3, тел. 4-87-19. ЛЕНИНГРАД, Проспект 25 Октября, 28, тел. 5-48-05, также конторами, книжными магазинами и уполномоченными, снабженными соответствующими удостоверениями, во всех губернских и уездных городах СССР.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Цена 2 руб.

ИНСТИТУТ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

КЛАССИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Под редакцией И. РУБИНА и Д. РЯЗАНОВА

ПЕЧАТАЮТСЯ:

А. СМИТ. Исследование о богатстве народов.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Д. РИКАРДО. Собрание сочинений. Том I. Начала политической экономии. С приложением биографии Д. Рикардо, составленной Д. Рязановым, примечаний и библиографического указателя.

Д. РИКАРДО. Собрание сочинений. Том II. О денежном обращении и хлебных пошлинах. Письма о цене золота. Высокая цена слитков. Ответ Бозанкету относительно отчета Комитета о слитках. Проект экономного и устойчивого денежного обращения. План учреждения Национального банка. Влияние низких хлебных цен на уровень процента с капитала. О покровительственных пошлинах в защиту земледелия. С приложением статьи Д. Б. Рязанова «Рикардо как экономист» и примечаний.

СИСМОНДИ. Новые принципы политической экономии.

ГОДСКИН. Защита труда против притязаний капитала. Популярная политическая экономия.

ПРУДОН. Философия нищеты.

РОДБЕРТУС. Сочинения. (Социальные письма к Кирхману. К познанию нашего государственно-хозяйственного положения. Национальная экономия классической древности и т. д.)

АНГЛИЙСКИЕ МЕРКАНТИЛИСТЫ XVI И XVII ВЕКОВ (Стаффорд, Мен, Миссельден, Чайльд).

ВИЛЬЯМ ПЕТТИ. Собрание сочинений. (Политическая арифметика. Политическая анатомия Ирландии. Трактат о налогах и т. д.)

ЭКОНОМИСТЫ КОНЦА XVII И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА (Локк, Барбон, Норс, Франклин, Юм, Масси и др.)

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ ФИЗИОКРАТОВ. (Буагильбер, Рассуждение о природе богатства, и Кантильон, Опыт о природе торговли.)

ДЖЕМС СТЮАРТ. Основы политической экономии.

КЕНЭ. Собрание сочинений. (Естественное право. Китайский деспотизм. Анализ Tableau économique". Объяснение „Tableau économique", Общие принципы экономической политики земледельческого государства. Фермеры. Зерно. Диалог о торговле. О труде ремесленников и т. д.)

ТЮРГО. Размышления о создании и распределении богатств.

МЕРСЬЕ ДЕ-ЛА-РИВЬЕР. Естественный порядок.

Д. РИКАРДО. Собрание сочинений. Том III. Переписка Рикардо. Парламентские речи Рикардо.

ТЕОРЕТИКИ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ. (Тук, Исследование о принципах денежного обращения; Фуллартон, О регулировании денежного обращения, и Вильсон, Капитал, денежное обращение и банковское дело.)

Д.-С. МИЛЛЬ. Основания политической экономики. С примечаниями Н. Чернышевского.

ДЖОНС. Опыт о распределении богатств. Введение в политическую экономию.

РАМСЭЙ. Опыт о распределении богатств.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО